ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

А.И. ЧЕРЕПАНОВ

ПОЛЕ РАТНОЕ МОЕ

Александр Иванович
ЧЕРЕПАНОВ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
А. И. ЧЕРЕПАНОВ

ПОЛЕ РАТНОЕ МОЕ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

ББК 63.3(2)7
Ч—46

Литературная редакция
М. Ф. ЛОЩИЦА

Черепанов А. И.

Ч46 Поле ратное мое. — М.: Воениздат, 1984. — 304 с., ил. — (Военные мемуары).

В пер.: 1 р. 60 к.

Генерал-лейтенант А. И. Черепанов военную службу начал еще в годы первой мировой войны, а после победы Октября встал на сторону революции. В феврале 1918 года он командовал красноармейским полком под Псковом, а затем сражался против Юденича и белополяков.

Много лет автор работал военным советником в Китае. Он показывает, какую важную роль сыграла интернациональная помощь Советского Союза китайскому народу в его борьбе против японской агрессии.

Во время Великой Отечественной войны А. И. Черепанов командовал 23-й армией, работал заместителем председателя Союзной Контрольной Комиссии в Болгарии. Автор рассказывает о героизме советских воинов, о встречах со многими известными политическими и военными деятелями.

Книга рассчитана на массового читателя.

Ч $\frac{1304010000-182}{068(02)-84}$ 67-84

ББК 63.3(2)7
9(с)2

© Воениздат, 1984

ШТАБС-КАПИТАН ДЕЛАЕТ ВЫБОР

1916 ГОД — ДЕРЖИМ ФРОНТ ПОД РИГОЙ. ЛЮДИ И НРАВЫ ЦАРСКОЙ АРМИИ. СТАРОЕ РУШИТСЯ. КТО БУДЕТ ЗАЩИЩАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ? НАСТАВЛЕНИЯ ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ. В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ.

Что может вместить одна жизнь? Такой вопрос задавал я себе, начиная работу над книгой. Скажу откровенно: очень хотелось быть полезным пытливому и любознательному молодому читателю, который, задумываясь о смысле жизни, своем месте в ней, стремится найти какие-то если не образцы, то хотя бы ориентиры.

Слов нет, скопировать чужую жизнь невозможно — у каждого времени свои приметы и законы. Но то, что человек в состоянии сделать многое, — совершенно бесспорно.

Судьба не обделила меня ни радостями, ни тревогами. Моему жизненному кораблю хорошо знакомы бури и штормы, а сердцу — чувство исполненного долга. Без малого семьдесят лет ношу я военную форму одежды. Прошел через грозовые события революции, через три больших войны, дважды побывал в Китае, в неспокойное время узнал Болгарию.

О многом я уже рассказал в своих вышедших книгах. Теперь пришло время окинуть взглядом весь пройденный путь, начало которого приходится на дореволюционную Россию, старую царскую армию.

Итак, первая мировая война. Безусым младшим офицером прибыл я в действующую армию на Северный фронт. Стояла ранняя весна 1916 г. К этому времени не только в армии, но и в тылу как-то позабылись уже первые победы русского оружия в той войне: настолько тяжела была горечь поражений. И Львов, и Перемышль, занятые нами в ходе Галицийской операции 1914—1915 гг., были вновь отбиты германскими и австро-венгерскими войсками. К весне 1916 г. немцы захватили все наши крепости в Польше. Пала Варшава. Русские войска оставили Литву и часть Латвии.

Мне казалось, что на фронте я встречу боевой, сплоченный офицерский коллектив. Но среда, в которую я попал,

напоминала стоячее болото. Многие офицеры, с которыми пришлось столкнуться в полку, поразили меня своим равнодушием, безразличным отношением к службе.

Позиционная война, прошлые неудачи, тяжелая обстановка в тылу создавали гнетущее настроение в действующей армии. Кадровых офицеров к тому времени оставалось мало. Большинство из них выбыли из строя в начале войны, когда велись активные боевые действия. Уже к концу 1915 г. основная масса командиров состояла из так называемых «офицеров военного времени». Оставшиеся же в армии кадровые офицеры почти не занимались обучением молодых командиров.

В нашем полку 1-й ротой командовал морской офицер из запаса Сипягин. Высокого роста, в пенсне, он всегда был чисто выбрит и подчеркнуто вежлив.

Любитель поболтать, Сипягин не хотел, однако, распространяться о том, как в бою под Цусимой во время русско-японской войны он попал в плен к японцам. Самоуверенный и наглый, Сипягин был известен в полку как лгун и очковтиратель.

Не лучше выглядел и командир другой роты капитан Имшенецкий. Еще перед войной он был представлен по выслуге лет к производству в подполковники. Но началась война, а по существовавшему тогда положению звание подполковника во время войны присваивалось только в действующей армии. Имшенецкий отправился на фронт «за подполковником». Однако тут ему дали в командование только роту, а это затруднило получение нового звания. Капитан вечно ворчал и был зол на весь мир.

Мало чем отличался от Имшенецкого и другой кадровый офицер — капитан Радашевский, который тоже прибыл на фронт в 1916 г. за получением очередного звания.

Назначенный из дивизионного обоза на должность командира 7-й роты, Радашевский решил обойти ротный участок обороны и ознакомиться с обстановкой. Но в это время противник произвел по нашим позициям огневой налет, и командир роты поспешил возвратиться в землянку. Другая попытка отправиться на передовую опять совпала с артиллерийским обстрелом. Увидев в этом «божье провидение», Радашевский вовсе отказался изучать ротный участок.

— Пусть это делают молодые офицеры, — сказал он, — а я поберегу себя для настоящего дела.

С тех пор Радашевский большую часть времени проводил в землянке; обычно он сидел на нарах босой и зычно покрикивал на вестовых и телефонистов.

Не зная, чем заняться, Радашевский приказал всем солдатам роты приобрести сапожные щетки и чистить сапоги ваксой. Причем лично проверял выполнение этого приказа. Солдаты недоумевали: зачем понадобилась вакса, когда интендантство выдает для чистки сапог мазь из дегтя?

Подобные этим кадровые офицеры были не только в нашем 56-м пехотном полку.

Но основную массу офицеров составлял «прапорщик юный», как тогда распевали в модном романсе, то есть молодые люди, как и я призванные в армию во время войны. За их спиной были гимназия, реальное или городское училище. Житейского опыта у них было мало, а военного и подавно. Пройдя сокращенный курс школы прапорщиков или военного училища, они стали офицерами.

Когда я прибыл на фронт, боевые действия велись вяло, активность проявляли лишь разведчики. Однако разведка не связывалась с подготовкой к серьезным действиям, а была своеобразным развлечением для офицеров, вроде спорта или охоты. Происходило это потому, что командование — штабы дивизий и армий, — за редким исключением, разведкой не руководило. Все поиски намечались и проводились по инициативе и желанию самих младших офицеров.

Большой популярностью пользовался начальник пешей разведки нашего полка поручик Василий Буслаев. До войны он был землемером и в армию пришел как прапорщик запаса. О его разведывательных поисках в дивизии ходили легенды.

Внешне Буслаев был крупным и статным кудрявым блондином, ходил вразвалку, носил большую окладистую бороду. Обращаясь к солдату, называл его «батенькой». В свою очередь и солдаты за глаза дали ему кличку Батенька.

Буслаев не грубил с подчиненными. К провинившемуся был особый подход. Вызовет в землянку, прочитает нотацию, а затем, засучив рукав, покажет свою мускулистую руку и скажет полушутя-полусерьезно: «Ты, батенька мой, смотри, я никого не бью, но, если позволишь что-либо подобное, стукну — и дух из тебя вон». Однако своей угрозы Буслаев в исполнение никогда не приводил. В полку его уважали и любили с ним ходить в разведку.

Бывший студент, а ныне командир 9-й роты, подпоручик Семеньковский происходил из мелкобуржуазной семьи, но ему была чужда психология собственника. По внешности Семеньковский был настоящий украинец: темноглаз, статен и чернобров. Солдаты его любили за веселый и общительный нрав.

Резкую противоположность Семеньковскому представлял младший офицер пулеметной команды Урбанковский, также призванный из студентов. Этот был чванлив, даже на равных себе смотрел, как говорится, с «верхней полки».

Состав офицеров нашей 8-й роты, в которой я тогда командовал взводом, мог в какой-то степени характеризовать вообще офицеров военного времени. Командир роты Люсинов был из сельских учителей. Младшие офицеры Павлов — сын мелкого петербургского чиновника — окончил реальное училище, а Меркурьев — сын железнодорожного кондуктора из Забайкалья — до армии учился на краткосрочных бухгалтерских курсах. Исполняющий обязанности младшего офицера подпрапорщик Черкашин служил до войны гардеробщиком в Московском Художественном театре. Черкашина между собой солдаты называли Стуколкиным: он любил ночью при проверке постов тихо подкрадываться и бить дремавшего часового.

В 6-й роте нашего полка служил подпоручик Марсеев — уральский рабочий. До призыва в армию он работал на Мотовилихинском заводе в Перми.

У нас с Марсеевым была общая заветная мечта — окончить университет, но мы оба не имели аттестата зрелости. «Буду учиться хоть до седых волос», — говорил часто Марсеев. Офицер он был подтянутый, требовательный и храбрый.

Он рассказывал мне о своей жизни, а я ему о своей. Родился я в бедной крестьянской семье. Не без труда окончил высшее начальное училище в Кургане, соответствующее примерно школе-семилетке. Затем поступил в горное училище в Екатеринбурге (ныне Свердловск). Учился и одновременно работал — копал колодцы, бурил скважины, забивал сваи: у отца нас было шестеро и помогать мне он не мог. И все-таки учебу пришлось оставить из-за отсутствия материальных средств.

Летом 1913 г. поступил рабочим на Сергиевско-Уфалейский горный завод, накопил к осени с помощью жесткой экономии восемнадцать рублей и с этим «капиталом» поступил на вечерние курсы землемеров в городе Омске. Опять пришлось учиться и работать: копал землю, переносил грузы.

Несмотря на трудности я все же окончил курсы. Это было весной 1915 г. Шла война. В армию досрочно призывались юноши моего возраста. Вскоре в Омске и за мной закрылись ворота казармы, я стал рядовым запасного полка.

Здесь окончил учебную команду и был произведен в ефрейторы, а затем в младшие унтер-офицеры.

Как известно, в царской армии офицерство составляло особую касту, офицерский чин, как правило, был привилегией имущих классов. Но в военное время в офицерские школы посылали и грамотных парней из рабочих и крестьян. В их числе и я попал в 1-ю Иркутскую школу прапорщиков и, окончив ее, стал младшим офицером.

Подавляющее большинство офицеров военного времени считали, что надо воевать до победы. Они принадлежали к тем слоям ограниченно мыслящих русских патриотов, которых Ленин называл «добросовестно заблуждающимися оборонцами». Не составляли исключения и мы с Марсеевым.

Однако вернемся к жизни нашего 56-го Сибирского стрелкового полка. Командовал им полковник Фукин. До этого он занимал должность помощника командира по хозяйственной части. Став полковым командиром, он остался все тем же хозяйственником. Если, например, после боевой разведки обнаруживалось, что у солдата пропал подсумок или ремень, то командира полка уже не радовал ее успешный результат.

Посещая занятия в ротах, Фукин всегда давал офицерам одно и то же указание: упражнения «лежа» солдаты должны производить на разбросанной траве или сене, чтобы не испачкать обмундирование.

Как-то летом 1916 г., когда наш полк занимал оборону вблизи Рижского залива, группа, которой командовал я, находясь в разведке, обнаружила несколько артиллерийских наблюдательных пунктов противника. Нейтральная полоса здесь проходила по густому сосновому лесу. Можно было незаметно проложить телефонный провод до того места, откуда вражеские наблюдательные пункты были хорошо видны, и с помощью артиллерийского корректировщика уничтожить их орудийным огнем.

Я доложил свои соображения командиру батальона, а тот командиру полка. В целом Фукин одобрил план, но сказал:

— Зачем наводить телефонную связь, ведь провод в лесу может быть поврежден... — И приказал телефонную линию заменить цепочкой солдат. Корректировщиком артиллерийского огня Фукин назначил меня, не имевшего в этом деле никакого опыта. Я сидел на верхних сучьях высокой сосны, с которой видны были наблюдательные пункты противника, а внизу, под деревом, начиналась цепь «телефонистов», располагавшихся один от другого на расстоянии

50—100 шагов. Живая линия связи протянулась через весь лес до нашей передовой позиции к командиру роты, у которого был телефон.

Как только снаряд нашей батареи разрывался, я кричал: «Перелет двести шагов!» или «Недолет сто шагов!». Солдаты передавали мои команды по цепочке. В лесу поднимался невообразимый галдеж, и, конечно, не обходилось без путаницы. Все это напоминало известную детскую игру «испорченный телефон». Я передавал, например: «Двести шагов недолет». До командира батареи доходило: «Подать батарею вперед».

В окопах противника услышали шум, выслали разведку, и вся наша затея окончилась перестрелкой.

Ближайшими помощниками Фукина являлись командиры батальонов Бакич, Вегенер, Грушецкий и Багорский.

Кадрового офицера подполковника Бакича (впоследствии сподвижник атамана Дутова) солдаты ненавидели за рукоприкладство. Избивал он рядовых беспощадно. В бою же Бакич показал себя трусом. Когда в 1915 г. немцы впервые применили на фронте удушливые газы, он одним из первых убежал с передовой.

Полковник Фукин не жаловал сторонников рукоприкладства и добился перевода Бакича в другой полк.

Командира батальона капитана Вегенера, храброго, грамотного в военном отношении офицера, роднила с Бакичем страсть к рукоприкладству. Всякий раз, когда полк выходил в резерв, полковник Фукин отправлял Вегенера «за превышение власти» под арест.

Подполковник Грушецкий считался в полку отличным стрелком и хорошим гимнастом. До войны неоднократно получал призы за меткую стрельбу. Он был вежлив с солдатами, и те к нему относились неплохо. В то же время Грушецкий мало интересовался делами батальона и большую часть времени проводил за карточным столом.

Среди командиров батальонов нашего полка наиболее светлой личностью был полковник Багорский — человек умный, справедливый, серьезно и добросовестно относившийся к службе.

В русско-японскую войну Багорский в чине штабс-капитана неплохо командовал батальоном, после же войны ему не доверили командования даже ротой. Обидевшись, Багорский подал в отставку и несколько лет прослужил в банке, но приспособиться к условиям гражданского учреждения не смог и в 1913 г. вернулся в строй.

Когда началась война, Багорский был назначен командиром батальона и уже в действующей армии произведен в полковники. Но до середины 1916 г. он оставался командиром батальона.

Однако таких, как Багорский, было очень мало среди старших офицеров.

Изредка в тылы полка, отстоявшие далеко от передовой, приезжал начальник дивизии Довбор-Мусницкий [1]. Этот высокий пожилой генерал-лейтенант одевался под англичанина: носил френч, а вместо сапог — ботинки с крагами. На околыше фуражки были укреплены шоферские очки, которые он спускал на глаза при поездке на автомобиле. Его семенящая походка и необычный наряд вызывали насмешки солдат: они прозвали Довбор-Мусницкого Журавлем.

По торжественным дням появлялся командир корпуса генерал от инфантерии Васильев. Могучий голос позволял ему здороваться сразу со всем выстроенным к его приезду личным составом полка.

Однажды на какое-то торжество в наш полк прибыл командующий 12-й армией Радко-Дмитриев. Этот генерал, болгарин по национальности, был неплохим оратором. За обедом он дельно обрисовал офицерам сложившуюся к тому времени военную обстановку на Западном и Восточном фронтах и вообще произвел на нас благоприятное впечатление.

Радко-Дмитриев был одним из наиболее способных и дальновидных генералов царской армии. Помню, как-то после смотра нашей 14-й дивизии он собрал командиров рот, а также младших офицеров и выступил перед нами с речью.

— Проведите мысленную линию взаимоотношений между офицерами и солдатами, — говорил Радко-Дмитриев. — Если будете держаться с солдатами выше этой линии, вы останетесь для них чужими и далекими, если опуститесь ниже этой линии, дойдете до панибратства, потеряете уважение солдата и власть над ним. Командиру роты нужно знать каждого солдата в роте, а младшим офицерам — во взводе и полуроте. Входите в их нужды, заботьтесь о них, если нужно, пишите даже за неграмотных письма родным. Спрашивайте, как живут их семьи, их дети.

Ближе всех стоял к солдату унтер-офицер — фундамент царской армии.

---

[1] Брат генерала И. Р. Довбор-Мусницкого, который впоследствии стал организатором антисоветского мятежа польских легионеров.

Однако уже в первый год войны многие кадровые унтер-офицеры были убиты или ранены. Подобно нам, офицерам военного времени, младшие командиры были подготовлены ускоренным порядком. Всего за три месяца они проходили курс учебной команды в запасном полку или в самой действующей армии. Довольно быстро после окончания школы они теряли полученные в ней знания и мало чем отличались от солдат. Война им осточертела. Унтер-офицеры из крестьян тяжело переживали разорение своего хозяйства, помногу раз перечитывали невеселые письма из дому.

Нас, младших офицеров, обязывали прочитывать солдатские письма на родину. Полагалось следить за тем, чтобы подчиненные не разбалтывали военных секретов. Почти все эти письма были проникнуты тоской по дому, беспокойством о тяжелом положении семей. «Повремени продавать корову, может, обойдетесь; продашь корову — ребят заморишь». «Лошадь не продавай, не на себе же будешь пахать. Если нужно, поклонись в ноги Ивану Матвеевичу, чтобы он ссудил под урожай семенами». «Покрепись еще малость, может, война кончится, я уцелею и приду. Ведь не вечно же она будет тянуться, рано или поздно, но конец будет».

Подобные настроения проявлялись не только в письмах; солдаты и унтер-офицеры все более открыто выражали свое недовольство затянувшейся войной.

Был в нашей роте старший унтер-офицер Седельников, призванный из запаса. Он участвовал еще в русско-японской войне. При нем солдаты не стеснялись вести антивоенные разговоры. Он не только сочувствовал подчиненным, но часто сам заводил такие беседы.

Иногда Седельников обращался ко мне:

— Когда же, ваше благородие, наконец кончится эта проклятая война? Шибко надоела она, да и по своим соскучился. Работать некому, дом рушится, сын в армии, жена болеет — все хозяйство на молодухе.

Я казенно отвечал, что войпа кончится, когда победим немцев. Он грустно глядел на меня и, вздохнув, отходил.

Командир роты и мы, младшие офицеры, знали об антивоенных настроениях подчиненных, но, видя их исправную службу, активно с этими настроениями не боролись.

В нашей роте выделялись два унтер-офицера. И авторитетом у солдат они пользовались, и дисциплина в их подразделениях была лучше. Однако, как я заметил, уважительное отношение к ним меньше всего зависело от каких-

то особых командирских качеств. Причины были совсем иные.

Командиром первого взвода был старший унтер-офицер Онучин. Он не окончил даже учебной команды, а был произведен в чин за боевые отличия как георгиевский кавалер. Жизнерадостный, смелый, развитый и грамотный взводный, которому было около 25 лет, до армии работал в Петрограде на Путиловском заводе, и уволили его оттуда уже во время войны за политическую неблагонадежность. Работа на Путиловском заводе освобождала от призыва в армию. Уволенного же Онучина сразу мобилизовали.

После Февральской революции я узнал, что Онучин — член большевистской партии. Уже позднее я понял, как он умело вел в полку революционную работу, разъясняя солдатам идеи партии большевиков.

Другой унтер-офицер, Гасников, был тоже питерским рабочим. В его взводе собрались наиболее смелые солдаты — ротные разведчики и гренадеры [1]. Гасников пользовался у них непререкаемым авторитетом. Он выделялся смелостью и умением быстро ориентироваться в сложной боевой обстановке. Гасников тоже оказался большевиком.

В годы войны большевистская партия создавала в царской армии и на флоте военные организации. Они разъясняли солдатам и матросам причины возникновения мировой войны, ее империалистический характер. Армейские большевики говорили солдатам, что выход из войны может дать народу только революция. Онучин и Гасников были представителями военных ячеек партии большевиков в нашем полку. Но я, конечно, тогда об этом ничего не знал.

Апатия солдат, их усталость усиливались и теми настроениями, которые приносили в полк вновь мобилизованные.

Полк наш назывался Сибирским, но сибиряков в нем уже осталось мало: одни были убиты в бою, другие, будучи ранеными, после госпиталей не возвратились.

Пополнение шло из запасного полка дивизии, который стоял в Москве. Новые резервы набирались по преимуществу из внутренних губерний России. В основном это были крестьяне, которые, не побывав еще на фронте, уже достаточно хорошо почувствовали, что такое война.

Русская армия вела очень тяжелые оборонительные бои. Войска несли большие потери и нуждались в много-

[1] Гренадеры — специально подобранные, физически сильные солдаты, обученные метанию ручных гранат.

численных пополнениях. Поэтому до предела сократились сроки подготовки солдат в запасных полках. Люди приходили в полк, не имея никакого желания воевать, не понимая целей войны, к тому же и плохо обученные.

На настроении солдат не мог не отразиться новый подъем рабочего движения, начавшийся летом 1915 г. Вести об усилении стачечного движения дошли и до солдатской массы на фронте. В полках стали появляться листовки. Некоторые из них приходилось читать и мне. В них объяснялось, кому нужна война, кто от нее выигрывает. Листовки подписывала военная организация РСДРП(б). Солдаты с интересом читали, перечитывали и потихоньку обсуждали их. Всякое выступление против войны находило в сердцах живой отклик.

В декабре 1916 г. командующий нашей 12-й армией генерал Радко-Дмитриев отдал приказ войскам прорвать германские позиции на рижском плацдарме и овладеть Митавой (ныне Елгава). Эта операция осуществлялась во исполнение союзнических обязательств русской армии как часть общего плана военных действий союзников на 1917 г. Операция не обещала больших успехов русским, проводилась с целью сковать германские силы на Восточном фронте и облегчить тем самым положение союзников на Западе.

Сразу же после получения приказа о наступлении в окопах появилось множество листовок. Большинство из них было написано от руки. В них говорилось: «Война нужна царю и кайзеру. Поднимайте оружие против царя, его министров и царских генералов. Не будем зря проливать кровь». Листовки открыто призывали солдат не идти в наступление. В эти дни начались волнения в 17-м и 55-м полках нашей армии. Они отказались идти в наступление. Ни уговоры, ни угрозы офицеров на солдат не действовали. «Обороняться будем, противника не пропустим, но в наступление не пойдем», — говорили солдаты.

Командование вынуждено было вывести 17-й и 55-й полки с передовых позиций в резерв. Над восставшими учинили жестокую расправу: в 17-м полку 167 человек были преданы военно-полевому суду, 24 солдата расстреляны, десятки сосланы на каторгу. В 55-м полку тоже было расстреляно 13 солдат, многих отправили в военные тюрьмы.

Спустя много лет я познакомился с рапортом палача — генерала Довбор-Мусницкого на имя царя Николая II о событиях в 55-м полку: «Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что в боях под Ригой 23 и 25 декабря стрелки некоторых рот 55-го Сибирского стрелко-

вого полка отказались идти в бой и на увещевания офицеров грозили последним оружием. По моему приказанию в 15.30 25 декабря 13 стрелков 5-й и 7-й рот расстреляны перед строем... Расстрелянные — уроженцы преимущественно Пермской, Томской, Владимирской и Петроградской губерний. Дознание производится. Порядок восстановлен» [1].

Николай Кровавый наложил на рапорте резолюцию: «Правильный пример».

Однако недовольство солдат затянувшейся войной не везде выливалось в открытую форму. В частности, наш 56-й полк подчинился приказу и перешел в наступление.

Перед началом Митавской операции я находился на офицерских курсах при штабе корпуса. В двадцатых числах декабря на курсы приехал генерал Радко-Дмитриев. Он красочно объяснил нам цель операции, рассказал о наиболее приемлемых способах прорыва вражеской обороны. Мы с открытыми ртами слушали о внезапной атаке без единого артиллерийского выстрела, о быстром преодолении проволочных заграждений, о дружном штыковом ударе.

Увлекшись, генерал воскликнул: «Вы руками, вы зубами должны рвать проволоку!»

Вот на что делало ставку командование. Не на технику и оружие, не на артиллерийское обеспечение операции, а на одну лишь храбрость и выносливость войск. Своим красноречием генерал пытался скрыть неподготовленность, материально-техническую необеспеченность предстоящего наступления.

Перед началом операции, еще до моего возвращения с курсов, я был назначен командиром сводного батальонного отряда разведчиков, гренадеров и саперов. На этот отряд была возложена труднейшая задача — проделать в проволочных заграждениях проходы, через которые батальон должен был ворваться во вражеские окопы. Наступление, как и говорил командующий армией, начиналось внезапно, без артиллерийской подготовки.

Капитан Имшенецкий, принявший батальон после назначения полковника Багорского командиром одного из полков, встретив меня, доказывал важность возложенной на отряд задачи.

— Если ваши солдаты, — с жаром говорил он, — своевременно не проделают проходы, висеть нам всем на проволоке.

---

[1] Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. 2262, т. 1, д. 510, л. 26.

— Мне очень хотелось бы наступать, господин капитан, со своей ротой, со своими взводами, — ответил я.

Но и командир батальона, и поручик Марсеев, и другие офицеры просили меня не отказываться. Я дал согласие лишь после того, как побеседовал с солдатами отряда и убедился в том, что они готовы идти со мной на выполнение задания.

Вскоре вместе с унтер-офицерами и солдатами начал разрабатывать план предстоящей вылазки.

Два левых прохода должны были проделать саперы с помощью удлиненных зарядов, составленных из пироксилиновых шашек. Им предстояло под прикрытием темноты подползти к заграждениям противника, протолкнуть под них заряды и зажечь бикфордов шнур. Как только пламя достигало зарядов, шашки срабатывали и разрывали колючую проволоку.

Два правых прохода в проволочных заграждениях должна была проделать ножницами группа гренадеров под командой унтер-офицера Гасникова.

Только после Февральской революции я узнал, что во время выхода нашего отряда на боевое задание солдаты 6-й и 8-й рот намеревались задержать гренадеров и разведчиков. Но, видимо, добрые отношения, сложившиеся у них со мной и с поручиком Марсеевым, удержали солдат от этого шага.

Указав направление гренадерам Гасникова и саперам, которых вел унтер-офицер Гладких, я пошел между этими группами и немного впереди.

...Стояла тихая морозная ночь. На небе — ни одной тучки, лишь яркие, крупные звезды. Кругом царила непривычная для слуха и какая-то настороженная тишина.

Разрезать проволоку оказалось значительно труднее, чем мы предполагали, так как через нее был пропущен электрический ток. К тому же противник вскоре обнаружил нас и, осветив местность прожектором, открыл ружейный и пулеметный огонь. Преодолев все трудности, отряд довольно быстро проделал проходы и обозначил их электрическими фонариками. Роты пошли в атаку.

В первой линии нашего батальона наступали 6-я и 8-я роты. Когда командир 6-й роты поручик Марсеев поравнялся со мной, длинная очередь станкового пулемета противника разорвала тишину.

Рота Марсеева успешно овладела вражескими окопами, но сам командир, следовавший девизу «не кланяться вражеским пулям», был ранен.

Не повезло и мне. В ходе атаки меня словно кирпичом ударило в левую стопу, и я свалился в рыхлый снег. Одновременно вблизи разорвалась вражеская ручная граната. Я схватился за ногу — цела. Попытался встать. Но кровь, хлынувшая в сапог, сильная боль заставили снова опуститься на землю. Рана оказалась серьезной.

Наши наступающие части прорвали тактическую полосу обороны, захватили огневые позиции артиллерии противника, но дальше продвинуться не смогли.

В то время как солдаты под командованием унтер-офицеров и младших офицеров самоотверженно дрались с врагом, полковник Фукин со своим штабом отсиживался в убежище. У него даже не возникло мысли перенести командный пункт поближе к месту боя.

Командир 2-го батальона Имшенецкий, вместо того чтобы руководить ротами, уселся с вновь прибывшим из конвойной команды командиром 1-го батальона распивать коньяк. Изрядно захмелев, они принялись крестить друг друга, целоваться, поздравлять с победой, до которой еще было далеко. В общем, батальонами никто не руководил. Но этим «воякам» тоже не повезло: при отступлении, когда противник нанес контрудар и отбросил нашу дивизию, оба попали в плен.

Операция, известная в русской военной истории под названием Митавской, началась удачно. Части 12-й армии осуществили тактический прорыв, но развить его в оперативный из-за отсутствия резервов не сумели.

Я очень переживал неудачный исход Митавской операции, но причины его узнал позднее.

У командования 12-й армии Северного фронта и Ставки не было единства взглядов в отношении дальнейшего ведения операции после прорыва обороны противника, да и сам прорыв явился неожиданностью как для русских, так и для немцев. Командующий 12-й армией генерал Радко-Дмитриев настаивал на решительных действиях, требовал резервов. Главнокомандующий же фронтом генерал Рузский разрешил проводить операцию армии в расчете только на свои силы, «в смысле боевой практики для войск», как впоследствии сказал начальник штаба фронта, а когда стал просить помощи у Ставки, то его просьбы были отклонены. Рузский запоздал с переброской в 12-ю армию и фронтового резерва. Высшие военачальники не верили в успех операции, еще до начала считали ее проигранной и не продумали мероприятий по развитию успеха.

Расправа с восставшими 17-м и 55-м полками, неудача

наступления окончательно убили веру в победу и внесли еще большее уныние и озлобленность в солдатские массы.

Февральская буржуазно-демократическая революция застала меня в госпитале. С утра до вечера в нашем отделении не прекращались жаркие споры.

Революция разделила обитателей госпиталя на два лагеря. Основная масса раненых была настроена против царского правительства и восторженно встретила весть о его свержении.

Когда было опубликовано сообщение о создании Временного комитета Государственной думы, многим раненым офицерам показалось, что этот комитет и есть самое «архиреволюционное» правительство. На самом деле он состоял из архиреакционных представителей промышленного капитала и помещиков, пытавшихся удержать власть в своих руках, не допустить к ней народ.

Из Временного комитета в госпиталь пришла бумага с просьбой подписаться под ней тем, кто признает комитет. Кое-кто из нас, не разобравшись, «подмахнул» документ. Вскоре мы узнали об образовании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Молодой священник госпиталя бегал по палатам и спрашивал:

— Как теперь служить обедню, право, не знаю? Раньше провозглашал здравицу в честь его императорского величества, а теперь в честь кого? Что происходит? Не пойму...

Ему советовали:

— Служите за здравие народа. Не ошибетесь...

А в России происходили события, многие из которых были тогда не понятны и нам, молодым офицерам.

В Петрограде и по всей стране образовалось два органа власти: Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — органы восставшего народа и Временное правительство — орган буржуазии и помещиков.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 г. издал приказ № 1 по гарнизону Петроградского военного округа, устанавливающий выборы солдатских комитетов во всех ротах, батальонах, полках, батареях и на кораблях военного флота. Отменялось титулование генералов «вашим превосходительством» и офицеров «вашим благородием».

С образованием солдатских комитетов в армии, как и в стране, установилось двоевластие. Отныне фактически на-

значение командиров в армии стало происходить только с согласия солдатских комитетов.

По возвращении из госпиталя с солдатским комитетом пришлось столкнуться и мне. Я получил приказ вступить в командование ротой, но не 8-й, где был младшим офицером, а другой — 5-й. Однако моему назначению воспротивился ротный комитет, который в свою очередь учитывал настроения солдат, опасавшихся, как бы усердный в службе штабс-капитан не повел их в какое-нибудь новое наступление.

— А как же быть с приказом командира полка? — спросил я.

— А никак...

Пришлось вернуться в прежнюю 8-ю роту младшим офицером. Вскоре я стал командиром этой роты.

Многие младшие офицеры воспринимали революцию как ураган, сокрушающий оплот старого, но мало представляли себе, что же будет дальше.

После февраля оказалось, что некоторые офицеры, в основном из бывших студентов, состоят в партиях меньшевиков или эсеров. Они начали занимать ключевые позиции в ротных и полковых солдатских комитетах, создавая в них значительную прослойку так называемых «оборонцев».

Большевиков или примкнувших к их платформе среди офицеров, унтер-офицеров и солдат нашего полка было мало. Тем заметнее оказалось прибытие в 56-й Сибирский стрелковый полк солдат-большевиков Лезина, Семикова и Сандалова. 1-й пулеметный полк, в котором они служили до прибытия к нам, 3 июля 1917 г. одним из первых вышел на улицы Петрограда и вместе с другими революционными демонстрантами потребовал передачи всей полноты государственной власти в руки Советов.

Временное правительство жестоко расправилось с солдатами революционного полка. По приказу Керенского полк был разоружен, а пулеметчиков отправили на фронт.

Неприветливо встретили солдат-большевиков и реакционные офицеры нашего полка. Сразу же предупредили их, что за большевистскую агитацию по законам Временного правительства предусматривается смертная казнь. К тому же руководство полковым и ротными солдатскими комитетами было захвачено меньшевиками и эсерами, которые активно поддерживали Временное правительство.

Несмотря на жестокий террор и массовые репрессии, установленные в армии Временным правительством, преследования реакционных офицеров и их меньшевистско-эсеров-

ских подголосков, большевики развернули в полку активную политико-агитационную деятельность.

Вот как описывает спустя много лет первые дни своей агитационной работы старый большевик, ставший вскоре председателем полкового солдатского комитета 56-го Сибирского полка, Михаил Андрианович Лезин:

«Находясь в окопах вместе с солдатами-фронтовиками, мы рассказывали им втайне от офицеров правду о Ленине, об истинных причинах июльского выступления рабочих и солдат в Петрограде. Вскоре получили мы решение VI съезда партии большевиков, давшего нам четкую ориентацию. Курс партии на подготовку вооруженного восстания против Временного правительства отвечал думам и настроениям солдат, которым надоела империалистическая война. Всех глубоко взволновали слова выпущенного съездом манифеста:

«Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!»

Нелегально доходившие до окопов большевистские газеты помогали нам привлекать на свою сторону все новых и новых солдат» [1].

Действительно, трудно было не заметить, как росла политическая активность раньше забитого, безответного рядового. Офицеров уже не удивляло, что «младшие чины» имеют свое мнение и не боятся высказывать его.

В это время я впервые познакомился с большевистской литературой. У нас в полку нередко можно было прочесть газеты «Солдатская правда», «Окопная правда», а иногда и «Правду». Лозунги большевиков о немедленном прекращении войны, о передаче крестьянам земли находили живой отклик в сердцах солдат. Большевистские газеты были очень популярны. Их читали буквально до дыр.

Понимая, что солдаты устали от войны, что она им смертельно надоела, я, однако, считал позорным добиваться мира, пока не достигнута победа. Мое политическое развитие было тогда на очень низком уровне, и мне даже в голову не приходило, что война может вестись за несправедливые интересы. Считал: надо защищать Родину, но в то же время чувствовал — чего-то не понимаю, и это мучило меня.

Часто спорил с командирами взводов Онучиным и Гасни-

[1] Лезин М. Воспоминания большевика. Казань, 1961, с. 24.

ковым. Для них все было ясно. Они старались убедить меня в правоте своих идей, говорили: пора заключать мир. Споры наши кончались тем, что каждая сторона оставалась при своем мнении. Несмотря на это, работали мы дружно. Все мои приказы, касающиеся боеготовности роты, Онучин и Гасников выполняли точно.

Я видел, как росло среди солдат влияние большевиков, а вместе с ним росло недоверие к распоряжениям Временного правительства и приказам вышестоящего начальства.

К концу июля 1917 г. участились случаи братания русских и немецких солдат. Наши не знали немецкого языка, а немцы русского, и все же они всегда умели договориться.

Между русскими и немецкими окопами в проволочных заграждениях был давно уже проделан узкий проход. На нейтральной полосе отгородили небольшую площадку и поставили столбик с довольно странной надписью: «Место скопления». Здесь и происходили встречи.

Русские приносили хлеб, мыло, табак; немцы — губные гармошки, сигары, перочинные ножи, электрические фонарики. Иногда появлялся переводчик. Солдаты быстро находили общий язык. Говорили большей частью о том, что войну пора кончать.

Офицеры других рот спрашивали у меня, как я работаю с ротным комитетом: ведь он целиком состоит из большевиков. Ответ мой был вполне правдивым: «Хорошо».

Я жил в одной землянке с членами солдатского комитета, большевиками, воевал вместе с ними два года и мог сказать: это честные люди и хорошие солдаты.

Что делали члены ротного комитета? Вместе с офицерами они проверяли, как солдаты несут службу, следили за чистотой в землянках, за содержанием оружия, качеством пищи, за тем, чтобы офицеры не допускали грубости к подчиненным.

В назначении командиров отделений и взводов слово ротного комитета имело решающее значение. Мне, например, ротный комитет не раз подсказывал, кого из солдат выдвинуть на должность.

Но главное внимание, конечно, солдатский комитет уделял политическим вопросам.

В тот период я не понимал, что революция не закончена, что народу еще надо много сделать, чтобы завоевать полную свободу, и что большевики в армии готовят людей к этой борьбе.

Известное революционизирующее влияние на солдат оказали предательское поведение Верховного командования

русской армии во время Рижской операции и позорная сдача Риги.

Об истинных причинах поражения в Рижской операции я узнал значительно позже. Оказывается, русскому командованию были известны не только замыслы германцев, но даже направление удара и время начала наступления. Можно было успешно отбить атаки врага и удержать Ригу. Однако Верховный главнокомандующий генерал Корнилов придерживался другого мнения.

Ярый монархист, Корнилов требовал от Временного правительства предоставления ему диктаторских полномочий для борьбы с революционным движением, все более захватывавшим народ и армию. Под видом защиты Петрограда от немцев он стягивал поближе к столице войска, надеялся задушить революцию. Сдав Ригу, Корнилов запугивал Временное правительство мнимой угрозой наступления германских войск на Петроград. Преследовал он и другую цель. Район Риги обороняла 12-я армия, в которой велико было влияние большевиков на солдатские массы. Потому-то Корнилов и готовился свалить вину за оставление Риги на революционных солдат и большевистскую партию.

Сразу же после сдачи Риги Корнилов начал мятеж, стремясь к захвату власти и установлению военной диктатуры. 8 сентября 3-й конный корпус двинулся на Петроград.

Узнав из столичных газет о контрреволюционном походе генерала Корнилова на Петроград, большевистская группа 56-го Сибирского полка, как мне стало известно позднее, нелегально собралась в деревенском овине. Гневно звучали голоса Семикова, Сандалова и других. Михаил Лезин внес предложение немедленно созвать ротные собрания и выразить солдатский протест корниловщине. Он же предложил, воспользовавшись благоприятным моментом, провести перевыборы солдатских комитетов полка. Собрание партийной группы поддержало эти предложения и наметило план действий.

В течение двух-трех дней во всех ротах и командах были проведены нелегальные читки большевистских газет, из которых люди узнали о контрреволюционной сущности корниловщины. Солдаты начали активно поддерживать большевиков.

Большевики решили пойти в атаку на эсеро-меньшевистские комитеты.

Полковая партгруппа распределила между собой роты и команды полка для проведения перевыборов солдатских комитетов. Это оказалось нелегким делом, так как мень-

шевики и эсеры, находившиеся под их влиянием некоторые офицеры, старались любой ценой сорвать эти собрания. Провести перевыборы все же удалось под предлогом обсуждения вопросов снабжения.

Старые комитеты были переизбраны, в большинстве случаев во главе новых оказались большевики или те, кто их поддерживал.

17 сентября на объединенном заседании полкового и ротных комитетов был избран новый состав полкового солдатского комитета. Во главе его стал большевик В. Д. Семиков, заместителем был избран большевик М. А. Лезин, член полковой комиссии по выборам в Учредительное собрание [1].

Вопреки приказу Керенского полковой солдатский комитет провел частичные выборы командного состава. Все реакционные офицеры оказались забаллотированными, и их откомандировали в штаб дивизии.

Успеху этих мероприятий во многом способствовал прогрессивно настроенный командир полка полковник Петров, сменивший полковника Фукина. Он часто обращался в полковой комитет за помощью, особенно когда дело касалось укрепления воинской дисциплины, повышения боеспособности полка.

В результате еще до свержения Временного правительства 56-й Сибирский полк полностью оказался под влиянием ленинцев. Так большевики нашего полка проводили в жизнь линию своей партии, направленную на высвобождение из-под влияния меньшевиков и эсеров солдатских масс, на сплочение их под большевистскими лозунгами. Усилиями сотен армейских большевистских организаций партия, по словам В. И. Ленина, имела на нашем фронте «ударный кулак» революции, который вместе с питерскими рабочими и моряками Балтийского флота обеспечивал ей подавляющий перевес сил в решающих пунктах, в решающий момент.

Все эти подробности я позднее узнал от Лезина, так как сам уехал в это время на родину в отпуск.

В дороге я узнал, что в Петрограде власть взяли большевики. Меня это не удивило. Из всех партий, представители которых имелись в наших солдатских комитетах, большевистская была самой последовательной и целеустремленной. И меньшевиков, и эсеров я считал болтунами, а на большевиков можно было положиться. Мне казалось, что они наведут в стране порядок. Смущало только их нежелание воевать. Правда, очень скоро пришлось убедиться, что

[1] ЦГВИА, ф. 2155, оп. 1, д. 2, л. 68.

большевики отрицают не всякую войну, а только несправедливую. Тогда я не понимал ни характера войны, ни ее целей, ни того, в чьих интересах она ведется. Лишь позднее уяснил, что только с победой Октябрьской революции народ обрел свою подлинную социалистическую Родину и будет ее отстаивать до последней капли крови.

Получилось так, что, приехав домой, я быстро определил свое отношение к новой власти. Во всех сложностях политики еще не разбирался, но уразумел главное: Советская власть — это власть народная. Какая же иная власть могла поставить во главе местного Совета таких людей, как Георгий Фролович Осипов и Григорий Назарович Тужихин?! Для меня эти люди с детства были идеалом борцов за справедливость. В селе их очень уважали. Осипов работал кочегаром паровой мельницы. Человек он был грамотный, к нему всегда шли за советом, даже старики. Будучи еще мальчишкой, я слышал от старших, что Георгий Фролович — революционер. Его преследовало царское правительство, и, кажется, он даже сидел в тюрьме.

Тужихин был моим школьным учителем. К нему, своему первому воспитателю, я сохранил благодарность на всю жизнь. Он прививал нам самые высокие, благородные чувства: любовь к родной земле, уважение к труду, честность, правдивость.

Только теперь я узнал, что Григорий Назарович, так же как и Осипов, давно состоял в партии большевиков.

Незадолго до моего приезда в отпуск Тужихин после ранения возвратился с Румынского фронта. Воевал он рядовым. Как грамотного человека, его трижды направляли в школу прапорщиков, три раза он учился в ней, но звания офицера так и не получил.

— Все считали меня политически неблагонадежным, — с усмешкой говорил учитель. — А ты, значит, офицер?.. Как служба?

Я рассказал о делах в нашем полку, о том, как представлял себе обстановку на фронте и в стране. Он слушал внимательно, не перебивал. Только когда я стал рассуждать о частой перемене правительств, Григорий Назарович рассмеялся:

— Небось думаешь — и теперь очередная смена правительства? Нет, брат! Революция-то совсем другая — социалистическая! Понятно?

— Не очень.

— Вот молодец! Чего не понимаешь, сразу признавайся. Это самое правильное дело... В двух словах объясню тебе:

в феврале свергли царя, а власть захватила буржуазия. Ты говоришь, правительства менялись?! А потому и менялись, что разные группы буржуазии дрались за власть. А задача одна у них — держать народ за горло и сосать из него кровь. Теперь будем избавляться от капиталистов!

— Как же это можно сделать?

— Как? Они чем сильны? Фабрики у них, заводы, шахты, у помещиков и кулаков — земля. Кулаки ведь это тоже капиталисты, только деревенские. А если все отобрать у них? Вот отобрали у Сашки Шахова паровую мельницу. Слышал?

— Да.

— А что он теперь стоит? За него ломаного гроша не дадут. Ты знаешь, какой он здоровый? А всю войну белобилетником просидел. Богатый, взятку мог дать, любую власть купить. Но теперь власть непродажная, ее за деньги не купишь.

Невольно приходила мысль, что такого человека, как Григорий Назарович, действительно не купишь. И если он — власть, значит, власть такая — правильная.

— Ну вот отберут все, а дальше кому же это принадлежать будет? — спросил я.

— Народу. А распоряжаться будет государство, но государство народное.

— А как же насчет войны?

— Войне конец! — отрубил Григорий Назарович. — Ты ведь считаешь, что воевать до победы надо?

— Да.

— А кому война выгодна, кто ее затеял? Думал ты?

— Так ведь на нас напали.

— Ну, это не совсем так... Вот если два волка подрались за овцу. Скажи мне, кто на кого напал, кто виноват?

— Оба виноваты.

— То-то и оно. Сцепились две группы буржуев, — продолжал Григорий Назарович, — а народ за них кровь проливать должен.

— Григорий Назарович, что же выходит, немцы на нас не нападали? Как же так?

— Русский император столько же виноват в войне, сколько и германский. Это ты запомни. Знаешь, что одной из серьезных причин войны было стремление царя и его слуг подавить нарастающее мощное революционное движение? Потому большевики и агитировали за поражение своего правительства. Слышал такой лозунг?

— Слышал.

— Что же ты думаешь, мы хотели, чтобы немцы страну захватили? Нет. Мы хотели свалить царизм, буржуазию и передать власть народу. Царизм и буржуазия, если ты хочешь знать, народу не меньший враг, чем немцы. А теперь народ победил, власть завоевал, стал в своей стране хозяином. Сейчас мир заключим и начнем новую жизнь налаживать.

— А если немцы перейдут в наступление?

— Советское правительство призвало все воюющие страны заключить мир. Ты читал декрет?

— Нет.

— Я дам тебе, у меня все декреты есть. Почитай.

— Но если немцы не согласятся на мир, а будут наступать?

— Мы, большевики, против войны. Но, если на нас нападут, будем защищаться.

С удивлением посмотрел я на своего учителя:

— Как же так? То говорили против войны, а то защищаться.

Григорий Назарович рассмеялся:

— Сразу это понять трудно. Но поймешь. Главное теперь то, что государство другое — наше, народное. В этом государстве не Сашка Шахов и ему подобные хозяева, а каждый простой человек, такие вот, как твой дедушка, Терентий Анисимович, или Пустовалов. И если уж нападут на Советскую Республику, мы ее в обиду не дадим! Жизни за нее не пощадим, потому что наша она, кровная...

Когда мы прощались, Григорий Назарович дал мне обещанные декреты Советского правительства.

— Тут кое-что и об армии есть. Подумай, — сказал он.

Да, разобраться во всем происходящем было не так просто.

Придя домой, засел за чтение декретов. С особым вниманием изучил все, что касалось армии.

Особенно меня удивила и обрадовала забота новой власти о сохранении боеспособности войск. Из декретов я узнал, что большевистская партия ввиду угрозы нового нашествия германских империалистов и готовящегося объединенного похода стран Антанты с целью удушить молодую Республику Советов приняла ряд экстренных мер для защиты завоеваний Октябрьской революции.

26 октября 1917 г. II Всероссийский съезд Советов принял постановление об образовании во всех армиях временных революционных комитетов, на которые возлагалась от-

ветственность «за сохранение революционного порядка и твердость фронта».

Из декретов Совета Народных Комиссаров от 16 декабря 1917 г. «Об уравнении всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии» я узнал, что вся полнота власти в частях и соединениях передавалась солдатским комитетам и Советам. Упразднялись все чины и звания [1].

Только вернувшись на фронт, я понял, какое огромное значение имели эти мероприятия большевистской партии и Советской власти.

Полная демократизация старой армии подняла на время дух солдат и боеспособность войск, предотвратила полный развал фронта и удержала армии в окопах до середины зимы 1918 г., то есть до создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Больше всего я размышлял над декретом «О постепенном переходе к демобилизации старой армии». Армию демобилизуют, а кто же будет защищать республику? Я окончательно растерялся, не знал, что и думать и как поступить.

Мне почему-то казалось, что большевики начнут наводить в армии порядок. А тут — демобилизация. Как же так?

Этих моих сомнений не мог разрешить даже Григорий Назарович.

...Отпуск близился к концу. Родители с тревогой смотрели на меня, ждали, что я буду делать. До них доходили слухи, что офицеров арестовывают и даже расстреливают...

Как мне поступить — возвращаться на фронт или оставаться дома, — ни отец, ни мать посоветовать не могли. Григорий Назарович тоже сказал:

— Дело твоей совести. После Октября — мы оборонцы. Так сказал Ленин.

«А что скажут солдаты моей роты? — думал я. — Они ведь знали: я всегда стоял за войну до победного конца. Но уехал в отпуск и не вернулся». Мысль о том, что меня могут заподозрить в трусости, в предательстве, не давала покоя, подсказывала: надо ехать в полк.

Григорий Назарович одобрил мое решение, а родители — отец Иван Миронович и мать Матрена Терентьевна — даже обрадовались ему. Не потому обрадовались, что я иду защищать Советскую власть, в тот момент они вряд ли разбирались в событиях. Просто, как люди честные, родители

---

[1] См.: Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1, с. 21.

не могли смириться с мыслью, что их сын самовольно оставит фронт.

Советская власть в течение нескольких месяцев утвердилась на всей огромной территории России. Рабочие и крестьяне под руководством партии большевиков и своего вождя В. И. Ленина укрепляли завоеванную власть и свободу, с огромным подъемом осуществляли первые социалистические преобразования. А неотложных дел накопилось много: нужно было сломать старый буржуазный государственный аппарат и вместо него создать принципиально новый — аппарат Советского государства, национализировать землю, банки, крупную промышленность.

Все бы пошло хорошо, если бы молодую рабоче-крестьянскую власть оставили в покое, если бы дали ей возможность спокойно, в мирной обстановке налаживать новую жизнь, хозяйствовать и управлять страной по-новому, без помещиков и капиталистов.

Поэтому самым первым словом, которое весь мир услышал от Советского правительства, было слово о мире, Декрет о мире, обращенный к правительствам и народам воюющих стран с призывом к прекращению продолжавшейся империалистической бойни.

Чем же ответили правящие круги Англии, Франции и Соединенных Штатов на этот страстный призыв к миру? Ответили тем, что сговорились о совместной борьбе против Советской Республики путем всемерной помощи российской контрреволюции и прямой интервенции.

Ничуть не лучше стран Антанты оказались германские империалисты и их союзники. Лишь из-за временных тактических соображений они согласились на короткое перемирие с нами, а потом, об этом пойдет еще речь впереди, грубо нарушив его, двинули свои корпуса на Петроград, Украину, в Белоруссию, Прибалтику.

Что могла противопоставить внутренней контрреволюции, уже свирепствовавшей вовсю на Украине, на Дону, на Кавказе, и иностранной интервенции молодая Советская Республика?

Старую армию? Но ведь она — порождение старого, прогнившего и уже павшего под ударами революции эксплуататорского строя — исторически обречена. Эта армия обескровлена и измотана ненавистной народу империалистической войной, озлоблена изменами и поражениями. Во сне и наяву солдат видит свой разваливающийся дом, заждавшуюся голодающую семью и готов хоть сегодня сорваться из окопов. Уж что-что, а настроения фронтовиков мне были хоро-

шо известны. В солдатской душе накопилось слишком много горечи, отвращение к войне заглушило все остальные чувства, и поднять такую армию на какие-то новые дела, положиться на нее было практически невозможно.

Тогда, может быть, Красная гвардия сможет защитить революцию от внутренних и внешних врагов? Слов нет, в первые дни и недели после победы Октября Красная гвардия была главной и решающей силой в борьбе с контрреволюцией. Красногвардейцы — первые бойцы большевистской партии повели за собой революционных солдат и матросов на штурм Зимнего, на разгром войск Краснова на подступах к Петрограду, против других мятежников и заговорщиков. Красная гвардия с честью выполнила свое историческое предназначение. Но она по-прежнему оставалась сравнительно малочисленной, недостаточно в военном отношении обученной, не имела единой организации, была плохо вооружена.

Где же выход?

В первых числах января 1918 г. поезд, в котором я возвращался из отпуска, подходил к фронту. У одного из попутчиков заметил «Правду» и попросил почитать. Вот тогда-то я и узнал впервые, что Общеармейский съезд по демобилизации старой армии в соответствии с предложением Центрального Комитета большевистской партии выработал Положение об организации социалистической армии, что специально созданная Всероссийская коллегия по организации и управлению РККА уже развернула работу. Это сообщение было неожиданным, но оно открывало мне глаза. Вот он, выход!

Здесь же, в газете, была напечатана инструкция Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко[1] о порядке формирования армии. В ней, в частности, говорилось:

> «Народно-социалистическая гвардия[2] создается из солдат действующей армии, запасных частей и всех добровольцев, желающих вступить в ее ряды для защиты завоеваний революции и борьбы за демократический мир и торжество социалистической революции на Западе и в России. Народно-социалистическая гвардия формируется исключительно на основе добровольческого

---

[1] Первый советский Верховный главнокомандующий, назначенный Совнаркомом вместо смещенного генерала Духонина, отказавшегося выполнять приказы Советского правительства.

[2] Название «Красная Армия» появилось не сразу. Окончательно оно было установлено в декрете Совета Народных Комиссаров от 15 (28) января 1918 г.

принципа, причем доступ в ее ряды открыт для всех без различия национальностей и годов призыва. Для стоящих на платформе Советской власти допускается формирование в национальные революционные полки. Народно-социалистическая гвардия должна служить как материальная опора Советской власти и зародыш образования армии вооруженного народа».

За этими сообщениями, которые я читал и перечитывал, стояло многое, о чем узнал уже позднее.

Одновременно с демобилизацией старой армии большевики со свойственной им энергией приступили к созданию новой, Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Из всех задач, которые пришлось решать Республике Советов, задача создания новой армии являлась едва ли не самой сложной. «Вопрос о строении Красной Армии, — говорил В. И. Ленин, — был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался» [1].

Прибавьте к этому неимоверные трудности — разруха в народном хозяйстве и на транспорте, нехватка продовольствия, оружия и обмундирования, острый недостаток командных кадров и неимоверная срочность, неотложность самой задачи. Какую передышку даст враг? Месяц, неделю, несколько дней? Никто этого не знал, и надо было быть готовыми к любому повороту событий.

В. И. Ленин внимательно следил за формированием новой, социалистической армии, заботился о том, чтобы самые широкие слои трудящихся увидели в ней свое детище, свою защиту и надежду. Прежде чем появился знаменитый декрет о создании новой армии, Ленин настоял на том, чтобы в обсуждении его приняли участие рабочие и крестьяне, которым служить в этой армии, с оружием в руках защищать завоевания Октябрьской революции.

Постепенно, день за днем, намечался, по меткому выражению Ленина, «перелом в народном настроении» [2]. Те, кто еще вчера с легким сердцем бросали оружие и оставляли опостылевшую старую армию, сегодня начинали понимать, что народную власть может защитить только трудовой народ, если он создаст свою собственную военную организацию.

1(14) января 1918 г. В. И. Ленин приехал проводить на фронт первый батальон новой армии, сформированный из

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 137, 138.
[2] Там же, т. 35, с. 25, 26.

рабочих Петрограда. В своем выступлении он сказал: «Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию. Эти враги — капиталисты всего мира...»[1]

Я возвратился в полк с таким чувством, словно заново родился. Прямо с дороги отправился к помощнику командира полка штабс-капитану Урбанковскому. Выборный командир полка Семеньковский в это время отсутствовал. На правах старого знакомого (его пулеметный взвод прикрывал мой сводный отряд в Митавской операции) я рассчитывал узнать от Урбанковского подробное положение дел в полку.

Несмотря на ранний час, застал у Урбанковского нескольких офицеров, и среди них ротмистра Булак-Балаховича, о котором много говорили в полку как о человеке с авантюристическими наклонностями (впоследствии он стал руководителем белогвардейских отрядов, действовавших на северо-западе России против молодой Советской республики).

Урбанковский, без гимнастерки, стоял у плиты и поджаривал яичницу.

Офицеры были очень удивлены моему возвращению, а Урбанковский презрительно бросил:

— Ну скажи, чего ты притащился?

— Долг службы. Что сказали бы солдаты моей роты, если бы я дезертировал?

— «Солдаты моей роты»! — иронически повторил Урбанковский. — А ты разве не знаешь, что твоей восьмой ротой командует теперь ротный писарь?

Сообщение Урбанковского было для меня большой неожиданностью, но я вида не подал.

— Это даже лучше, что в роте новый командир, — ответил я как мог более спокойно. — Теперь меня, по крайней мере, ничто не будет связывать, смогу свободно пойти инструктором по формированию Народно-социалистической армии.

Наступила продолжительная пауза. Даже Урбанковский не сразу нашелся. Потом у него вырвалось:

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 216.

— Да ты с ума сошел!.. Уж не в большевики ли ты записался?

— Нет, в большевики пока не записывался, но прочитал инструкцию главнокомандующего Крыленко...

Урбанковский махнул рукой и занялся своей яичницей с салом.

Я отправился в роту. Там узнал, что все офицеры 56-го Сибирского стрелкового полка были выбраны на свои должности, а двое даже с повышением — командирами батальона и полка. Солдатские массы понимали, что в интересах революции необходимо использовать военные знания тех офицеров, которые с пониманием приняли Великий Октябрь. Для многих из них выборы, по существу, явились своеобразной подготовительной ступенью для перехода в Красную Армию. Став командирами рот, батальонов, полков и даже дивизий, они в дальнейшем добровольно или по мобилизации пришли в Красную Армию и в большинстве своем честно служили социалистическому Отечеству.

Даже среди генералитета старой армии нашлись люди, которые сумели правильно понять сущность происходящих событий.

С чувством глубокого уважения вспоминаю об одном из известных военачальников генерал-майоре Федоре Федоровиче Новицком, командире 43-го армейского корпуса. После октябрьских дней семнадцатого года солдаты снова избрали его на эту же должность. Признал Советскую власть и генерал Васильев, командир 6-го Сибирского корпуса. Впоследствии он стал преподавателем военной академии. На сторону революции перешел и полковник Грушецкий.

...В роте удивились моему возвращению из отпуска не меньше, чем в штабе полка, и откровенно сказали:

— Не ожидали, поэтому и командиром батальона не выбрали.

Из старых солдат остались немногие: одни демобилизовались, другие уехали в отпуск и не вернулись, третьи просто сбежали.

К моему сожалению, большевиков Онучина и Гасникова тоже не было.

Ротой действительно командовал писарь, но только временно, как разъяснили мне в солдатском комитете.

На следующий день после моего приезда были назначены выборы командира роты.

Солдатский комитет выдвинул на эту должность мою кандидатуру. Я объяснил, что собираюсь стать инструктором по формированию новой армии. Все же меня избрали.

Через два дня мне позвонил председатель полкового комитета:

— Слышал, что вы хотите стать инструктором по формированию Народно-социалистической гвардии?

Я ответил утвердительно.

— Полковой комитет просит вас поехать делегатом на съезд инструкторов, который созывается Исполнительным комитетом Советов солдатских депутатов 12-й армии и состоится в Валке, — продолжал председатель комитета. — Боюсь только, что вы на съезд опоздаете, нам слишком поздно о нем сообщили. В общем, там на месте все узнаете. Когда вернетесь, прошу возглавить в полку работу по формированию.

На съезд я действительно опоздал.

Явившись к члену президиума Исполнительного комитета Советов солдатских депутатов 12-й армии Дешевому, который руководил работой по формированию новой армии, я сообщил, что мне не удалось побывать на съезде, и попросил объяснить, в чем будут заключаться мои обязанности инструктора.

Дешевой, с виду энергичный молодой человек лет двадцати пяти, скользнул взглядом по моей офицерской шинели и как бы невзначай заметил:

— Работа это будет непростая. И хорошо, что вы, офицер, решили взять на себя эти обязанности. — Дешевой взял со стола бумагу и сказал: — Нами издан приказ о формировании Народно-социалистической гвардии. Вот, почитайте.

Я отошел в сторону, пристроился у окна и прочитал:

«Съезд инструкторов по формированию народной Красной гвардии, заслушав 6(19) января 1918 г. доклады товарищей Дешевого и Самсонова о причинах образования народной Красной гвардии и об основах формирования таковой, а также доклады с мест, постановил обратиться к Исполнительному Комитету армии с предложением немедленно издать приказ по армии о том, чтобы:

немедленно начать производить запись в ряды Красной гвардии, причем комитеты должны напрячь все силы и приступить к пропаганде и агитации за формирование Красной гвардии с тем, чтобы к 13(26) января было закончено предварительное производство записи;

предложить корпусным, дивизионным, полковым, ротным, эскадронным, батарейным и командным комитетам выделить по одному инструктору из числа добровольцев,

на которых возлагается образование народной Красной гвардии, причем комитеты должны оказывать им всяческое содействие и не чинить никаких препятствий;

теперь же предложить начать сводить роты, эскадроны, команды и батареи народной Красной гвардии; сведение производить таким образом: одна или несколько из указанных частей, где оказалось наибольшее количество добровольцев, объявляется красной по полку или дивизии и в нее производится перевод всех добровольцев, причем роты должны иметь не менее ста пятидесяти человек, эскадрон — сто сорок пять человек и батарея — до полного комплекта;

там, где это возможно (по техническим условиям), с разрешения дивизионного комитета можно производить и сведение полков;

в сформированных частях впредь до получения точных инструкций о порядке управления народной Красной гвардией выбираются новые комитеты и командный состав...» [1]

Ко мне подошел Дешевой.

— Ну как, товарищ Черепанов, прочитали? Ясно вам теперь, чем занимался наш съезд и каковы задачи инструктора по формированию новой армии?

— Да, вполне.

— Запись добровольцев начните немедленно. И постарайтесь закончить ее в два-три дня. Всю работу ведите в согласии с полковыми и ротными комитетами.

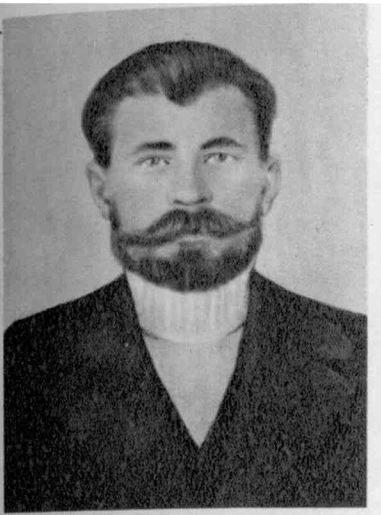
Возвратившись в полк, я немедленно приступил к делу.

В то время как предпринимались первые подготовительные шаги к записи добровольцев в новую армию, указание о ее создании приобрело характер закона.

10(23) января 1918 г. открылся III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На следующий день с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров выступил Владимир Ильич Ленин.

Коснувшись одного из важнейших вопросов времени — проблемы создания армии нового типа, социалистической Красной Армии, В. И. Ленин глубоко и всесторонне обосновал необходимость ее решения. В стране начиналась гражданская война. Республике Советов угрожал германский империализм, его армии стояли у западных границ. Под аплодисменты всего зала Ленин с твердой уверенностью в будущем страны заявил, что победа Советской власти «дости-

[1] Декреты Советской власти, т. 1, с. 322.



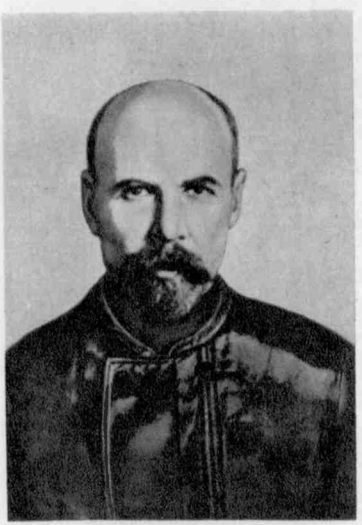
И. М. Черепанов — отец автора книги

М. Т. Черепанова — мать автора книги

А. И. Черепанов (фото 1916 г.)

Г. Н. Тужихин

Члены президиума Исполнительного комитета солдатских депутатов 12-й армии (слева направо): Т. В. Матузков, Ю. А. Шимелиович, С. М. Нахимсон, М. Г. Тракман, В. И. Дешевой



Б. П. Позерн

Я. Ф. Фабрициус

гается тем, что с самого начала она стала осуществлять исконные заветы социализма, последовательно и решительно опираясь на массы, считая своей задачей самые угнетенные, забитые слои общества пробудить к живой жизни, поднять к социалистическому творчеству. Вот почему старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами, отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне. Полная демократизация армии проведена» [1].

И тут вождь революции нарисовал в своей речи образ воина новой армии, фигуру человека с ружьем, которого теперь, впервые в истории, не нужно бояться, «потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров» [2].

Солдатская секция съезда одобрила проект декрета о Красной Армии. Съезд принял написанную В. И. Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой говорилось: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов» [3].

Декрет был обнародован за датой утверждения его Советом Народных Комиссаров — 15 января 1918 г. По всей Республике Советов — в городах, деревнях, поселках, гарнизонах, на передовых позициях — появились листы с ленинским декретом, ленинской подписью.

Так Советское правительство возвестило миру о создании первой в истории социалистической армии, армии трудового народа, надежного оплота завоеваний Октября.

В декрете говорилось, что старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе.

Ввиду этого Совет Народных Комиссаров постановляет: организовать новую армию под названием «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» на следующих основаниях:

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 269.
[2] Там же, с. 269.
[3] ЦГВИА, ф. 2152, оп. 2, д. 30, л. 3.

1) Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс.

2) Доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма. Для вступления в ряды Красной Армии необходимы рекомендации: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование.

Верховным руководящим органом Рабоче-Крестьянской Красной Армии является Совет Народных Комиссаров. Непосредственное руководство и управление армией сосредоточено в Наркомате по военным делам, в созданной при нем Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА.

22 апреля 1918 г. ВЦИК утвердил текст торжественного обещания воина РККА, которое называлось «Формула торжественного обещания». Текст торжественного обещания существовал без изменений до 1923 г., а затем с некоторой корректировкой еще более двух десятилетий.

Как я уже писал, провести запись желающих вступить в Красную Армию необходимо было в очень сжатый срок. Для этого приходилось много беседовать с людьми, агитировать их, разъяснять обстановку.

Подчас это было делать трудно, так как каждый солдат старой армии находил много «за» и много «против». Вот что пишет по этому поводу бывший боец 2-го красноармейского полка Я. И. Костев:

«То были дни тяжких раздумий. Солдату не надо было объяснять, что такое солдатская жизнь. Чего греха таить, раньше чем принять решение о переходе в Красную Армию, каждый из нас многое передумал: шли мирные переговоры, предвиделся конец войны, тяжелым грузом давила на плечи серая шинель, тянуло домой, к мирной жизни. Перед нами открывались светлые перспективы: крестьяне получили землю, рабочие — фабрики и заводы, угнетателей больше нет. Но вставал и другой вопрос. Ну, хорошо, мы уйдем домой, а война-то еще продолжается. Против Республики Советов стоят наготове вооруженные до зубов немецкие войска.. А если мирные переговоры не принесут нам успеха,

что станется с завоеваниями Октября? Ведь теперь мы, рабочие и крестьяне, в ответе за судьбу Родины! Прежние хозяева страны, помещики и капиталисты, будут рады, если придут немцы. Тогда они снова захватят землю, фабрики и заводы, которых лишились в октябре 1917 г.

После долгих размышлений я, как и многие другие революционно настроенные солдаты, вступил в Красную Армию...» [1]

В первую очередь в новую армию вступили политически сознательные солдаты, сразу поддержавшие Советскую власть.

— Власть наша, — говорили они, — нам и надо ее защищать.

8-я рота, которой я тогда продолжал командовать, записалась почти в полном составе и была сразу же объявлена красноармейской.

Я поселился вместе со всеми солдатами в отдельном домике, отведенном для красноармейской роты. Каждый полк в 6-м Сибирском корпусе дал по красноармейской роте, их собрали в тылу дивизии, чтобы свести в батальоны. Во главе одной из рот оказался солдат с перебитым носом — Чернышев, которого я встречал уже раньше. Знал его как человека нечистого на руку, готового поживиться за чужой счет.

Теперь он был одет в офицерскую шинель и папаху. Шинель во всех направлениях перетягивали ремни. Снаряжение дополняли бинокль, полевая сумка и огромный планшет. Сбоку волочилась длинная сабля, в кобуре маузер, а за поясом торчали наган и несколько гранат.

Чернышев появился на фронте после Февральской революции. Прибыл из тыла, его прошлого никто не знал. Он умел подыгрывать под настроение солдат. Видимо, поэтому они и избрали его командиром. Сразу же по приходе к нам он стал создавать общественное мнение, подготавливая свое избрание командиром красноармейского батальона.

В те дни проходили выборы делегатов на съезд Советов солдатских депутатов 12-й армии. Я был избран от нашего батальона и в первых числах февраля выехал на съезд. В мое отсутствие Чернышева избрали командиром батальона.

Съезд Советов солдатских депутатов 12-й армии, одобривший первые декреты Советской власти и выразивший полное доверие Советскому правительству, сыграл большую роль в моей жизни. Здесь я окончательно понял, что только партия большевиков может защитить Родину, пришел к

[1] Вопросы истории, 1968, № 2, с. 134.

убеждению, что поступил правильно, влившись в ряды новой армии.

И вот начало февраля 1918 г. Латвийский город Валка[1]. Съезд проходит в местном театре. В зале делегаты расселись по фракциям: большевики, меньшевики, эсеры. Различить их с первого взгляда, по внешним признакам, невозможно: все в одинаковом армейском обмундировании.

На сцену вышел человек во френче, невысокого роста, встал у стола, чуть подавшись вперед, словно готовый ринуться в бой. Большая часть зала встрепенулась, зааплодировала. Сидя на балконе и разглядывая партер, я уже начал про себя намечать контуры представленных на съезде политических фракций.

Человек, вышедший на сцену, был председатель Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов[2] 12-й армии Семен Михайлович Нахимсон. Много в то время говорили о нем. Передавали, что за участие в революции 1905 г. был приговорен к смертной казни, что человек он образованный — окончил университет.

Армейский съезд собрался для того, чтобы разъяснить представителям солдатской массы, почему декретом ВЦИК распущено Учредительное собрание и какие решения принял только что состоявшийся III Всероссийский съезд Советов. Доклад нашего председателя и был посвящен этим вопросам.

Вначале Семен Михайлович напомнил, что выборы в Учредительное собрание проводились по старым спискам. Делегаты были выдвинуты до Октябрьской революции, и списки не отражали нового соотношения классовых сил. Народ сверг владычество капиталистов и помещиков, в Учредительном же собрании по-прежнему восседали представители эксплуататорских классов.

Советская власть могла бы с самого начала отмести затею с «учредилкой». Но поскольку среди крестьянства и некоторых слоев городского населения вера в буржуазный парламент была еще живуча, требовалось наглядно показать истинное лицо Учредительного собрания. И вот в день его открытия, 5 января, большевики представили на рассмотрение ленинскую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Семен Михайлович сообщил, что большинство учредиловцев, отказавшись присоединиться к ленинской Декларации,

[1] Примыкает к городу Валга Эстонской ССР, с которым до 1920 г. составлял один город — Валка.

[2] Сокращенно — Искосол.

показали свое контрреволюционное лицо. Оставлять далее такой «законодательный орган» было равносильно сдаче позиций, завоеванных в Октябрьском восстании. Вот почему Учредительное собрание было распущено.

— «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» утверждена Третьим Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, — громко, торжественно сказал Нахимсон. — Это наша первая конституция, и мы сумеем защитить ее от любых врагов!..

Начались прения.

Через зал, широко шагая, к сцене проходит делегат богатырского вида. У него энергичное, словно вырубленное из камня, коричневое от загара лицо, прическа бобриком, длинные усы-пики. Поднявшись, он остановился около рампы, окинул зал строгим взглядом. Мне показалось тогда, будто это рыцарь из сказки —величественный, благородный. «Рыцарь» погладил свой бобрик, расправил усы. Говорил недолго, но каждый его довод, как молот по стеклу, бил по врагам Советской власти. Я узнал, что оратор — большевик и что зовут его Ян Фабрициус.

Заполненный делегатами зал, как барометр, реагировал на все происходящее: большевистскую правду встречал громом аплодисментов, одобрительными возгласами; на меньшевистско-эсеро-анархистскую болтовню отвечал свистом, шиканьем, криками «Долой!».

Председательствующий Нахимсон предложил провести голосование:

— Кто за одобрение политики Советского правительства, поднимайте мандаты!

Предупреждение голосовать мандатами оказалось кстати. Меньшевики и эсеры, имея ничтожное количество делегатов, умудрились провести в зал немало своих людей.

Но теперь это было ни к чему, пришельцам оставалось сидеть, потупив взор.

Семен Михайлович произнес заключительное слово. Вдохновенный оратор, страстный боец — таким этот человек остался в моей памяти. Больше ни видеть, ни слышать его мне не пришлось. Через пять месяцев в Ярославле комиссар военного округа Семен Михайлович Нахимсон погиб от рук эсеровских заговорщиков, поднявших мятеж против Советской власти.

После съезда меня вызвали в исполком Советов солдатских депутатов 12-й армии, в отдел по формированию Красной Армии. Здесь я получил совершенно неожиданное задание: выехать в штаб 6-го Сибирского стрелкового корпу-

ca, пригласить туда представителей от красноармейских батальонов и провести выборы командира красноармейского полка, создающегося из добровольцев 3, 14 и 136-й дивизий нашего корпуса.

Комиссар корпуса Шмелев был полностью осведомлен о порученной мне работе. Он тепло меня принял, долго расспрашивал о фронтовой жизни, о взаимоотношениях с солдатами.

— В общем, жили-дружили, так?

— Не ссорились.

— Это хорошо. А как думаете организовать выборы? — спросил Шмелев.

Я честно признался, что даже не представляю, с какого бока взяться за это дело.

— Ну, я помогу вам, сам поговорю с представителями батальонов... Да, а кто такой Чернышев?

Рассказав то немногое, что знал об этом человеке, я заметил:

— По-моему, темная личность.

— А как же он пролез в командиры батальона? — Шмелев нахмурился. — Как допустили такое в дивизии? Вы понимаете, что это может иметь очень тяжелые последствия?

Прошло не так много времени, и я убедился, что комиссар был прав.

Вскоре по вызову в штаб корпуса стали прибывать командиры батальонов и рот. Каждый батальон был представлен еще несколькими командирами взводов.

Раньше других прибыли делегаты 1-го батальона во главе с его командиром бывшим подпоручиком Андрейчуком.

С делегатами беседовал комиссар корпуса. Он подробно расспрашивал, как давно кто воюет, приходилось ли командовать, в каких боях принимали участие. Вопросы комиссара поражали меня своей конкретностью. Как-то сразу перед тобой раскрывались деловые качества человека.

— Тут еще более слабый состав, — сказал мне комиссар, когда закончил беседовать с делегатами от 2-го и 3-го батальонов. — Придется вам, товарищ Черепанов, возглавить полк.

— Как... мне?

— Вот так. Сколько вам лет?

— Двадцать два.

— Маловато. Но не страшно. Да, придется вам. Больше некому. Сами видите.

Мне было даже страшно подумать. Целый полк — солдаты, штаб, хозяйство!

— Ну какой же я командир полка, товарищ комиссар, если и батальоном-то командовать не приходилось?

— Ничего страшного. Поможем, и товарищи поддержат. Правильно? — обратился комиссар к сидевшим в комнате делегатам.

— Да что там говорить, — заметил командир роты Струнин, бывший фельдфебель. — Он, конечно, молод, но пороха понюхать успел и солдата не обидит.

Другие делегаты поддержали Струнина.

Выборы состоялись в большом зале помещичьего дома. Открыв совещание, я огласил приказ по 12-й армии, утверждавший сформирование первых двух красноармейских полков из состава 12-й армии и присваивавший им номера. Наш полк стал называться 2-м красноармейским полком.

«...Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов и управление 12-й армии, — говорилось в приказе, — шлют вам горячий привет, товарищи красноармейцы, своей волей, а не насилием вошедшие в ряды молодого полка. Глубоко верим, что вслед за вами, первыми красными полками, быстро вырастут многочисленные полки молодой свободной России, сильные духом и крепкие волей, спаянные борьбой за счастье и процветание молодой рабоче-крестьянской Республики, высоко поднявшей борьбу за счастье трудящихся всего мира. За победой, молодые красноармейцы, вперед!» [1]

Прочитав приказ, я сообщил, что командование 12-й армии поручило нам, делегатам батальонов, избрать командира 2-го красноармейского полка, и предложил выдвигать кандидатов. Наступила длительная пауза.

— Товарищи! — сказал Шмелев. — По-моему, о кандидатуре командира полка мы уже договорились. И не будем зря время терять.

— Черепанова избрать, — послышался голос Струнина.

— Правильно!

— Других предложений нет? — спросил Шмелев.

— Нет!

— Тогда будем голосовать. Кто за избрание товарища Черепанова командиром второго красноармейского полка, прошу поднять руки.

Моя кандидатура прошла единогласно.

---

[1] ЦГВИА, ф. 2273, оп. 1, д. 221, л. 29—30.

Заместителем командира полка по строевой части выбрали Струнина, помощником по хозяйственной части — прапорщика Фергова. На должность адъютанта избрали прапорщика Григорьева.

Так началась моя служба в Красной Армии. Выбор был сделан окончательно и бесповоротно, на всю жизнь.

ПОД ПСКОВОМ, ВО ГЛАВЕ 2-ГО КРАСНОАРМЕЙСКОГО ПОЛКА

ТЯЖЕЛОЕ НАСЛЕДСТВО. ПРОТИВ ТЫСЯЧИ КРАСНЫХ БОЙЦОВ — ЧЕТЫРЕ НЕМЕЦКИХ ДИВИЗИИ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ! ПОЛК ПОЛУЧАЕТ ПОДКРЕПЛЕНИЕ. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ. ОТПОР ВРАГУ ПОД ПСКОВОМ, РЕВЕЛЕМ, НАРВОЙ.

Уставы всех армий мира предписывают командиру необходимость знания множества всевозможных вещей, и уж конечно же в первую очередь хорошо знать обстановку, силы и боевые возможности своих войск и войск противника.

Что мог я, молодой командир полка, сказать тогда об обстановке? Разве только то, что она была до невероятности тяжелой и запутанной. Боевых действий, как таковых, на нашем фронте еще не велось. Немцы соблюдали перемирие, вернее сказать, использовали перемирие для подготовки к нанесению ударов по Советской Республике. Им не терпелось внести и свой постыдный вклад в крестовый поход против рабоче-крестьянской власти в России.

Гроза приближалась, и это интуитивно чувствовала старая русская армия, процесс разложения и развала которой усиливался с каждым днем и часом.

Штабы по инерции все еще отдавали приказы, но их уже никто не выполнял. Вот что докладывал в те дни по инстанции начальник штаба 12-й армии. «Наверху, — взволнованно констатировал он, — неясно себе представляют состояние фронта... Положение таково, что ни о какой устойчивости фронта в случае наступления противника разговора не может быть. В ротах 30—40 штыков при весьма низком моральном состоянии. Материальная часть в расстройстве. Лошади не ходят. Фуража нет. В некоторых батареях нет прислуги для ухода за материальной частью: так 3-й особый артдивизион не может выступить на позицию, так как он за неимением номеров представляет собой обоз. В 3-й особой дивизии из 3 пулеметных команд лошадей можно набрать только на одну. 23-й Финляндский полк по

своему составу имеет около батальона. Авиадив-12 доносит, что у него нет даже кем охранять аппараты (самолеты). Такова картина почти во всех частях. Нет ни одного полка, где бы в составе было более 500—600 штыков. Продовольствие за последние 10 дней не поступало. Если подвоза не будет, начнется голод»[1].

И как вывод: «При малейшем нажиме противника армия не устоит и, безусловно, обречена на катастрофу.

Поэтому командарм считает необходимым отправить всю конницу и артиллерию в тыл страны с тем, чтобы сохранить ценный конский состав и технику»[2].

О небоеспособности своих войск доносили и командующие 1-й и 5-й армиями Северного фронта. Причем командование 5-й армии рекомендовало заранее отходить, «иначе при наступлении противника ему достанется вся материальная часть. 5-я армия не способна совершенно обороняться»[3].

Соединения и части, длительное время находившиеся на боевых позициях, настойчиво требовали смены, как, например, 6-й и 2-й Сибирские корпуса 12-й армии. Предполагалось, что части 6-го Сибирского корпуса будут сменены частями 49-го армейского корпуса. Однако начальник штаба 49-го корпуса донес в штаб армии, что, «по данным, полученным от председателя корпусного комитета, части корпуса на смену 6-го Сибирского корпуса не пойдут»[4].

Потеряв надежду на смену, многие полки и даже дивизии 1, 5 и 12-й армий начали самовольно покидать боевые участки и позиции на фронте. Ни одну часть 6-го Сибирского корпуса не удалось убедить остаться на позиции до смены их формируемыми частями Красной Армии. Нетерпение солдат нарастало, самовольный уход с позиций продолжался.

В этих условиях было принято решение о спешной смене частей 6-го Сибирского корпуса 2-м красноармейским полком. Ко дню смены «возраст» полка не превышал недели, подразделения полка из-за территориальной разобщенности не были достаточно сколочены. Объяснялось это и тем, что приказ комиссара 12-й армии Нахимсона об объединении новых красноармейских батальонов в полки (организационно и территориально) встретил сопротивление начальников дивизий. Они боялись, что с уходом доброволь-

---

[1] ЦГВИА, ф. 2152, оп. 2, д. 90, л. 144.
[2] ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 80, л. 128.
[3] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 94, л. 2, 7.
[4] ЦГВИА, ф. 2152, оп. 2, д. 90, л. 56.

цев старые части вовсе покинут фронт, и поэтому требовали оставить красноармейские батальоны в дивизиях.

Полностью 2-й красноармейский полк занял 40-километровую полосу обороны 6-го Сибирского корпуса лишь за несколько дней до перехода немцев в наступление. 1-й батальон сменил 3-ю дивизию, 2-й — 14-ю и 3-й — 136-ю. Каждая красноармейская рота сменила тот полк, из которого она выделялась.

Командиры батальонов расположились на командных пунктах дивизий, а командиры рот — на месте бывших штабов полков. Территориальная разобщенность еще больше увеличилась, что невероятно усложняло командование полком.

В довершение всего полк остался без единого орудия: батареи были сняты с позиций одновременно с частями старой армии. Уходя, штаб 6-го корпуса захватил с собой даже все телеграфные аппараты для связи со штабом армии, и штаб нашего полка, сменивший на мызе Набе штаб корпуса, остался без связи с тылом.

С уходом корпусных интендантов, складов и баз снабжения обнаружилась и еще одна неприятность: полк остался без продовольствия и фуража. Вместо обещанного усиленного пайка красноармейцы были вынуждены перейти в буквальном смысле на подножный корм: они разгребали снег, выкапывали из мерзлой земли неубранный картофель. Вместо хлеба бойцы получали скромную порцию твердых, как камень, галет, которые именовались «пряниками Керенского». На мясо пришлось забить тощих лошадей, оставленных ушедшими частями старой армии.

Вот в каких условиях пришлось начинать свой боевой путь одному из первых полков зарождавшейся Красной Армии. Перед нами встала сразу масса вопросов. Как действовать в сложившейся обстановке? Как одному полку заменить целый корпус? Полку, который надо было и вооружать, и снаряжать, и пополнять? В каком уставе искать ответ на эти и многие другие вопросы?

И тем не менее все мы не могли не ощущать того, что присутствуем при рождении новой армии, боеспособной, не похожей на ту, что была вчера. Несмотря ни на что, настроение красноармейцев и командиров в полку было боевое: они стойко переносили все тяготы и лишения. Случаев дезертирства или попыток бросить фронт не было. Чувство ответственности перед новой, социалистической Родиной и политическая сознательность, побудившие этих людей доб-

ровольно пойти в Красную Армию, помогали им терпеть невзгоды и не оставлять порученного поста.

Яркую характеристику мужества и стойкости подразделений 2-го красноармейского полка дает в своей телеграмме, посланной в штаб 12-й армии после смены 3-й Сибирской стрелковой дивизии 1-м батальоном полка, комиссар этой дивизии:

«29.1 (11.2) 1918 года

Управарму-12 Валга

Полки дивизии уползли в тыл. Но выручила гвардия, заняв фронт. Тяжело, но надежда не иссякла. Гвардия стоит бодро, лишь бы была сыта. Дайте формальный приказ о признании 2-го полка отдельной частью дивизии со своим хозяйством. Отпустите аванс, пока можно. И им хватит, надеюсь. Гвардия не бросила фронта. И я пока не покину. Не забудьте только всех нас. Да здравствует Ленин... Да здравствует народная гвардия, свободный народ и грядущая социальная революция.

Именем Красной гвардии дивкомиссар 3 Сиб. Келле» [1].

А что же в это время делала другая сторона, представители которой сели в Брест-Литовске за стол мирных переговоров? Как выглядели войска противника, стоявшие перед нами?

Победа Октябрьской социалистической революции насторожила, встревожила империалистов. Вместе с тем «исчезновение» Восточного фронта, военная слабость молодой Советской Республики подогрели аппетиты немецкой буржуазии и прусского юнкерства.

Германский генералитет начал готовиться к походу на Петроград и Москву с целью территориальных захватов и реставрации в нашей стране старых порядков. Император Вильгельм без стеснения писал сторонникам немецкой ориентации белогвардейскому генералу Краснову: «Никакой «единой России» не будет: Россия будет разделена на четыре царства: Украину, Юго-Восточный союз, Великороссию и Сибирь». Прибалтику предполагалось включить непосредственно в состав Германской империи.

Уже 5 января 1918 г., через две недели после сговора англо-французских империалистов об оказании помощи белогвардейским правительствам и о разделении сфер влияния на юге России, верховное командование германской армии,

[1] ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 471, л. 344.

боясь опоздать к дележу «русского пирога», приказало главнокомандующему Восточным фронтом готовить наступление на Советскую Республику. Так, уже в январе были уточнены последние детали будущей наступательной операции на петроградском направлении, получившей условное наименование «Фаустшлаг» («Удар кулаком»)[1].

Кайзер и его командование рассчитывали мощным ударом на всем русско-германском фронте в короткий срок сломить организованное сопротивление Советской Республики, захватить Петроград и Москву, потопить в крови революцию, расчленить и поработить Россию. Основные силы врага сосредоточивались на трех направлениях: петроградском, центральном (в Белоруссии) и южном (на Украине).

Особое внимание германское командование уделяло петроградскому направлению, рассчитывая здесь кратчайшими путями прорваться к сердцу Республики — Петрограду. На Полоцк, Псков, Ревель и Нарву готовилось наступать до 16 пехотных дивизий, входивших в состав 8-й армии и армейской группы «Д».

Между главными группировками 8-й армии и армейской группы «Д» из района Якобштадт (Екабпилс) на Гулбене и Аташене наносил вспомогательный удар 58-й корпус.

После занятия Пскова и Нарвы намечалось развернуть наступление на Петроград.

Не ожидая серьезного сопротивления войск разваливавшейся русской армии, немецкое командование тем не менее очень тщательно готовилось к операции. Прежде всего оно позаботилось о повышении маневренности своих войск, чтобы сразу же после прорыва укрепленных позиций перейти к стремительному преследованию.

Немецкие войска, изготовившиеся для наступления, имели огромный численный перевес в живой силе и вооружении. Полнокровным немецким соединениям противостояли небоеспособные, слабо укомплектованные части и соединения старой русской армии. Ее полки насчитывали в среднем около 200 человек, что по численности соответствовало немецкой роте. Лишь несколько частей Красной Армии, спешно сформированных накануне наступления врага, могли оказать ему какое-то сопротивление. Однако численность их была также невелика. Громадное неравенство в силах предопределяло характер развернувшихся боевых действий.

---

[1] См.: История первой мировой войны 1914—1918. М., 1975, т. 2, с. 425.

Подготовка к наступлению германской армии подходила к концу. Немецкой военщине нужен был предлог для нападения на Советское государство, которое, по словам кайзеровского фельдмаршала Людендорфа, «привело бы к свержению большевистской власти».

Такой предлог дал врагу Троцкий. Будучи председателем советской делегации в Брест-Литовске, он не выполнил полученных им прямых указаний Ленина и 28 января (10 февраля) заявил об отказе Советской Республики подписать мир на ультимативно предложенных Германией условиях. В то же время он сообщил немцам, что Советская Россия вести войну не будет и продолжает демобилизацию армии. Это было предательством интересов Советской Республики. Мирные переговоры оказались сорванными.

Чудовищное поведение Троцкого развязало руки немецкому командованию, которое заявило, что «неподписание Троцким мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия» [1]. 16 февраля Советскому правительству было сообщено, что с 12 часов 18 февраля 1918 г. Германия будет считать себя в состоянии войны с Советским государством. Тем самым немецкое командование грубо нарушило первую статью договора о перемирии, требовавшую предупреждения о разрыве его за семь дней.

Наступление немецких и австрийских войск на Восточном фронте началось 18 февраля.

Кайзеровские корпуса, развернутые в Прибалтике, сосредоточили основные усилия на псковском и нарвском направлениях.

Для наступления на Псков немцы наметили два основных операционных направления — двинско-псковское и рижско-псковское и вспомогательное — Якобштадт, Остров.

Совет армейских комиссаров 5-й армии 18 февраля отдал войскам приказ, в котором, в частности, говорилось: «...частям, занимающим передовые линии и находящимся на левом берегу Двины, отойти за реку. Город Двинск будет оставлен, мост, склады снарядов, часть ледяной поверхности будут взорваны минноподрывной ротой. В дальнейшем приказываю всем частям... отступать вдоль Псковского шоссе, задерживаясь на выгодных для обороны рубежах... ведя малую партизанскую войну» [2].

После полудня 18 февраля, воспользовавшись начавшимся отходом русских частей с передовой линии на левом

[1] Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924, т. 2, с. 134.

[2] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 215, л. 139—140.

берегу реки Двина, немецкие авангардные отряды с бронеавтомобилями впереди быстро проскочили мосты через Двину и обезоружили караулы на правом берегу реки. Минеры при внезапном появлении немцев растерялись и, несмотря на то что все мосты были заминированы, не взорвали их. Вскоре враг захватил весь Двинск и железнодорожный узел, на котором осталось значительное количество паровозов и вагонов.

На следующий день, ободренный первыми успехами, командующий армейской группой «Д», приказал немецкому 53-му корпусу главными силами наступать вдоль железной дороги и шоссе на Псков и захватить его как «важный пункт главной дороги, ведущей на Петербург» [1].

21 февраля, воспользовавшись несогласованностью действий соединений 5-й и 1-й армий Северного фронта, немцы заняли Режицу (Резекне). Пригнав подвижной состав, захваченный в Двинске, они начали «железнодорожный марш» на Псков по почти не обороняемой железной дороге.

Удар на рижско-псковском направлении, где оборонялась наша 12-я армия, наносили соединения 8-й немецкой армии.

Командир 60-го армейского корпуса, наступавшего в полосе 2-го красноармейского полка, как потом стало известно, приказал выделить от каждой дивизии по два подвижных отряда силою до двух батальонов каждый, усилить их артиллерией и саперами и в случае отхода русских организовать их преследование.

Не имея связи ни с тылом, ни с соседями, я не знал, что левее нашего полка находятся части 43-го армейского корпуса, а севернее, на побережье, — 13-го армейского корпуса. Более того, я даже не подозревал о начавшемся наступлении врага и узнал о нем лишь во второй половине дня 18 февраля, когда командир 3-го батальона сообщил по телефону, что на его участке вражеские войска атакуют.

Теперь читатель представляет, какими сведениями об обстановке, о своих войсках и противнике располагал тогда командир полка. Действовать приходилось на свой страх и риск.

Красноармейские роты вначале упорно сопротивлялись, но противник, имея подавляющее численное превосходство, обошел их, принудив в конечном счете к отступлению.

---

[1] Мировая война, т. 13, прилож. 24, с. 368.

— Сейчас, оторвавшись от немцев, — сообщал командир 3-го батальона, — отходим к Страупе.

«Зря панику развел», — подумал я и приказал:

— Привести людей в порядок, перейти в контратаку и восстановить положение.

— Слушаюсь, — ответил командир батальона.

Но вскоре он позвонил снова и доложил, что батальон не смог остановить противника и под натиском его превосходящих сил продолжает отход.

Сказав, что сейчас приеду сам, я тут же позвонил командирам 1-го и 2-го батальонов — Андрейчуку и Чернышеву. На их участках все было спокойно.

Это навело меня на мысль, что противник проводит обычную разведку боем, а в 3-м батальоне приняли ее за наступление.

Много лет спустя я узнал, что 18 февраля в наступление на огромном фронте от Рижского залива до устья реки Дунай перешли 47 пехотных и 5,5 кавалерийских дивизий противника общей численностью около 700 000 человек. На одном из главных направлений — петроградском — продвигалось около 10 дивизий противника. На 40-километровом участке нашего 2-го красноармейского полка наступали четыре дивизии [1]. Против тысячи бойцов — четыре дивизии!

От штаба до Страупе — часа два езды. Выехал на санях по усаженной липами дороге. Занесенные снегом поля, перелески и разбросанные кое-где мызы — все выглядело удивительно мирно.

Вскоре показалась мыза, где я предполагал перехватить 3-й батальон. Приказав ехать тише, настороженно смотрел вдаль. А вдруг наши отошли и заеду я прямо к противнику в плен? Но тут увидел нескольких красноармейцев. Наши!

Немедленно собрал людей.

— Куда же вы, товарищи? Разве можно бросать фронт? Для этого ли мы записывались в Красную Армию? Ведь нам доверили оборонять подступы к революционному Петрограду. Против вас, целого батальона, какая-то разведка показалась, а вы побежали.

— Не побежали, положим, — раздался голос.

— Ну, не побежали, так побигли, как говорят на Украине, — перебил его другой.

В рядах бойцов послышался смех.

---

[1] 19-я ландверная, 77-я резервная, 1-я и 4-я кавалерийские дивизии, входившие в состав 60-го немецкого армейского корпуса.

— Товарищ командир полка, — заговорил один из красноармейцев, — это не разведка. Я в секрете сидел и видел цепи солдат. И до того явственно, что даже погоны у них заметил.

— Надо было не отступать, а открывать огонь.

— А мы открыли, он обходит нас, — сказал кто-то.

— Значит, слабый огонь, раз противник прошел. Справа от вас первый батальон стоит, вы отступили без приказа и оголили его фланг. Возвращайтесь на прежние позиции.

Бойцы повернули обратно, вместе с ними пошел и я. Но тут ко мне подбежал красноармеец-связист и сказал, что из штаба полка меня срочно вызывают к телефону.

— Ваше присутствие в штабе необходимо, — взволнованно говорил по телефону мой заместитель по строевой части Струнин. — Враг перешел в наступление...

— На каком участке?

— На участке первого батальона.

— Наши держатся?

— С боем отходят.

— Прикажите остановиться. Сейчас вернусь в штаб.

Положил трубку, отозвал в сторону командира батальона и поставил его в известность о положении на участке соседей.

— Как видишь, теперь мое место там, откуда удобнее управлять всем полком. Ты и без меня здесь справишься. Тыловой рубеж для обороны — эта высота, — указал я ему рубеж на местности.

В штабе Струнин доложил, что противник перешел уже в наступление и на участке 2-го батальона.

— К телефону Андрейчука и Чернышева. Какие сведения от третьего батальона?

— Связь с ними прервалась, — ответил Струнин.

Первым был вызван Чернышев.

— Товарищ командир полка! — кричал он в трубку. — Прямо на нас идут. Что делать?

— Открывайте огонь!

— Да немцы совсем близко! — трусливо вопил в трубку Чернышев. — Уже пули свистят...

— Руководи боем! — крикнул я ему.

Разговор прервался.

— Чернышев! Чернышев!

Но командир 2-го батальона не отзывался. Потом телефонист сообщил, что пуля попала в окно дома, где стоял

телефонный аппарат. Чернышев убежал, а батальон отступает по направлению к Лимбажи.

Тут я вспомнил разговор с комиссаром. Да, он был прав. Не следовало идти на поводу у плохо разбирающихся в людях бойцов, доверившихся демагогическим разглагольствованиям проходимца.

Твердо решив при первом же удобном случае избавиться от Чернышева, я связался с командиром 1-го батальона.

— Товарищ командир полка! — спокойно докладывал Андрейчук. — По приказу вашего заместителя батальон выбрал удобный рубеж для обороны. Но едва успели его занять, показался противник. Мы открыли ружейный и пулеметный огонь. И, несмотря на большие потери, немцы нас обошли. Пришлось начать отход.

— Как красноармейцы?

— Дерутся мужественно. Тут позиции нет. Как только найду хороший рубеж для обороны, прикажу занять и доложу.

— Да, на Андрейчука можно было положиться. Он не впадал в панику от свиста пуль и умело руководил людьми.

Чернышев же, несмотря на предупреждение, бездействовал. Его роты были застигнуты врасплох, а 8-я прижата к заливу. Брошенные командиром, бойцы покидали позиции и отходили.

Положение осложнялось. Что делать? Решил оттянуть 1-й и 2-й батальоны в район к юго-западу от Лимбажи. Сюда же перешел и штаб полка. 3-му батальону, отошедшему в Страупе, приказал организовать оборону на узле дорог Страупе — Валмиера и Лимбажи — Цесис и прикрывать дорогу на Валмиеру.

Переводя в Лимбажи штаб полка, я надеялся связаться со штабом армии, доложить обстановку и узнать, что делается на других участках.

Отправив своего заместителя Струнина на станцию Озолы — может быть, там удастся найти какое-нибудь начальство, — попытался связаться по телефону со штабом армии. Уже наступила ночь, а я все еще тщетно разыскивал по близлежащим латвийским городкам, местечкам, хуторам и мызам какое-нибудь «высшее начальство». И тут, как снег на голову, свалилось сообщение, что 1-й батальон, самовольно снявшись с позиции, идет в город. Об этом доложил связной, присланный Андрейчуком. Неужели и Андрейчука солдаты не послушали?

— Почему в город?

— Бойцы говорят, что командир полка уехал в город

развлекаться, а нас в оборону поставил. Чем, мол, мы хуже его: пойдем и мы в город повеселимся.

— Далеко батальон?

— Да, пожалуй, сейчас уже верстах в двух отсюда.

Через несколько минут я помчался на коне к батальону. Встретил его в версте от города и обратился к красноармейцам:

— Товарищи! Что говорится в Положении о взаимоотношениях командира и красноармейца? Раз командира выбрали, — значит, ему доверяют и выполняют все его приказания беспрекословно; не выполняют, — значит, ему не доверяют. Видимо, вы мне не доверяете, раз самовольно оставили позицию... — Низко поклонившись красноармейцам, я сказал:

— Спасибо, товарищи, за то, что вы меня выбрали в командиры, но больше не могу им быть. И если вы не повернете обратно и не займете позицию, какая была вам указана, мне придется с вами проститься. За себя легче отвечать, чем за всех вас. Стану рядовым, а вы выбирайте другого командира.

Бойцы молчали. Ждал и я.

Ночную тишину разорвала команда командира 2-й роты бывшего фельдфебеля Сливы.

— Вторая рота, правое плечо вперед, за мной. Шагом марш!

— Веди! — приказал я Андрейчуку, а сам снова возвратился на узел связи.

Было уже утро, когда я вышел из здания телефонной конторы. Всю ночь не спал, измучился, но ни с кем так и не связался.

Неожиданно послышались резкие протяжные звуки. Заинтересовавшись, я повернул за угол и увидел входящий в Лимбажи батальон Чернышева. Он ехал впереди верхом на коне, в тулупе, надетом поверх шинели, в сопровождении конных ординарцев на тощих лошаденках, а за ними шли два бойца и выдували нечто невообразимое в неведомо откуда добытые сигнальные трубы. За горнистами двигался батальон.

Специально при всех я сделал Чернышеву выговор за самовольное оставление позиции.

Выслушав меня, Чернышев повернулся к бойцам, привстал на стременах и театрально поднял руку.

— Товарищи! Командир полка говорит, что я вами не командовал в бою! — вдруг истерично закричал он. — Да это при старом режиме, что ли?! Как будто вы сами не

знаете, что надо делать: держаться ли на позиции, стрелять или отходить? А что в город вас привел, так разве вам не лучше будет в городе? Мало вы таскались по окопам и землянкам, надо и по-людски пожить.

Такая демагогия не могла привести ни к чему хорошему. Надо было принимать решительные меры, используя предоставленную мне власть.

— Батальон! Слушай мою команду! — И я повел людей на окраину города, чтобы занять там оборону.

Подавляющее большинство бойцов двинулось за мной. Небольшая группа топталась возле Чернышева. Но потом и они пошли за остальными.

Едва удалось восстановить положение на участке батальона Чернышева, как мне донесли, что 1-й батальон, который успешно вел бой с наступающим противником, стал отступать, завидя отход 2-го батальона. Андрейчук решил, что Чернышев оставил позиции по моему приказу и ему также нужно отходить.

Что делать? В таких условиях трудно было организовать защиту Лимбажи. Оставалось отвести полк на дорогу за город и там занять оборону.

В те первые дни, когда Красная Армия только еще создавалась, в ее составе был, как говорил Ленин, «безусловно великолепный боевой материал, но материал сырой, необработанный» [1]. Не удивительно, что возникало немало неувязок, недоразумений, нарушений дисциплины.

...В сумерках, прикрываемая дозорами, на дороге показалась колонна неприятельских солдат.

Я взглянул на установленные по обеим сторонам дороги пулеметы.

— Открывай огонь! — приказал командиру пулеметчиков Газнюку, решив завязать огневой бой, втянуть в него весь полк и таким образом остановить врага.

Лишь только затрещали пулеметы, немцы с удивлением остановились, словно не веря, что их спокойному продвижению по чужой территории кто-то помешал. Затем противник стал откатываться назад.

Вспоминая впоследствии это первое, по существу, еще слабое сопротивление неприятельским войскам, я думал о том, что можно было бы по-настоящему дать отпор врагу даже в этот день, 19 февраля 1918 г., если бы в наших рядах оказались те коммунисты, питерские и псковские рабо-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 408, 409.

чие, которые пришли в армию буквально через два-три дня—22—23 февраля.

Отход противника подбодрил красноармейцев. Вскоре стало совсем темно, и враг прекратил ответную стрельбу.

Со станции Озолы привезли записку от Струнина. Он сообщал, что удалось связаться со станцией Валмиера. Представитель Исполнительного комитета Советов солдатских депутатов 12-й армии Чарин приказал нашему полку двигаться на станцию Озолы, где нас ожидали эшелоны для отправки в Валмиеру.

Меня удивило это распоряжение. Я считал, что нашему полку будет приказано организовать оборону и сдерживать противника, но приказ надо было выполнять.

Когда мы пришли на станцию Озолы, 1-й и 2-й батальоны сразу начали погрузку в вагоны, 3-й батальон вступил в это время в бой на валмиерском направлении.

Струнину, Фергову и Газнюку вместе с конными разведчиками и хозяйством полка я приказал отходить по дороге на Тарту, так как для них не было места в эшелонах.

В Валмиере я прежде всего нашел Чарина. Доложил ему о состоянии полка, попросил два-три дня, чтобы привести его в порядок. Этого времени, конечно, было мало, если учесть, что предстояло еще дожидаться 3-й батальон.

Однако Чарин сообщил, что полк переходит в резерв командования Северного фронта и должен немедленно отправиться в Псков.

— А как быть с третьим батальоном?

— Здесь остается ряд товарищей, и, если батальон подойдет, его отправят вслед за вами.

Вся станция Валмиера была забита составами с эвакуируемым имуществом. На эшелоны, точно мухи на мед, налипли не пожелавшие вступить в Красную Армию и теперь панически убегавшие от немцев солдаты. Неразбериха была невероятная. Наш полк вагонов не получил. Я собрал красноармейцев, объяснил положение и предупредил о трудностях, ожидающих их по пути в Псков.

— Поскольку вагонов нам не выделили, добираться придется мелкими группами, рассаживаясь по разным эшелонам.

Затем разбили солдат на группы, назначили старших. Условились: сбор в Пскове — Иркутские казармы.

Меня все время не покидала мысль, что принятое решение очень рискованное. Но другого выхода я не видел. Между тем жизнь показала, что это своеобразное испытание пошло на пользу нашему красноармейскому полку: случайные элементы по дороге дезертировали, а люди, со-

знательно пожелавшие защищать Советскую власть, прибыли на сборный пункт в Псков.

Отправив полк, я некоторое время оставался в городе, ожидая, не подойдет ли 3-й батальон. Но его не было. Станция опустела. На путях стоял единственный эшелон.

Вместе с адъютантом полка Григорьевым зашел в пассажирский вагон. Он был битком набит офицерами. Среди них неожиданно увидел Урбанковского.

— Что это у тебя на рукаве, не разберу? — спросил он, приглядываясь к моей повязке.

— Буквы «КП» обозначают командир полка.

— Это ты командир полка? — с иронией заметил Урбанковский. — Давно ли так преуспел?

В разговор вмешался сидевший рядом с Урбанковским кавалерист в офицерской шинели. В его разговорах чувствовалась беспредельная, буквально зоологическая ненависть к большевикам, к Советской власти и Красной Армии. Конечно, мы не могли понять друг друга. Все же я сказал:

— По моему мнению, каждый честный русский офицер должен определить свое отношение к тому, что происходит сейчас в России. Настоящий патриот будет защищать Родину в рядах Красной Армии.

— А мы едем в Сибирь, — заметил кавалерист, показывая на сидящих в вагоне офицеров, — и там создадим новую, не красную, а белую армию, развернем фронт по Волге и оттуда через Совдепию двинемся навстречу немцам.

— Кого же вы бить собираетесь: немцев или свой народ?

— Немцев и большевиков.

Как раз в это время поезд тронулся. Мы с Григорьевым сошли с него на следующем полустанке и сели в другой эшелон, переполненный бойцами и эвакуируемым имуществом. Урбанковский и его друзья проводили нас взглядами, полными ненависти.

И за время пребывания в Валмиере я не смог составить ясного представления о том, что происходит на других участках Северного фронта. Да и Валмиера 22 февраля была занята немецкими частями.

Захватчики взяли здесь в плен 20 красноармейцев, в том числе члена Исполнительного комитета уездного Совета рабочих и солдатских депутатов, стрелка запасного Латышского полка А. Дылле. Красноармейцы были расстреляны, а большевик Дылле повешен на площади.

Вот каким языком германские империалисты с самого начала заговорили с представителями Советской власти и

Красной Армии! Не гуманным языком международных конвенций, а звериным языком классовой ненависти к тем, кто поднялся на защиту революции, на защиту своего права жить свободно, без помещиков и капиталистов.

Так было не только в Валмиере.

Ясной картины происходящего на фронте, повторяю, не было, но все говорило о том, что картина эта безотрадная. Развал частей старой армии достиг апогея, полки и дивизии самовольно уходили в тыл. Так, на станции Лигатне, которую должна была оборонять 109-я пехотная дивизия, к полудню 18 февраля остались лишь командиры 433-го и 434-го полков с адъютантами, четыре телефониста и шесть разведчиков.

В Смольный, по словам В. И. Ленина, с фронта шли «мучительно позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве» [1].

В этих условиях вся тяжесть обороны Советской Республики ложилась на вновь формируемую, но еще окончательно не организованную Красную Армию. Работа по формированию последней до крайности затруднялась как общей разрухой в стране, так и беспорядочным отступлением с фронта войск старой армии, забивших все дороги и прифронтовые районы.

Встречая на своем пути организованное сопротивление лишь на отдельных участках фронта, лавина войск интервентов стремительно катилась к Пскову и Нарве. Над Петроградом нависла смертельная угроза.

Большевистская партия и Советское правительство развернули огромную работу по мобилизации всех сил страны для отпора немецким захватчикам.

21 февраля 1918 г. В. И. Ленин от имени правительства обратился ко всем трудящимся страны с декретом-воззванием «Социалистическое отечество в опасности!».

Во исполнение постановления Совета Народных Комиссаров был создан Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа.

21 февраля город Петроград и Петроградский военный округ были объявлены на осадном положении, а для объединения в одном органе руководства войсками и обороной города был образован Комитет революционной обороны во

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 394

главе с Я. М. Свердловым. В него вошли видные партийные, советские и военные работники — В. Д. Бонч-Бруевич, С. И. Гусев, К. С. Еремеев, Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин, Н. И. Подвойский и другие.

Комитет революционной обороны находился все время в Смольном в непосредственной близости от В И. Ленина. Душой Комитета был Я. М. Свердлов, обладавший кипучей энергией. Часто, когда обсуждались важнейшие вопросы обороны Петрограда, на заседаниях Комитета присутствовал Владимир Ильич.

Сразу же были определены два главных направления, на которых необходимо было дать отпор врагу: нарвское и псковское. Основная работа Комитета революционной обороны заключалась в организации боевых рабочих отрядов, их вооружении и срочной отправке на фронт. Навстречу врагу из Петрограда направлялись и некоторые части старой армии, правда малочисленные, но сильные революционным духом оставшихся в них добровольцев. На полную силу заработала Всероссийская коллегия по организации и управлению РККА.

Декрет-воззвание Советского правительства «Социалистическое отечество в опасности!» нашло всеобщую поддержку и одобрение трудящихся Республики, стало программой их борьбы с иностранным нашествием.

Ленин был глубоко убежден, что революция справится с колоссальными трудностями и найдет силы для отпора врагу. Последующие события под Псковом, Ревелем и Нарвой подтвердили предвидение вождя революции.

Наш поезд все ближе подходил к Пскову. О том, что происходило в городе до нашего прибытия, впоследствии рассказал бывший член Военной коллегии и ответственный организатор Красной гвардии «Верхосева»[1] Я. Т. Леонов:

«17 февраля 1918 г. в управлении войсками Северного фронта и «Верхосеве» было получено прямое указание В. И. Ленина: в связи с объявлением германским верховным командованием о прекращении перемирия с Советской Республикой и вероятным наступлением противника срочно принять необходимые меры к задержанию продвижения немецких войск на псковском и нарвском направлениях; занять надежными и преданными революции частями удоб-

[1] «Верхосев» — Верховный совет Северо-Западной области и Северного фронта. Создан на съезде Советов Северо-Западной области и Северного фронта, состоявшемся в ноябре 1917 г. в Пскове.

ные и выгодные в боевом отношении позиции и удерживать их до подхода подкреплений из Петрограда.

Сразу же состоялось объединенное совещание Президиума и Военной коллегии «Верхосева» с участием командования Северного фронта и представителей ряда подведомственных фронтовых органов. На совещании было решено в тот же день подготовить для отправки на фронт отряд псковских красногвардейцев, командовать которым поручили мне, и отряд красногвардейцев железнодорожных войск во главе с членом Военной коллегии «Верхосева», бывшим матросом большевиком Базилевичем. Нашим отрядам предстояло занять под Псковом предложенные командованием Северного фронта позиции и любой ценой удерживать их до прибытия 2-го красноармейского полка, который по решению «Верхосева», как заслуживающий особого боевого доверия, перебрасывался на этот ответственный участок.

Всем партийным и военным организациям было предложено развернуть энергичную работу по мобилизации сил и средств в помощь фронту, подготовить к вывозу наиболее ценное имущество, а что нельзя вывезти — привести в негодность или уничтожить. Особое внимание обращалось на пополнение формировавшихся частей Красной Армии и красногвардейских отрядов добровольцами. С этого дня вербовка добровольцев на вербовочных пунктах Пскова и других прифронтовых городов и отправка их на фронт производились круглосуточно. Причем добровольцы направлялись на фронт не только командами или группами, но и в одиночку. И я не помню случая, чтобы кто-либо из добровольцев не прибыл к месту своего назначения.

В указаниях В. И. Ленина особое значение придавалось усилению партийного влияния в частях Красной Армии. Президиум «Верхосева» совместно с командованием фронта и партийными органами Пскова отобрали и направили на боевые позиции группы стойких большевиков в основном с дооктябрьским партийным стажем. Среди них были солдат старой армии, член Военной коллегии «Верхосева» Васильев, красногвардеец Шашин, красногвардеец-путиловец Калинин, рижский рабочий латыш Тылтин, рабочий псковских железнодорожных мастерских Мельник и другие.

19 февраля 1918 г. на пленарном заседании исполкома Псковского губернского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов по предложению большевиков обсуждались неотложные меры, которые необходимо предпринять для организации отпора наступающему врагу. Псков и его окрестности с 12 часов 20 февраля объявлялись на

осадном положении; для организации обороны города был создан Чрезвычайный штаб. В городе формировались красноармейские отряды. К исходу 21 февраля здесь в Красную Армию записалось 450 человек[1].

20—21 февраля 1918 г. отряды псковских красногвардейцев и революционных солдат железнодорожных войск заняли боевую позицию в районе станции Череха. Вооруженные лишь винтовками и ручными гранатами красногвардейцы поклялись выполнить приказ Ильича и удержать свои позиции до подхода 2-го красноармейского полка и подкреплений из Петрограда.

Сразу же по приезде в Псков — это было вечером 21 февраля — я отправился в штаб Северного фронта, который помещался в здании бывшего кадетского корпуса.

На вопрос, где можно найти кого-нибудь из командования Северного фронта, мне указали на дверь с табличкой «Телеграфная». Войдя в большую комнату, я увидел невысокого лысоватого человека в расстегнутом пальто. Внешне он походил на ученого — в нем не чувствовалось ничего военного. Это был комиссар Северного фронта Борис Павлович Позерн. Вид у него был усталый, должно быть, он давно потерял счет бессонным ночам. Позерн переходил от одного телеграфного аппарата к другому, принимал нерадостные донесения из армий. Тут же обобщая их, он передавал данные обстановки в Петроград, получал оттуда указания. Одновременно выслушивал доклады подчиненных, отвечал на вопросы, отдавал приказы. К нему шли и шли командиры, штабные работники, руководители местных советских органов.

Позерн ознакомил меня с обстановкой на Северном фронте и в стране. Она была очень тяжелой.

— Вражеские войска пока еще не встретили организованного сопротивления, — говорил мне комиссар. — Дорога на Петроград открыта. Из Смольного передали, что войска кайзера двинулись также на Украину и в Белоруссию. Вы должны сказать бойцам, что обстановка в стране требует от всех нас решительных мер для спасения революции. Здесь, в Пскове, мы с вами защищаем Петроград.

Позерн прохаживался у большой карты, то и дело поглядывал на нее.

— Весь рабочий народ Петрограда становится под ружье, и скоро его отряды выступят нам на помощь. Это

---

[1] См.: Вопросы истории, 1968, № 2, с. 128.

тоже передайте бойцам. Нужно привести полк в порядок и немедленно занять оборону.

— Мне необходима неделя, чтобы добиться боевой готовности и освободиться от неустойчивых и недисциплинированных элементов, — сказал я.

— Семь дней? — переспросил с удивлением комиссар.— Вы, видимо, плохо поняли меня. Пока вы такими темпами будете готовить полк, войска противника подойдут к Пскову и займут его. Оборонять город некому. Понимаете вы это? Некому! Заняв Двинск, враг получил возможность наступать на Псков. — Позерн вынул из кармана часы, посмотрел на них и добавил:—Сейчас еще рано. Нет и восьми часов. Завтра к этому времени — к восьми вечера точно — прошу привести полк в порядок. Сутки — срок немалый. В ночь на двадцать третье вышлите передовой отряд и займите оборону в районе станции Череха. А с утра двадцать третьего всем полком подготовьте оборону по рекам Многа и Череха. Перехватите железную дорогу и шоссе у станции и деревни Лопатино. Держитесь до подхода отрядов из Петрограда.

Позерн показал на карте места, где мы должны были занять оборону.

— Но мне надо время, чтобы сколотить людей, подтянуть, подучить...

Комиссар перебил меня:

— Учить красноармейцев незачем, все они старые солдаты. А подкрепить вас надо. Дадим вашему полку хорошее подкрепление.

— Артиллерию? Связь? — радостно спросил я.

Борис Павлович засмеялся:

— Нет. Артиллерии пока дать не можем. И насчет связи повременить придется. Агитаторов дадим! Все они рабочие, коммунисты. Помогут несомненно. И еще: перешерстите состав командиров. Уберите тех, кто мешает.

— Но у нас теперь выборное начало.

— Во всем должна быть организованность. Вы перед красноармейцами прямо и откровенно ставьте вопрос о неспособности командира. А если вы не очень надеетесь на результат, займите командира любым делом и назначьте другого вместо него. Или дайте ему в помощники толкового, подготовленного человека, который фактически и будет за него командовать в бою. Это, конечно, не выход, но как временная мера допустимо. А вообще говоря, единого рецепта быть не может. В каждой роте и в каждом батальоне

свои особенности. Все вопросы решайте исходя из конкретной обстановки.

Проницательность комиссара поразила меня. Он говорил так, словно знал о безобразиях, которые в сложной боевой обстановке позволял себе Чернышев.

Этот разговор буквально окрылил меня. Казалось, он прибавил мне командирского опыта.

— Действуйте смелее, не бойтесь самостоятельности и поменьше занимайтесь уговариванием, — сказал на прощание Позерн.

Из штаба фронта в полк я возвращался уже не один. Рядом шагал первый из обещанных Позерном коммунистов — агитатор Калинин. Он был чуть постарше меня, лет 23—24-х. Хотя одет Калинин был в гражданский костюм, но с винтовкой обращался умело, и она ладно висела у него на ремне. Калинин рассказал, что служил в петроградской Красной гвардии, 25 октября принимал участие в штурме Зимнего дворца.

Я немедленно собрал в казарме всех бойцов полка. Тесно сгрудившись вокруг Калинина, они жадно слушали питерского большевика, хорошо информированного о событиях последних дней, об экстренных мероприятиях партии и правительства, предпринятых для организации отпора германским империалистам.

Калинин имел с собой текст декрета-воззвания «Социалистическое отечество в опасности!», только что полученный по телеграфу из Петрограда. Помню, с каким вниманием слушали мы агитатора, когда он читал декрет при колеблющемся свете коптилок. Тревожные слова воззвания западали в душу.

Окончив чтение, Калинин громко сказал:

— А написал этот декрет Владимир Ильич Ленин.

Декрет Совета Народных Комиссаров взволновал бойцов. В казарме стояла глубокая тишина, каждый старался получше осмыслить то, к чему призывал Ленин.

Вскоре подошли остальные агитаторы. Старичок латыш рижский рабочий Тылтин был одет в черную куртку и брюки навыпуск. Из-под низко надвинутой шапки смотрели серьезные добрые глаза. Второй агитатор — Степанов, высокий путиловец в бекешке из шинельного сукна. Третий — немолодой рабочий из псковских железнодорожных мастерских по фамилии Мельник. Здороваясь, он сказал:

— К вам на помощь пришли.

Агитаторы сразу же приступили к работе. Тылтин, сидя у топившейся печки, медленно, спокойно, как опытный учи-

тель, объясняющий урок ученикам, рассказывал сгрудившимся вокруг него красноармейцам о том, что делается в стране. По внимательным и сосредоточенным лицам бойцов и по тому, как было тихо вокруг, чувствовалось, насколько близки им слова рижского рабочего.

Путиловец Степанов также собрал вокруг себя группу бойцов.

Из другой комнаты доносилось пение. Сильным голосом Мельник запевал:

Мы — кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастия ключи...

Песню подхватили десятки голосов.

...Зимний день короток. А до вечера надо было сделать очень многое: получить боеприпасы, продовольствие, теплые вещи, решить множество других вопросов.

С утра я снова отправился в штаб фронта.

Толпы людей стояли у больших афишных тумб и стен домов, читая только что наклеенный декрет Советского правительства «Социалистическое отечество в опасности!».

Перед штабом я увидел группу солдат. Они стояли у афишной тумбы и жадно слушали слова декрета, который им читала девушка, по виду гимназистка. Когда девушка кончила читать, пожилой солдат-бородач погладил ее по рукаву и тихо сказал:

— Спасибо, дочка.

Затем он обратился к остальным:

— Пошли!

— Куда? — не понял низенький курносый солдат.

— Идем вступать в Красную Армию...

...Часам к четырем я закончил все дела в штабе фронта и в интендантском складе. Вернувшись оттуда, приступил к реализации указаний Позерна — «перешерстить» командиров.

Эта «операция» во всех подразделениях, где она проводилась, прошла безболезненно, за исключением 6-й роты. Все тот же Чернышев, не желая расставаться со «своим человеком», категорически воспрепятствовал замене командира роты.

И тут я окончательно решил, что Чернышеву дальше нельзя оставаться командиром батальона. Следуя совету Позерна, предложил ему временно стать моим помощником по хозяйственной части вместо Фергова, который в это время где-то продвигался к Пскову с обозом.

В тот же день Чернышеву было приказано выписать кое-какое обмундирование и медикаменты. Он отправился в штаб, и больше мы его не видели.

...За один день полк буквально преобразился. Большевики-агитаторы, добровольцы из местных рабочих и солдат старой армии, а также прибывшие из Петрограда красноармейцы пополнили наши поредевшие батальоны. Высоким патриотическим подъемом были охвачены все бойцы и командиры.

В казармах стало людно. В большой комнате высоко стоял дым самокруток. У стола, где записывались в наш полк добровольцы, в течение всего дня толпились солдаты-фронтовики и рабочие псковских железнодорожных мастерских.

Между прочим, пришла и группа солдат, которую я уже встречал сегодня. А вскоре, к своему удивлению, увидел и сероглазую девушку, читавшую солдатам воззвание.

— А ты куда, егоза, пробираешься? — спросил ее тот самый пожилой солдат-бородач, который несколько часов назад слушал, как она читала ленинское обращение.

— Записаться хочу.

— Девок в солдаты не берут.

— Возьмут! — уверенно ответила она.

— Ишь ты какая шустрая?

— В чем дело, товарищи? — спросил я.

— Вот он говорит, — сказала девушка, указывая на бородатого солдата, — что меня в Красную Армию не возьмут, а Ленин всех призывает на защиту революции. Как же это могут меня не взять?

— А сколько вам лет?

— Скоро восемнадцать, — ответила она не совсем уверенно.

Девушка рослая — я поверил. Лишь спустя много лет узнал, что тогда ей было всего шестнадцать лет.

— Грамотная? — спросил полковой адъютант Григорьев, проводивший запись добровольцев.

— Учусь в гимназии.

— Писарем будешь. Как фамилия?

— Нет, мне винтовку дайте.

— Вот как? — засмеялся Григорьев. — Ладно, посмотрим. Фамилия, имя, отчество?

— Махновская-Золоцевская Ангелина Дмитриевна.

— Кто отец?

— Из крестьян

Так Ангелина Махновская, стала бойцом 2-го красноармейского полка, сражалась с немецкими захватчиками под Псковом, стала пулеметчицей.

Шли годы. Отважная девушка прошла в красноармейских рядах славный боевой путь от стен революционного Петрограда до седого Урала. Там заболевшая тифом Ангелина попала в плен к белогвардейцам. Пермская каторжная тюрьма. Пытки, истязания. В числе других обреченных отважную девушку вывозят в «эшелоне смерти» в Харбин. Из концентрационного лагеря она бежит к партизанам Сергея Лазо и храбро дерется с японскими интервентами.

В годы Великой Отечественной войны коммунистка А. Д. Махновская-Золоцевская сначала преподает в военном училище, а затем добивается отправки на фронт и победу встречает в Чехословакии. Орден Красного Знамени и многие медали украсили грудь патриотки.

По примеру матери двое ее сыновей допризывного возраста добровольно ушли на фронт и погибли...

В марте 1963 г. смерть оборвала светлую, полную революционной романтики жизнь славной героини гражданской и Великой Отечественной войн.

Поздно вечером 22 февраля передовой отряд 2-го красноармейского полка в составе 2-й роты под командованием Николая Сливы выехал на автомашинах из Пскова к рубежу обороны.

Для усиления огневой мощи отряда ему придали два пулемета и расчеты во главе с командиром пулеметной роты Пахомовым. Стрелки и пулеметчики быстро оседлали шоссе, железную дорогу и высотку на правом берегу реки Многа. Бывший фельдфебель Слива, невысокого роста, подвижный украинец, был смелым и опытным командиром, в роте его очень уважали.

На станции Череха уже заняли оборону отряды псковских красногвардейцев и солдат железнодорожных войск, высланные туда раньше. В их составе находились саперы-подрывники, которые подготовили к взрыву мосты через реки Многа и Череха.

Рано утром 23 февраля бойцы 2-го красноармейского полка сосредоточились в деревне Большое Лопатино и на позициях на реке Череха.

4-й красноармейский полк под командованием В. И. Строганова сосредоточился юго-восточнее Пскова, в районе деревни Филатово.

Получив донесения о занятии частями своих боевых участков, комиссар 12-й армии С. М. Нахимсон сообщил в штаб Северного фронта, что «общими усилиями псковских организаций и 12-й армии организована оборона псковских, изборских и островских позиций».

Уже во второй половине дня наш полк и псковский отряд красногвардейцев отбили ожесточенные атаки противника.

До 23 февраля немцы, не встречая организованного сопротивления, быстро шли вперед. Надеясь на легкую победу, они двигались прямо эшелонами по железной дороге или на автомашинах и подводах по шоссе.

Впервые враг получил серьезный отпор — хотя и от пока малочисленных отрядов молодой Красной Армии.

Вражеская легковая машина, вооруженная ручным пулеметом, далеко оторвалась от своих передовых частей и нагло выскочила к мосту через реку Многа. Тут она попала под огонь роты Николая Сливы. Шофер хотел развернуться и удрать, но машина съехала задним колесом с дороги и застряла в кювете. Офицер, шофер и два солдата были убиты, а исправный пулемет с машины снят и использован против наступающего противника.

Вскоре из-за холма показался железнодорожный состав. Впереди паровоза находились две платформы. Укрытые мешками с песком, грозно выглядывали орудия и пулеметы. За паровозом снова оборудованные для боя платформы, а дальше вагоны с людьми и имуществом. Замыкал состав второй паровоз — в случае если первый будет подбит, ему предстояло оттянуть весь состав в тыл. Это и пришлось сделать немцам после того, как наши пулеметы открыли яростный огонь.

Для медицинского обслуживания красноармейских и красногвардейских отрядов из 908-го полевого запасного госпиталя была выделена санитарная летучка (несколько железнодорожных вагонов). Ее возглавлял врач-хирург Тархов, ему помогали фельдшер Н. П. Высоцкий, медсестры П. А. Резниченко (Карпелюк) и Карузина.

Когда начался бой, у нас появились раненые. Медсестры Карузина и Резниченко немедленно начали оказывать им первую помощь прямо в цепи. С помощью выделенных им санитаров относили и отводили раненых с поля боя под прикрытием леса к железнодорожной будке, а потом и к нашему поезду. Стоял очень сильный мороз, и работать медикам было нелегко.

Во время боя наши подрывники сгрузили с платформы взрывчатку, заложили ее под мостами через реки Многа и Череха и взорвали их[1].

Наступило томительное затишье, но не прошло и часа, как по обеим сторонам дороги показалась пехота противника.

Высота, на которой стояла деревня Большое Лопатино, господствовала над окружающей местностью, и с нее хорошо просматривались окрестности. Поэтому на ней я оборудовал командный пункт.

На крутых берегах рек Многа и Череха залегли цепи бойцов 2-го красноармейского полка. На высоком холме тщательно замаскировались пулеметчики. Позади нашей обороны — Псков.

По железной дороге, шоссе и окраине деревни занял оборону 1-й батальон, левее — 2-й. Дальше тянулись покрытые снегом обширные луга с разбросанными кое-где неубранными стогами сена. Вдали поднимались гряды возвышенностей и виднелись перелески.

В морозном воздухе резко прозвучал орудийный выстрел. Снаряд упал где-то за деревней, не разорвавшись. Второй не долетел до нее и ухнул близ дороги. Два последующих угодили по соседству с полковым обозом.

Спустя несколько минут снаряд разорвался совсем близко за домами деревни.

От Сливы донесений не поступало. Посланный к нему ординарец не возвращался. Я напряженно прислушивался, тщетно стараясь по звукам определить, что происходит на его участке.

— Смотрите, товарищ командир полка, неприятель в обход пошел, — показал влево коновод.

Я взглянул в указанном направлении. Действительно, по прогалине двигались вражеские солдаты, часть из них уже прошла перелесок и цепочками спускалась к реке.

С каждой минутой их становилось все больше и больше. «В обход роты Сливы идут», — с тревогой подумал я, а вслух сказал коноводу:

— Так быстро там не пройдут, река задержит.

— Почему не пройдут? По льду очень просто.

---

[1] О том, что железнодорожные пути южнее Пскова подорваны, а мосты разрушены, была послана телеграмма из Пскова в Гатчину, в полевой штаб действующего фронта. Из Гатчины эта телеграмма 24 февраля была передана в Петроградский Чрезвычайный штаб военного округа (ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 87, л. 39). — *Прим. ред.*

— По льду? — я вздрогнул, и сердце часто-часто забилось.

Какая нелепость! Может ведь найти такое затмение! Я построил оборону из расчета, что река явится для противника естественной преградой. Так меня учили, что было правильно для любого времени года, кроме зимы. Но как можно было выпустить из виду, что река зимой замерзает! Конечно, когда река покрыта льдом, лучше всего было построить оборону по краю деревни и по скатам высотки с лесом. Противник тогда бы не видел, что делается в нашем тылу, а перед фронтом мы имели бы широкую полосу открытой местности, удобной для обстрела. А теперь? В случае вынужденного отступления нашим ротам самим предстояло отходить по открытой местности. Да и левый фланг оказался открытым.

Что делать? Как исправить положение?

Действовать надо было быстро — от этого зависел успех дела. Резервная 6-я рота расположилась поблизости, за сараями, и я приказал выдвинуть ее уступом на лесистый пригорок, чтобы обеспечить левый фланг.

Но тут случилось непредвиденное.

— Куда мы пойдем? — возразил командир роты Козлов. — Как выставит враг пулемет вот на ту высотку да как чесанет, так никто из нас и не уцелеет.

— Ты поведешь роту, — приказал я адъютанту Григорьеву, — а Козлов пойдет твоим помощником.

— Слушаюсь! — ответил Григорьев и бегом повел роту на высотку.

— Боюсь, — обратился я к Калинину, — как бы левофланговая рота, заметив обход неприятеля, не отошла.

— Не волнуйся, я поеду к ним, — предложил Калинин.

— Поезжай!

Приказав Андрейчуку выдвинуть 1-ю роту за реку, влево от шоссе, чтобы обеспечить левый фланг и тыл 2-й роты, сам я решил подъехать на лесную высотку, куда направилась 6-я рота.

Командир 1-й роты Можаровский в короткой, типа венгерки, куртке, забравшись на приставленную к чердачному окну лестницу, наблюдал за передвижением противника. Несколько поодаль стоял красноармеец Петров, наблюдатель от взвода. Однако он не столько смотрел за немцами, сколько любовался снаряжением командира роты: новые ремни, красивая кобура, полевая сумка.

— Эх, кабы батарею сюда. Хоть одно орудие, — вслух рассуждал Можаровский. — Особенно дать бы вот по той кучке.

— По которой, товарищ командир? — спросил Петров.

Можаровский с помощью спичечного коробка прикинул расстояние.

— А вот что левее поль-пять от сосны, — щегольнул он артиллерийским термином.

Можаровский, артиллерийский фейерверкер, перешел в пехоту добровольно, в знак протеста против самовольного оставления его батареей позиций и ухода в тыл. Он был дисциплинированным, безусловно преданным Советской власти человеком, но как артиллерист не мог за короткое время овладеть спецификой командования стрелковой ротой, и поэтому к нему в Пскове был «приставлен» помощником Михаил Стукаленко.

Будучи умным человеком, Можаровский сразу понял, какую неоценимую услугу ему оказали, назначив опытного помощника. Командир и помощник быстро нашли общий язык, как говорят, сработались.

Увидев издали комбата, неторопливо подошел высокий, широкоплечий Стукаленко.

Андрейчук поставил 1-й роте задачу: перейти мост, выдвинуться по берегу влево от дороги и, заняв рубеж по опушке леса, прикрыть фланг 2-й роты.

— В стык между вами и второй ротой псковские красногвардейцы выставят заставу, свяжитесь с нею, — добавил комбат.

— Я как раз в том направлении разведку выслал, — доложил Стукаленко и, обратившись к Можаровскому, спросил: — Прикажете роту выводить?

Первая рота заняла указанный ей рубеж и выставила сторожевое охранение.

Вдоль берега против левого фланга полка в расположении противника наблюдалось движение. Видимо, немцы готовились к атаке. А в тылу, примерно в полукилометре, растянулись по дороге мотоциклы, машины, подводы — весь транспорт подвижного отряда противника.

— Пешком не ходят, разбойники, — сказал Стукаленко. — И все прибывают. Вот бы артиллерию.

— И я про то говорю, — отозвался на слова помощника Можаровский.

Между тем на противоположном берегу реки, на левом фланге полка, в ложбинах и в кустах накапливалось для атаки все больше солдат противника. По ним вела огонь

7-я рота Иннокентия Будакова, занимавшая оборону вдоль изгиба реки.

— Реже стрелять, только наверняка! — приказал Будаков. Привалившись грудью к высокому склону оврага, он внимательно наблюдал за действиями противника. — Патроны беречь, пригодятся!

Неприятель открыл артиллерийский огонь. За первым снарядом в расположении роты Будакова разорвался второй, третий. А потом и считать перестали. Бой начинался при явно неравных условиях: наша винтовочная пуля против немецкого снаряда. Красноармейцы стали терять уверенность, заколебались, но тут подошел агитатор — коммунист Тылтин. Одетый в большой, не по росту, полушубок и валенки, он шагал вдоль цепи от отделения к отделению.

— Важно противника задержать именно тут, — разъяснял Тылтин бойцам. — Дальше отступать некуда. Перед нами речка Череха. И защищаем мы здесь не просто Череху, а Петроград — столицу Советской Республики.

Между тем противник усилил артиллерийский огонь. Неприятельские солдаты стали перебегать по льду через реку под защиту обрывистого берега. Расстояние до противника сократилось теперь до 70—100 м.

Обстановка усложнялась.

— Что случилось с Загоруйко? — злился Будаков, видя бездействие командира соседней, 8-й роты. — Почему молчит, не ведет огня? Придется сбегать к нему, — сказал он Тылтину. — Ну и дам я ему...

— Оставайтесь с ротой. Я сам пойду к Загоруйко, — сказал Тылтин. — Надо там людей поднять. — Агитатор под огнем пошел в 8-ю роту.

— Идут, идут, — тревожно забормотал один из красноармейцев и начал отползать в тыл, увидев приближающихся немцев.

— Стой! — закричал Будаков. — Стой! Ни с места!

Бойцы в центре роты, начавшие было отходить, возвратились на свои места.

Заметив, что один из немецких офицеров, не укрываясь идет, стреляя из маузера, Будаков вскинул винтовку.

— Одним меньше. Держись, братцы...

В этот момент неприятельские солдаты стали метать ручные гранаты на наши позиции. В ответ полетели гранаты красноармейцев. Но у немцев гранаты с длинными ручками, они кидали их дальше.

Будаков еще до начала боя присмотрел впереди, шагах в десяти, выемку. Туда он и скомандовал переползти крас-

ноармейцам. С переменой позиции условия гранатометного боя стали одинаковыми для обеих сторон.

Будаков уже особенно не укрывался. Стоя на одном колене, он вел огонь из винтовки и управлял боем роты.

Вдруг вблизи от него разорвался снаряд. Будаков упал.

— Командира убили! — крикнул кто-то из бойцов.

К ротному подпола красноармеец Уфимцев.

Будаков открыл глаза и снова закрыл их.

— Не убит он, видишь, крови нет. Контужен малость,— заметил Уфимцев.

— Потри уши и виски снегом, враз оживет, — посоветовал пожилой боец.

Через несколько минут к Будакову вернулось сознание— помогло испытанное солдатское средство.

Между тем группы неприятельских солдат стали обходить участок обороны роты. Треск винтовочных выстрелов и грохот снарядных разрывов заполнили воздух.

К Будакову пробрался Калинин.

— Товарищ агитатор! —обрадовался ротный. — Ребята! Передай по цепи: агитатор Калинин с нами.

Вездесущий Калинин, худощавый, быстрый, с веселыми глазами, и в горячке боя оставался спокойным, решительным.

Появление Калинина подняло настроение красноармейцев. Словно не один он пришел, а привел с собой целую роту для поддержки.

Немцы снова начали метать гранаты. Из-под берегового обрыва показались сначала каски, затем согнутые спины неприятельских солдат.

— По наступающим, часто, огонь! — скомандовал Будаков. — Эх, восьмая рота, и о чем только Загоруйко думает! — горячился он. — Спит, поди. Да и командир полка запаздывает. Надо контратаковать. Немцы вот-вот пойдут в атаку. Эх, была не была... — И, сорвав с головы папаху, бросил ее на землю.

Он решил помешать атаке немцев встречной контратакой.

Находясь в это время на господствующей лесной высотке, я хорошо видел, как развивается бой, и у меня окончательно созрело решение ударить во фланг обходящей нас группе противника. Адъютант Григорьев понял свою задачу с полуслова. Он побежал организовывать огневую поддержку контратакующей роты двумя расчетами пулеметного взвода.

Как только 6-я рота скрытно развернулась за изгибом

реки, а пулеметы заняли указанные им позиции, я подал условный сигнал на контратаку.

Пулеметный огонь прижал к земле неприятельские цепи. Григорьев поднял в контратаку 6-ю роту. С наганом в руке он первым бросился вперед. Рядом с ним с винтовкой наперевес бежала гимназистка Ангелина Махновская. Густыми цепями за ними двигались бойцы.

Пулеметный огонь с нашего фланга заставил Будакова оглянуться. Он увидел перешедшую в контратаку 6-ю роту и громко закричал:

— Товарищи! Подмога идет. Наша берет. В атаку, готовься!

Выждал время, чтобы все подготовились к броску, и решительно скомандовал:

— В атаку! Вперед!

Будаков шел впереди цепи, без шапки, с гордо поднятой головой. Встречный ветер играл его кудрявыми белокурыми волосами. Плечом к плечу с ним шагал Калинин.

Вслед за командиром и агитатором уверенно двинулись навстречу вражеским цепям красноармейцы. Будаков высоко поднял винтовку, крикнул «ура!».

Мощное русское «ура!» нарастало, крепло, стремительно катилось вперед. Пали смертью храбрых Сорокин и Богданов, ранило Семенова и Орловского. Но красноармейцы не остановились.

— Посмотрим, сколько вас на фунт сушеных пойдет!— подбегая к неприятельскому солдату, крикнул Будаков.

Словно на учениях по штыковому бою, ловким движением ротный своей трехлинейкой отбил винтовку врага и — «вперед прикладом бей!» — грохнул его по голове.

Бойцы, увлеченные примером командира, смяли первую цепь неприятеля, начали преследовать отступающих.

Будаков осмотрелся. Слева бегущего противника преследовала 6-я рота во главе с Григорьевым. А справа, под берегом, вдоль реки наступала 8-я рота, которую вел агитатор Тылтин.

Наступательный порыв был настолько высок, что легкораненые не покидали поле боя. Об этом мне доложил вернувшийся с передовой Я. И. Костев, временно исполняющий обязанности адъютанта.

Большая группа немцев убегала по лугу, надеясь скрыться в черневшем вдали лесу. Но тут их атаковала 1-я рота Можаровского и Стукаленко.

Надо было только видеть, как оккупанты заметались на лугу, бросая оружие и снаряжение.

В пылу боя я не заметил, что батарея противника давно перестала вести огонь. Отчего она замолчала в самый острый момент, я узнал позднее. Оказывается, на батарею напал с тыла один из только что созданных псковскими крестьянами партизанских отрядов.

Впоследствии мне рассказали, что организаторами этих отрядов были большевики М. Е. Егоров, Н. Ф. Филиппов, братья Иван и Григорий Елкины, Н. А. Порозов, В. А. Соколов и другие.

Быстро надвигалась ночь.

К утру все подразделения полка вновь заняли оборону по правому берегу реки Череха, теперь уже с учетом допущенной мною ошибки в первом бою.

Забрезжил рассвет 24 февраля. Противник особой активности не проявлял. На правом фланге полка было тихо. У взорванных мостов редкая перестрелка.

Лишь около десяти часов враг открыл артиллерийский огонь. А вскоре на левом фланге перешел в наступление. Интервенты приблизились к берегу реки и даже местами спустились на лед. Но дружный ружейный и пулеметный огонь с нашей стороны заставил вражеских солдат залечь. Вторая попытка противника лобовой атакой сбить нас также оказалась безуспешной.

Но с моего командного пункта было видно, как левее участка обороны полка стали накапливаться новые немецкие подразделения.

Как выяснилось позже, штаб 12-й армии приказал частям 2-го Сибирского и 43-го армейского корпусов, не задерживаясь на изборских позициях, отходить через Псков по Петроградскому шоссе в район села Медведь (западнее озера Ильмень).

Воспользовавшись сутолокой и неразберихой на дорогах, по которым отходили войска старой русской армии, германские части обошли по проселочным дорогам правый фланг красногвардейцев. Последние разобрались в обстановке только тогда, когда создалась реальная угроза захвата противником станции Псков-I, и проскочили в город.

Вскоре противник сбил наш небольшой заслон, обошел полк слева и создал угрозу населенному пункту Кресты, через который шла эвакуация людей и материальных ценностей из Пскова в Петроград.

Не имея сил для прикрытия станции Псков-I и Крестов, я направил Калинина с донесением в Псков, в штаб Северного фронта, с просьбой принять соответствующие меры

(к сожалению, больше с этим отважным человеком, пламенным большевиком, я не встречался).

— Как думаешь, успеет штаб фронта выслать подкрепление и преградить путь немцам? — спросил я у стоявшего рядом командира пулеметной роты Пахомова.

— Штаб фронта? — послышался голос позади.— Да он еще вчера под вечер уехал в эшелонах. — Это сказал только что вернувшийся с провиантом из Пскова начпрод полка.

— Куда уехал?

— Точно не знаю.

Значит, ни помощи, ни указаний, как действовать дальше, ждать неоткуда. Надо самому принимать решение. Прежде всего придется прикрывать Кресты и станцию имеющимися силами. А для этого нужно перестроить боевой порядок. Но чтобы это сделать, необходимо задержать обходящую полк колонну противника, не позволить отрезать нас от дороги на Петроград.

Собрав командиров, я объяснил им, какая сложилась обстановка, поставил каждому задачу. У всех моих подчиненных были сосредоточенные, встревоженные лица. Молчание нарушил Пахомов:

— Товарищ командир полка, вы не будете смеяться, если я план один предложу?

— Ну-ну, что придумал?

— Очень просто. Предлагаю выскочить на дорогу, по которой идет противник, и обстрелять его из пулемета, установленного на санях. Со вторым номером берусь задержать колонну противника, покуда вы не перестроите боевой порядок полка. Важно только, чтобы лошадь была добрая,— обратился Пахомов к ездовому, которого привел с собой. Сейчас он стоял неподалеку и внимательно прислушивался к нашему разговору.

Следует заметить, что полк своего обоза не имел. Но местное население охотно предоставило нам подводы. Крестьяне сами выполняли при этом обязанности ездовых и часто под огнем противника подвозили боеприпасы, транспортировали в лазареты раненых и доставляли продовольствие. Сейчас, обращаясь к крестьянину-вознице, Пахомов заранее был уверен в его поддержке.

— А что? Лошадь-то у меня добрая! — сказал тот.— Выедем быстро, куда нужно. А второго номера ты не бери, подвода будет легче. Сам-то я, между прочим, пулеметчиком был, подмогну.

Честно говоря, не верилось в успех пахомовского замысла, но выбора не было, и пришлось согласиться. Уж ка-

кую-то заминку в действия противника Пахомов внесет, а в наших условиях и это хорошо.

Через несколько минут сани с пулеметом уже мчались на выполнение опасного задания.

Результаты атаки этой кочующей пулеметной точки были настолько успешны, что превзошли, наверное, даже надежды самого Пахомова. Неожиданно выскочив на дорогу, он в упор расстрелял колонну противника, выпустив почти целую ленту. Немцы понесли большие потери, их ряды смешались. Пока они пришли в себя, герой-пулеметчик был уже в другом месте.

Пахомов блестяще выполнил задачу. Он задержал продвижение противника, дал возможность полку занять новую позицию и прикрыть Кресты.

С моего нового НП было хорошо видно, как бесконечной вереницей тянулись из Пскова на восток обозы и части старой армии. Но эта картина у красноармейцев не вызывала тревоги. Наоборот, они дрались еще упорнее, стремясь во что бы то ни стало задержать превосходящие силы интервентов.

Вместе с другими частями старой армии отступал и 2-й Латышский стрелковый полк. Утром 24 февраля полк прибыл в Псков [1]. По приказанию С. М. Нахимсона полк выделил две роты для наведения порядка среди отходивших через город частей старой армии, а две роты с пулеметной командой на автомобилях были направлены в район южнее Пскова, на помощь нашему 2-му красноармейскому полку [2]. Роты прибыли, когда полк уже занял оборону у Крестов.

Узнав, что в 18 часов 24 февраля немцы, обойдя правый фланг псковских красногвардейцев, заняли станцию Псков, я приказал латышам связаться с их командиром полка, чтобы совместными усилиями отбить обратно станцию и прикрыть железную дорогу на Петроград. Однако сделать это не удалось — к противнику подошло подкрепление, да и полку было приказано отходить к Торошину. Там мы должны были соединиться со спешившими к нам на помощь из Питера свежими красноармейскими частями и рабочими отрядами Красной гвардии.

Бои в Пскове продолжались и позднее. Заняв к вечеру 24 февраля железнодорожную станцию Псков-I, германские войска вплоть до 2 часов ночи 25 февраля не могли овладеть центром города из-за упорного сопротивления местных красногвардейцев и латышских стрелков.

---

[1] Партархив ЦК КП Латвии, ф. 45, оп. 3, д. 4, л. 38, 39.
[2] Там же, л. 39.

В разгар боя, когда один из немецких батальонов попытался захватить в целости и сохранности пироксилиновый склад, красногвардейцам удалось взорвать его. «Около 10 часов вечера 24 февраля среди редких ружейных выстрелов, таканья пулеметов раздался оглушительный взрыв. На миг горизонт блеснул ярким огненным заревом. Это был «гостинец», поднесенный кайзеровскому офицерью... Несколько сот германских солдат и офицеров легли от этого «прощального привета» у станции Псков-II» [1].

В германской военной сводке того времени сообщалось, что «при взятии Пскова один из батальонов понес значительные потери в результате взрыва, устроенного русскими» [2].

Северо-восточная окраина города удерживалась красногвардейцами до утра 28 февраля.

На псковских рубежах впервые за время своего наступления германские интервенты получили отпор. Разрушенные железнодорожные пути и мосты, бои южнее Пскова 23 и 24 февраля и на его улицах в ночь на 25 февраля и в последующие два-три дня, значительные потери немцев — все это задержало продвижение врага к Петрограду и дало возможность Республике подготовить и сосредоточить силы для решительного удара по врагу.

Стойкое сопротивление 2-го красноармейского полка, красногвардейских и партизанских отрядов южнее Пскова вынуждено было признать и германское командование. В сводке германской главной квартиры (ставки) за 23—24 февраля, подписанной Людендорфом, сообщалось, что «южнее Пскова наши войска натолкнулись на сильное сопротивление».

Первый ощутимый удар заставил германские войска более тщательно готовить свое наступление, принимать все меры оперативного обеспечения при дальнейшем продвижении. Враг был вынужден сосредоточить у Пскова значительные силы, прежде чем двинуться дальше на Петроград. Да и сами боевые действия немцев после 25 февраля ограничивались лишь ведением усиленной разведки всех видов.

Таким образом, поставленную командованием Северного фронта задачу — задержать численно превосходящие и технически хорошо оснащенные силы противника до подхода подкреплений из Петрограда — 2-й и 4-й красноармейские полки, 2-й и 7-й Латышские стрелковые полки, отряды

---

[1] Псковский набат, 1927, 15 окт.

[2] Berliner Tageblatt, 1918, 28 февр.

псковских красногвардейцев и железнодорожных войск, партизаны выполнили в тяжелых февральских боях 1918 года.

Интервенты встретили решительный отпор не только под Псковом, но и на других участках Северного фронта.

В ночь на 21 февраля 68-й армейский немецкий корпус (Северный) переправился с Моонзундских островов на материк и начал продвигаться в северо-восточном направлении. Здесь, как и под Псковом, дезорганизованная старая русская армия была неспособна противостоять захватчикам, и вся тяжесть борьбы легла на плечи 3-го красноармейского полка, спешно сформированного 1-го Ревельского эстонского красноармейского полка и небольших отрядов красногвардейцев и моряков. Видную роль в организации отпора врагу сыграл член исполкома Советов Эстляндии Виктор Эдуардович Кингисепп. Непоколебимый ленинец, член РСДРП с 1906 г., он позаботился о том, чтобы волнующие слова декрета Совета Народных Комиссаров «Социалистическое отечество в опасности!» дошли до сознания и сердца каждого, кто с оружием в руках вставал на защиту революции.

Эстонский полк под командованием опытного командира А. М. Пельда выступил навстречу врагу прямо с митинга, под пение «Интернационала». В районе железнодорожных станций Ризипере и Кейла полк, поддержанный отрядами красногвардейцев и революционных матросов, остановил беспрепятственное продвижение Северного корпуса немцев и в ожесточенном бою нанес ему чувствительный урон. Мужество и героизм проявили в этих боях комиссар отряда Навчьеня, командир передового отряда Пикман, Алиса Тислер, погибшая во время атаки, И. И. Руленков, А. Я. Рюютель, А. Ф. Тамм, совсем юный Г. И. Метус и многие другие.

Продвижение интервентов замедлилось. Тем временем из Ревеля были выведены корабли Балтийского флота, шла эвакуация имущества военно-морской базы.

И все-таки город 25 февраля пришлось оставить: у врага был подавляющий перевес в силах и средствах.

Командование 8-й немецкой армии, усилив Северный корпус 1-й кавалерийской дивизией, поставило перед ним задачу любой ценой занять Нарву и пробиться к Петрограду.

Над Нарвой нависла смертельная опасность.

В городе собралось до десяти больших и малых отрядов — около 3,5 тыс. бойцов. По инициативе Исполнительно-

го комитета городского Совета их командиры собрались на станции Йыхви.

Был выработан детальный план обороны района Нарвы, и командиры разошлись, чтобы вывести свои отряды на позиции.

В первые дни оборона наших войск носила активный характер, однако затем события развернулись не совсем так, как было намечено.

1 марта во второй половине дня появившиеся со стороны Ревеля немецкие войска, значительно превосходившие наши по численности, перешли в наступление. Завязался неравный бой. Красногвардейцы, красноармейцы, командиры, комиссары сражались геройски, не щадя своей жизни. Особенно отличились бойцы Юрьево-Путиловского отряда Лебедев, Сазонов, Добьяш, Пашкевич, Гяч, Гарцини, Подус, Ридман, председатель отрядного комитета Александров, комиссар отряда Антоновский, его командир Яновский. Из отряда, сформированного в Везенберге (Раквере) и Йыхви, мужественно бились Линдер, Маяк и Кеслер, из нарвских — Артамонов и Покаев.

К исходу дня стало сказываться и отсутствие общего руководства — каждый отряд дрался как бы сам по себе.

Оборону района Нарвы взял на себя Петроградский военный округ. Правда, П. Е. Дыбенко, на которого возложено было руководство обороной Нарвы, находился еще в пути вместе с отрядом балтийских моряков. Многие хорошо знали Павла Ефимовича Дыбенко, члена большевистской партии с 1912 г., бесстрашного революционера, председателя Центробалта в 1917 г., того самого Дыбенко, который при наступлении войск Краснова—Керенского на Петроград командовал красногвардейскими отрядами, арестовал генерала Краснова и доставил его в Смольный.

Тем временем к вечеру 2 марта противнику удалось потеснить наши войска и овладеть ключевыми позициями на подступах к городу — Вайварскими высотами.

По прибытии в Нарву Дыбенко настоял на том, чтобы не обороняться, а действовать по принципу «полный вперед!».

— Я привел,— горячо доказывал он,— тысячу матросов, которые лягут костьми, но не пропустят врага к революционному Питеру. Вы имеете две тысячи таких революционных бойцов, как рабочие Питера и Нарвы. И мы будем отсиживаться в обороне? Нет! Ни в коем случае! Я категорически за «полный вперед!».

Исчерпав все аргументы и не убедив Дыбенко, председатель Исполнительного комитета городского Совета А. Дау-

ман и начальник обороны города К. Жарновецкий вынуждены были согласиться с ним как с командующим, назначенным правительством.

2 марта главные силы отрядов выступили навстречу врагу. Вслед за ними отправился конный отряд, сформированный из добровольцев конно-гусарского Черниговского полка и пополненный нарвскими рабочими — бывшими кавалеристами под командованием Петрова и комиссара Липняка, а также и Везенбергский партизанский отряд под командованием Лебу.

В 7 часов утра 3 марта противник из района Вайвара перешел в наступление двумя колоннами: правая — по железной дороге, левая — по шоссе. Эшелон с матросами, который следовал на запад, не организовав разведку противника, был встречен за станцией Корф артиллерийским и пулеметным огнем с Вайварских высот; снаряды разбили три вагона. Развернув отряд под огнем неприятеля, Дыбенко атаковал немецкую колонну, наступавшую по железной дороге, смял ее и погнал назад.

Матросы шли в атаку во весь рост, ведя на ходу огонь, который, как потом показали пленные, был довольно эффективен.

Около 15 часов левая колонна неприятеля вышла к высотам Ольгино, что в пяти километрах северо-западнее Нарвы, но и здесь была остановлена бойцами Юрьево-Путиловского и Везенбергского отрядов. Противник, потеряв в бою несколько десятков самокатчиков, пустил в ход артиллерию, но все же продвинуться дальше не смог.

Итак, в день подписания Брест-Литовского мира, 3 марта, отряды красных бойцов остановили наступление немцев в пяти-шести километрах от Нарвы.

В тот же день сильный удар был нанесен по немецким войскам в районе между Псковом и Гдовом. События здесь развивались так. Прибывший в феврале из Петрограда отряд путиловских рабочих под командованием Я. Ф. Фабрициуса очистил Гдов от контрреволюционного отребья и восстановил в городе Советскую власть. 2 марта военком Гдовского района Я. Ф. Фабрициус получил сведения о том, что малочисленный партизанский отряд, отступавший из района Юрьева (Тарту), был сбит противником с позиций на берегу пролива Теплое озеро, соединяющего Псковское и Чудское озера, и к вечеру того же дня отошел к селу Самолва. Для восстановления положения на этом участке фронта Фабрициус выслал на помощь партизанам конный отряд в 200 сабель под командованием братьев Новиковых (коман-

дир и его заместитель). Отряд был сформирован из добровольцев-красноармейцев 2-го Прибалтийского драгунского полка, конной разведки 4-го красноармейского полка, усилен тремя поставленными на подводы пулеметами. 3 марта конники прибыли в село Самолва и в тот же день вместе с партизанами внезапно напали на немецкий отряд, насчитывавший около 500 человек, и разгромили его.

В этом бою вместе с опытными воинами мужественно сражались красноармейцы 16-летний А. И. Воробьев и И. Н. Макаров — будущий генерал.

Когда в войсках Красной Армии, действовавших под Нарвой, узнали о подписании Брестского мира, некоторые командиры понадеялись на совесть немецкого командования, ослабили бдительность и оборону своих участков.

Воспользовавшись этим, немцы ночью начали наступление и утром 4 марта овладели городом Нарва.

Советские войска заняли оборону в районе Ямбурга, на рубеже реки Луга.

Героическая борьба первых красноармейских отрядов на псковском и нарвском направлениях имела громадное значение. Задержав продвижение немецких оккупантов к сердцу молодого Советского государства — красному Питеру, защитники Пскова, Ревеля и Нарвы дали возможность правительству Республики выиграть время для подготовки новых красноармейских формирований. Вместе с ранее действовавшими в этих районах силами революции им удалось окончательно остановить наступление врага на петроградском направлении.

Успешно шли бои против немецких войск и на других участках советско-германского фронта. Вооруженные рабочие, крестьяне, революционные солдаты героически отстаивали родную землю. На помощь белорусскому народу прибывали подкрепления из Петрограда, Москвы и других городов. В ходе борьбы с оккупантами в Белоруссии были созданы 1-я и 2-я революционные армии.

Мужественно сражался против немецких захватчиков украинский народ. По призыву партии и правительства рабочие и крестьяне Украины повсюду вступали в самоотверженную борьбу с превосходящими силами врага.

Захват 1 марта немецкими войсками Киева не сломил боевого духа украинского народа, а привел к дальнейшему расширению его борьбы с интервентами. В пролетарских центрах Украины развернулось массовое формирование вооруженных отрядов Красной Армии. В Харькове за короткий срок было создано несколько полков. В Луганске сфор-

мировался 1-й Луганский социалистический отряд, который под командованием К. Е. Ворошилова в начале марта выступил на фронт.

Планы немецких империалистов на достижение легкой победы рухнули. Для похода на Петроград, Москву, в глубь России требовались большие силы, а они были связаны вооруженной борьбой на Западном фронте. Да и в самой немецкой армии начиналось революционное брожение. В этих условиях правительство кайзеровской Германии вынуждено было отказаться от своих планов войны против Советской Республики. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор. Заключение Брестского, хотя и несправедливого, грабительского, мира, давало молодому государству передышку, необходимую для укрепления Советской власти и строительства новой армии.

В эту грозную и опасную для судеб революции неделю, с 18 по 24 февраля 1918 г., которая, по словам В. И. Ленина, войдет как один из величайших исторических переломов в историю русской и международной революции, самоотверженная борьба первых красноармейских полков и отрядов сыграла поистине выдающуюся роль. Плохо вооруженные, не имеющие достаточного количества боеприпасов, продовольствия и снаряжения, бойцы и командиры проявляли на полях сражений массовый героизм. Уже в первых боях молодые красноармейские полки и отряды доказали непобедимость Красной Армии, ее способность успешно бороться против сильного и коварного врага.

23 февраля 1918 г. — день наиболее напряженных боев на петроградском направлении, день массового вступления в Красную Армию рабочих и крестьян и мобилизации всех сил и средств страны на отпор врагам революции стал считаться днем рождения Красной Армии и с тех пор ежегодно отмечается как День Советских Вооруженных Сил, как всенародный праздник любви и уважения нашего народа к своим защитникам.

Много лет спустя, 23 февраля 1969 г., мне довелось присутствовать на торжественном открытии памятника в городе Псков, установленного в честь первых побед Красной Армии.

Благодарный советский народ высоко оценил боевые заслуги героев Пскова, Ревеля и Нарвы, мужественно отразивших натиск немецких войск и задержавших их продвижение к Петрограду.

В тот день и я как бы снова встретился со своей боевой юностью...

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОБЕЖДАЕТ, УЧИТСЯ, ЗАКАЛЯЕТСЯ

НАЛАЖИВАЕМ КОНТАКТЫ С НАСЕЛЕНИЕМ. УРОКИ ЯНА ФАБРИЦИУСА. ОПЯТЬ ПОД ПСКОВОМ. АВГУСТ ИВАНОВИЧ КОРК. С ЮДЕНИЧЕМ ПОКОНЧЕНО — ТЕПЕРЬ НА ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ! АКАДЕМИЯ. ПО ПРОСЬБЕ И. П. УБОРЕВИЧА

После подписания Брестского мира опасность была отодвинута, но не снята. Германские войска, располагавшиеся на петроградском направлении на участке Нарва, Чудское озеро, Псков, по-прежнему нависали над Петроградом, находясь от него по кратчайшей линии всего в 120 километрах.

Никто не мог сказать, сколько продлится передышка. Для борьбы с хозяйственной разрухой, для решения неотложных и трудных задач по созданию и укреплению Красной Армии дорог был каждый день и каждый час.

Новая военная организация рождалась заново, ей неведомы были проторенные дорожки. В некоторых районах не сразу и не просто завоевала Красная Армия всеобщее признание и любовь со стороны местного населения. Тут надо было дать поработать и времени, оно могло помочь преодолеть груз недоверия и сомнений, развенчать злые наветы.

2-й красноармейский полк, выполнив свою задачу под Псковом, был переброшен в Гатчину, а затем в Копорье, на охрану южного берега Финского залива.

Выступили туда со станции Болосово походным порядком. Шли и удивлялись пустоте, безлюдности населенных пунктов. На улицах — редкий прохожий, плотно закрытые двери, робкие взгляды из-за заторенных или задвинутых ставнями окон. Какая-то боязнь, настороженное выжидание...

Еще в Гатчине к полку прибился оставшийся от расформированной части военный духовой оркестр, и я приказал музыкантам играть на привалах, при прохождении населенных пунктов бравурные марши, мелодии новых революционных песен. Постепенно сбегались мальчишки, чуть осмелев, из-за калиток показывались девчата.

С самого начала мы строго следили за поддержанием твердой революционной дисциплины, одним из требований которой было доброжелательное, внимательное отношение к местному населению. И тем не менее холодок недоверия и отчужденности со стороны несознательных развеялся не сразу, иной раз мы ощущали его довольно остро.

Враждебные силы поднимали голову то в одном, то в другом месте. В мае 1918 г. в районе Поволжья и Сибири вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, спровоцированный империалистами Антанты. Отголоски выступления контрреволюции дали о себе знать и у нас, под Петроградом.

В те дни мне пришлось отправиться из полка на ближайшую железнодорожную станцию Волосово, чтобы оттуда поехать в Гатчину, где стоял штаб дивизии, за получением указаний относительно намечавшейся переброски полка в Поволжье. Но единственное, что удалось мне сделать, так это связаться с Гатчиной по телеграфу и сообщить командованию о том, что в районе Волосово действуют мятежники и что станция вот-вот будет захвачена ими.

Не задерживаясь на телеграфе, я пошел на телефонную станцию, чтобы переговорить с полком. Связь уже не работала, и я вышел на небольшую площадь, разыскивая ординарца, оставленного с лошадьми. И тут ко мне подбежала девчушка и, опасливо озираясь, быстро пролепетала:

— Дяденька, мужики вас ищут, хотят повесить.

Действительно, со стороны станции показалась ватага возбужденных, вооруженных чем попало людей. Они приближались к зданию телефонной станции, из которого я только что вышел.

Что делать? Неподалеку оказался табачный киоск. Я подошел к окошку и, проклиная в душе свои офицерские брюки, которые могли сейчас выдать меня, попросил пачку папирос «Ада».

Папиросы нашлись. Пока я разговаривал с продавцом да расплачивался, шумная компания проскочила мимо, не обратив на меня внимания. Не задерживаясь больше у киоска, я нырнул в ближайший переулок.

Через полчаса мы с ординарцем были уже далеко от Волосово, в большой деревне, рядом с которой, на хуторе, располагалась оружейная мастерская нашего полка. Озабоченные красноармейцы рассказали, что и здесь неспокойно: на деревенской площади митингуют, решают, восставать против Советской власти или нет. Оружие, находившееся в мастерской, красноармейцы успели припрятать.

Посоветовавшись, решили пойти на сходку, послушать, о чем там толкуют. Чтобы не привлекать внимания к своей командирской одежде, натянул поверх нее солдатскую шинель.

Подошли, смешались с толпой. Шинели наши никого не удивили, шинель была тогда принадлежностью едва ли не каждого мужчины.

Сходка была в разгаре. Ораторы, поднимаясь на крыльцо дома, старались друг перед другом, и каждый подогревал публику, обливал грязью рабоче-крестьянскую власть, Красную Армию.

— Какая это власть! — распинался, очевидно, местный богатей, что заметно было и по повадкам, и по добротной одежде.— Понабивали комиссары котомки награбленным добром да ворованными деньгами. Что с них возьмешь — грабители, да и только!

Несколько человек одобрительно поддакивают, но основная масса крестьян молчит, выжидает.

— В Ямбурге, говорят, всех жителей обобрали, а кто стоял за свое, поубивали,— выкрикивает его подголосок из толпы.

Чувствую, тон задают кулаки, люди, враждебно настроенные к Советской власти. А основная масса молчит, выжидает по-прежнему. Надо выступить, решаю про себя, раскрыть людям глаза, рассказать, куда их толкают. И в то же время знаю, что оратор из меня неважный.

Колебания длились недолго. Сбрасываю шинель, выхожу на крыльцо и громко, чтобы слышали все, говорю:

— Я — командир расположенного в Копорье полка Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Может, я не все знаю про своих людей — красноармейцев, тогда прошу вас, уважаемые граждане, сказать: кого из вас мои люди обидели, у кого отобрали вещи или деньги?

На площади установилась тишина. Потом послышались голоса: «Не брали», «Чего там говорить, не трогали у нас!».

И вдруг уже знакомый голос:

— У нас, может, и не брали, зато в Ямбурге всех почистили.

— В Ямбурге, говорите? Так вот слушайте, что я вам скажу. Вчера я разговаривал по телефону с Ямбургом. И знаете, о чем меня спрашивали? У нас, говорят, только и разговоров, что у вас там, в Волосове и окрестных деревнях, красноармейцы грабят мирных жителей. Где же все-таки, спрашиваю я, красноармейцы грабят — в Ямбурге или Волосово? Ответ простой — и здесь, и там кому-то выгодно

обманывать простых людей, настраивать против Красной Армии, против Советской власти.

— Говори, да не заговаривайся! — опять выкрикнул кто-то из толпы.— Чего пужаешь?

— Я не пугаю, а уточняю. На тот случай, если и меня спросят: что здесь происходило — бунтовали или мирно беседовали?

Люди стали расходиться. Провокаторов никто не поддержал. Скоро из Гатчины прибыл бронепоезд. Порядок был восстановлен и в Волосово.

Да, в непростых условиях молодая Красная Армия налаживала свои отношения с какой-то частью населения. Сколько на пути к этому было трудностей, предубеждений, вражеских наскоков! Но правда оказалась сильнее. Всем строем своей жизни, дисциплинированностью, верностью в защите интересов трудящихся Красная Армия завоевывала все большее уважение и признание.

У нас в полку даже шутка такая ходила: первыми признали Красную Армию детишки, доверчиво потянувшиеся к ней, за ними — девчата, зачастившие к нам на танцы и самодеятельные вечера, потом женщины, довольные тем, что красноармейцы не обижают их дочерей и не таскают кур, и, наконец, степенные мужики, говорившие между собой, что в новой армии не безобразничают и лошадей не отбирают.

Но самым важным признанием Красной Армии было то, что в ее ряды потянулись тысячи и тысячи новых людей— представителей рабочего класса и крестьянства. Лучшие сыны и дочери трудового народа отвечали на заговоры и вылазки внешних и внутренних врагов тем, что становились в строй защитников революции.

В одном Петрограде с июля по сентябрь 1918 г. в Красную Армию влилось около 26 тыс. человек. В те дни создавались десятки новых полков и дивизий. И пусть организация частей и соединений была различна, пусть новые формирования испытывали острейшую нехватку оружия и снаряжения, обмундирования и продовольствия, процесс становления новой армии шел быстро.

Распрощавшись со своим полком, я отправился к новому месту службы, в Лугу. В дороге познакомился с рослым, подтянутым командиром отдельного кавалерийского эскадрона Новиковым.

— Вы из Петрограда? — спросил Новиков.

— Нет, из Гатчины.

— Из столицы к нам прибывают отряды, приезжают командиры — что-то готовится. Командира бригады Василье-

ва в штабе нет: вызван в Петроград. Вам придется представиться комиссару бригады Яну Фабрициусу.

Когда мы подошли к зданию штаба, перед нами, словно от налетевшего вихря, распахнулась дверь, из нее с возгласами «Задушить! Повесить! Мальчишки! Сукины сыны!» вылетел богатырского сложения мужчина, в папахе, в бекеше из шинельного сукна, и куда-то промчался. Я узнал в нем Я. Ф. Фабрициуса, которого видел на съезде Советов солдатских депутатов 12-й армии в Валке, и подумал: «Строгий, шумный, с ним нелегко будет работать».

Войдя в штаб, мы увидели раскрасневшегося кумачом, взволнованного молодого командира лет двадцати, как я узнал позже, работника штаба Чембровского.

— Что с комиссаром? — спросил Новиков.

— Конники командира полка Балаховича, посланные в деревню за фуражом, угнали у крестьян корову и несколько овец. Идя в штаб, я заметил это, но сразу не доложил комиссару, а сказал часа через два. «Это же грабеж! — воскликнул Фабрициус.— И ты молчал, а они за это время забьют скотину». И, как видите, вылетел к Балаховичу навести порядок: попадет им на орехи.

Видя мое смущение, Новиков сказал:

— Не бойся, он беспощадный к врагам и к недисциплинированности нашей, а в остальном — душевный человек. Мое знакомство с ним было примерно таким же.— И Новиков рассказал о первой встрече с Яном Фабрициусом в Гдове.

Прибыл он в Гдов 27 февраля как чрезвычайный комиссар во главе отряда питерских красногвардейцев для организации отпора немецким интервентам. Еще не успел остановиться состав, как к нему устремились находившиеся на вокзале солдаты старой армии, каждый в надежде захватить место в вагоне. Но их остановил грозный окрик: «Стой! Куда?»

Ехавший на площадке впереди паровоза Я. Ф. Фабрициус соскочил на перрон и пошел вдоль состава. Богатырь, закуржевелый от мороза, с пикообразными усами, он без всякого предисловия набросился на опешивших солдат:

— Предатели! Трусы! Куда это вы бежите? Это так вы думаете защищать Советскую власть, которая дала вам свободу и землю. Кто у вас тут за старшего?

Новиков вышел из толпы и молодцевато представился:

— Бывший корнет 2-го Прибалтийского драгунского полка Новиков, товарищ комиссар.

— Ты что, тоже бежать собрался?

— Никак нет. Уговаривал вместе с братом,— Новиков показал на своего юного, красивого брата,— уговаривал драгун записаться в Красную Армию и организовать оборону города — колеблются.

— Да он же гдовский: у него и хозяйство тут,— сказал один из драгун.

— А ты откуда? — спросил Фабрициус драгуна.

— Кто, я-то? Из Вологодской.

— Если все побегут, как вы бежите, то через неделю немцы на поездах и до твоей Вологодской губернии доберутся, — сказал Фабрициус. И уже обращаясь к Новикову:— Выводи своих драгун на привокзальную площадь, я сам с ними поговорю.

Когда Фабрициус вышел на площадь к выстроившимся драгунам, он увидел неподалеку привязанных заседланных кавалерийских лошадей.

— Чьи это кони?

— Наши, товарищ комиссар,— ответил Новиков.

— Что же, вы и лошадей немцу хотите оставить?

— Вот и мы говорим, что жалко с конями расставаться, — раздались голоса из строя драгун.

— А с Советской властью расставаться не жалко? — повысил голос Фабрициус.

— Да тутока ее нет. Вчера какой-то прапорщик со своей бандой переарестовал членов ревкома.

— Как?!

— Да так, арестовал и объявил себя какой-то властью.

— Уничтожим! Сотрем с лица земли эту контрреволюционную нечисть! — отчеканил Фабрициус.— А как же вы это допустили? Да еще по домам собираетесь...

— В Питере, говорят, уже Советской власти нет,— заговорили снова драгуны.

— Кто это вам сказал? Бабы на базаре? А меня кто прислал к вам порядок наводить и город защищать: турецкий султан, что ли? Кто за Советскую власть? Два шага вперед! — скомандовал Фабрициус.

Почти все сделали два шага вперед.

— Не хотите — марш отсюда, чтобы духу вашего здесь не было,— крикнул колеблющимся Фабрициус.— Новиков! По коням! И сейчас же окружить и переарестовать эту контрреволюционную сволочь, посягнувшую на законную власть. Если нужно помочь, направлю своих красногвардейцев.

— Не нужно. Справимся сами. По коням! — скомандовал Новиков.

И драгуны ускакали. Через каких-нибудь полчаса Гдов был очищен от контрреволюционных заговорщиков, и в нем была восстановлена Советская власть. Арестованный контрреволюционерами член Центрального Исполнительного Комитета Иван Васильев освобожден. Новый Исполнительный комитет приступил к работе.

В тот же день Фабрициус телеграфировал об этом в Петроград.

Новиков был прав. Фабрициус по отношению к врагам имел львиные когти и зубы, к друзьям-единомышленникам — доброе сердце.

В тот же день Ян Фрицевич очень тепло принял меня и сообщил, что командира нашей 2-й бригады 6-й стрелковой дивизии М. Н. Васильева назначили начальником вновь сформированной 10-й стрелковой дивизии, а комиссаром дивизии его, Я. Ф. Фабрициуса. Вместо Васильева командиром бригады назначен Травинский, а я — начальником штаба бригады. Узнал я и о том, что одновременно Александр Васильевич Травинский назначен начальником торошинского боевого участка и находится на станции Торошино, куда нужно сейчас же отправиться и мне.

В конце беседы Фабрициус доверительно сказал:

— В Торошино из Питера подходят подкрепления, подготавливается операция по освобождению Пскова. Вам по февральским боям город знаком. Желаю успеха.

В 22 года я начал командовать красноармейским полком, в 23 — стал начальником штаба бригады, а забегая вперед, скажу, что в середине 1919 г. возглавил бригаду.

В то время большинство из нас, командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии, были в возрасте от 20 до 25 лет. Ураганом революции заброшенные на большие, не по годам, должности, мы не растерялись; выполняли свои обязанности уверенно и с достоинством. И история показала, что с задачей, которая в представлении старых военных специалистов была непосильной для нас, мы под руководством большевистской партии справились.

Конечно, годы свое делали: особенно вне работы, в быту, иногда нас заносило, прорывалось ребячество. Я. Ф. Фабрициус был значительно старше нас и иногда, вскипев из-за допущенной кем-то по легкомыслию оплошности или шалости, строго отчитывал, называл мальчишками, что мы воспринимали без обиды. Но, как я уже говорил, к нам он был очень отзывчив, внимателен и заботлив. В работе с командиром, как комиссар, был тверд, выдержан и корректен.

При Фабрициусе командиром бригады, а затем командиром 10-й стрелковой дивизии был бывший полковник Михаил Николаевич Васильев — грамотный, волевой, честный. Но был он аполитичен, не верил в способности офицеров военного времени и унтер-офицеров, занимавших, по его мнению, «не по чину» должности, хотя на его глазах бурно шел их боевой рост. Со скрипом под влиянием своего военкома Васильев соглашался на выдвижение молодых.

Иногда, правда очень редко, при назначениях Фабрициус вынужден был соглашаться с Васильевым. Забегая несколько вперед, расскажу, что после взятия Пскова к нам подошла новгородская бригада, командир которой — тоже в прошлом полковник — был нерешительный и инертный. По просьбе комиссара бригады Фабрициус предложил заменить его мною.

— Неудобно перед боем,— возразил Васильев, и было принято компромиссное решение — послать меня к комбригу «советником».

Напутствуя меня, Я. Фабрициус сказал: «Езжайте и по возможности помогайте ему принимать решения. Позже я сам туда подъеду».

Штаб бригады стоял от войск очень далеко, за полтора станционных пролета. Я посоветовал перевести штаб на следующую станцию, ближе к войскам, туда же перебросить резервный полк. И вместо того чтобы обороняться, перейти в наступление, выбить инициативу из рук противника.

Командир бригады не пошел ни на то, ни на другое: «Мы не имеем достаточного перевеса в силах над врагом».

Не оставалось ничего иного, как самому выдвинуться вперед. Переехал на следующую станцию, связался с полками и начал не «советовать», а командовать.

Завязался бой. Прибывший в штаб бригады комиссар дивизии Фабрициус был того же мнения, что и я, и приказал резервный полк перевести (полк сидел в эшелоне) ко мне на станцию. Во время разгрузки подошедшего эшелона вблизи вагонов разорвался снаряд противника. Под влиянием паникеров многие бросились в вагоны, заставили машиниста вести эшелон обратно, прихватили для скорости второй паровоз от миноподрывного состава, уехали, оставив большинство своих командиров на станции, в том числе и командира полка.

Я немедленно позвонил Фабрициусу по телефону и доложил о случившемся и принятых мерах. При помощи бронепоезда оттянули подальше от станции миноподрывной состав. Тем временем командир бригады решил было не задер-

живать эшелон на той станции, где по-прежнему располагался его штаб, так как у него не было подразделений, чтобы остановить беглецов, а в тылу средства для этого, дескать, найдутся.

— Нет. Надо остановить паникеров здесь и вернуть обратно,— твердо сказал Фабрициус и вышел на станцию поджидать прибывающий эшелон. Поезд подошел, из вагонов высыпали красноармейцы.

— Вы куда? — грозно спросил Фабрициус.

— А...— начал было оправдываться один из паникеров.

— Заткни глотку,— сказал Фабрициус,— или я тебе ее заткну вот этим.— И вынул из кобуры револьвер.

Вокруг комиссара стали собираться красноармейцы.

— Бросить своих товарищей,— теперь Фабрициус говорил, как всегда, твердо, но без крика,— да еще оставить среди них без паровоза миннодрывной состав, который может взлететь в воздух от снаряда противника и похоронить сотни храбрецов,— так могли поступить не бойцы Красной Армии, а белогвардейцы. Марш по вагонам! И на линию огня. Я сам с вами поеду.

Через считанные минуты все были в вагонах. Выслав вперед эшелона паровоз с пулеметами на площадке, Фабрициус привел бойцов обратно. Они тут же вступили в бой, и противник был не только остановлен, но и отброшен назад.

Вскоре штаб этой бригады был расформирован, а полки переданы в другие бригады 10-й дивизии. Я опять вернулся к своим штабным делам в бригаду А. В. Травинского.

Теперь впору рассказать о том, как протекали бои за освобождение Пскова. Обстановка складывалась для нас благоприятно. В ноябре 1918 г. в Германии началась революция, и 7-й армии, только что созданной в составе Петроградского военного округа (командующий — бывший генерал Е. А. Искрицкий, член Реввоенсовета — один из активных участников Октябрьской революции С. П. Восков), была поставлена задача нанести удар по немецким войскам, находившимся у Нарвы и Пскова, и освободить захваченные ими районы.

Немецкие войска действовали, разумеется, не одни. Под их прикрытием выросли, как грибы после дождя, всякого рода белогвардейские, буржуазно-националистические и прочие формирования, готовые объединиться с кем угодно для борьбы против Республики Советов. На сторону врага переметнулся, кстати сказать, и знакомый уже нам по Луге

бывший царский штабс-ротмистр Булак-Балахович, бандитские отряды которого то и дело попадались на нашем пути.

Во время операции по освобождению Пскова на меня, начальника штаба бригады, было возложено командование левой колонной, наступавшей по шоссе на поселок Кресты и далее на железнодорожную станцию Псков.

Надо сказать, что в ходе подготовки к наступлению к нам из разных городов Советской Республики прибывали недостаточно сколоченные, плохо обученные подразделения. В одном случае это была рота, в другом — батальон. Из таких вот двух батальонов да еще одной мортирной батареи, которой уверенно командовал опытный артиллерист Крюков, и состояла моя колонна.

Необстрелянные бойцы нервничали, а иные и паниковали, как только противник открывал огонь. Места, по которым мы наступали, я знал отлично, но это было слабым утешением: то один, то другой батальоны топтались на месте, продвижение было медленным.

Перелом в настроение людей внесла подоспевшая к нам на помощь рота красноармейцев-добровольцев из железнодорожных войск старой армии. Увидев этих ребят, я понял, что дело теперь пойдет.

А тут еще пожаловал к нам член Псковского ревкома Николай Иванович Жабин — с маузером на боку и карабином за спиной. Этот человек сумел буквально за несколько минут расположить к себе всех, с кем вступал в беседу. Без колебаний принял мое предложение стать комиссаром колонны и повести в бой железнодорожную роту. Нашел нужные слова для тех, кто оплошал на первых порах.

— А сам-то пойдешь с нами на врага?

— Пойду, если в бою не бросите.

— Не бросим. Пошли, ребята.

И что вы думаете — дружно поднявшаяся на врага железнодорожная рота во главе с Жабиным увлекла за собой и слабо подготовленные батальоны. Меньше чем через полчаса Кресты, а за ними и железнодорожная станция Псков были очищены от врага. Как потом выяснилось, первым ворвался в Псков на бронепоезде Ян Фабрициус.

Боевой успех буквально преобразил молодых красноармейцев. Подтянулись, поверили в себя и, желая, видимо, окончательно загладить свою вину, попросили, чтобы я сел в захваченную ими легковую машину и въехал на ней в город.

Так в тот день и началась военная карьера Николая Ивановича Жабина. Летом 1919 г. он в 20 лет стал комиссаром

бригады. По окончании военной академии в 1923 г. перешел на командную работу. Закончил свой жизненный путь генерал-майором, преподавателем Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова.

После освобождения Пскова наши войска продолжали наступление вдоль железной дороги на Ригу. Вначале оно развивалось успешно. Но вот на участке 3-го Латышского стрелкового полка произошла заминка.

Штабы дивизии и бригады находились в вагонах на одной станции. Докладывая командованию дивизии о задержке наступления, комбриг Травинский сообщил, что в 3-й полк он решил направить меня.

— Пусть подождет, я тоже поеду туда,— сказал Фабрициус.

Дорога шла сосновым лесом. Фабрициус молодцевато сидел на красивом, сером, в яблоках, коне по кличке Барон, личной лошади изменника Балаховича, недавно захваченной одной из наших частей. Обернувшись, Ян Фрицевич пересчитал ехавших с нами бойцов и сказал: «Десять. Хорошо. Если бы на нас напало человек двадцать белогвардейцев, отбились бы. Давно не стрелял, соскучился», — потрогал он висевший за спиной карабин.

Находясь долгое время в сибирской ссылке, Фабрициус пристрастился к охоте и был отличным стрелком.

Впереди послышались артиллерийские выстрелы, затем пулеметная, ружейная стрельба: мы подъезжали к полку, ведущему бой. Спешившись неподалеку от штаба полка, пошли вперед на наблюдательный пункт к его командиру.

Полуоткрытая местность. То и дело свистят пули противника. Идти во весь рост стало опасно. Сопровождающий нас командир предложил продвигаться перебежками. «Поясница болит,— сказал Я. Ф. Фабрициус.— Да и до командира полка не так уж далеко — дойдем».

Весть о прибытии комиссара дивизии быстро разнеслась по цепям. Все подтянулись, приободрились.

Осмотревшись, Фабрициус сказал командиру полка:

— Зачем зря жечь боеприпасы? Нужно переходить в наступление. Вы пойдете, — повернулся ко мне комиссар, — вдоль дороги с бронемашиной «Гарф». Пушка на ней исправна? — спросил командира полка.

— Исправна.

— А я пойду вдоль опушки леса, ближе к левому флангу. Вы, — обратился он к командиру полка, — останетесь на своем месте, подбросите артиллерийского огонька. Потом, если нужно, передвигайтесь за центром полка. Начнем! —

И Фабрициус решительно, быстро, не сгибаясь, пошел в цепь.

Воодушевленные присутствием и примером комиссара, красноармейцы стремительно пошли в атаку, сбили противника и погнали. Со стороны дороги мне видно было, как Фабрициус, забыв про боль в пояснице, с быстротой финиширующего спринтера, гнался за пулеметным расчетом противника. Останавливаясь на мгновение, он вскидывал карабин и стрелял. И хотя был отличным стрелком, его выстрелы с ходу не достигали цели. Тогда комиссар встал на колено и первым же выстрелом поразил одного пулеметчика, вторым — другого. Остальные, бросив пулемет, разбежались. Через минуту Фабрициус уже был у пулемета, повернул его вслед отступающим и открыл огонь.

За этот подвиг Я. Ф. Фабрициус был награжден орденом Красного Знамени.

Последний раз я встретился с Я. Ф. Фабрициусом в 1928 г. в Москве, в Большом театре, на празднования 10-летия Военной академии имени М. В. Фрунзе. Мы не виделись восемь лет. Встретились по-братски. Глядя на него — жизнерадостного, цветущего, сильного, я был далек от мысли, что это наша последняя встреча...

24 августа 1929 г. он погиб в авиационной катастрофе, спасая жизнь других, рыцарь Советской Армии, рыцарь без страха и упрека, Ян Фрицевич Фабрициус.

...Работа в штабе конечно же обогащает военного человека, приучает мыслить масштабно, оперативно, воспитывает культуру работы с картой, документами. И все-таки меня тянуло в строй, на командную работу. А тут и удобный случай подвернулся. В штаб бригады прибыли два слушателя Академии Генерального штаба (переименована в 1921 г. в общевойсковую Военную академию, с 1925 г. носит имя М. В. Фрунзе). Один из них был назначен на мое место, а меня направили на должность командира «отказавшегося» идти на фронт полка. Предупредили о том, что люди в полку, а он назывался 1-м Псковским имени ВЧК, хорошие; виновен был во всем мой предшественник, грубостью и самоуправством восстановивший против себя личный состав.

Вскоре наш полк был объединен с прибывшим с Урала 1-м Латышским Земгальским полком и получил название 13-й Латышский стрелковый полк.

Ранней весной 1919 г. 13-й Латышский полк занимал оборону в районе между Мариенбургом (Алуксне) и Верро (Выру).

Как-то раз утром к дому, где размещался штаб полка, подъехала простенькая кошовка (санки), на козлах которой сидел красноармеец и правил впряженной в нее также ничем не примечательной лошадкой. Когда кошовка остановилась, из нее вышел среднего роста, подтянутый человек. По интеллигентному лицу, пенсне и офицерской шинели старой армии с какими-то незнакомыми мне петличками можно было заключить, что приехал бывший кадровый офицер старой армии из артиллерийских или инженерных войск.

Я вышел навстречу приехавшему, который уже спрашивал, где он может найти командира полка. Я ответил, что я и есть командир полка. «Начальник штаба Эстляндской армии Корк, Август Иванович», — представился прибывший и крепко пожал мне руку. В то время мы, командиры, жили по-спартански, передвигались кто на чем мог (я не говорю про верховых лошадей: верховые лошади у командиров, как правило, были хорошие). И все же скромность начальника штаба армии меня поразила.

Зайдя в штаб, Корк, не раздеваясь, снял папаху и присел за стол около окна. Я увидел аккуратно подстриженные под бобрик волосы, широкий лоб. Убедившись, что мы одни, Август Иванович негромко сказал: «Пока только для вашего сведения и для сведения комиссара полка: намечается наступательная операция на Верро с задачей овладеть этим городом и перехватить железную дорогу Рига — Псков. Нанесение главного удара предполагается из района Опекальн по большаку на Верро. Я приехал, чтобы осмотреть позицию на направлении главного удара с колокольни церкви Опекальн. Прошу и вас проехать со мной. Я оторву вас от дел не более чем на три часа».

Его внешность, тщательно выговариваемое каждое слово, до скрупулезности правильно построенные фразы, наконец, его фамилия и имя показывали, что он не из русских. Латышей я знал хорошо. Не латыш. Похож чем-то на немца. Но вряд ли. И я не утерпел, спросил, какой он национальности. «Эстонец», — ответил Август Иванович, и мы вышли.

По дороге и тогда, когда мы уже находились на колокольне, начальник штаба Эстляндской армии о многом расспрашивал меня. И особенно о местности, находящейся в тылу противника, которую трудно было за дальностью расстояния рассмотреть в бинокль. Он знал, что зимой полк наступал здесь и подходил к самому Верро, и потому уточнял у меня то одно, то другое.

Задавал и такие вопросы, на которые я по тогдашней своей теоретической военной подготовке не мог четко отве-

тить, например, где, по-моему, выгоднее выбрать артиллерийские позиции, наблюдательные пункты для артиллерии. Заметив, что по тому или иному вопросу я затрудняюсь с ответом, Корк деликатно переводил беседу на другую тему.

Разглядывая на шинели начальника штаба незнакомые петлички, я не утерпел и спросил, к какому роду войск они относятся. И, получив ответ, что он был офицером Генерального штаба, я с еще большим любопытством стал разглядывать нашего гостя. Мне в бытность командиром роты старой армии, приходилось видеть офицеров Генерального штаба разве что издалека. В нашем представлении это были люди необыкновенные, своего рода жрецы военного искусства, владеющие какими-то особыми его тайнами, непостижимыми для нас, смертных офицеров военного времени.

Короткое общение с начальником штаба Эстляндской армии как бы подтверждало, что в своем суждении мы были правы, считая офицеров Генерального штаба большими специалистами военного дела. Не зря же, как мы знали, белогвардейские заправилы объявили, что тем из офицеров Генерального штаба, кто будет служить в Красной Армии, не избежать виселицы.

Но угроза не смутила А. И. Корка — выходца из простой семьи эстонского крестьянина, получившего первоначальное общее, а затем и военное образование исключительно благодаря своим незаурядным способностям, настойчивости и трудолюбию. Чугуевское пехотное училище, а потом и Академию Генштаба он окончил по первому разряду.

Участник первой мировой войны, подполковник Корк, когда грянула революция, сразу определил, что его место на стороне трудового народа. В августе 1917 г. Корк — председатель солдатского комитета Западного фронта, а в июле 1918 г. добровольно вступает в Красную Армию и занимает в ней весьма высокие посты. В годы гражданской войны Август Иванович отличился в боях под Петроградом, при разгроме Врангеля и других врагов молодой Советской Республики...

После осмотра местности А. И. Корк пожелал побеседовать с красноармейцами расположенной неподалеку резервной роты. Я приказал находившемуся с нами командиру роты пойти вперед и выстроить роту. Отдавая приказания, сделал командиру роты понятный только для него знак.

Как уже говорилось, стояла ранняя весна. Снег днем делался рыхлым, мокрым, а по дорогам или около зданий местами стояла талая вода. А полк был обут в валенки, летней

обуви еще не завезли, да и получить ее в то время было не так легко: сказывалась военная разруха.

Подходя к расположению роты, я с удовольствием заметил, что командир роты понял мой знак, выстроил роту так, что впереди стояли красноармейцы с наиболее разбитыми валенками, из прохудившихся носков которых выглядывали пучки соломы.

Я был убежден, что красноармейцы непременно заведут разговор об обуви, а высокий начальник, растерявшись, пообещает и вынужден будет помочь.

Но я ошибся. Август Иванович оказался не так уж прост, как показался при первом знакомстве. Он уверенно, даже, я бы сказал, молодцевато подошел к строю и поздоровался. Рота дружно ответила. Но как только Корк начал объяснять красноармейцам, почему образованы Советские правительства в Эстонии, Латвии и почему создана Эстонская и Латвийская Красная Армия, его сейчас же перебили голоса: «Лучше скажите сначала, когда валенки заменят. Гляди, в чем ходим».

— И об этом скажу, — спокойно ответил А. И. Корк. — Но раньше я вам расскажу о Прибалтийских Советских республиках и о Красной Армии, созданной ими.

Продолжая говорить, Август Иванович слегка взмахивал правой рукой, как бы дирижируя хором. Почувствовав перед собой волевого командира, красноармейцы замолчали и все внимательнее слушали то, о чем говорил начальник штаба Эстляндской армии.

Август Иванович просто и доходчиво рассказал о том, что прибалтийские трудящиеся, как и другие национальности нашего государства, вместе с великим русским народом боролись против царизма, буржуазии, помещиков и свергли их. Они понимают, что только в тесном единении они могут добиться национальной независимости и полного социального освобождения от помещиков и буржуазии. Трудящиеся Прибалтийских республик стремятся к установлению прочных связей с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, и формируемая Красная Армия Эстонии, Латвии, Белоруссии и Литвы будет драться в едином строю с Российской Красной Армией, так как у них одни и те же интересы — защищать завоевания социалистической революции и создать единую державу Советских Республик.

— Теперь в отношении летней обуви, — продолжал А. И. Корк. — Знаем, что ее у вас нет. Но и у нас пока нет: не поступала.

Трудности, какие переживает наше молодое Советское государство, вы знаете не хуже меня. Сказались тут, конечно, и организационные перестроения. Эстляндская Красная Армия выделена из 7-й армии — создаются свои органы снабжения. Как только поступит обувь, незамедлительно вышлем. Но скоро не обещаю. Придется потерпеть. Воюем не за интересы царя, помещиков и капиталистов, а за свои.

Слушая Августа Ивановича, я краснел от стыда за устроенную мною демонстрацию с обувью.

— Вопросов больше нет? — спросил начальник штаба Эстляндской армии.

— Нет.

— До свидания, товарищи!

На приветствие «здравствуйте» красноармейцы умели хорошо отвечать, на «до свидания» — не умели и ответили разрозненными выкриками. Корку это не понравилось.

— Полк ваш, мы знаем, очень боевой. Хороший полк. Нужно быть во всем на высоте, в том числе и в ответах на приветствия. Попробуем еще раз. «До свидания, товарищи!»

На этот раз рота ответила дружно.

— Спасибо, товарищи, за службу! — поблагодарил Август Иванович.

Красноармейцы, к моему удивлению, еще дружнее ответили:

— Рады стараться, товарищ начальник штаба!

После команды «Разойдись!» бойцы окружили санки с садящимся в них начальником штаба армии и приветливо наперебой желали ему счастливого пути. Я посмотрел на часы, не подоспело ли время обеда, чтобы пригласить Августа Ивановича отведать наших щей, и с удивлением заметил, что прошло ровно три часа со времени нашего выезда из штаба полка. А. И. Корк умел ценить и свое и чужое время, в чем мне пришлось убедиться позднее еще не раз.

Через несколько дней после приезда Корка подошла и расположилась сзади нас 11-я Петроградская стрелковая дивизия, которой отводилась особая роль в предстоящем наступлении.

Вскоре на рекогносцировку приехал командующий Эстляндской Красной Армией М. Н. Васильев.

Бывшего полковника Васильева я знал на переломе 1918—1919 гг., когда он командовал 10-й стрелковой дивизией. Тогда он выглядел здоровым и крепким, а на этот раз по всему чувствовалось, что он сильно сдал, осунулся. Видимо, серьезно заболел, и больше мы его не видели.

В сопровождении А. И. Корка прибыл командующий Западным фронтом Д. Н. Надежный. К его приезду в районе штаба нашего полка были собраны для участия в рекогносцировке и для получения задачи командиры полков 11-й стрелковой дивизии, нашей бригады и другой руководящий состав.

Скоро началось наступление. Но операция полностью не удалась: Верро не взяли. Наибольший боевой успех выпал на долю нашего 13-го Латышского полка. Действуя в составе своей бригады на правом фланге, полк за один день выполнил поставленную ему задачу, пройдя с боями до 25 километров.

Однако общая обстановка на прибалтийских фронтах стала резко изменяться к худшему. Еще в декабре 1918 г. страны Антанты развернули военную интервенцию в Прибалтике. В Балтийском море появилась английская эскадра. Прикрываясь сначала штыками германских интервентов, а потом дулами английских кораблей, армия эстонской буржуазии к началу мая 1919 г. превышала 70 тыс. человек. В нее входил и Северный белогвардейский корпус генерала Юденича. Буржуазные порядки стали устанавливаться также в Латвии и Литве.

Помню, как тяжело переживали угрозу, нависшую над революционными завоеваниями в Латвии, Эстонии, Литве, красноармейцы и командиры — выходцы оттуда, продолжавшие вместе с нами бороться против врагов Октября.

После установления буржуазной диктатуры в Латвии вместе с нашим 13-м Латышским стрелковым полком отходил рабочий Латвийский отряд, в составе которого был Ян Карлович Берзин (Кюзис Петерис). С ним я уже встречался перед началом нашего наступления, о нем успел многое узнать и от комиссара нашего полка Грицько. У этого человека, в юности батрака, а потом рабочего — профессионального революционера, члена Коммунистической партии с 1905 г., была легендарная жизнь. Он приговаривался царским судом к смертной казни, многие годы провел в тюремных застенках, в сибирской ссылке, активно участвовал в свержении царского самодержавия, в Великой Октябрьской социалистической революции. Ян Карлович, выражая то, что чувствовали тысячи и тысячи латышей, не раз говорил нам, что установление буржуазных порядков в Латвии есть насилие над волей народа, твердо верил в то, что солнце свободы непременно взойдет и над его родным краем.

Отходили мы с тяжелыми боями, находясь в полуокружении. Мне приходилось в те трудные дни видеть Павла

Ивановича, как его чаще всего называли, в разных ролях: и как командира, и как политработника, и как рядового бойца, и в каждом случае он действовал уверенно, убежденно и беззаветно храбро.

Человек из когорты бесстрашных революционеров, Я. К. Берзин в конце июня 1919 г. был назначен начальником политотдела 11-й Петроградской стрелковой дивизии. Вскоре в бою за город Остров полк, которым я командовал (он стал теперь 97-м стрелковым), был подчинен 11-й стрелковой дивизии. Ян Карлович уже в качестве начальника политотдела прибыл к нам и участвовал во встречном бою с наступающими частями генерала Юденича. Своей решимостью и отвагой он вносил в сердца бойцов уверенность в победе.

Почему именно в 97-й стрелковый полк направился Берзин? Не только потому, что он знал его по успешным боям под Верро. Наш полк располагал довольно внушительной по тем временам огневой мощью — у нас было 24 станковых пулемета. Берзин решил, что именно здесь, на участке нашего полка, можно и должно остановить отборные части зарвавшегося генерала Юденича, нанести им наибольшие потери, перехватить инициативу. А раз так, то и ему, начподиву, надо быть там, где решается судьба боя. Берзин проявил здесь и дальновидность, и умение выделить главное — качества, столь необходимые каждому руководителю. Наступавшие войска Юденича встретили под Островом решительный отпор.

...Болезнь и госпиталь оторвали меня от боевых дел. Но ненадолго. Осенью 1919 г. опять оказался на одном из самых горячих участков борьбы с белогвардейщиной.

В те дни Красной Армии пришлось вести тяжкие бои против наступавших с юга войск генерала Деникина. Недобитые части Колчака пытались прорваться к Уралу из Сибири, а на Петроград во второй раз двинул свои полчища генерал Юденич.

К нам, в район Полоцка, где дислоцировалась 51-я бригада, которой мне было поручено командовать, поступили тревожные вести: войска Юденича, усиленные английскими танками, быстро продвигаются со стороны Нарвы на Петроград и к вечеру 17 октября подошли уже к предместьям города.

На ближних подступах к Петрограду разгорелись ожесточенные бои. Все было подчинено одной цели — остановить врага и разгромить его. На помощь защитникам Петрограда шли подкрепления из Центральных районов страны.

В. И. Ленин лично руководил организацией отпора врагу. Его письмо «К рабочим и красноармейцам Петрограда» никого не оставило равнодушным, оно звало на самоотверженную борьбу до конца, до победы.

В те дни и 51-я бригада 17-й дивизии была спешно переброшена из Белоруссии под Лугу для наращивания удара 15-й армии, которая, освободив 31 октября Лугу, развивала наступление на Волосово, охватывая с тыла армию Юденича, увязшую в боях за Гатчину.

Мы выгрузились и ждали приказа из штаба армии. Я лег поспать часок-другой, а когда среди ночи был разбужен и встал, то не поверил глазам своим: передо мной стоял А. И. Корк — командующий 15-й армией. Оказалось, что он прибыл в Лугу вместе с командующим Западным фронтом В. М. Гиттисом, в его поезде.

Через несколько минут мы уже были в салоне вагона. Навстречу поднялся невысокого роста человек, в кожаной куртке, с бритой головой. Это и был командующий фронтом Владимир Михайлович Гиттис. Он подробно расспросил о состоянии бригады, а в заключение сказал, что она некоторое время будет находиться в резерве армии. «Осмотритесь на новом месте, что разладилось — наладьте, разместите бригаду в Луге», — заключил Гиттис.

Вскоре после этого, опять-таки поздно ночью, командующий армией А. И. Корк снова поднял меня с постели. Мне стало неловко: второй раз командующий застает меня спящим, хотя, честно говоря, и не было причины бодрствовать по ночам — бригада находилась в резерве. Командующий, как бы почувствовав мое состояние, сразу заговорил о цели своего приезда.

Он рассказал о том, что операция по разгрому армии Юденича развивается успешно. Несмотря на труднопроходимую местность, особенно в полосе наступления 11-й стрелковой дивизии, в районе озера Самро, войска преодолевают все препятствия, гонят противника. Особенно хорошо дерутся 94-й, 96-й полки и бывший мой 13-й полк — ныне 97-й. (Позднее эти полки за блестяще проведенную операцию были награждены Почетным революционным Красным знаменем. [1])

По мнению А. И. Корка, противник просчитался, недоучел силы 15-й армии. Стремясь во что бы то ни стало скорее овладеть Петроградом, Юденич с лужского и стругобельского участков перебросил значительные силы под Гатчину

[1] См.: История гражданской войны в СССР. М., 1959, т. 4, с. 344.

и этим позволил нашим соединениям ударить по его флангу, смять его и выйти в глубокий тыл главной группировки. Но в то же время осложнилась обстановка под Псковом. Часть сил 10-й дивизии ведет бой за Гдов, чтобы после занятия этого города нанести с тыла удар по ямбургской группировке противника и отрезать ей отход в Эстонию. Оставшиеся под Псковом силы 10-й дивизии теснятся Булак-Балаховичем, и над городом нависла опасность.

Командующий сообщил, что наша бригада немедленно перебрасывается в Псков. Распоряжение о подаче железнодорожных составов уже отдано. Он считал, что до подхода наших бригады силы Балаховича не смогут ворваться в город. Мне предстояло выехать в Псков с первым эшелоном. Корк пожелал нам удачи, простился и ушел.

И все. Никаких письменных распоряжений.

Прибыв в Псков, я представился начальнику 10-й стрелковой дивизии П. К. Матисону. Он поставил бригаде такую задачу: сосредоточиться в районе деревень Большое и Малое Лопатино, станция Череха и, переправившись через реку Великая, нанести удар во фланг и тыл частям Булак-Балаховича, подходящим к Пскову.

Нам пришлось воевать в том самом районе, где 23 февраля 1918 г. был нанесен первый удар по кайзеровским войскам, стремившимся к Петрограду. Читатель помнит, что в том бою я участвовал в должности командира 2-го красноармейского полка.

Операция прошла успешно. Банды Булак-Балаховича были разбиты и отброшены в глубь Юрьевского уезда.

Выполнив свою задачу, 51-я бригада 17-й стрелковой дивизии возвратилась обратно в состав 16-й армии. Мне было приказано передать командование бригадой заместителю, а самому выехать в Гдов и принять там 28-ю бригаду 10-й стрелковой дивизии.

С этой бригадой в тяжелейших условиях зимы пришлось участвовать в заключительном этапе операции по разгрому и окончательному выдворению с советской территории так называемой Северо-Западной армии белогвардейцев.

В те дни мы часто видели командующего 15-й армией А. И. Корка, постоянно ощущали его руководство.

Опасаясь, как бы наступающая Красная Армия, преследуя войска Юденича, не вступила в пределы Эстонии, местные власти разоружили белогвардейские войска при переходе их через реку Нарва.

22 января 1920 г. белогвардейская Северо-Западная армия официально была ликвидирована. 2 февраля 1920 г.

был подписан мирный договор между РСФСР и Эстонской буржуазной республикой.

Рассказывая об Августе Ивановиче Корке, я неизменно вспоминаю его выдержанность, тактичность. И, чтобы не создалось превратного впечатления о нем как о мягком, нетребовательном военачальнике, позволю себе рассказать об одном из его приездов в 11-ю стрелковую дивизию. Но сразу оговорюсь, что А. И. Корк имел привычку, прежде чем заехать в штаб соединения, побывать в частях и подразделениях. Так он поступил и в тот раз. К начальнику 11-й стрелковой дивизии, которому временно подчинялась и наша 28-я бригада, Август Иванович приехал недовольный. Он обнаружил, что в дивизии огневые позиции батарей отстояли далеко от целей — на пределе. И я видел, как он, не повышая тона, «отчитывал» командира дивизии, бывшего полковника старой армии А. Г. Нацвалова. Видел, как на лысине Нацвалова начали выступать одна за другой капли пота величиной с горошину.

— Удивляюсь вашей подвижности, товарищ командующий, — вытирая лысину, сказал донельзя смущенный начальник дивизии...

После окончания гражданской войны А. И. Корк занимал ряд ответственных командных должностей, в 1929—1935 гг. командовал Московским военным округом, а затем возглавил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Тут мне опять довелось повстречаться с Августом Ивановичем, причем поводом послужило одно неприятное происшествие. Случилось это зимой не то 1935, не то 1936 г. Во время лыжного пробега обморозилось несколько слушателей академии, и мне, как начальнику группы контроля при Народном комиссаре обороны, было приказано провести расследование. Нелегко было заводить разговор по этому печальному случаю с уважаемым человеком, бывшим моим командиром, и я попросил его, чтобы он дал письменное объяснение Народному комиссару обороны СССР К. Е. Ворошилову.

— Все же я хотел бы вам заявить, товарищ Черепанов, что моя вина в случившемся есть. Будучи больным на дому, я допустил оплошность и не посмотрел на градусник, поставленный на внешней стороне оконной рамы. Если бы я это сделал, то отменил бы запланированный ранее лыжный пробег слушателей.

Помню, выслушав меня, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов сказал: «Август Иванович Корк — честнейший человек».

Да, Август Иванович был честнейшим человеком, талантливым военачальником, верным сыном Коммунистической партии, в которую он вступил в 1927 г. ...

Весной 1920 г. 10-я стрелковая дивизия из района Пскова передислоцировалась в район Старого Быхова и была включена в состав 16-й армии Западного фронта.

Перед нами был новый противник — войска буржуазно-помещичьей Польши. Вместе с армией генерала Врангеля вооруженные силы Польши составили тогда, по выражению В. И. Ленина, две руки международного империализма в борьбе с Советским государством.

О напряженности боев и тяжести обстановки свидетельствует тот факт, что армиям польских интервентов удалось захватить значительную часть Белоруссии и Правобережной Украины, в том числе Минск и Киев.

Но и Красная Армия была уже другой. В результате мощного контрудара наших Юго-Западного и Западного фронтов враг был отброшен под Львов и Варшаву. И только недостаток сил и усталость войск, значительно оторвавшихся от баз снабжения, да слабое взаимодействие между наступающими фронтами не позволили окончательно разгромить противника.

«Усталость войск...» — читаем мы теперь скупые строки в описании боевой страды лета 1920 г. А сколько трудностей и лишений стоит за ними! Жара установилась в то лето какая-то особенно изнуряющая. На армию, три месяца постоянно наступающую, обрушился еще один бич — желудочные болезни. В полках оставалось по 200—300 человек. И все-таки люди держались, преодолевали любые преграды на своем пути.

Из многих эпизодов войны с белополяками особенно запечатлелась в моей памяти переправа через Березину.

Войска Западного фронта готовились перейти в наступление. Одним из первых должен был форсировать реку 83-й стрелковый полк нашей бригады, которым командовал Михайлов — видный, не по годам, мужчина. Вызвав к себе командира артиллерийской батареи Воронова, он поставил ему задачу: огнем прямой наводкой поддерживать переправу полка через водный рубеж.

Воронов, очень высокий и оттого казавшийся чересчур худым и тонким, изо всех сил старался сохранить на своем лице соответствующую моменту солидность, но это ему, двадцатилетнему юноше, слабо удавалось. Он явно радовал-

ся полученному заданию. Глаза его блестели, губы подергивались в улыбке.

А Михайлов продолжал втолковывать:

— Пойми, ты поддерживаешь головной полк, головной, — потрясал он указательным пальцем. — От удачи полка зависит успех не только нашей бригады, но и всей дивизии, а может, и армии. Бригаде приказано после переправы, не обращая внимания на то, как продвигаются соседние части, выдвинуть свои фланги и форсированно двигаться на местечко Пуховичи, потом на железнодорожную станцию Пуховичи и здесь перерезать магистраль Бобруйск — Минск. Предварительно надо хорошенько разведать цели, особенно месторасположение пулеметов белополяков. Исследуй на брюхе весь берег, осмотри каждый изгиб реки, выбери такие позиции для орудий, чтобы они с одного-двух выстрелов могли подавить огневые точки противника.

Командир полка был в приподнятом настроении. Он, как и командир батареи, гордился поставленной его полку трудной боевой задачей. И голос его звучал сейчас почти басом.

Получив разрешение «быть свободным», Воронов взял под козырек, четко повернулся, вначале степенно пошел, но через каких-нибудь десять шагов не выдержал — легко перемахнул через широкую рытвину и понесся к опушке леса, где стояла его батарея.

«Сколько в нем еще мальчишества», — важно сказал Михайлов, хотя его самого так и подмывало последовать примеру командира батареи — перемахнуть через ров.

Михайлов лишь три года прослужил в царской армии, из них два года — на фронте. После революции перешел в Красную Армию и воевал с самого начала гражданской войны.

Красная Армия только-только народилась. В первое время командные должности в ней, начиная от командира батальона и выше, занимали куда более молодые люди, чем это было в старой армии во время первой мировой войны. Но, как показал опыт, громадное большинство из них хорошо справилось с возложенными на них обязанностями. Однако едва ли не каждый из молодых для укрепления авторитета старался казаться старше своих лет, солиднее.

Не избежал этого и Михайлов, которому тогда было всего 25 лет: он немного важничал, ходил не торопясь, степенно, не сознавая, что это тоже своего рода мальчишество. Разницу в годах — 5 лет — между собою и Вороновым Михайлов считал за 10—15 лет. И потому, очевидно, я услышал,

как он самым серьезным образом спросил стоявшего рядом с ним командира артиллерийского дивизиона Рерле:

— Мы с вами не ошиблись, поручив такую ответственную задачу юнцу?

Рерле, невысокий, чернявый, был немного старше Михайлова. Он увлекался спортом. Поглаживая колено, он с видом знатока оценивал легкий, размашистый бег командира батареи и прикидывал, кто бы из них победил, случись ему соревноваться с Вороновым.

Следуя своим мыслям, Рерле невпопад сказал:

— Он обгонит... — и, спохватившись, ответил: — Николай не подведет.

Берег Березины, где сосредоточились наши части, был выше противоположного. Покрыт лесом. Здесь сохранились еще могилы французских солдат, захороненных в Отечественную войну 1812 г.

Воронов вместе с командиром разведки С. И. Макеевым ползком выбрались на опушку леса, где в небольшом углублении находился ротный наблюдательный пункт. Густой березовый молодняк и кустарник служили хорошей маскировкой.

С этого места, а также с других удобных для наблюдения точек Воронов уже не первый день изучал оборону противника, засекал его огневые точки. В этой нелегкой работе, требующей и терпения, и острого глаза, ему усердно помогал подросток Коля, пришедший к красным с территории, занятой белополяками, и всей душой привязавшийся к красноармейцам.

И вот подошло время действовать. Ночь выдалась темная, безветренная. Командиру батареи, находившемуся на командно-наблюдательном пункте, доложили, что подразделения на подходе к переправе.

— Еще раз проверить, все ли готово! — шепотом приказал он, вглядываясь в сторону противника. От наплывших туч свинцовые воды реки окрасились в мрачный, чернильный цвет. На небосклоне лишь кое-где появлялись и вновь затягивались густыми облаками тусклые просветы.

Командир полка выдвинул свой НП к месту расположения переправочных средств и здесь поджидал прибытия своих подразделений.

Все приготовления шли в полной темноте.

Личный состав подразделений быстро рассредоточивался на берегу, занимая места у заранее собранных и скрытых пока от глаз противника плотов. Теперь все думы о том, как лучше и без шума произвести посадку.

От налетевшего внезапно порыва ветра зашумел лес, камыши, зарябило воду. Саперы воспользовались этим и тут же спустили на воду плоты, на которые бесшумно садились натренированные на учениях красноармейцы. И снова стало тихо: ветра как не бывало.

И вот плоты закачались на воде, разворачиваясь по течению, как оторванные от берега льдины. Все напряженно вглядывались в загадочно молчавший, невидимый берег, где притаился противник, у всех было одно желание: поскорее высадиться на сушу и атаковать врага.

А плоты все ближе и ближе к цели...

И вдруг тишину прорезали винтовочные выстрелы с противоположного берега. Одна за другой взлетели две ракеты, осветив часть берега и реки с плывущими плотами.

Застучал вражеский пулемет. Огневые вспышки осветили и наш берег — ударили стоящие на прямой наводке орудия. Звуки выстрелов и разрывы снарядов слились. Пулемет белополяков замолк.

— Налечь на весла! — пронеслась по реке бодрая команда. Плоты понеслись еще быстрее.

Из окопов застигнутого врасплох противника велась беспорядочная стрельба. Но плоты были уже рядом с берегом, теперь только бы зацепиться за него, а там все будет в порядке.

Взвилась ракета, выпущенная высадившимися, — сигнал о переносе артиллерийского огня. Тут же вспыхнуло несколько других ракет — сигнал о захвате окопов противника.

Следом за батальонами начали переправлять на плотах и орудия батареи Воронова. Вскоре они были на другом берегу, где уже развернул свой НП командир полка Михайлов.

Переправа прошла блестяще: 28-я бригада 10-й стрелковой дивизии выполнила свою задачу: скоро мы доложили по команде, что железная дорога Бобруйск — Минск перерезана.

Отличился 82-й стрелковый полк. Развивая успех, он в местечке Пуховичи захватил артиллерийский дивизион противника и первым вышел на железную дорогу. Полк был награжден Почетным революционным Красным знаменем.

Произошли эти события в ночь на 4 июля 1920 г. С тех пор много воды утекло в реке Березина. Что можно сказать о героях той переправы?

Судьба командира полка Михайлова мне неизвестна. Командир артиллерийского дивизиона Рерле — полковник в отставке. Командир батареи Николай Николаевич Воронов

стал главным маршалом артиллерии, в годы Великой Отечественной войны был представителем Ставки Верховного Главнокомандования на фронтах, занимал пост начальника артиллерии Советской Армии — заместителя Наркома обороны СССР.

Война, говорят, лучшая для командира академия. Ну а если к боевому опыту добавить основательную теоретическую подготовку — тогда совсем хорошо.

Размышляя на такой лад, я поздней осенью 1920 г. предпринял еще одну — вторую по счету — попытку попасть на учебу в Академию Генштаба РККА. На этот раз удачно!

Стрелковую бригаду сдал начальнику штаба, а сам отправился в Москву.

На одной и на другой войнах многое было узнано, но многое и перезабыто. Мандатную комиссию, которой все побаивались, прошел без сучка и задоринки. Теперь экзамены. Тут одним социальным происхождением да заслугами перед Советской властью не возьмешь, нужны знания. А экзаменаторы — народ дотошный: профессора в основном старой, дореволюционной закваски.

Чудом решена тригонометрическая задача. «При каком Людовике свершилась Великая французская революция?» — просит уточнить преподаватель всеобщей истории. Узнаю в экзаменаторе того самого профессора, который на свой вопрос — в каком году произошло раскрепощение крестьян в России? — получил от моего будущего сокурсника Павла Ефимовича Дыбенко уточняющий ответ: «По-вашему — раскрепощение, а по-нашему — закабаление».

Преподавателю военной географии невнятно рассказываю что-то про Сингапур, зато даю волю красноречию, отвечая на вопрос о Белоруссии, которую прошел с боями вдоль и поперек.

Конечно, здорово помогли дополнительные занятия, организованные в академии перед экзаменами: они как бы подгоняли нас, пропахших порохом абитуриентов, к уровню среднего образования.

Много интересных людей пришло тогда в академию. Я упомянул уже П. Е. Дыбенко. Некоторое время этот известный революционер, активнейший участник гражданской войны ухитрялся совмещать учебу в академии с командованием соединениями, дислоцированными на юге страны. Павел Ефимович привозил оттуда отлично выполненные тактические разработки.

Учился с нами Владимир Кириакович Триандафиллов, тоже пришедший в академию прямо из окопов гражданской войны. Позже он стал известным советским военным теоретиком, одним из основоположников теории глубокой операции и боя, тонким знатоком и исследователем вопросов взаимодействия различных видов оружия в бою. Уже во время учебы в академии Триандафиллов смело «скрещивал шпаги» с самыми маститыми знатоками военного дела, и, как правило, его точка зрения брала верх. Зачастую в споре он привлекал на помощь и свой кавказский темперамент.

Моим однокашником по академии был и Епифан Иович Ковтюх, выведенный под именем Кожуха в романе А. Серафимовича «Железный поток», — личность, что и говорить, известная. Большая дружба связывала меня с Иваном Семеновичем Кутяковым. Кто не знает по знаменитому кинофильму этого ближайшего сподвижника В. И. Чапаева, принявшего на себя после гибели начдива командование 25-й стрелковой дивизией! После окончания академии Кутяков отличился в борьбе с басмачами, заслужил здесь третий орден Красного Знамени, занимал высокие командные посты, вплоть до заместителя командующего войсками военного округа.

На фронте мы соскучились по книге, по знаниям и за учебу принялись с каким-то ожесточенным самозабвением. Многие учились сразу на двух факультетах. Меня тоже не устраивал один общевойсковой курс, потянуло на восточный факультет, где помимо всего прочего изучали китайский язык с его головоломными иероглифами.

По истории войн и военного искусства изучали еще свежую по зарубкам в памяти, а у многих — и на теле первую мировую войну. Мне предстояло выступить с научным докладом о Брусиловском прорыве. Неожиданно помог в изучении темы сам Алексей Алексеевич Брусилов, занимавший тогда пост председателя Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Республики. Один из выдающихся полководцев первой мировой войны, которому вскоре должно было исполниться 70 лет, охотно согласился принять меня для беседы.

Брусилов держался просто и скромно, на мои вопросы отвечал охотно. Ему, видимо, нравилось, что «старика знают и помнят». А я внимательно слушал и рассматривал человека, который в решительную минуту остался со своей страной, со своим народом, отклонив все предложения белогвардейцев переметнуться к ним и возглавить силы контрреволюции.

За годы учебы в академии было немало памятных встреч

с видными партийными, государственными и военными деятелями.

Одна из таких встреч заставила меня на некоторое время оставить академические аудитории и снова окунуться в боевую жизнь.

Весной 1921 г. на Воздвиженке, в бывшем Охотничьем клубе, где тогда помещалась Академия Генерального штаба РККА, был назначен доклад о методах ликвидации повстанческих банд Антонова. Сделать его должен был молодой в то время военачальник И. П. Уборевич, только что вернувшийся с Тамбовщины.

Имя И. П. Уборевича за время гражданской войны было уже широко известно. Поэтому на встречу с ним пришли не только мы, слушатели академии, но и многие профессора и преподаватели.

Просто и ярко обрисовал Уборевич борьбу против антоновщины, охарактеризовал настроение населения, соотношение сил и действия советских войск, которыми руководили М. Н. Тухачевский и он. Неторопливая, грамотная в военном отношении речь докладчика увлекла всех.

Особенно интересными показались всем нам методы борьбы. Как ни остра была эта социальная борьба, наше военное командование решило выиграть ее с наименьшими потерями с обеих сторон. Для этого потребовалось прежде всего изолировать банды, таившиеся в лесах и, как правило, избегавшие открытых столкновений, от их местной агентуры. Бандитов постепенно лишили связей с их единомышленниками из местного населения. Все меньше стало поступать к ним продовольствия, табака, мыла, а главное — боеприпасов, заранее припрятанных в потайных местах. Наряду с этим Тухачевский и Уборевич развернули большую агитационную работу среди терроризированного бандитами населения. Крестьяне стали охотно помогать войскам и органам Советской власти. Почва из-под ног бандитов ускользала, они вынуждены были выходить из лесов. Большую роль сыграло применение бронемашин, автомобилей, вооруженных пулеметами, от которых не могли удрать даже самые резвые кони бандитов. Такое сочетание различных мер и решило успешный исход борьбы: банды были постепенно расчленены, перебиты или захвачены в плен.

— Вот так, потихоньку, — улыбнулся под конец И. П. Уборевич, — мы и закончили эту необычную, препеприятнейшую кампанию...

Аудитория наградила докладчика дружными аплодисментами.

Не сходя с трибуны, Иероним Петрович как бы невзначай сказал:

— Я, товарищи, в Москве проездом. Направлен в Белоруссию, под Минск. Там предстоит удалить еще одну злокачественную опухоль...

— Какую же? — спросил кто-то из аудитории.

— Там орудуют бандиты под предводительством бывшего царского ротмистра, ныне «атамана» Булак-Балаховича. Этот аферист с помощью эсера Савинкова систематически засылает к нам террористические банды из Польши. И пока мы не устраним это зло, нормальную жизнь в Белоруссии наладить трудно. Я обращаюсь с просьбой к слушателям академии помочь мне выполнить это задание партии.

Услышав призыв И. П. Уборевича, я, не задумываясь, записался вместе с группой командиров на выезд в Белоруссию.

По прибытии на место наша группа была принята командующим войсками Минской губернии И. П. Уборевичем. Помню, я сидел рядом с моим товарищем Михаилом Кульчаком. В комнате находился член Военного совета Адамович и начальник штаба, выпускник нашей академии Венцов-Кранц.

Иероним Петрович расспросил каждого о прежней службе в войсках и тут же, посоветовавшись с Адамовичем и Венцовым-Кранцем, определил всех на должности.

Я, в частности, был назначен в город Игумен (ныне Червень) начальником боевого участка. Венцов-Кранц подробно рассказал нам о расположении, состоянии и задачах войск, Адамович — о политическом положении в крае, потом мы снова попали к Уборевичу. Перед каждым, в зависимости от положения на местах, он поставил конкретные задачи.

— В Игуменском уезде, — говорил мне Иероним Петрович, — расквартированы стрелковая бригада и кавалерийский полк. Их надо бережно и очень умело использовать. Вам будут подчинены и местные отряды самообороны и милиция — тоже немалая сила, если действовать в тесном контакте с местными сельскими и городскими властями. Оторветесь от местных органов — вы пропали, наладите связи — вы на коне. Местные власти помогут во всем: сориентируют в обстановке, расскажут об особенностях той или иной местности, укажут друзей и врагов. Что нужно сделать в первую очередь? Нащупать базы, выявить конкретных лиц, на которых опираются бандиты. Это самое главное. Лишившись баз, бандиты вынуждены будут тащить продовольствие и

боеприпасы из-за кордона. Они не могут перевозить свои грузы транспортом, это было бы слишком заметно. Их сила в ногах. Чтобы умело перехватывать такого рода «пешеходов», надо досконально изучить местность, все тропинки и проходы по болотам, обзавестись надежными проводниками из местных жителей.

— Разве наши пограничники не могут крепко, как говорится, на замок, закрыть границы? — задал кто-то вопрос командующему.

— Для этого потребовалось бы организовать на границе нечто вроде позиционной обороны, — ответил И. П. Уборевич, — а на это у нас сейчас не хватит сил: началась, как вы знаете, демобилизация, люди нужны промышленности и деревне, чтобы предотвратить голод.

— Товарищ командующий, — обратился к Уборевичу кто-то из нашей группы, — на Тамбовщине вы преследовали врага с помощью бронемашин. А у нас они будут?

— К сожалению, бронемашин здесь почти нет. Да и конных немного. Поэтому в районе каждого отряда надо иметь дежурные подводы. В этом помогут вам опять-таки местные власти. На подводах же организуйте подвижные подразделения. Но все это нужно делать по-хозяйски, чтобы не обезлошадить крестьянина. Сейчас идут покосы, подходит время уборки хлеба — везде нужен расчет и расчет...

Игуменский уезд, где находился мой боевой участок, оказался довольно обширным, покрытым лесами, перелесками, болотами. Села и деревушки встречали нас наглухо закрытыми окнами, щемящей, настороженной тишиной. Бывало, спросишь у кого-нибудь из местных крестьян:

— Ну как, сильно вас беспокоят бандиты?

— Да нет, ничуть. Мы их и не видим...

— А чьи же трупы висят неподалеку, за околицей, разве не ваших односельчан?

— Не знаем, человек хороший, ничего не знаем...

Такие ответы можно было услышать как от явных кулаков, так и от напуганных бандитским террором бедняков.

Объехав воинские части, ознакомившись с отрядами самообороны и милиции, я убедился, что их численность совершенно недостаточна для выполнения задачи, поставленной Уборевичем. И вот тут-то и пригодились его советы. Я связался с местными органами власти, с рабочими организациями и предложил действовать вместе. По всему уезду стали проводить митинги и собрания. Наши агитаторы призывали население, особенно крестьян, получивших поме-

щичьи земли, начать наконец организованную жизнь, а для этого прежде всего перестать бояться террористов. Кое-кто из крестьян получил от нас оружие для самозащиты. Все это вскоре стало давать результаты.

Все смелее на помощь к нам стали приходить люди труда, пополняя милицейские группы и отряды самообороны. Из числа новых друзей нашлись опытные проводники. Крестьяне указывали, в какой глухомани прячут кулаки продовольствие, боеприпасы и лошадей. Вскоре наш конный обоз сильно вырос, укрепилась подвижность отрядов. Радовало и то, что в Минске о нас не забывали: Уборевич щедро снабжал отряды оружием и боеприпасами. И все же бандиты проскальзывали сквозь наши заслоны, грабили и вешали бедняков, посмевших косить травы или сеять хлеб на бывших помещичьих землях.

Я был недоволен своей работой и попросил Уборевича приехать на боевой участок.

К этому времени нам удалось открыть новый способ выявления в лесах бандитских шаек и, обнаружив их, не терять из виду. Как-то один командир полка, краснознаменец Соколов, пошел с группой товарищей на охоту. Взяли с собой и собак. Охотники неожиданно наткнулись на шайку закордонных «гостей». Началась перестрелка. Бандиты пытались уйти, но за ними с лаем бросились собаки, и вскоре головорезы были уничтожены. Возникла мысль, что четвероногие друзья могут и впредь сослужить нам хорошую службу.

Командующий сразу же одобрил использование собак:

— Хорошее дело. Завтра же пойду с вами «на охоту».

На следующий день отправились в лес. Собаки быстро поняли, чего от них хотят. Наткнувшись на бандитов, они дружно преследовали их, и у нас была в этот день немалая «добыча».

Уборевич уезжал в Минск довольный.

Перед отъездом он побывал со мной в местных партийных и советских организациях, потребовал от них более активных действий, со своей стороны пообещал прислать подкрепление. Прошло не так уж много времени, и бандитам пробираться на нашу сторону стало все сложнее и сложнее, а потом они вынуждены были и совсем отказаться от этого.

В академии, как видит читатель, указание партии о необходимости связывать теорию с практикой конкретно проводилось в жизнь. Те, кто помогал И. П. Уборевичу в Белоруссии, вернулись в Москву, снова с головой окунулись в учебу и постепенно наверстали упущенное.

«НАЗНАЧАЕТЕСЬ ВОЕННЫМ СОВЕТНИКОМ В КИТАЙ»

СУНЬ ЯТСЕН, ЕГО ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ. ВОЕННАЯ ШКОЛА В ВАМПУ. ПЕРВЫЙ ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД. ВОТ ТАК «СОЮЗНИКИ»! ШТУРМ ВЭЙЧЖОУ — КИТАЙСКОГО ИЗМАИЛА. РЕВОЛЮЦИОННАЯ БАЗА ЖИВЕТ И КРЕПНЕТ.

Весна 1923 г. для меня была особенно напряженной. Я заканчивал основной курс академии и одновременно готовился к переходу на последний курс ее восточного факультета.

Почему именно восточный факультет привлек меня?

Так случилось, что уже с детских лет бурные события на Дальнем Востоке более других волновали мое воображение. Сначала это было китайское народное восстание 1900 г., затем — русско-японская война. Прошло немало лет, на фронтах гражданской войны мне пришлось воевать вместе с китайскими товарищами, и интерес мой к Китаю вспыхнул с новой силой.

Весной 1918 г., когда я командовал 2-м красноармейским полком в Гатчине, к нам пришел молодой китаец и попросил принять его добровольцем. Потом он привел с собой еще нескольких китайцев, и мы их тоже зачислили. После этого они к нам стали приходить десятками. Я доложил об этом командиру дивизии. По его приказу была сформирована китайская рота.

Отряд китайских добровольцев имелся также в бригаде, куда меня назначили начальником штаба.

Поступая на восточный факультет, я не думал о дипломатической работе. Фантазия моя так далеко не заходила. Мне просто хотелось поработать на Дальнем Востоке.

Как-то слушателям факультета стало известно о приезде в Москву из Китая военного атташе Анатолия Ильича Геккера — бывшего начальника нашей академии. Говорили, что он должен отобрать несколько человек для работы в Китае. И вот однажды секретарь начальника академии сказала мне: «Вас просит зайти Анатолий Ильич».

Анатолий Ильич приветливо поздоровался и жестом пригласил садиться. Внимательно глядя на меня, он задал обычные анкетные вопросы.

На другой день утром в номере гостиницы у Геккера собрались мои однокурсники Яков Герман, Павел Смоленцев, а также ранее окончившие академию, но продолжавшие учиться на восточном факультете Николай Терешатов и Владимир Поляк.

Геккер повел нас в штаб РККА на «смотрины» к Я. К. Берзину, о встречах с которым в годы гражданской войны я уже рассказывал читателю, и участь моя была решена. Узнав о том, что Сунь Ятсен обратился к Советскому правительству с просьбой прислать к нему политических и военных советников, мы все пятеро согласились добровольцами поехать в далекий край.

Идея нашей помощи великому китайскому революционеру — это, бесспорно, ленинская идея. Еще задолго до Октябрьской революции Ленин наметил идею будущего союза русской социалистической революции с революционной демократией Китая. И когда в нашей стране установилась диктатура пролетариата, эта идея стала обретать плоть.

Советские товарищи, стоявшие у истоков организационного воплощения в жизнь этого союза, действовали по указанию Ленина. Я имею в виду Г. В. Чичерина, Л. М. Карахана, А. А. Иоффе, М. М. Бородина и других. Поэтому и для нас, молодых командиров РККА, входивших в первую пятерку направленных в Китай советников, задание, порученное партией и правительством, казалось вполне естественным, несмотря на всю его необычность. В самом деле, всего лишь за два года до этого завершились кровопролитные бои с интервентами и белыми. Страна далеко еще не оправилась от ран, голода и холода, а мы должны были пробираться за многие тысячи километров, чтобы, не щадя жизни, служить революционным задачам Китая. Ленинские идеи, примеры содружества народов в борьбе за Советскую власть делали нас убежденными интернационалистами.

21 июня 1923 г. мы приехали в Пекин. Начали усиленно заниматься китайским и английским языками, присматривались к жизни китайского народа и с помощью работников миссии изучали внутреннее и внешнее положение Китая.

Вскоре мы были тепло приняты чрезвычайным послом Советского Союза в Китае Л. М. Карахапом. Он расспросил, как у нас идет учение, как мы устроились, и намекнул, что очень скоро, с приездом из Москвы одного товарища,

положение с нашей будущей работой определится. Он не назвал фамилии; позднее мы поняли, что речь шла о Михаиле Марковиче Бородине.

— А пока, — сказал Карахан, — продолжайте учиться.

Наконец в Китай приехал М. М. Бородин.

С Бородиным никто из нас раньше не встречался, и только здесь, в Китае, нам стали известны некоторые факты его интересной биографии.

М. М. Бородин юношей примкнул к революционному движению. Член РСДРП с 1903 г., он принял активное участие в революционных событиях 1905 г. в Риге, где с января под партийной кличкой Кирилл стал работать среди латышских социал-демократов. Бородин присутствовал на партийной конференции в Таммерфорсе, участвовал в стокгольмском Объединительном съезде партии в 1906 г. Вскоре он был арестован, после освобождения эмигрировал в Англию, а затем в США, где был членом Социалистической партии Америки и исполнял обязанности казначея общества «Помощь русским политическим заключенным».

В июле 1918 г. Бородин вернулся в Москву. На короткое время он ездил в Англию, в 1919 г. был назначен первым генеральным консулом РСФСР в Мексике. И вот теперь по приглашению Сунь Ятсена М. М. Бородин приехал в Китай.

В конце года нам объявили, что Герман и Поляк немедленно выезжают с Бородиным в Гуанчжоу, а через месяц за ними последуем мы, Терешатов и я. Смоленцев остается в Пекине.

В начале января 1924 г. Л. М. Карахан сообщил нам с Терешатовым, что мы должны выехать через Шанхай в Гуанчжоу в распоряжение Бородина...

Уже в пути при подходе к Гонконгу капитан судна сообщил нам полученную по радио тяжелую весть: скончался Владимир Ильич Ленин. Известие потрясло нас. Слезы текли по щекам. Невероятная скорбь сдавливала грудь: «Не стало Ленина!..»

Мы с Николаем, опершись о перила палубы, долго молча смотрели в свинцовые воды, мысленно давая себе клятву работать вдали от Родины так, как подобает советским коммунистам-ленинцам.

Гуанчжоу в то время был революционным центром Китая. Здесь шла напряженная политическая жизнь. Революционные силы страны сгруппировались вокруг Сунь Ятсена,

который, несмотря на тяжелые поражения, мучительно искал новые пути освобождения народа.

Мне посчастливилось встречаться с великим китайским революционером-демократом, и впечатления о нем на всю жизнь остались незабываемыми.

На опыте всей своей революционной деятельности, под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, которую он охарактеризовал как «великую надежду человечества», Сунь Ятсен выработал три политические установки: союз с Советской Россией, союз с Коммунистической партией Китая, поддержка крестьян и рабочих.

Мы с Терешатовым приехали в Гуанчжоу 25 января 1924 г. Как раз в эти дни здесь проходил I конгресс гоминьдана, на котором было официально оформлено сотрудничество с Коммунистической партией Китая. Это решение активизировало борьбу Сунь Ятсена, левого крыла гоминьдана и всего народа против империализма и феодализма. Конгресс принял Манифест гоминьдана, вливший новое содержание в его программу и давший ему в руки революционное знамя. Такой радикальный поворот во многом стал возможен благодаря неутомимой деятельности китайских коммунистов, которые в ходе подготовки и проведения конгресса руководствовались ленинским учением о едином фронте борьбы с империализмом и феодализмом. Их возглавлял Ли Дачжао — один из организаторов компартии Китая.

Благодаря рассказам Поляка, Германа и особенно Михаила Марковича Бородина, а также по газетам и информационным бюллетеням корреспондента РОСТА мы быстро ознакомились с положением дел в Гуанчжоу, подробно узнали о подготовке к конгрессу гоминьдана и о его заседаниях. Нас сразу же включили в работу, связанную с конгрессом. Не проходило дня, чтобы мы не встречались с М. М. Бородиным и с китайскими товарищами. Они подробно рассказывали нам обо всем, что происходило на заседаниях и в кулуарах конгресса.

В день нашего приезда на конгрессе была объявлена скорбная весть о кончине В. И. Ленина. Город был в трауре. Сунь Ятсен произнес речь, посвященную памяти вождя мировой революции.

— За многие века мировой истории, — говорил Сунь Ятсен, — появлялись тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин, — исключение. Ты не только говорил и учил, но претворял свои слова в действительность. Ты создал новую страну, ты указал нам путь для совместной борьбы, ты

встречал на своем пути тысячи препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти по указанной тобой дороге... Ты умер... но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек.

По предложению Сунь Ятсена конгресс принял текст письма ЦК РКП(б) и Советскому правительству с выражением соболезнования по поводу смерти В. И. Ленина. Конгресс принял решение объявить трехдневный траур и перенести следующее заседание на 28 января. В дни траура состоялись митинги трудящихся, проводились беседы о В. И. Ленине.

В Гуанчжоу мы сразу же были захвачены водоворотом событий и включились в общее дело. Передо мной, как на экране в минутном эпизоде, промелькнул озабоченный Цюй Цюбо, с которым я познакомился еще в Москве, где он пребывал в качестве корреспондента пекинской газеты «Чэньбао» («Утро») и преподавал нам китайский язык. Двадцатилетний Цюй Цюбо смог понять самое главное, чем должен руководствоваться всякий искренний революционер-китаец, — ключ к настоящей борьбе за счастье родного Китая лежит в тщательнейшем и всестороннем изучении русского опыта, советского опыта. Он первым едет в Советскую Россию, проводит в Москве два богатейших по историческому содержанию года — 1921-й и 1922-й и всю дальнейшую жизнь посвящает пропаганде зорко увиденного и правильно понятого. Цюй Цюбо в кремлевском коридоре беседует с В. И. Лениным; подробно рассказывает Маяковскому о новой китайской литературе; отправляется с поклоном в Ясную Поляну; переводит, переводит и переводит. Среди его переводов — шедевры русской классики от Пушкина до Горького, произведения молодой советской литературы, политические документы и книги.

Кстати, Цюй Цюбо принадлежит первый перевод на китайский язык текста «Интернационала». Эти вдохновенные слова он пел в тот час, когда гоминьдановские палачи летним днем 1935 г. его расстреляли.

Сейчас, попадая в район Курского вокзала, я всегда припоминаю, что в санатории «Высокие горы», привольно раскинувшемся над извилистой Яузой, лечился и, нарушая запреты врачей, писал одну статью за другой наш прекрасный китайский друг. А Цюй Цюбо в 20-е годы буквально летал по нашей земле, стремясь своим острым взглядом (есть, между прочим, хороший его портрет, принадлежащий кисти художника И. Бродского) схватить все самое важное для революции у себя на родине.

Вскоре после конгресса гоминьдана М. М. Бородин пригласил нас к себе, чтобы вместе поехать к Сунь Ятсену.

В назначенное время М. М. Бородин, Цюй Цюбо, Николай Терешатов, Яков Герман, Владимир Поляк и я подъехали к дому Сунь Ятсена.

В том, как он, прервав беседу с военным министром, вышел нам навстречу, как без традиционных церемоний пожал нам руки, чувствовалась не формальная официальная расположенность, а искренняя, теплая дружба. Хорошо известный портрет Сунь Ятсена во френче верно передает его облик. В беседе с нами Сунь Ятсен усиленно подчеркивал, что главный враг независимости Китая — империализм. Внутренние враги — милитаристы и прочие — держатся лишь благодаря поддержке империалистов.

Сунь Ятсен принимал нас перед началом нашей работы по перестройке южнокитайской армии.

— Первая наша задача, — говорил Сунь Ятсен, — сформировать армию по советскому образцу, подготовить плацдарм для похода на север... Мы надеемся, что вы, накопившие богатый опыт в борьбе против интервенции иностранных империалистов, изгнавшие их из своей страны, передадите этот опыт нашим курсантам — будущим офицерам революционной армии.

Мы были назначены военными советниками в школу Вампу. Терешатов, Поляк и я в связи с началом работы были приглашены на квартиру к Бородину, где нам предстояло познакомиться с начальником школы Вампу — Чан Кайши и его заместителями. Чан Кайши тогда было около сорока лет. Коротко остриженные поредевшие волосы торчали на маленькой голове. Беспокойно бегали злые глаза. Держался он подчеркнуто по-военному, явно рисуясь. Слушая Бородина, время от времени в знак согласия издавал какие-то бессвязные звуки, напоминающие карканье вороны. Смех его звучал искусственно, глаза оставались злыми.

Тогда мы, разумеется, не знали истинного политического лица Чан Кайши. Мы наивно думали, что политическим наставником Чан Кайши был Сунь Ятсен. На деле же Чан «учился» у главы гангстеров Шанхая Чэнь Цимэя — дядюшки выдвинувшихся позже заправил реакционной гоминьдановской группировки братьев Чэнь Лифу и Чэнь Гофу. Потерпев финансовый крах на шанхайской бирже, где подвизался некоторое время в качестве маклера, Чан Кайши решил обогащаться с помощью политических спекуляций.

Будучи беспринципным карьеристом, он всячески демонстрировал свою показную революционность, охотно распространялся о своей верности идеям Сунь Ятсена и путем безастенчивой демагогии сумел втереться к нему в доверие.

После того как Сунь Ятсен установил дружеские отношения с Советским Союзом, Чан Кайши умело использовал представившийся случай, чтобы нажить себе политический капитал. Он согласился поехать в Советский Союз для изучения постановки военного дела. Именно в результате этой поездки, а также благодаря связям в гоминьдане Чан Кайши получил суливший ему столько выгод пост начальника военной школы Вампу.

Вскоре после встречи с начальством мы приехали к месту своей работы на остров Вампу (Хуанпу). Осмотрев здание школы, жилой домик, отведенный советникам, мы сразу отправились на поиски будущего учебного поля.

Остров Вампу расположен на реке Чжуцзян в 25 км от Гуанчжоу. Островное расположение школы в значительной степени избавляло ее от неприятных неожиданностей. Имелась возможность хотя бы на первых порах скрыть школу от глаз ненужных наблюдателей.

Занятия в школе начались 1 мая 1924 г. На официальном открытии школы 15 июня перед курсантами выступил Сунь Ятсен. Он разъяснил необходимость вооруженной борьбы с империализмом и его китайскими слугами — феодалами-милитаристами. Говорил четко, просто, без нарочитых жестов, без малейшей рисовки, не имея при этом в руках никаких записок. Я наблюдал, как застывшая в молчании аудитория с жадностью ловила и впитывала каждое его слово: «Иностранцы объединили для интервенции в России силы всего мира... Почему же Россия, столкнувшись со столь большими трудностями, встретив так много врагов, смогла все-таки за шесть лет полностью преодолеть все преграды и русская революция завершилась окончательной победой?.. Сопоставление итогов китайской и русской революций, выявление причин, в силу которых они принесли столь различные результаты, явилось для нас хорошим уроком. А усвоив этот урок, мы и открываем сегодня эту школу» [1].

Это обращение Сунь Ятсена к многочисленной военной аудитории имеет глубокий исторический смысл.

В первые месяцы существования школы Вампу в ней была создана та революционная атмосфера, которая позволила

---

[1] Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1964, с. 470.

позже превратить ее в значительной степени в кузницу революционных офицерских кадров.

Конечно же в нашей повседневной преподавательской работе в Вампу мы сталкивались с постоянным противодействием офицеров из милитаристских армий и тех гоминьдановцев, которые, на словах вторя идеям Сунь Ятсена, в глубине души их не разделяли. Но при жизни Сунь Ятсена никто из них не решался открыто нам препятствовать, зная, что Сунь Ятсен этого не допустит. А после смерти Сунь Ятсена Вампу достаточно окрепла как революционный очаг. В целом же школа Вампу при Сунь Ятсене стала его вооруженной опорой.

Находившийся в 1924—1925 гг. в Гуанчжоу товарищ Хо Ши Мин поддерживал связь с вьетнамскими курсантами школы Вампу и руководил их воспитанием. Мне случалось несколько раз встречать Хо Ши Мина у М. М. Бородина, но в то время я, конечно, не мог предположить, что вижу будущего вождя вьетнамских трудящихся.

Подготовка кадров происходила в те годы не только на южнокитайской земле. Очень многие выдающиеся в будущем лидеры китайских коммунистов 20-х годов обучались в учебных заведениях нашей страны.

Группа советников состояла из командиров, сочетавших практический опыт с солидной теоретической подготовкой. Мы многое сделали для того, чтобы на первом же этапе обучения курсанты усвоили максимальное количество практических навыков. Мы хотели, чтобы будущие командиры поняли значение строевой выучки, постоянной собранности, подтянутости, исполнительности и, главное, готовности к преодолению всех лишений, связанных с военной службой. У командиров взводов и рот было стремление практический показ заменить обычным рассказом. Борясь с этой говорильней, мы так строили методическую подготовку с унтер-офицерами и командирами взводов, а потом и командирами рот, чтобы они применяли метод показа и сами при этом не допускали ошибок.

На тактических занятиях мы обучали курсантов быстрому наступлению в сочетании с огнем и, как бы ни было мало подразделение, обязательно с охватом противника. В обороне также добивались максимальной активности, умения предупредить наступление врага контратакой. Труды наши не пропали даром. В начавшихся вскоре походах результаты их сразу оказались весьма ощутимыми.

Очень осложняли работу опасения преподавателей, как бы офицеры и рядовые курсанты не узнали, что всем учеб-

ным процессом фактически руководят советники. Не желая обострять отношения, мы всю основную работу вели по своим планам, но держались в тени. Лишь постепенно, день за днем, приучали преподавателей к мысли, что полностью нашу достаточно многообразную работу от подчиненных не скроешь, и отвоевывали себе право на непосредственный показ офицерам или курсантам, как нужно выполнять то или иное упражнение или организовать то или иное учение.

Личный показ, меткость нашей стрельбы производили должное впечатление и быстро сближали нас с курсантами. Офицеры также перенимали практические навыки и приучались к черновой работе. По-прежнему поодаль от нас держались преподаватели, но мы не торопились — ждали тактических занятий, где и те и другие должны были проявить себя на деле, показать свою грамотность. И такой подходящий случай вскоре представился.

Чан Кайши попросил нас выбрать и оборудовать на восточном берегу реки Чжуцзян тет-де-пон для прикрытия на случай вынужденной переправы школы с острова Вампу на материк. На рекогносцировку мы пригласили вместе с командирами рот и преподавателей. При выборе позиции между строевиками и теоретиками разгорелся спор. Командиры, прошедшие у нас практическое обучение, оказались правы.

Военная подготовка курсантов сочеталась с их политическим воспитанием. В обязательный курс для слушателей были включены политэкономия, теория империализма, «три принципа» и три политические установки Сунь Ятсена, история Китая и история революционного движения на Западе.

По решению Центрального Комитета КПК на работу в Национально-революционную армию были направлены коммунисты Линь Цзухань, Юнь Дайин, Чжоу Эньлай и другие. Начальником политотдела школы Вампу по совместительству стал секретарь гуандун-гуансийского комитета КПК Чжоу Эньлай.

Коммунисты работали в Вампу энергично и вместе с тем осторожно, с учетом политических настроений основной массы.

Работа политотдела, в котором активную роль играла группа коммунистов, подняла уровень подготовки курсантов и значительно укрепила дисциплину в школе Вампу.

Прибывший из Москвы на должность главного советника Сунь Ятсена П. А. Павлов после детального ознакомления с состоянием школы, в общем, остался доволен. С приездом

Павлова Николай Терешатов и Владимир Поляк ушли работать в его аппарат. Вскоре, после внезапной смерти жены, оставившей маленького сына, Поляк вернулся в Советский Союз. Я остался старшим советником в школе. В помощь мне были назначены вновь прибывшие товарищи.

Высокий, подтянутый, бывший гвардейский офицер старой армии, коммунист, с юношеских лет революционер, Павел Андреевич Павлов был одним из видных боевых командиров Красной Армии. Он сражался на фронтах гражданской войны, командовал разными войсковыми соединениями. За боевые заслуги был награжден двумя орденами Красного Знамени. В посвященной ему небольшой книге его бывшего адъютанта Д. В. Быкова хорошо изложены основные факты биографии этого замечательного человека [1].

С первых шагов своей деятельности в Китае П. А. Павлов показал, что выбор его на пост главного военного советника был удачен. Павлов быстро разобрался в обстановке.

В провинции Гуандун, включая и ее столицу — Гуанчжоу, враждовали между собой более десятка разных по силе милитаристов, которые временами объединялись для борьбы с северными милитаристами. В 1922 г. не желавший подчиняться северным милитаристам генерал Чэнь Цзюнмин, используя в своих целях лозунг «защиты республики» и имя Сунь Ятсена, перешел с юга провинции Фуцзянь в наступление на провинцию Гуандун, овладел Гуанчжоу и пригласил Сунь Ятсена для организации правительства Южного Китая. В то время Сунь Ятсен еще ошибочно полагал, что он сможет использовать в интересах революции войска отдельных милитаристов, не вовлекая в активную борьбу народные массы. В апреле 1922 г. в Гуанчжоу Сунь Ятсен был избран президентом республики. Но фактически всю власть сосредоточил в своих руках Чэнь Цзюнмин, заняв посты министра внутренних дел, военного губернатора провинции и главнокомандующего.

После того как к власти в стране пришла чжилийская клика милитаристов, англичане и американцы — хозяева У Пэйфу и Чэнь Цзюнмина — приказали своим лакеям договориться. Тогда Чэнь Цзюнмин решил, что он более не нуждается в Сунь Ятсене. Да Сунь Ятсен и не устраивал его хозяев-империалистов. В июне 1922 г. Чэнь Цзюнмин

[1] См.: Быков Д. Комкор Павлов. М., 1965.

совершил вооруженный переворот. Сунь Ятсен со своими сторонниками был вынужден бежать в Шанхай. Но в феврале 1923 г., после того как одна из групп южных милитаристов изгнала Чэнь Цзюнмина из Гуанчжоу, Сунь Ятсен снова прибыл туда и создал революционное правительство.

Однако и в группировке южных милитаристов, захвативших Гуанчжоу, не было единства. Между ее руководителями все время происходили трения и чувствовалось взаимное недоверие. Популярное имя Сунь Ятсена милитаристам было необходимо, чтобы обмануть народ и удержаться в Гуандуне.

Не имея реальной власти, Сунь Ятсен искусно пользовался противоречиями между местными милитаристами и постепенно сплачивал вокруг себя революционные массы, прогрессивные круги интеллигенции и национальной буржуазии.

Под контролем правительства Сунь Ятсена находилась только центральная часть провинции Гуандун — коридор, протянувшийся с севера на юг.

Восточную часть Гуандуна занимали войска Чэнь Цзюнмина.

В полосе, контролировавшейся правительством Сунь Ятсена, и в Гуанчжоу располагались различные милитаристские группировки, называвшие себя союзной армией и выполнявшие распоряжения правительства. Из них наиболее сильной, боеспособной, лучше всех вооруженной была юньнаньская армия под командованием генерала Ян Симиня, в которой насчитывалось всего 23 тыс. солдат.

«Союзники», как называли себя местные милитаристы, в какой-то степени действительно объединялись для защиты своей кормушки от посягательств северных милитаристов и генерала Чэнь Цзюнмина. Поэтому они на словах признавали генерала Ян Симиня своим главнокомандующим. По существу, они были разъединены, и каждый из них заботился только о личной выгоде. Они, как и все феодалы-милитаристы после революции 1911 г., дорожили прежде всего своей армией. Закон их существования был прост: «Есть армия — есть власть».

В соответствии с этим законом милитаристы чувствовали себя в Гуанчжоу как пассажиры на вокзале в ожидании попутного поезда. Каждый из них стремился поднакопить достаточно сил, чтобы раздавить конкурентов в Гуанчжоу или отвоевать «свою» провинцию. Как правило, они совершенно не заботились ни об экономическом развитии занятой ими территории, ни об улучшении жизни населения. Милитаристы были прежде всего заинтересованы в сохранении

доходов, то есть налоговых поступлений, которые ежемесячно распределялись между ними.

П. А. Павлову пришлось решать задачу со многими неизвестными — искать выход из сложнейшей ситуации, так как армия гуанчжоуского правительства была зажата в узком коридоре вдоль железных дорог, отходящих на восток и на север от Гуанчжоу.

К тому времени в Гуанчжоу приехали новые военные советники: Угер (Реми), Сахновский, Чубарева (Сахновская), Шалфеев, Айтыкин (Браиловский), Шевалдин и другие. Посоветовавшись с нами, Павлов решил при помощи Сунь Ятсена, «левых» гоминьдановцев и коммунистов предпринять попытку объединить формально «союзные», а на деле совершенно разобщенные войска местных милитаристов в единую армию.

По его предложению был создан Совет обороны во главе с Сунь Ятсеном. П. А. Павлов получил официальное звание — военный советник Совета обороны. М. М. Бородин приложил все усилия, чтобы помочь П. А. Павлову создать Совет обороны.

Сунь Ятсен считал, что создалась обстановка, благоприятная для организации Северной экспедиции [1]. Почему Сунь Ятсен всячески стремился ускорить проведение военной экспедиции на север? Это была последняя попытка добиться существенного успеха путем использования милитаристских армий, противоречий между отдельными генералами. Но она была оторвана от намеченной Сунь Ятсеном основной линии — на подготовку принципиально новых вооруженных сил, воспитанных на революционных идеях, и была заранее обречена на неудачу.

Вместе с тем Сунь Ятсен правильно считал, что при пассивном сопротивлении не удастся разбить генерала Чэнь Цзюнмина. «Союзные» армии — юньнаньская и связанная с ней гуансийская — были совершенно не заинтересованы в его разгроме.

Армия генерала Чэнь Цзюнмина, хотя и уступала в численности гуанчжоуским войскам, была все же достаточно боеспособной. Борьба с ней требовала полного напряжения сил, а такая перспектива мало привлекала «союзных» генералов. Ведь успех кампании не сулил им никаких выгод, напротив, они могли лишиться тех преимуществ, которыми

---

[1] Следует отличать Северную экспедицию, о которой здесь идет речь, от Северного похода Национально-революционной армии в 1926—1927 гг.

пока что пользовались на правах «защитников Гуанчжоу». Они понимали, что отрыв от Гуанчжоу будет губителен для них, что, в сущности, их только терпят и если они в данный момент нужны Сунь Ятсену, то определенно не нужны ни гуанчжоуской армии, ни гуанчжоуским купцам. У первой они отнимали доходы, со вторых собирали огромные налоги. Отношения «союзных» армий с купечеством, особенно с компрадорами, тесно связанными с иностранным капиталом, изо дня в день ухудшались. Истинные намерения юньнаньцев и гуансийцев были совсем иными. Располагая в Гуанчжоу большими доходами, они рассчитывали накопить силы и перейти в наступление не на восток, а на запад и северо-запад, для того чтобы отвоевать свои провинции.

Планируя Северную экспедицию, Сунь Ятсен намеренно располагал юньнаньцев и гуансийцев к востоку от Гуанчжоу: тем самым он в какой-то степени получал гарантию, что они не сговорятся с милитаристами своих провинций против правительства и в случае перехода в наступление Чэнь Цзюнмина будут защищать Гуанчжоу.

П. А. Павлов считал, что для Северной экспедиции, конечной целью которой, по мысли Сунь Ятсена, должен был стать полный разгром У Пэйфу, сил пока недостаточно. Павлов, правда, не спешил с окончательным выводом, так как ждал сообщений от Терешатова, который был послан в Ханькоу, чтобы через местные гоминьдановские организации выяснить намерения четырех бригад, расположенных на границе Хуанани и Хубэя, — действительно ли они выступят на стороне Сунь Ятсена? — и определить, насколько они сильны.

Послав Терешатова на север, сам П. А. Павлов поехал на юго-восток изучать положение на фронте. И тут в Шилуне произошел нелепый трагический случай — Павел Андреевич Павлов утонул в реке Дунцзян.

По поводу трагической гибели Павлова Сунь Ятсен отправил своего рода пророческую телеграмму Советскому правительству:

«Глубоко горюю о потере генерала Павлова, который является первой жертвой России ради Китая в его борьбе за свободу. Этот храбрый, благородный сын нашей соседки-республики недаром отдал свою жизнь. Он этим теснее связал отношения между Россией и Китаем, усиливая еще больше решение гоминьдана достичь победоносного конца в борьбе за национальное самоопределение» [1].

---

[1] Быков Д. Комкор Павлов, с. 77.

После гибели П. А. Павлова Сунь Ятсен самостоятельно принял решение начать Северную экспедицию.

В течение всего этого времени шла усиленная подготовка комсостава в Вампу, продолжалась поставка оружия из СССР. Из далекого Владивостока, проделывая путь в несколько тысяч миль, советские пароходы везли в Гуанчжоу пушки, пулеметы, винтовки и другое оружие и боеприпасы. Рейсы были рискованными, можно было опасаться любых империалистических провокаций, однако это было необходимо для успеха китайской революции, и команды судов были проникнуты сознанием исторической важности совершаемого дела.

В первых числах октября мы с Сахновским и генералом Хэ Инцинем выехали в дельту реки Чжуцзян, чтобы встретить первый советский пароход. Прибывшие Т. А. Бесчастнов, Г. И. Гилев, М. Я. Гмира, П. Зенек, Палло, Зильберт, Ф. Г. Мацейлик, В. П. Рогачев, В. А. Степанов были направлены в школу Вампу. Здесь они прошли короткую, двухнедельную, стажировку, чтобы оглядеться, позаимствовать накопленный нами опыт. Вскоре им пришлось почувствовать всю сложность гуанчжоуской обстановки. В городе произошел мятеж «бумажных тигров» [1].

К началу мятежа в городе было более 12 тыс. «бумажных тигров», а по всей провинции — до 50 тысяч. Их идейным вдохновителем и главой был Чэнь Ляньбо — главный компрадор Гонконг-Шанхайского банка и председатель торговой палаты Гуанчжоу.

Купеческие войска вмешивались в конфликты между рабочими и предпринимателями, подавляли забастовочное движение. Короче говоря, они были наемной армией предательской компрадорской буржуазии.

Мятеж «тигров» вспыхнул 10 октября 1924 г., в день годовщины китайской революции 1911 г. Поводом послужило распоряжение Сунь Ятсена от 10 августа о конфискации оружия, прибывшего в Гуанчжоу в адрес купеческих войск. «Бумажные тигры» в упор расстреляли появившихся на улицах мирных рабочих-демонстрантов. Безоружные курсанты школы Вампу, находившиеся в рядах демонстрантов, и полиция попытались контратаковать мятежников, но, потеряв четырех человек убитыми и несколько — ранеными, вынуждены были отступить и рассеяться по городу. Всего было убито 20 человек, столько же было ранено.

[1] «Бумажными тиграми» население презрительно называло отряды купеческих войск (шантуань), создание которых относится к периоду китайской революции 1911 г.

Революционное правительство Сунь Ятсена проявило решительность и энергию. Оно показало обнаглевшим купцам-компрадорам и их хозяевам-империалистам в Гонконге, что располагает реальной силой и не допустит вмешательства в свои внутренние дела. 14 октября войска, непосредственно руководимые Сунь Ятсеном, энергично атаковали «бумажных тигров» и через два-три часа принудили их отступить в западную часть города. Открытый на следующий день артиллерийский огонь парализовал наемников. Разбитые и разоруженные отряды мятежников отступили из города. Они тщетно предпринимали новые попытки организовать наступление на правительственные войска. Одержанная над «бумажными тиграми» победа, бегство их главаря Чэнь Ляньбо упрочили положение гуанчжоуского правительства и деморализовали контрреволюционное купечество. В эти дни между Сунь Ятсеном и его вечно колеблющимися «союзниками» внешне установилось единство.

Во время мятежа мы помогли сделать все, что было возможно, чтобы превратить островок Вампу в надежное убежище для Сунь Ятсена и его окружения, которым они могли бы воспользоваться в случае поражения.

В Вампу в это время находилось советское военное судно «Воровский». Не могу не отметить, что в составе команды учебного судна «Воровский» было несколько будущих советских флотоводцев, и среди них Ю. А. Пантелеев и И. С. Юмашев. Кто мог знать тогда, что через 20 лет адмирал И. С. Юмашев станет командующим Тихоокеанским флотом, который совместно с сухопутными и воздушными силами Советской Армии будет участвовать в освобождении Китая и Кореи от империалистических захватчиков?

На «Воровском» производилось укорачивание гильз полевых пушек для горных орудий, так как у нас не было снарядов нужных калибров. Катер с «Воровского» стоял у пристани, и на нем находилась казна правительства Сунь Ятсена, так как мятежники, несмотря на их ироническое прозвище «бумажные тигры», были все-таки довольно серьезной силой. С разгромом мятежа был сделан важный шаг к созданию в Гуандуне прочной базы революции.

Пребывание «Воровского» в Гуанчжоу — это интересный эпизод. Приказ «Воровскому» зайти сюда был довольно смелой политической демонстрацией нашей решительной поддержки правительства Сунь Ятсена. Канонерка, переделанная из невоенного судна, дерзко прошла мимо громадной английской военной базы в Гонконге и встала на якорь у острова Вампу. Сунь Ятсен по достоинству оценил смысл

этого акта дружбы. Он лично побывал на «Воровском», где ему была устроена торжественная встреча, сфотографировался с советскими моряками.

После подавления мятежа с удвоенной энергией была продолжена учебная работа в школе Вампу.

Готовя революционные армейские кадры, мы по возможности контактировали с немногочисленными тогда в армии китайскими коммунистами. Будущее показало, что именно коммунисты стали боевым авангардом НРА, ее лучшими, храбрейшими бойцами. В Вампу получили первые представления о современном военном искусстве многие будущие выдающиеся военачальники Национально-освободительной армии. Вместе с товарищами, учившимися в военных академиях и училищах СССР, они впоследствии составили основное звено военных руководителей партизанских районов после поражения революции.

Среди китайских коммунистов, связанных по работе с Вампу, одним из наиболее выдающихся был Юнь Дайин, занимавший в 1926 г. пост главного политического инспектора этой школы. Товарищи своевременно сумели по заслугам оценить недюжинное дарование Юнь Дайина — он был выдвинут на пост главы военно-политической школы в Учане, которая должна была стать преемницей Вампу в Центральном Китае. К сожалению, поражение революции сорвало замысел, однако курсанты сыграли выдающуюся роль в подавлении одного из контрреволюционных мятежей.

Зерно, заложенное в школе Вампу и взлелеянное Коммунистической партией Китая, начинало давать всходы.

В октябре 1924 г. в Гуанчжоу на должность главного военного советника прибыл Василий Константинович Блюхер — Галин цзянцзюнь (генерал Галин), как его стали называть китайцы. Его приезд совпал с завершением первого периода китайской революции — периода собирания и расстановки революционных сил.

До приезда в Китай никто из нас, советников, работающих в школе Вампу, с ним не встречался. Приехав в Гуанчжоу, Василий Константинович сразу же вызвал нас всех к себе. После того как мы представились, В. К. Блюхер поделился с нами наблюдениями, сделанными им за эти дни. Время от времени он задавал нам самые разнообразные вопросы, как бы желая проверить правильность своих выводов.

К этому времени, как мы уже знаем, правительство Сунь

Ятсена контролировало только одну треть провинции Гуандун. Остальная территория провинции была занята войсками генерала Чэнь Цзюнмина и его союзников. После переворота в Пекине и окончательного поражения чжилийской группировки милитариста У Пэйфу, связанной с английским империализмом, Сунь Ятсен надеялся помешать образованию в Пекине нового правительства в форме коалиции северных милитаристов. Их глава, Дуань Цижуй, пригласил Сунь Ятсена в Пекин для консультации о создании центрального правительства Китая. Перед отъездом Сунь Ятсен выступил с декларацией, в которой сформулировал свои требования о созыве общенациональной конференции. Проводы Сунь Ятсена 13 ноября превратились в грандиозную демонстрацию.

Политическую миссию Сунь Ятсена необходимо было подкрепить военными успехами в Гуандуне. Уже давно можно было нанести решительный удар по Чэнь Цзюнмину на Восточном фронте. Неопределенность обстановки в Пекине и растерянность генералов, контролировавших соседние с Гуандуном провинции, благоприятствовали проведению Восточного похода, но мер к практическому осуществлению этой операции не принималось.

Вместе с тем все чаще стали поступать сведения о том, что Чэнь Цзюнмин готовит наступление на Гуанчжоу. Значительную денежную помощь оказывал ему бежавший в Шаньтоу лидер «бумажных тигров» Чэнь Ляньбо. Генерал Чэнь Цзюнмин для финансирования наступления разместил среди шаньтоуского купечества заем в 400 тыс. юаней. В Гуанчжоу не придавали значения этим, вообще говоря, достаточно правдоподобным слухам. Трения внутри группировки Чэнь Цзюнмина тем не менее продолжались.

Наряду с этим углубились внутренние противоречия в гуанчжоуском правительстве. Недовольство правого крыла гоминьдана политикой правительства в крестьянском вопросе приняло открытые формы. «Союзные» армии отдельных генералов не брезговали никакими средствами, выколачивая доходы из занятых ими районов, и оставляли гуанчжоускому правительству лишь жалкую часть. Генералы-пришельцы понимали, что правительство гоминьдана терпит их присутствие в Гуандуне лишь из-за своей военной слабости. Они с опасением относились к реорганизации правительственной армии и формированию новой дивизии в школе Вампу. Между тем потерпела поражение Северная экспедиция, подготовленная по распоряжению Сунь Ятсена. Войска отступали в крайне потрепанном состоянии.

В течение всего декабря мы вели тщательное наблюдение за деятельностью Чэнь Цзюнмина, готовившего поход на Гуанчжоу. Чэнь объезжал свои дивизии и уговаривал генералов хотя бы на некоторое время не ссориться. 25 декабря Чэнь Цзюнмин в специальной телеграмме известил торговую палату Гуанчжоу о своем вступлении на пост главнокомандующего войсками. Уступая неоднократным просьбам гуанчжоуского купечества, говорилось в этой телеграмме, Чэнь решил начать наступление и освободить Гуанчжоу, при этом он рассчитывает на содействие торговой палаты.

За неделю до этого, 18 декабря, В. К. Блюхер просил срочно принять меры к объединению командования в руках Военного совета при ЦИК гоминьдана, а до этого провести расширенную военную конференцию генералов и командиров дивизий. Такая конференция состоялась 22 декабря. Главнокомандующим Восточным фронтом был избран командующий юньнаньской армией генерал Ян Симинь.

Генерал Сюй Чунчжи, ведавший строительством оборонительных укреплений, потребовал скорейшего окончания работ и полностью согласился с предложением В. К. Блюхера создать линию обороны, непосредственно опоясывающую Гуанчжоу. С утра до позднего вечера производилась рекогносцировка местности. Три дня В. К. Блюхер и генерал Сюй Чунчжи лазали по сопкам, расположенным вокруг Гуанчжоу, окончательно намечая линию, по которой должны были проходить окопы.

24 декабря был сформирован Военный совет в составе верного последователя Сунь Ятсена Ляо Чжункая, губернатора провинции Гуандун Ху Ханьминя, командующего гуанчжоуской армией Сюй Чунчжи, Чан Кайши, Ян Симиня и, в качестве советника, В. К. Блюхера.

Будет ли осуществлен поход генерала Чэнь Цзюнмина на Гуанчжоу? Существует ли угроза Сунь Ятсену с севера? В тот момент возросла военная активность северных милитаристов, которые старались лишить Сунь Ятсена влияния на ход событий в стране, а для этого стремились ликвидировать его опору в Гуанчжоу. Вся китайская реакция объединялась для борьбы против правительства Сунь Ятсена.

Сможет ли при таком положении правительство удержать в своих руках Гуанчжоу? В. К. Блюхер отвечал на этот вопрос утвердительно. И хотя Сунь Ятсен был в отъезде, главный военный советник уверил правительство, что Гуанчжоу удастся сохранить. Под натиском трезвого расчета В. К. Блюхера колеблющимся приходилось отступать и соглашаться с его доводами.

Была ли опасность выступления со стороны внутренних противников Сунь Ятсена в самом гоминьдане? Попытки организовать свои силы реакционерами предпринимались, но они все еще не представляли серьезной угрозы. У всех была твердая уверенность, что открытого выступления в ближайшее время не произойдет. Вместе с тем Блюхер призывал нас не упускать из виду возможности использования военных затруднений правым крылом гоминьдана для давления на правительство в целях общего политического поворота вправо, особенно в крестьянском вопросе.

Военные советники, приехавшие из СССР, были заняты тщательным изучением сложившейся обстановки. Многое было еще не ясно. К тому же возникло одно обстоятельство, создавшее большие трудности в работе главного военного советника. Сунь Ятсен и его ближайшие сподвижники придавали важное значение идее экспедиции против северных милитаристов. В. К. Блюхер опасался, что Сунь Ятсен снова потребует осуществления похода на Север.

Мы понимали, что Северный поход начать невозможно, пока не будет достигнуто необходимое единство в рядах Национально-революционной армии. Нельзя было рассчитывать на успех при навислой угрозе наступления генерала Чэнь Цзюнмина, неустойчивой общей обстановке в Гуандуне и тяжелых финансовых обстоятельствах правительства. Попытка начать Северную экспедицию, как мы видели, только что окончилась поражением. Было ясно, что Северная экспедиция была разгромлена не в ходе военных действий, а в результате ударов в тыл, столкновений отдельных генералов собственной армии. В. К. Блюхер и все мы были уверены, что юньнаньские милитаристы в Северный поход не пойдут: их вполне устраивает возможность извлекать выгоды из пребывания в Гуанчжоу. Вот почему необходимо было уговорить Сунь Ятсена временно отказаться от проведения Северного похода, а вместо этого готовиться к наступлению против Чэнь Цзюнмина.

Эту задачу В. К. Блюхер считал теперь основной.

Вопрос о Восточном фронте Блюхер неизменно включал в повестку дня заседаний Военного совета. Как-то в беседе с нами Василий Константинович сказал:

— Я докладывал доктору Сунь Ятсену предварительные соображения по плану похода, и они были одобрены. Только после успеха Восточного похода возможен Северный поход.

В январе 1925 г. Блюхер собрал нас и сообщил:

— Наконец-то, дорогие товарищи, телеграмма Чэнь

Цзюнмина от 25 декабря торговой палате, в которой он обещает «освободить» Гуанчжоу, встревожила правительство. Передо мной был поставлен вопрос: как отвести угрозу, нависшую над Гуанчжоу? Я ответил: предупредить наступление войск генерала Чэнь Цзюнмина своим наступлением, включив в операцию все лучшие войска... На одном из штабных совещаний против моего плана выступило несколько китайских генералов.

После долгих споров наши рекомендации были приняты. В конце концов под давлением гуанчжоуского правительства председатель Военного совета Ян Симинь подписал приказ о наступлении.

При содействии наших военных советников был составлен план обороны Гуанчжоу, при участии инженеров Е. А. Яковлева и М. Я. Гмиры срочно возводились оборонительные сооружения на подступах к городу.

— Наша сила — бурный революционный подъем в стране, рост национального самосознания трудящихся, — заявил В. К. Блюхер на одном из митингов в Гуанчжоу в годовщину смерти В. И. Ленина.

Митинги памяти Ленина были ярким выражением этого революционного подъема. Я присутствовал на нескольких таких манифестациях, и они остались в моей памяти на всю жизнь.

День смерти Ленина был рабочим днем в Гуанчжоу. Митинги на предприятиях проводились в обеденный перерыв, а вечером в некоторых пунктах города состоялись большие массовые демонстрации. Приведу записанный мною отрывок одного выступления: «Ленин открыл глаза человечеству. Он первый повел народ на борьбу за счастье, и благодаря этому в России победил народ. Мы, китайцы, томимся под гнетом империализма и сможем освободиться только тогда, когда претворим в жизнь заветы Ленина».

В день памяти Ленина, 21 января 1925 г., состоялся многолюдный митинг в Гуанчжоуском университете. Вместе с группой курсантов я был на этом траурном собрании. В президиуме вместе с гуанчжоускими руководителями был В. К. Блюхер.

После вступительного слова участники митинга спели китайскую революционную песню. Потом Ляо Чжункай предоставил слово В. К. Блюхеру. Советский полководец говорил о Ленине как о величайшем стратеге революционной классовой борьбы, о том, что с его смертью не только советский народ, но и народы всех других стран потеряли великого вождя. Закончил Блюхер свое выступление призы-

вом успешно завершить национально-освободительную революцию в Китае. Его речь была выслушана с большим вниманием и часто прерывалась бурными аплодисментами.

В условиях революционного подъема одной из важнейших задач Коммунистической партии Китая была организация массового рабочего и крестьянского движения в провинциях Гуандун и Хунань.

Перед началом Восточного похода в школе Вампу был создан пропагандистский отдел под руководством коммунистов. Работниками отдела было заготовлено 500 тыс. прокламаций к солдатам, 100 тыс. листовок для крестьян, 50 тыс. экземпляров текстов революционных песен. Все эти материалы распространялись во время Восточного похода. В крупных населенных пунктах организовывались митинги под такими, например, лозунгами: «Организация крестьянских союзов», «Снижение арендной платы». Крестьяне, особенно в уездах Хайфын и Луфын, радостно встречали части Национально-революционной армии, внимательно выслушивали пропагандистов, добровольно вызывались переносить имущество войск и во многих деревнях организовывали комитеты для встречи революционных солдат. Единодушная поддержка народа — первая важнейшая причина успешного начала похода НРА. Вторая причина — создание крепкого костяка новой Национально-революционной армии в виде 1-го и 2-го полков школы Вампу, состоявших не из профессионалов — наемных вояк, а из солдат-добровольцев. Эти солдаты, попав под благотворное влияние политработников-коммунистов и нового революционного офицерства, только что выпущенного из школы Вампу, прониклись революционным духом, поняли, за что они идут воевать.

2 февраля 1925 г. два полка школы Вампу и 16-й отдельный пехотный полк под общим командованием Чан Кайши (советник В. А. Степанов, политсоветник С. Шнейдер) были сосредоточены на островах Хумынь и Тайпин; 16-я пехотная бригада генерала Ли Фулиня — в дельте реки Дунцзян, на одном из островов против Дунгуаня; 2-я пехотная дивизия (советник Сахновский) и 7-я пехотная бригада под командованием генерала Чжан Миндэ (советник Зильберт) — в районе оставленного противником города Шилун.

Военно-морские и военно-речные силы должны были нести охрану островов Хумынь, Тайпин и дельты реки Дунцзян; часть речных канонерок выделялась для содействия пехоте в овладении городами Дунгуань и Шилун (советник по военно-морским делам Смирнов-Светловский).

В голове колонны шел 1-й пехотный полк под командованием генерала Хэ Инциня. В помощь мне, советнику этого полка, В. К. Блюхер назначил артиллериста Бесчастнова и кавалериста Никулина. Полку была придана одна из двух имевшихся горных пушек системы «Арисака», которую на специально приспособленных носилках несли в разобранном виде солдаты батареи школы Вампу. Во 2-м пехотном полку советником был Палло, помощником его — военный инженер Васильев.

8 февраля в поезде на станции Шантан генерал Сюй Чунчжи и главный советник В. К. Блюхер созвали совещание с участием почти всего состава правительства и М. М. Бородина. Был принят уточненный план операции.

После совещания В. К. Блюхер пригласил военных советников к себе. Прохаживаясь по салон-вагону, он пояснял нам план операции и поставил перед каждым конкретную задачу.

— Особенно надеюсь я на части, сформированные на базе школы Вампу, — говорил Блюхер. — Они должны стать ведущими, и роль наших советников при этих частях особенно важна. Вы должны показать свое военное искусство и революционный пафос. Ваши советы не должны оставаться только советами, их нужно умело претворять в жизнь.

12 февраля войска правительства Сунь Ятсена перешли в наступление. Военные советники были охвачены смешанным чувством радости и тревоги. Мы отчетливо представляли себе, что только активными действиями, предупредив наступление противника, можно укрепить революционную базу в Гуандуне.

21 февраля мы заняли Байманхуа и Пиньшаньсюй. Так победоносно начался Первый восточный поход.

12 марта 1925 г. в Пекине умер великий китайский революционер доктор Сунь Ятсен. На другой день созданная им Национально-революционная армия одержала решающую победу над противником под Мяньху.

На высотах западнее этого города в тот день разыгрался упорный встречный бой, в ходе которого в несколько раз превосходящие силы противника пытались обойти и разгромить авангардный 1-й полк школы Вампу. Мне с командиром полка генералом Хэ Инцинем пришлось решать головоломные задачи. Противник то и дело пытался обойти наш левый фланг. И чтобы не допустить этого и продержаться до подхода 7-й бригады и 2-го полка школы Вампу, которые

почему-то запаздывали, мы выдвигали навстречу обходящим частям противника то учебную команду полка, то резервный 2-й батальон, то, наконец, последнее остававшееся у нас в запасе отделение. Противник так и не смог обойти нас, он лишь растянул свой правый фланг. Потом враг навалился на высоту, где располагался штаб полка, и всем нам, собиравшимся утолить наконец свой голод, пришлось отложить приготовленный рис и залечь за винтовки и пулеметы.

Но вот подошли наконец 7-я бригада и 2-й полк. Основательно измотанный враг был разбит и обращен в бегство.

Победа под Мяньху была лучшей данью памяти Сунь Ятсена, кульминационным моментом всего Первого восточного похода. Новая Национально-революционная армия заявила, что она существует как реальная и весьма внушительная сила, и день 13 марта стал днем ее рождения.

После разгрома врага под Мяньху войска гуанчжоуского правительства неудержимо двинулись вперед.

13 марта в 18 часов на совещании с участием командиров частей и советника Зильберта было принято решение с утра 14-го атаковать Хэбо. Однако ночью противник без боя оставил город.

Вечером в Хэбо было принято решение продолжать 16 марта преследовать противника в направлении Синнина. Для решения главной задачи — уничтожения отступающих войск — по предложению В. К. Блюхера была создана ударная группа из полков школы Вампу и двух бригад под общим командованием Чан Кайши. Этой группе поручалось 19 марта занять Синнин и Ухуа. Всего, по подсчетам штаба Чан Кайши, против нас сосредоточилось 10 тыс. штыков, а в нашем распоряжении было только 5 тыс. солдат. Генералы не знали, что предпринять. Без возражений они приняли предложение В. А. Степанова атаковать главные силы противника полками школы Вампу и 1-й бригадой (до 3,5 тыс. бойцов).

Утром 17 марта противник неожиданно отошел. Было решено, проделав 50-километровый форсированный марш, 18 марта вечером занять Ухуа. К 22 часам 18 марта части группы, преодолев чрезвычайно трудную горную дорогу, неожиданно для противника подошли к Ухуа и окружили город. Позднее выяснилось, что Чан Кайши, как обычно, не забыл оставить неприятелю лазейку: дорога, ведущая к Синнину, была свободной. По «золотому мосту» Чан Кайши 500 солдат противника ночью беспрепятственно отошли по дороге на Синнин, оставив два пулемета и телефонные ап-

параты. В плен попали начальник штаба 4-й дивизии и другие офицеры. Боясь обвинений в том, что он «выпустил» противника, Хэ Инцинь потихоньку от советников донес командованию, что вражеских войск в Ухуа не было.

Около 11 часов 19 марта 2-й полк школы Вампу и 1-я бригада выступили на Синнин. Из-за успокоительного донесения Хэ Инциня наши войска шли без всяких предосторожностей и неожиданно подверглись обстрелу с окрестных высот. У городских стен наши части встретили организованную оборону. К тому же поступили сведения, что на нас движется около 2 тыс. солдат противника, каким-то образом оказавшиеся в нашем тылу, и передовые части этой колонны уже на подходе к городу. Чан Кайши собирался было отменить наступление на Синнин и бросить все силы навстречу приближающемуся противнику, но энергичное вмешательство В. А. Степанова предотвратило это решение.

Головной батальон 2-го полка, встретив у городских стен отпор, остановился и ограничился наблюдением за городскими воротами. И другие части стояли на месте, ничего не предпринимая. Казалось, что силы противника были ничтожны по сравнению с нашими, но стены и ров, наполненный водой, сдерживали наступление. Было принято предложение В. А. Степанова: пользуясь вечерней темнотой, с помощью лестниц взять город приступом. В. А. Степанов, опасаясь подхода к противнику подкреплений, торопил с атакой. И все же в назначенное время она не состоялась. С 6 до 9 часов утра 20 марта на высотах южнее Синнина происходила перестрелка. Защитники города безуспешно попытались сделать вылазку. В 10 часов было получено донесение о том, что противник, появившийся в нашем тылу, на юго-востоке, разбит, захвачено около сотни пленных и столько же винтовок.

В тот же день к 23 часам лучшая дивизия противника в составе 5-й и 6-й бригад общей численностью до 2,5 тыс. бойцов, проделав 50-километровый марш, подошла к Синнину. В 4 часа утра командир дивизии приказал 5-й бригаде атаковать высоты южнее Синнина. Встречной атакой противник был окружен и пленен. К 8 часам с этой бригадой покончено. Почти весь командный состав бригады попал в плен или был уничтожен. Около 22 часов в результате нашего наступления сбита с позиций и отступила на северо-восток 6-я бригада противника; захвачено много винтовок и пленных. Около 24 часов одна из рот школы Вампу ворвалась в южные ворота города, за ней последовал весь 2-й полк.

Наш 1-й пехотный полк находился значительно южнее. В ночь на 21 марта Зильберт получил от меня письмо с просьбой перейти с бригадой в Хэкоусюй для совместных действий.

Со второй половины марта на юге Китая начались тропические ливни, которые тянулись целый месяц, а то и более. Мы условились с Зильбертом идти параллельно по берегам реки, чтобы не растягиваться по одной дороге. Ливни сорвали наши планы. Мелководная река вдруг на наших глазах стала многоводной, свирепой и начала так подниматься, что мы практически могли оказаться отрезанными друг от друга. Поэтому я попросил Зильберта быстрее переправиться на левый берег. Это оказалось весьма кстати: мы вскоре получили приказ идти на Синнин и 22 марта прибыли туда.

...21 марта утром на внутренний рейд Шаньтоу пришли 3 крейсера и 6 мелких судов неприятельского шанхайского флота. Находившийся в этот момент в Шаньтоу Сюй Чунчжи имел в своем распоряжении только роту охраны. Он пришел в необычайное волнение, когда разведка донесла, что на борту одного из крейсеров сам генерал Чэнь Цзюнмин. Полагая, что Шаньтоу занят своими войсками, он прибыл туда с отрядом в 600 человек. По счастью, Чэнь, увидев гоминьдановские флаги, не решился высадиться. Откуда ему было знать, что «гарнизон» города состоит из одной роты!

В это время из Гуанчжоу в Шаньтоу пришел транспорт «Юн-Фун» с гуанчжоуской школой курсантов и личной охраной генерала Сюй Чунчжи — всего около 400 солдат, среди которых был наш советник сапер Гмира. Транспорт, разминувшись с судном, посланным ему навстречу для предупреждения об опасности, совершенно спокойно вошел в порт. Флот Чэнь Цзюнмина открыл по транспорту артиллерийский и ружейный огонь, захватил его и отвел в Амой. Но, поскольку руководство военного флота провинции Фуцзянь как раз в это время подумывало о переходе на сторону гуанчжоусцев, через 10—12 дней захваченные солдаты и офицеры, в том числе и Гмира, были отпущены.

На этом Первый восточный поход, по существу, закончился.

В донесениях об итогах Первого восточного похода командиры соединений сознательно преуменьшали количество взятых ими трофеев: боялись, как бы не пришлось с кем-то делиться.

Удалось при весьма ограниченных силах разбить численно превосходящего противника. В первую очередь это

стало возможным благодаря храбрости, выдержке и стойкости солдат, командиров и политработников Национально-революционной армии, внявших призывам Сунь Ятсена «малым числом» побеждать «многочисленного противника», «одному» бороться «против ста». Здесь немалая заслуга и советских военных и политических советников, принимавших самое активное участие в создании новых вооруженных сил, в разработке и осуществлении их оперативных и стратегических планов.

Решающим для этой победы было: во-первых, тесное сотрудничество гоминьдана и Коммунистической партии Китая, благодаря которому заметно укрепилось положение революционного правительства; во-вторых, зарождение новой, Национально-революционной армии, основу которой составили 1-й и 2-й полки школы Вампу. Именно эти части сыграли главную роль в победном завершении Первого восточного похода. Армия демократизировалась, в ней появился институт политических работников. Между армией и народом возникли отношения дружбы и взаимной помощи...

По окончании похода мы на лодке спустились из Синнина до Шаньтоу и оттуда на пароходе отбыли в Гуанчжоу.

После Первого восточного похода положение в Гуанчжоу было вполне устойчиво. Коммунистическая партия Китая и гоминьдан готовились к проведению Второго всекитайского съезда профсоюзов и Первого съезда крестьянских союзов провинции Гуандун. Но после смерти Сунь Ятсена правые элементы гоминьдана сразу подняли голову. Уход на восток надежных правительственных войск фактически привел к тому, что правительство очутилось в окружении «союзных» войск юньнаньских и гуансийских милитаристов. Правые гоминьдановцы искали в них опору в борьбе с верными соратниками Сунь Ятсена. «Союзные» армии юньнаньских и гуансийских милитаристов почти открыто готовили в Гуанчжоу мятеж.

На специальном заседании правительства 24 апреля было решено послать в Шаньтоу Ляо Чжункая, Чан Кайши и В. К. Блюхера, чтобы договориться с командующим гуанчжоуской армией генералом Сюй Чунчжи о действиях против заговорщиков.

27 апреля по пути в Шаньтоу на пароходе эта делегация решила, что единственный способ подавления мятежа — вооруженная борьба. Это решение было результатом усилий В. К. Блюхера. Чан Кайши расценивал положение как безнадежное. Он предлагал без боя отдать Гуанчжоу.

В. К. Блюхер доказывал, что потеря Гуанчжоу нанесет тяжкий, трудно поправимый ущерб революционному движению не только в Гуандуне, но и во всем Китае, что за Гуанчжоу необходимо драться и сил для этого достаточно. В. К. Блюхера поддержал Ляо Чжункай, и Чан Кайши вынужден был согласиться.

В конце концов левое крыло победило: было решено военным путем разрубить юньнаньско-гуансийский узел и выдвинуть лозунг полного очищения провинции Гуандун от реакционных милитаристов.

10 мая В. К. Блюхер предложил правительству план борьбы с мятежниками. План получил полное одобрение и 13 мая был подробно рассмотрен в Шаньтоу на совещании в штабе.

Исходное положение для наступления на Гуанчжоу, где мятежники к концу мая стали хозяевами положения, войска должны были занять 6—7 июня. Правительственная армия имела немало слабостей: большая разбросанность после только что закончившегося Первого восточного похода, неоднородность состава и политико-морального состояния войск.

План В. К. Блюхера учитывал несколько вариантов действий противника, который мог обрушить главный удар на ту или иную группу правительственных войск. Планом предусматривалась и такая временная мера, как вывод правительственных войск из Гуанчжоу и в случае необходимости эвакуация государственных ценностей на остров Вампу. Жизнь показала дальновидность и проницательность советского полководца.

Ввиду ненадежности связи группам правительственных войск было приказано точно придерживаться последовательности действий, установленной планом В. К. Блюхера. Все оперативные вопросы были возложены на Блюхера. Остальные советники находились в войсках.

Во время подготовки к разгрому мятежа юньнаньских и гуансийских милитаристов политработники Коммунистической партии Китая, гоминьдана и Национально-революционной армии провели большую политическую кампанию. Они разъясняли народу, кто его друзья, а кто враги, и обеспечивали массовую поддержку революционных сил.

Вести политическую работу среди крестьян было особенно трудно. Главную роль в этой важной работе играли коммунисты. И они сумели добиться поддержки масс.

Для организации крестьянского движения в Гуандуне решающее значение имело постоянное пребывание коммунистов-пропагандистов в деревнях.

На востоке провинции Гуандун работа среди крестьянства велась одновременно с политическим закреплением районов, освобожденных от войск милитариста Чэнь Цзюнмина. Положение было нелегким. Крестьянские союзы были плохо организованы. Дело особенно осложнилось, когда правительственные войска ушли в Гуанчжоу на борьбу с мятежниками.

Среди населения, которое еще недавно с радостью встречало войска гуанчжоуского правительства, теперь росло недовольство. Из письма В. К. Блюхера от 26 марта 1925 г., адресованного В. А. Степанову, мы узнали, что еще во время Первого восточного похода Блюхер рекомендовал Сюй Чунчжи приступить к политическому закреплению районов. Для этого он советовал передать функции начальников уездов вновь созданным революционным комитетам. Сюй Чунчжи под разными предлогами уклонялся от проведения выборов в уездные и городские органы управления. Он также отклонил предложение создать политотделы и ввести институт военных комиссаров во всех соединениях гуанчжоуской армии.

Захватив территорию, генералы гуанчжоуской армии при молчаливом согласии Сюй Чунчжи назначили начальников уездов из своих и сразу приступили к выжиманию налогов. Они проявляли особую поспешность, так как опасались, что занятые ими районы могут отойти к другим, в частности к генералу Чан Кайши. В штаб все время поступали от крестьян жалобы на вымогательства, а в отдельных случаях — и на грабежи. Недовольство населения росло. Масла в огонь добавляли сторонники Чэнь Цзюнмина, говорившие населению, что прежде оно привыкло к определенному, «законному», порядку, а теперь очутилось во власти анархии.

И все-таки крестьяне тянулись к новой, революционной власти. Особенно хорошо крестьянские союзы действовали в уезде Хайфын, на полпути между Гуанчжоу и Шаньтоу. Ведущую роль здесь играли коммунисты, возглавляемые Пэн Баем.

В Хайфыне был создан и вооружен крестьянский отряд, который имел 150 винтовок и 20 револьверов. Вооруженным крестьянским отрядам было предложено в случае возвращения войск Чэнь Цзюнмина уйти в горы и начать партизанскую войну. Коммунисты организовали военную школу для подготовки командного состава этих отрядов. Инструкторами школы были 13 курсантов школы Вампу, в том числе коммунисты. Была создана также вторая школа для подготовки крестьянских агитаторов.

Сложнее в то время обстояло дело в уезде Луфын — будущем втором, после Хайфына, форпосте партизанской борьбы на юге Китая. Здесь в гоминьдановскую организацию входило 150 человек, из них только трое были коммунистами.

Между тем гроза надвигалась. 17 мая гуанчжоуское правительство переехало частью на остров Хэнам, к западу от города, и частью на остров Вампу. Мятежников останавливали от выступления лишь внутренние распри, доходившие до вооруженных столкновений.

Коммунистическая партия и Союз социалистической молодежи Китая в этих условиях не теряли времени. Они организовали широкие массы рабочих и крестьян на поддержку революционного правительства. Под руководством коммунистов была обеспечена благоприятная для войск Восточной группы политическая обстановка. Ляо Чжункай — наиболее стойкий последователь Сунь Ятсена развил энергичную деятельность по политической подготовке войск Западной группы, а также населения Гуанчжоу.

Большую работу вели и наши люди. Конечно, не всем советникам и не всегда было легко провести в жизнь указания В. К. Блюхера и добиться принятия нужного решения. По-прежнему особенно трудно приходилось В. А. Степанову — советнику при Чан Кайши.

Сложная задача выпала на долю советника по связи М. И. Дратвина. В зависимости от характера документов и обстановки он отправлял донесения и приказы на канонерках, самолетах, по радио, телеграфу, телефону. В этом помогали работники крестьянских союзов. Из одной деревни в другую они переносили наши документы, передавая их, как своего рода эстафету, другим членам крестьянских союзов.

Несмотря на эти трудности, вся информация, как правило, поступала вовремя.

Большую помощь связи и разведке оказывали наши летчики: Василий Сергеев, Александр Кравцов, Христо Паков, штурманы Оскар Базенау, Джон Тальберг, которые без хороших карт, при одном аэродроме, с невероятной смелостью выполняли многочисленные задания.

В первых числах июня В. К. Блюхер вызвал меня к себе, ознакомил с обстановкой и сказал:

— Гуанчжоу — это стул, на котором сидит противник. Ваша задача — с помощью курсантов школы Вампу выдернуть из-под него стул. Для этого выделяется десантная, вернее, ударная группа, в состав которой войдет школа Вампу.

Эта ударная группа сосредоточится десятого июня на острове Хэнам, утром одиннадцатого июня форсирует реку Чжуцзян и овладеет городом.

С артиллерийским советником Гилевым, инженером Васильевым и советником по военно-морским делам Смирновым-Светловским мы выбрали место для форсирования реки южнее городского предместья Дуншань. Это облегчало развитие боя после переправы.

Войска гуанчжоуского правительства, подобно водопаду, устремились к городу. Противник был окружен и разбит.

Заняв город, курсанты школы Вампу и хунаньской школы организовали охранение. Отряд, в котором советником был Шалфеев, севернее города атаковал отступающего противника и занял возвышенность у старых крепостных стен.

Стремительные действия правительственных войск и особенно десантно-ударной группы раздробили оборону противника. Генералы и офицеры штабов бежали частью на территорию иностранной концессии Шамянь, частью на иностранные пароходы. Оставленные без управления войска сдавались без бо́я. В плен было взято 17 тыс. человек, из них 500 офицеров.

Население Гуанчжоу было уверено в силах правительства и его армии. Сразу же при появлении курсантов школы Вампу горожане выходили из домов, приветствуя их, а купцы открывали магазины.

В 15 часов 12 июня правительство известило население о своем возвращении с острова Хэнам в город. Решающую роль в победе вновь сыграли полки и курсанты школы Вампу.

Большое значение имело то обстоятельство, что разгром мятежа фактически организовал и возглавил один из талантливейших полководцев Красной Армии — Василий Константинович Блюхер, а в войсках находились наши советники, напрягавшие все силы, проявлявшие большое умение, чтобы до конца выполнить свой долг, быть на высоте идей пролетарского интернационализма.

В конце мая 1925 г. в Шанхае полицией иностранного сеттльмента была расстреляна демонстрация протеста против убийства на японской фабрике рабочего-коммуниста. В Шанхае и по всей стране развернулось антиимпериалистическое «движение 30 мая». Повсеместно происходили забастовки, организовывались демонстрации под лозунгами: «Долой империализм!», «Аннулировать неравноправные договоры!».

На призыв Компартии поддержать шанхайских забастовщиков и выступить на борьбу против империалистов, за отмену неравноправных договоров, за национальное освобождение откликнулись и трудящиеся Гуандуна. 21 июня началась стачка рабочих в Гонконге, 23 июня 70-тысячная демонстрация состоялась в Гуанчжоу. По демонстрантам со стороны англо-французской концессии в Шамяне был открыт пулеметно-ружейный, а с крейсеров — и артиллерийский огонь. Зверская расправа только усилила размах революционного движения: забастовка рабочих Гуанчжоу и Гонконга (Сянгана) к 1 июля превратилась во всеобщую политическую стачку. Начался массовый антианглийский бойкот. В рядах гоминьдана происходила консолидация «левых».

«Левые» в гуанчжоуском правительстве стремились реорганизовать армию на началах централизованного управления, взять под контроль финансы, упорядочить налоговую систему и освободить Гуандун от милитаристов.

На юге страны с «левыми» силами гоминьдана тесно сотрудничали коммунисты. Их преданность делу революции, авторитет, которым они пользовались в народе, во многом обусловили революционные победы гуанчжоуского правительства.

Разгром мятежников помог создать революционную базу на юге страны. Но по-прежнему перед силами революции стоял вопрос о подготовке в провинции Гуандун плацдарма для завершения формирования Национально-революционной армии, опирающейся на массовое народное движение, и проведении Северного похода.

Новая армия создавалась в сложных условиях. Попытки объединить армию и полностью подчинить ее правительству прежде всего натолкнулись на сопротивление феодально-милитаристских элементов внутри самой зарождающейся Национально-революционной армии.

Да и в гуанчжоуском правительстве и среди верхушки гоминьдана к этому времени сформировалась правая оппозиция из буржуазных политиканов и милитаристов, напуганных подъемом революционной волны. Ее возглавил Ху Ханьминь, а позднее к ней примкнули назначенный военным министром Сюй Чунчжи и начальник полиции У Течэн.

Правые гоминьдановцы при поддержке английских империалистов готовили еще один контрреволюционный переворот.

20 августа 1925 г. правые перешли к активным действиям. В 10 часов утра у здания ЦИК гоминьдана жерт-

вой наемного убийцы пал Ляо Чжункай — подлинный вождь «левых» сил гоминьдана, верный последователь Сунь Ятсена.

Арестованный Линь Чжимянь, один из главных участников убийства Ляо Чжункая, рассказал, что в Гонконге был создан специальный фонд в размере 2 млн. юаней для убийства революционеров.

После убийства Ляо Чжункая в правительстве заметно проявилась растерянность. На экстренном заседании Военного совета, состоявшемся сразу же после покушения, была избрана руководящая тройка в составе Ван Цзинвэя, Сюй Чунчжи и Чан Кайши. В заседаниях тройки приняли участие М. М. Бородин и вместо уехавшего в Советский Союз В. К. Блюхера один из старших советников (замещавший главного) — В. П. Рогачев.

Обстановка стала опять накаляться. С мятежниками в Гуанчжоу хотя и было покончено, но, как только Восточная группа правительственных войск была брошена для борьбы с ними, генерал Чэнь Цзюнмин опять всплыл на поверхность. Разорвав договорные обязательства, он двинул свои войска из провинции Фуцзянь и к концу сентября снова занял почти весь восток Гуандуна. Чэнь Цзюнмин не скрывал, что его цель — завладеть Гуанчжоу.

Правительство правильно определило, что в такой обстановке главный враг, с которым нужно в первую очередь покончить, — войска Чэнь Цзюнмина. Началась подготовка ко Второму восточному походу.

Командование НРА разработало подробный план Второго восточного похода, для проведения которого были выделены следующие силы: 1-й корпус, 4-й корпус (советник Ф. Сахновский); Саньшуйская группа (советник С. Шнейдер); 1-я отдельная дивизия (советник Е. Тесленко); 6-й корпус (советник Н. Кончиц).

Советниками были назначены: при 1-й пехотной дивизии — А. Черепанов, при 3-й — Панюков, при 4-м полку — Шевалдин.

Главнокомандующим Вторым восточным походом правительство назначило Чан Кайши, советником при нем был В. П. Рогачев.

С отъездом В. К. Блюхера влияние советников на стратегическую и оперативную подготовку Второго восточного похода заметно ослабло. Это отрицательно сказалось в дальнейшем.

Еще во время Первого восточного похода крепость Вэйчжоу, как омут, все время притягивала Чан Кайши. Тогда этому воспрепятствовал В. К. Блюхер, и, как потом подтвердилось, он был прав. На этот раз Чан Кайши решил ознаменовать начало похода штурмом Вэйчжоу, в чем опять-таки не было особой нужды.

Вэйчжоу, как и подобает всякой средневековой твердыне, была овеяна легендарной славой: молва утверждала, что за две тысячи лет своего существования крепость ни разу не была взята штурмом, несмотря на многочисленные попытки.

До сосредоточения войск небольшая группа китайских офицеров во главе с Хэ Инцинем совместно с советниками-артиллеристами Бесчастновым, Гилевым, советником по пулеметному делу Палло, военным инженером Яковлевым под моим началом выехала на катере для рекогносцировки; не доезжая до крепости Вэйчжоу 1—1,5 км, мы высадились, поднялись на высоту и подошли еще ближе.

При первоначальной рекогносцировке мы наметили плацдарм для главного штурма, условившись окончательное решение вынести после детальной разведки, когда войска окружат крепость.

Мысль о неприступности крепости определенно продолжала довлеть не только над офицерами, но и над командованием. Внешне это выражалось в рассуждениях о том, что не лучше ли разбить противника в поле, в жалобах на холодное время года, отсутствие одеял и т. д.

Для штурма выделялись 4-й полк 2-й дивизии и 3-я дивизия 1-го корпуса. 4-й полк 10 октября к 12 часам расположился против северо-западной части крепости, чтобы начать штурм в районе северных ворот. Справа от него, на запад, юг и юго-восток от крепости, к 18 часам должна была занять позицию 3-я дивизия, которой поручалось штурмовать наиболее уязвимый участок стены.

10 октября командный состав 4-го полка во главе с опытным и отважным командиром полковником Лю, его советником Шевалдиным, старшим советником-артиллеристом Бесчастновым, инженером Яковлевым, артиллеристом Гилевым и китайским офицером, командиром двухорудийной горной батареи, произвел рекогносцировку.

Выяснилось, что стены крепости на главном участке штурма почти повсюду имеют высоту 12—14 м с парапетом в рост человека и толщиной около 1 м. Основание стены, как мы убедились после взятия крепости, имело толщину от 8 до 10 м.

Это была самая неприступная часть крепости, но зато к ней имелись сухие подступы; развалины ближайшей деревни давали возможность скрытно подвести войска, протока — укрыть их от огня перед последним броском.

Всю ночь на 12 октября происходила не особенно интенсивная перестрелка. 12 октября в 11 часов командир полка получил боевой приказ о штурме.

В полдень в полк прибыли Чан Кайши и советник В. П. Рогачев. Осмотрев с наблюдательного пункта участок, выбранный для штурма, они подтвердили приказ.

В полку был проведен митинг, на котором командование призвало солдат добровольно вступить в ударный отряд, который спешно создавался по последнему указанию Чан Кайши. После взятия Вэйчжоу каждому добровольцу было обещано 30 юаней. Этот приказ был данью традициям милитаристской армии, где все сводилось к оплате каждой операции. Вряд ли нужно было прибегать к этой мере теперь.

В 18 часов отряд был собран, разделен на шестерки, группам были выданы лестницы, и под руководством Шевалдина и Яковлева началась тренировка на стене разбитого дома высотой 10—20 м. Яковлев показал, как нужно нести, подтаскивать, прислонять к стене лестницу, поддерживать ее, влезать, бросать на стену гранаты. Группа в пять-шесть человек подносила лестницу бегом с расстояния 20 м, и двое-трое влезали вверх. Все это занимало менее полминуты. Настроение у всех было боевое.

К 24 часам пехотные подразделения и батареи заняли исходные позиции.

Батарея «Арисак» гвоздила крепость вплоть до момента, назначенного для атаки, прервав артподготовку лишь на полчаса, ибо раскалились стволы. В этот день было выпущено до 500 снарядов.

В 13 часов мы с генералом Хэ Инцинем, переправившись через реку Дунцзян, побывали на позиции нашей батареи. Артиллерийский расчет, состоявший из курсантов школы Вампу, работал слаженно. Гилев почему-то был не в военной форме, а в белом полотняном костюме, пиджак лежал тут же, на ящике из-под снарядов. В одной рубашке, обтирая время от времени пот, он сам наводил на цель оба орудия, командовал: «Огонь!» — и в такт команде энергично взмахивал своей круглой соломенной шляпой.

По-видимому, нам удалось согнать защитников крепости со стены. Приближалось время штурма. Над нашими позициями и над Вэйчжоу пролетел самолет. В 13 часов

45 минут точно по графику орудия перенесли огонь в глубину, чтобы не поразить штурмующих. Теперь по промежуткам между зубцами парапета открыли огонь пулеметы.

Но что случилось? Почему в назначенное время ударный отряд не бросился на стену? К нашему ужасу, оказалось, что он не успел сосредоточиться у протоки во время артиллерийской подготовки.

Возникла 15-минутная пауза. Противник оправился, вновь занял оборону за сохранившимися зубцами парапета и мешками с землей и, прикрытый таким образом от пулеметного огня, начал почти безнаказанно расстреливать наших храбрецов. К несчастью, перед походом офицерам и политработникам были выданы кителя цвета хаки, а все солдаты были одеты в темно-синее. Поэтому стрелки имели возможность прежде всего выводить из строя командный состав.

Наша дивизия находилась в резерве, а мы с генералом Хэ Инцинем выдвинулись вперед и наблюдали безрадостную пока что картину штурма.

Командир добровольцев совершил, конечно, крупную ошибку, промедлив с выдвижением своего отряда к стене, но в бою вел себя геройски: находясь под яростным обстрелом, в 70—80 м от врага, он все еще пытался возобновить штурм. Вскоре пуля сразила его. Принявший командование ударным отрядом командир 2-го батальона тоже погиб. Перешедший в атаку 1-й батальон лишился комбата и всех ротных командиров.

И тут, взяв с собой комендантскую команду, бросился вперед полковник Лю, решивший лично повести на штурм уцелевших солдат. Но это был шаг отчаяния: у самой стены командир полка упал, получив смертельную рану.

Неудача угнетающе подействовала на всех, в том числе и на Чан Кайши, который хотел уже отказаться от штурма.

В. П. Рогачев, будучи советником при Чан Кайши, попросил его задержать отдачу приказа о прекращении атак до тех пор, пока он не побывает на месте и не ознакомится с создавшейся обстановкой.

Вскоре Рогачев прибыл, собрал нас и сообщил, что Чан Кайши в отчаянии и просит еще раз взвесить, не лучше ли отложить штурм.

Мы решительно запротестовали. Яковлев сказал:

— Нет сомнения, что будет взят этот китайский Измаил, здесь нет Суворова, но есть коммунисты.

Не один Яковлев, все мы, и русские, и китайцы, твердо верили в революционное сознание людей. По нашей прось-

бе для участия в штурме перебросили два батальона 8-го полка 3-й дивизии, которая в сегодняшнем бою еще не участвовала.

Руководить штурмом было приказано генералу Хэ Инциню. Теперь уже и я, его советник, перестал быть сторонним наблюдателем.

Не без труда мне удалось уговорить Гилева поддерживать штурмующих артиллерийским огнем до самой стены и даже при начале ее штурма.

Вспомнив, как перед рождеством 1916 года латышские и сибирские стрелки штурмовали германские позиции на рижском плацдарме, двигаясь растянутыми в глубину цепочками, я предложил и здесь использовать подобный метод: на некотором удалении от передовых штурмовых групп, бегущих с лестницами, в затылок им направить для страховки одну, а вслед за ней и вторую тройки, которые должны быть готовыми заменить выбывших из строя товарищей, продолжить и завершить начатое ими дело.

Наконец все было готово. В 12 часов раздался первый орудийный выстрел. Огонь со стены сразу замолк. Офицер, исполнявший обязанности командира 4-го полка, и советник Шевалдин находились в протоке, куда огонь противника не доставал. Ровно за пять минут до начала штурма, подхватив левой рукой маузер, элегантный командир полка из свежей 3-й дивизии вышел из укрытия и молодцеватой походкой тоже направился к протоке.

Ровно в 14 часов из протоки вышли ведущие. За ними понесли лестницы, потом тронулись страхующие тройки. Гуськом вытянулись передовые отделения. Огонь противника выводил из строя многих бойцов. Они падали, но лестницы тут же подхватывали и несли дальше их товарищи, шедшие сзади.

И вот первые восемь — десять бойцов подбегают к стене, но не успевают приставить лестниц: их сражает огонь врага. Невредим лишь политрук роты, в руках у него под самой стеной развевается знамя. Солдаты цепочками совершают короткие перебежки. У стены уже человек пятнадцать.

К этому времени артиллерия подавляет огневые точки на башнях, и перекрестный огонь врага прекращается, стреляют теперь лишь со стены, но перед нею образуется «мертвое пространство», где укрываются штурмующие. Вдруг замолкает артиллерия.

— В чем дело, Геннадий? — кричу в телефон.

— Боюсь ударить по своим, и снаряды кончаются.

— Тем более надо помочь солдатам забраться на стену.

Раздаются новые выстрелы.

При поддержке яростного пулеметного огня солдаты установили первую бамбуковую лестницу, по ней цепко лез стрелок в широкополой соломенной шляпе. А вот левее — вторая лестница. Боец-коммунист поднимается по ней. Напряжение достигает предела. Боец достигает основания парапета и швыряет на стену гранату. На какой-то момент все застывает... Слышится оглушительный взрыв. Еще секунда! «Ура!» Боец — на стене.

Рядом другие лестницы, по ним с фантастической ловкостью карабкаются солдаты и офицеры. В 16 часов 10 минут на стене — знамя!

Во время боя я как-то не заметил, что Евгения Андреевича Яковлева нет рядом. И тут я его увидел. Он бежал с первыми волнами атакующих. Через минуту он уже на стене, скрывается за парапетом.

На стенах рвутся гранаты, слышится ружейный, пулеметный огонь. Солдаты кричат, охваченные восторгом победы.

Бежавший вдоль стены далеко впереди других Яковлев наскочил на бойцов 3-й дивизии. Не зная языка, он оказался в трудном положении. Его схватили. «Ну, — подумал он, — конец!» И вдруг наш герой полетел вверх. Бойцы на радостях в знак уважения к советнику принялись его качать.

Чан Кайши фактически не руководил штурмом Вэйчжоу. При первой же неудаче он совсем потерял веру в успех. Даже место для своего командного пункта он выбрал на второстепенном направлении.

В этом бою мы вновь почувствовали единство Национально-революционной армии и народа. Интересно, что на бумажных флагах, с которыми население встретило победителей, имелись и приветственные надписи в честь русских товарищей.

Радость победы была омрачена похоронами павших в бою. На траурном митинге слово было предоставлено и мне. В рукописном журнале «Кантон» за 1926 год сохранилась запись моего выступления.

Я говорил тогда о том, что на поле боя забываешь обо всем и ничего не жалеешь для победы, но, когда бой утихает, тебя охватывает бесконечная скорбь по павшим товарищам.

«Особенно острую боль, — говорил я, — чувствуешь, когда в памяти вырисовывается образ погибшего друга, кото-

рого ты знал, с которым ты работал, о котором жизнь оставила в твоей памяти не одну страницу воспоминаний.

Такого друга, командира полка Лю, я потерял в бою под Вэйчжоу 13 октября 1925 года.

Я познакомился с ним год назад, возвращаясь на пароходе с острова Вампу в Гуанчжоу. Китайцы обычно при первом знакомстве сдержанны. Он же просто, без церемоний, подошел ко мне, заговорил. Наша беседа не отличалась изысканностью. Он знал несколько слов по-английски и «хорошо» и «нехорошо» — по-русски, я говорил немного по-китайски, но людям, связанным общностью дела, не требуется много слов. Они понимают друг друга и молча.

Позднее нам приходилось совместно обучать курсантов школы Вампу и солдат новой армии, встречаться и на банкетах, и в боях.

Полковник Лю был хорош на учении, приятен в беседе, крепок в дружбе и красив в бою.

Он был кавалерист со всеми присущими представителям этого рода войск положительными качествами: подвижен, жизнерадостен, принимал молниеносные решения в бою и вел в атаку свою часть, как ураган.

Часто я любовался им и прочил ему славу великих полководцев. Я мечтал, что, когда национальная армия выйдет за пределы Гуандуна, он сменит непривычную для него пехоту на легкую конницу. Однако трудно предугадать судьбу человека.

Когда атака его полка под стенами крепости Вэйчжоу захлебнулась, он во главе взвода бросился вперед, чтобы вновь зажечь остывающий порыв пехоты. Из 40 бойцов, которых он вел в атаку, в живых осталось 18 человек. Среди них не было полковника Лю. Смертельно раненный, он был вынесен плачущими от горя солдатами с поля боя и, не приходя в себя, умер.

На другой день его полк, оставшийся почти без офицеров, впервые в истории Вэйчжоу берет штурмом стены крепости и празднует победу. С грустью мы смотрим на гроб павшего смертью храбрых друга и командира.

В лице товарища Лю партия потеряла боевого участника революции — бойца, а солдаты — командира, которому сопутствовала победа.

Мир праху твоему, храбрейший!

Память о тебе надолго останется в наших сердцах, а боевые подвиги твои будут записаны на страницах революционной истории Китая. Они будут служить примером китайским юношам».

Так закончил я свое выступление на траурном митинге, посвященном памяти бойцов, павших во время штурма крепости Вэйчжоу.

Крепость Вэйчжоу была, по существу, взята коммунистами, чья воля оказалась тверже неприступных стен. И одним из храбрейших в рядах атакующих был наш боевой друг и товарищ Лю.

В дни ожесточенных боев за крепость Вэйчжоу снова создалось напряженное положение.

Агенты Чэнь Цзюнмина распускали в Гуанчжоу панические слухи и организовывали поджоги. Диверсанты сожгли казармы дивизии школы Вампу и квартал вокруг центральной электростанции, которую едва удалось отстоять от огня.

Осложнилась обстановка и на Восточном фронте. Чэнь Цзюнмин двинул войска на Гуанчжоу, пытаясь при поддержке флота северных милитаристов и империалистов Гонконга завладеть им.

Поэтому первоначальный план наступления Национально-революционной армии был изменен и мы, по существу, вернулись к плану Блюхера в Первом восточном походе.

Теперь Южная группа под командованием Хэ Инциня (советник А. Черепанов) в составе 1-й дивизии школы Вампу и 1-й дивизии У Течэна (советник Е. Тесленко) должна была наступать вдоль побережья на Хайфын и далее на Хэбо, Фунин, Шаньтоу.

Центральная группа под командованием генерала Ли Цзишэня (советник Ф. Сахновский) в составе 4-го корпуса, усиленного 3-й дивизией 1-го корпуса (советник В. Панюков), — на Цзяньцзинь, Чаочжоу.

Северная группа Чэн Цяня (советник Н. Кончиц) — на Хэюань, Ухуа, Синнин, Мэйсянь с задачей не допустить отхода противника в провинции Цзянси и Фуцзянь.

Между Центральной и Северными группами наступала Самшуйская группа под командованием генерала Фань Тепэя (советник С. Шнейдер). Она считалась ненадежной, и часть ее предполагали разоружить.

Наиболее сильная 1-я дивизия, которую у нас называли «тяжелая гвардия», во встречном бою без особого труда разбила противника и, преследуя его, овладела Хайфыном, Хэкоу и Хэбо. Население всюду с энтузиазмом встречало победителей.

После взятия Хэбо, казалось, нужно было продолжать

преследование и спешить на Шаньтоу. Но интуиция мне подсказывала, что слишком торопиться не следует.

Советник при 1-й дивизии 4-го корпуса С. Шалфеев информировал нас о поражении Центральной группы. Осложнение обстановки на юго-западе Гуандуна заставило командующего Центральной группой командира 4-го корпуса Ли Цзишэня накануне решительного сражения просить у Чан Кайши разрешения оставить фронт. Думая только о том, как бы вернуться в свою «вотчину», Ли Цзишэнь недостаточно эффективно руководил войсками. В результате противник крепко потрепал его отдельную бригаду и безнаказанно отступил.

В связи с этим, своевременно не предупредив нас, Чан Кайши приказал 1-й дивизии У Течэна идти на усиление Центральной группы. Противник, считая, что он полностью разгромил Центральную группу, прекратил ее преследование и всеми своими силами обрушился на 1-ю дивизию. В тыл противника на помощь ей была направлена 11-я дивизия, но она запоздала. Противник получил сильный ответный удар от 1-й дивизии, а затем, зажатый в горной котловине, без сопротивления сдался самой слабой части наших войск — Самшуйской группе.

Разобравшись в обстановке, мы вернулись с дивизией в Хэбо, прогнали топтавшиеся перед оставленным нами батальоном войска противника и без боя заняли Шаньтоу.

Население с энтузиазмом приветствовало возвращение НРА на восток Гуандуна. Повсюду проходили митинги. Мне пришлось наблюдать демонстрации населения совместно с войсками в таких ключевых пунктах, как Шаньтоу и Чаочжоу.

На этом закончился Второй восточный поход.

К концу 1925 г. юго-восточная часть Гуандуна была очищена от противника. В январе 1926 г. правительственные войска заняли остров Хайнань.

Во Втором восточном походе поддержка Национально-революционной армии народными массами была полной и безоговорочной.

Решающую роль вновь сыграли войска, сформированные на базе школы Вампу.

Политическую работу вели коммунисты. Участвуя в работе гоминьдановских партийных организаций, коммунисты предохраняли ряды НРА от пагубного влияния правых.

В середине 1926 г. в Национально-революционной армии было около 1 тыс. коммунистов, из них 60—70 процентов —

в школе Вампу и 1-м корпусе. Это была сила, которая организовывала и вела солдатские массы к победе.

В результате Второго восточного похода были созданы условия для осуществления поставленной Сунь Ятсеном перед военными советниками задачи — помочь в создании Национально-революционной армии, основанной на единых принципах управления, снабжения, боевой подготовки и политического воспитания.

По мере развития революции и ее базы на юге Китая требовалось все большее число советников. Приехали герой гражданской войны, а позднее и Великой Отечественной, М. Г. Ефремов (Абнольд), Иван Василевич (Яновский), Н. Корнеев, М. Нефедов, Ф. Котов (Катюшин), П. Лунев, В. Акимов, по линии главного политического советника — Е. Иолк, переводчики М. М. Абрамсон (Мазурин), Вера Вишнякова, Галина Кольчугина, на север были направлены мои однокашники по восточному факультету академии И. М. Ошанин, А. Я. Климов и другие.

Спустя два месяца после окончания Второго восточного похода я уезжал на Родину. Советские и китайские товарищи тепло проводили меня в Гуанчжоу, затем в Шаньтоу, куда я заехал, чтобы сдать дела советника 1-го корпуса назначенному вместо меня товарищу Зильберту. В конце января я выехал в Пекин.

Уезжая, я уносил в своем сердце любовь к китайскому народу, к солдатам революционной армии, к курсантам школы Вампу, к тем, кто сохранял верность идеям Сунь Ятсена и Коммунистической партии Китая.

КОМИССИЯ БУБНОВА. «СОБЫТИЯ 20 МАРТА». СЕВЕРНЫЙ ПОХОД НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ КИТАЯ. БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА В ФУЦЗЯНИ. ИСТИННОЕ ОБЛИЧЬЕ ЧАН КАЙШИ. НАПУГАННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ. КОНФЛИКТ НА КВЖД. РАСПЛАТА ЗА НАГЛОСТЬ.

В Пекине я намеревался провести недельку-другую. Настроение было радужным: позади — три года напряженнейшей, подчас опасной, работы, впереди — возвращение на Родину, по которой истосковался.

Однако благодушное настроение длилось лишь до утра следующего дня, когда я явился в полпредство. Там с лета 1923 г. работал П. Смоленцев, один из пяти советников, прибывших в Китай первыми. Он сообщил важную новость. Для ознакомления с работой советников на Юге и в армиях Фэн Юйсяна и вообще для изучения вопросов, связанных с помощью Советского Союза китайской революции, в Пекин прибыла из Москвы чрезвычайно авторитетная комиссия. Достаточно сказать, что ее возглавлял один из известных деятелей нашей партии — Андрей Сергеевич Бубнов, занимавший в то время должность начальника Политуправления Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Военный атташе Александр Ильич Егоров (прославленный военачальник времен гражданской войны, будущий Маршал Советского Союза), к которому мы явились с докладом, не мог уделить нам много внимания. Он спешно готовился к докладу на комиссии. Егоров предупредил, что позже будет подробно беседовать с нами, что, вероятно, и нас вызовут на комиссию.

Ничего не оставалось, как вновь заняться делами. Мы старались обобщить важнейшее из огромного опыта, полученного на Юге, чтобы сделать свои выводы достоянием комиссии. Очень помогла нам встреча с товарищами, прибывшими в Пекин из Северного Китая, где также нарастала освободительная борьба и произошло размежевание сил. Все более сближался с революционным правительством Юга ге-

нерал Фэн Юйсян. Он заявил о вступлении в гоминьдан, обличал колонизаторские действия империалистов в Китае, расширял контакты с советскими представителями. Наши товарищи подробно рассказывали о своей работе в народных армиях Фэн Юйсяна.

Обменявшись сведениями с советниками из народных армий, мы пришли к заключению, что Национально-революционная армия была беднее войск Фэна вооружением и особенно артиллерией, пулеметов же было примерно столько же. Плюс к этому у северян имелась созданная при помощи наших товарищей кавалерия. Армия Фэна существовала уже семь-восемь лет, а Национально-революционную армию создали совсем недавно. И несмотря на все это, кантонцы в общем были не слабее Фэн Юйсяна. Объяснялось это, конечно, в первую очередь тем, что южнокитайская армия создавалась как вооруженная сила революции.

14 февраля 1926 г. мы предстали перед начальством. Обратились было к А. С. Бубнову с положенным по уставу воинским приветствием, но он мягким движением руки остановил нас.

— Имейте в виду, — сказал он, — что мы здесь как частные лица и я даже не Бубнов, а Ивановский.

Затем он представил нам остальных членов комиссии: секретаря Дальневосточного крайкома партии Н. А. Кубяка, крупного профсоюзного работника И. И. Лепсе, а также Р. В. Лонгву, командира РККА, который был секретарем комиссии.

Помню, что в начале встречи все мы несколько сбивчиво и торопливо высказывали членам комиссии свои соображения по общеполитическим вопросам в Китае.

Бубнов слушал очень внимательно, не отрывал от говорившего пристального взгляда больших голубых, очень красивых глаз. На его вопрос, стоит ли Северный поход вообще на повестке дня, Терешатов ответил утвердительно. Бубнов старался получить от нас анализ ряда важнейших обстоятельств, которые могли бы быть порождены продвижением на Север.

Вспоминая сейчас свое участие в работе комиссии, я испытываю чувство известного удовлетворения, ибо последовавшие события частично подтвердили мои предположения. Я высказал мнение, что, начав Северный поход, НРА сможет продвинуться до Янцзы относительно легко, а после этого империалистические державы выступят против сил революции сплоченно, единым фронтом. Фэн Юйсян, вероятно, также станет противником НРА. В армии на этом

этапе потребуется большая реорганизационная работа. Возможно, часть бывших милитаристов отколется.

Я считал, что, двигаясь на Север с целью расширения революционной базы, южное правительство должно дать какой-то политический лозунг, чтобы поднять на борьбу крестьянство. Для меня тогда уже было ясно, что слабость национально-революционного фронта — в отсутствии у него четкой аграрной программы. Высказанные нами мысли, видимо, заинтересовали членов комиссии. Во всяком случае, перед тем как распрощаться, А. С. Бубнов откровенно выразил недоумение в связи с планами некоторых из нас вернуться на Родину:

— Как же так, вы заложили прочную основу для создания единой революционной армии, заслужили широкое признание, у нас просят еще советников для работы в Китае и в этот момент вы собираетесь домой?

Мне Бубнов предложил поехать во 2-ю народную армию Юэ Вэйцзюня в Кайфын, чтобы оценить сложившуюся там обстановку и передать накопленный на Юге боевой опыт кайфынской группе советников.

Я попросил немного времени на обдумывание этого предложения.

— Может быть, что-то заставляет вас особенно торопиться с отъездом на Родину? — поинтересовался Бубнов.

Я признался, что такая причина существует. Перед отъездом я был принят в ряды партии, но не успел оформиться в райкоме, и вот уже пятый год числился кандидатом.

Бубнов с улыбкой ответил:

— Этот вопрос я берусь уладить. Когда вы вернетесь на Родину, я войду с ходатайством в Центральный Комитет, чтобы вам был засчитан партийный стаж с момента нашей беседы.

Забегая вперед, скажу, что Андрей Сергеевич сдержал свое слово: мой партийный стаж начинается с 1926 г.

На нас произвело большое впечатление стремление комиссии по-настоящему разобраться в обстановке, мы почувствовали всю глубину заинтересованности нашей партии проблемами пробуждающегося Китая.

Да, мы не были похожи на сложившийся тип военного советника из империалистической страны, на наемника, несущего службу ради заработка. Каждый из нас был проникнут идеей пролетарского интернационализма. Именно поэтому мы трудились в Китае не покладая рук, старались как можно глубже вникнуть в существо сложных задач, стоявших тогда перед китайским народом.

Вскоре вместе с советником Булиным я отправился в Хэнань. В дороге было достаточно времени поразмыслить, как лучше выполнить задание. Я еще и еще раз перебирал в уме все сведения о Фэн Юйсяне и его разношерстных народных армиях, полученные от коллег по работе, особенно от многоопытного Альберта Яновича Лапина, или почерпнутые из прессы.

1-я народная армия Фэн Юйсяна в то время держала в своих руках столичную провинцию Чжили, вклинившись между двумя наиболее мощными группировками милитаристов: фыньтянской (мукденской) кликой маньчжурского сатрапа Чжан Цзолиня, ориентировавшегося на японских милитаристов, и чжилийской кликой У Пэйфу, за спиной которой стояли США и Англия.

Сам Фэн резко отличался от прочих милитаристов. При каждом удобном случае он подчеркивал свой крайний демократизм и бескорыстие. Если тощий, сухопарый Чан Кайши, разыгрывая из себя революционера, брал криком, то Фэн работал «под мужичка». Этому способствовали его богатырская фигура, округлая физиономия с плутоватыми глазами. В. М. Примаков, глава калганской группы советников, говорил мне, что Фэн очень напоминает ему украинского сельского старосту, который «сам себя перехитрил».

Фэн был христианином, насаждал в армии христианство. Однажды в ответ на предложение наших советников наладить в армии политработу Фэн, указывая на священников-миссионеров, изрек: «Вот мои политработники!»

Самым важным было то, что Фэн не препятствовал организации массового движения на подвластной ему территории. Там насчитывалось до 40 тыс. членов профсоюзов, рабочие могли устраивать торжественные заседания, на которых присутствовали сотни людей. Коммунисты, работая под видом гоминьдановцев, могли использовать эту необычную атмосферу легальности.

Что же касается отношений между нашими советниками, с одной стороны, и генералами и офицерами фэновских армий, с другой, то они по-разному складывались в Калгане и Кайфыне.

Во 2-й народной армии наших людей не допускали за сто верст ко всем ключевым позициям: к штабу, оперативному руководству, снабжению. Группа советников в Кайфыне, отрезанная стеной недоверия от живого дела, была предоставлена самой себе.

Что это так, пришлось убедиться теперь самому. Прибыв на место, я затратил немало сил, чтобы узнать, где нахо-

дятся наши советники. Генералы и офицеры, к которым я обращался, в том числе и начальник штаба армии Лю, прикидывались этакими простачками и незнайками. Их больше всего интересовало, с какой целью я приехал и какие сведения хочу передать начальнику кайфынской группы советников Синани (Скалову). От меня тщательно скрывали и обстановку на фронте, хотя она ухудшалась с каждым днем. Дело дошло до сдачи Кайфына, а об этом все умалчивали.

Наконец мне удалось повстречаться с командующим 2-й армией генералом Юэ Вэйцзюнем — человеком самонадеянным и ограниченным. Я не стал играть с ним в прятки и заявил, что, если не будет изменено отношение к советникам, я увезу их с собой, увезу туда, где их ценят и где с ними считаются. Я потребовал от дубаня[1] полного доверия к советникам — все сведения, поступающие с фронта, отдаваемые приказы и распоряжения они должны знать; кроме того, они должны принимать участие во всех оперативных решениях. Иными словами, я предлагал создать для работы советников такие же условия, как на Юге.

Дубань стал поспешно заверять, что дело он поправит.

— Я в атаку — и советник за мной, я в вагон — и он туда же!

Про вагон генерал заговорил не случайно: во время последнего отступления советников держали в неведении, а потом бросили на произвол судьбы и они чуть было не угодили в руки противника.

Ознакомившись с перипетиями моей поездки, читатель должен лучше осознать всю сложность проблемы милитаризма для Китая тех лет, живучесть худших традиций реакционной военщины в народных армиях Фэн Юйсяна, серьезность тех трудностей, преодолевать которые призваны были наши советники.

Но перед китайской революцией стояла задача привлечь к борьбе за национальное освобождение всех союзников, даже временных, даже заведомо ненадежных. Этим нам и следовало руководствоваться.

Прощаясь, я сказал Юэ:

— По-моему, у вас осталось единственное средство спасти положение на Восточном фронте — перейти в наступление. Ваши части измотаны, и они в обороне будут хуже держаться. Попробуйте этот метод.

---

[1] В прежнее время в Китае — генерал-губернатор, здесь — военный начальник местности, округи.

На том мы и расстались.

28 февраля я выехал в Пекин. 2-я армия, номинально подчинявшаяся Фэн Юйсяну, вскоре была разбита, разбежалась и как боевая сила перестала существовать.

20 марта 1926 г. совершенно неожиданно для всех нас Чан Кайши в Гуанчжоу (Кантоне) попробовал осуществить контрреволюционный переворот, расправиться с гуандунскими коммунистами. Эта реакционная вылазка вошла в историю Китая под названием «события 20 марта».

21 марта меня вызвал наш посол в Китае Л. М. Карахан и сообщил о полученном из Гуанчжоу известии. На протяжении двух лет я работал бок о бок с Чан Кайши и хорошо представлял себе этого властолюбивого и коварного генерала. Тем не менее я был потрясен.

Вскоре я получил указание явиться к Бородину. Михаил Маркович сообщил мне, что он с группой китайских товарищей должен покинуть Пекин и направиться в Гуанчжоу. Поскольку проехать на Юг обычным путем невозможно, решено двигаться по следующему нелегкому маршруту: Пекин — Калган — пустыня Гоби — Урга (Улан-Батор) — Верхнеудинск (Улан-Удэ) — Владивосток и морем — в Гуанчжоу.

— Вы назначаетесь начальником экспедиции, — огорошил меня Михаил Маркович. — Прошу вас сейчас все подготовить, чтобы в ночь на специальном поезде мы могли выехать в Калган.

Легко сказать! Ведь нам предстояло пересечь необжитые районы, покрыть огромное расстояние... К счастью, все обошлось благополучно.

Во Владивостоке я усадил измотанных длинной дорогой членов экспедиции на пароход и распрощался с ними.

Сам же должен был задержаться. И чтобы не терять зря времени, внимательно присматривался к жизни воинских частей и учреждений, отмечая все новое, что произошло в них за время моего пребывания за рубежом. Интересное полевое учение наблюдал в одном из полков 1-й Тихоокеанской дивизии, не подозревая о том, что через три года мне выпадет честь командовать этим соединением. С организацией учебного процесса познакомился и во Владивостокском пехотном училище.

Возвращаться в Гуанчжоу мне пришлось вместе с В. К. Блюхером. Он направлялся туда, чтобы снова занять пост главного военного советника. Я встретил Василия

Константиновича на вокзале, и он, выйдя из вагона, сердечно обнял меня, а затем познакомил со своей семьей — супругой Галиной Павловной и детьми Севой и Зоей.

В течение всей дороги я неотвязно размышлял, чем на этот раз встретит меня Юг. Чтобы вновь правильно наладить взаимоотношения с комсоставом Национально-революционной армии, следовало тщательно разобраться в бурных событиях, которые там произошли.

Не удивительно, что по приезде я прежде всего попытался вникнуть в смысл «событий 20 марта»: детально расспрашивал всех очевидцев, старался познакомиться с документацией. И постепенно передо мной развернулась более или менее полная картина.

«20 марта» ни в какой мере не было внезапной, импульсивной акцией Чан Кайши, несмотря на истеричность его натуры. Заговор, хотя и не был достаточно продуман, готовился задолго.

18 марта комиссар флота коммунист Ли Чжилун, исполнявший тогда обязанности командующего военно-морским флотом, получил по телефону от имени Чан Кайши приказ передислоцировать крейсер «Чжуншань» к острову, где помещалась школа Вампу. Он отдал соответствующее распоряжение, запросив одновременно письменное подтверждение приказа. Ли Чжилуну было отвечено, что «такой приказ вовсе не отдавался». Одновременно Чан Кайши было направлено подложное письмо якобы от Ли Чжилуна с требованием в трехдневный срок провести национализацию предприятий через правительство и с угрозой в противном случае произвести в Кантоне переворот...

Ночью 20 марта солдаты школы Вампу и 2-й дивизии были погружены на «Чжуншань» и канонерки. Охраной командира дивизии был арестован Ли Чжилун, получивший при этом ранение... Утром все комиссары и коммунисты 2-й дивизии и флота были закованы в кандалы. Одновременно был усилен гарнизон Гуанчжоу, объявлено военное положение... Мятежные войска окружили, в частности, пригородный квартал, где жили советские советники.

Однако уже в то время Чан Кайши, видимо, осознал, что он не получит широкой поддержки у армейского руководства. Он увидел, что в этот момент без КПК и помощи нашей страны Гуанчжоу был бы бессилен перед лицом многочисленных врагов. Кроме того, он убедился в абсолютном нежелании значительной части генералитета содействовать ему в захвате единоличной власти. Уже вечером 20 марта Чан помаленьку забил отбой. Встретившись с ко-

миссией Бубнова, он заявил, что все было сделано против его воли. 21 марта к утру почти все арестованные накануне коммунисты и комиссары были выпущены.

М. М. Бородин рассказал, что Чан Кайши очень неохотно говорил на эту тему.

Такова в самых общих чертах чисто внешняя картина «событий 20 марта», глубинные причины которых лежали в нараставших социальных сдвигах, размежевании классовых сил. А. С. Бубнов сразу же, через несколько дней после попытки переворота, ориентировал наших военных работников на глубокий, классовый, марксистско-ленинский подход к событиям.

По-моему, полностью разгадал в то время политическую игру Чан Кайши В. К. Блюхер. Будучи замечательным военным специалистом, Василий Константинович одновременно обладал удивительным политическим чутьем, умением рассмотреть суть дела за всякими хитросплетениями и демагогией. Он считал, что, стремясь укрепить свою диктатуру диктатурой в партии, Чан Кайши вместе с тем пока боится коалиции с правыми, понимая, что коммунисты и «левые» сильны и рвать с ними крайне опасно. Отсюда и половинчатость его политики.

Для В. К. Блюхера, как для А. С. Бубнова и М. М. Бородина, не было сомнений в том, что ни одно серьезное завоевание революции не утрачено, что надо продолжать готовиться к ее расширению, связывая последующую работу с Северным походом.

Идея скорейшего выступления на Север захватила тогда почти весь высший командный состав. Генералы руководствовались, разумеется, различными соображениями. Чан Кайши, например, рассчитывал, что военные действия отвлекут генералитет от внутренних распрей, от взаимной грызни, позволят ему в еще большей степени сосредоточить власть.

Нельзя забывать и того, что идея Северной экспедиции была завещана Сунь Ятсеном. Солдатам внушали мысль, что после освобождения Гуандуна от милитаристов они выступят на Север, начнут новый этап борьбы за освобождение Китая.

Лишь предстоящий Северный поход оправдывал наличие в Гуандуне 100-тысячной армии, поглощавшей пять шестых бюджета гуанчжоуского правительства.

Наши советники также горячо поддерживали идею Се-

верного похода, который связал бы Юг с общекитайским революционным движением. В. К. Блюхер сыграл очень важную роль в стратегической и тактической разработке Северного похода НРА, а также в непосредственном руководстве его основными операциями.

Решение о Северном походе было принято окончательно еще до возвращения Блюхера в Китай. В апреле 1926 г. комиссия в составе Чан Кайши и Ли Цзишэня, возглавлявшего главный штаб, приступила к работе. В ней немалую роль сыграли и некоторые наши советники. Уже в мае были закончены два варианта плана похода. Его главной задачей было: выход в Хубэй, занятие Хунани и Цзянси, дальнейшее развертывание военных действий в союзе с народными армиями на Севере. В этих планах были заложены некоторые здравые идеи, но они обладали одним большим пороком — строились на идее одновременной борьбы и против У Пэйфу, и против Сунь Чуаньфана, который не перенес бы вторжения в контролируемый им Цзянси. Будущее показало всю опасность этого просчета.

Поэтому первоочередной задачей Блюхера по его возвращении было доказать необходимость разгрома основных противников поодиночке. С первых дней приезда в Гуанчжоу Василий Константинович поставил себе задачей ограничить операцию пределами провинции Хунань. После многих совещаний ему удалось 23 июня добиться у Чан Кайши и его окружения согласия на изменение плана и отказа от немедленного движения в Цзянси. Серьезнейшая схватка за рациональный план операции, которую пришлось выдержать В. К. Блюхеру, была отнюдь не случайной. Он руководствовался задачей скорейшего торжества революционных вооруженных сил над противником, а верхушка китайского командования исходила из узкоэгоистических интересов.

Новый план похода был составлен Ли Цзишэнем при помощи В. К. Блюхера. Василий Константинович доложил его на заседании Военного совета 23 июня. Целью военных действий было объявлено достижение Ухани — «гнезда приспешника империализма» У Пэйфу. В дальнейшем предусматривалось соединиться с народными армиями Севера.

Как известно, впоследствии гоминьдановская пропаганда подавала Северный поход как успех и достижение Чан Кайши, его военного искусства.

При разработке плана Северного похода, В. К. Блюхер был верен своим традиционным методам, знакомым мне по борьбе за Гуандун. Он поручил отдельным советникам раз-

А. И. Черепанов (фото 1918 г.)

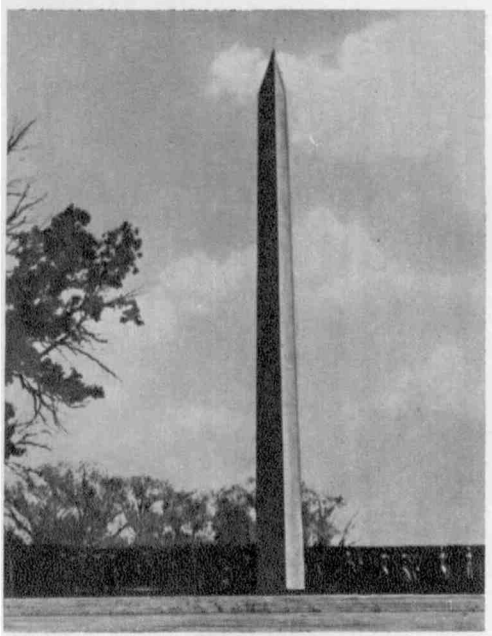
З. Григорьев

Командир пулеметной роты Пахомов

Г. М. Газнюк

А. Д. Золоцевская

Н. П. Высоцкий



Памятник в ознаменование первых побед Красной Армии в феврале 1918 г. под Псковом

А. И. Корк

Я. К. Берзин

И. П. Уборевич

Н. Н. Воронов

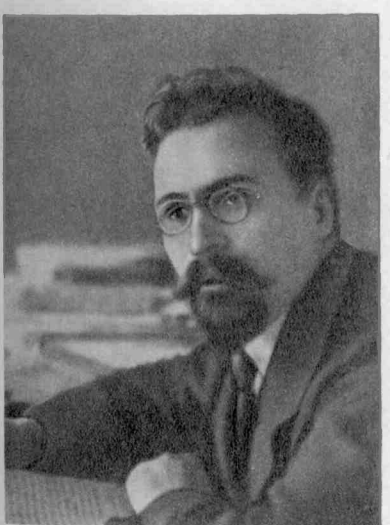
Сунь Ятсен

Ляо Чжункай

Бойцы Национально-революционной армии Китая на марше (1925 г.)

В. К. Блюхер

А. С. Бубнов



Л. М. Карахан

А. Я. Лапин

Артиллеристы Национально-революционной армии Китая (1925 г.)

Похороны Сунь Ятсена в Пекине (март 1925 г.)

П. Смоленцев

Н. И. Кончиц

Советские летчики — военные советники в Китае А. М. Кравцов и Д. Тальберг

В. Т. Примаков

И. Е. Петров

А. Д. Цветаев

И. В. Панфилов

А. И. Черепанов — главный военный советник в Китае (1939 г.)

М. И. Дратвин

Р. И. Панин

Ф. П. Полынин

А. С. Благовещенский

С. П. Супрун

В. И. Чуйков с группой советских военных советников, в разное время работавших в Китае

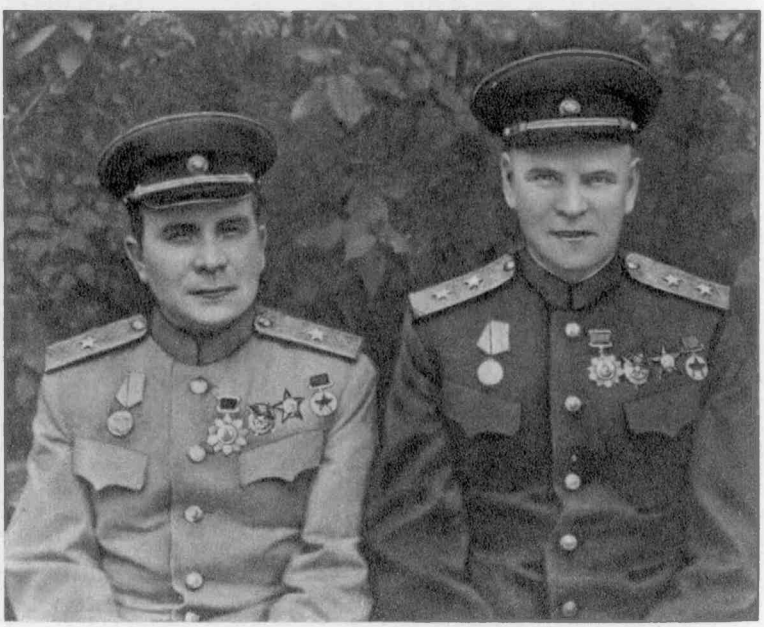
К. Е. Ворошилов

Г. К. Жуков

Л. А. Говоров и А. А. Жданов

М. В. Захаров

М. М. Попов



П. П. Евстигнеев, Д. Н. Гусев

П. А. Зайцев

Б. В. Бычевский

Т. Ф. Штыков

С. И. Мельников

В. Б. Лавринович

Д. К. Ушков

Снайпер Василий Зубанов

Делегация ленинградских рабочих в одном из подразделений 23-й армии

А. И. Черепанов вручает медали «За оборону Ленинграда» воинам 23-й армии

В президиуме торжественного собрания в Софии, посвященного 28-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота. Слева направо: Георгий Трайков, С. С. Бирюзов, Георгий Димитров, Ф. И. Толбухин, С. П. Кирсанов, Василь Коларов, Цола Драгойчева, А. И. Черепанов

Сотрудники Союзной контрольной комиссии
А. И. Сучков, А. И. Черепанов, И. Н. Кирюшин (справа налево)

работать для него определенные вопросы, а некоторых из нас посылал в места расположения войск, чтобы собственными глазами оценить их состояние. При этом ярко проявилось умение В. К. Блюхера определить возможности каждого военного работника, найти ему подходящее место.

Перед походом наши советники вновь были активно вовлечены в работу. Значительную роль играли получившие новые назначения советник НРА по тылу И. Лодзинский и советник по артиллерийскому снабжению Г. Гилев. При главном военном советнике В. К. Блюхере был создан небольшой аппарат. На должность начальника штаба прибыл с аналогичной работы в одном из корпусов Красной Армии Михаил Снегов. Меня Блюхер командировал в Шантоу к Хэ Инциню, с которым я хорошо был знаком по восточным походам. Знал я и подчиненные ему дивизии. Теперь мне предстояло посмотреть, что же они представляли собой после «событий 20 марта».

В связи с началом Северного похода ЦИК гоминьдана обратился к китайскому народу со специальной декларацией, в составлении которой большую помощь оказал М. М. Бородин. Ряд коммунистов и «левых» гоминьдановцев активно участвовали в распространении этого важного документа среди населения. Он был рассчитан на самые широкие круги китайских граждан, поэтому авторы старались сделать свои призывы понятными и доходчивыми для каждого трудящегося китайца.

В самых общих чертах политическая ситуация на Севере к началу похода Национально-революционной армии выглядела следующим образом. Лагерь реакции и контрреволюции отличался крайней раздробленностью, в нем не затухали острые внутренние противоречия. Основную силу милитаризма составляли тогда три клики: Чжан Цзолиня, У Пэйфу и Сунь Чуаньфана.

Первоочередной задачей НРА в Северном походе должен был стать разгром чжилийской клики У Пэйфу, пытавшегося создать в Пекине под своей эгидой центральное общекитайское правительство. У Пэйфу, за спиной которого стоял главным образом английский и американский империализм, давно вынашивал идею нападения на гуандунскую революционную базу. Эта акция была уже спланирована. Однако в армии У Пэйфу не было прочного единства, она состояла, в сущности, из нескольких слабо спаянных группировок. Перед началом Северного похода процесс распада в ней продолжался: ряд бригад и полков перешли на сторону народных армий.

Что касается Сунь Чуаньфана, контролировавшего наиболее мощную военную группировку, то он был чрезвычайно обеспокоен намерениями НРА. Сунь послал телеграмму Чан Кайши, предлагая вывести части НРА из южной Хунани, и обещал, что в этом случае из провинции уйдут и его войска, оставив ее в распоряжении местных сил. Однако над политическими акциями Суня довлел чисто шкурный интерес. Судьба У Пэйфу его мало волновала, он опасался лишь вторжения НРА в его собственную «вотчину». Когда он убедился, что революционные силы не думают немедленно атаковать провинцию Цзянси, то намеченные им мероприятия были отменены.

Третья крупная милитаристская сила, мукденцы, в июле 1926 г. пробовала замириться. Делегат Чжан Сюэляна[1] предложил гоминьдановцам из народных армий определенные условия. Этот политический зондаж проводился одновременно с аналогичными действиями У Пэйфу.

Об общем стратегическом замысле НРА уже говорилось выше. НРА перед Северным походом состояла из семи корпусов (25 дивизий), насчитывающих 95 тыс. солдат и офицеров, из них 65 тыс. были вооружены. Намечено было три основных направления. Войсками западного направления командовал Тан Шэнчжи (4, 6, 7 и 8-й корпуса). Задачей его было овладеть городом Чанша, а затем Уханем. Войска центрального направления (2-й и 3-й корпуса, две дивизии 1-го корпуса) подчинялись непосредственно Чан Кайши. Они должны были обеспечить правый фланг и тыл войск западного направления, а также прикрыть гуандунскую революционную базу от возможной угрозы со стороны Сунь Чуаньфана. Восточному направлению, где действовали 1-й корпус в составе двух дивизий и отдельный полк под общим командованием Хэ Инциня, было приказано прикрывать восточные границы Гуандуна от возможного нападения фуцзяньских милитаристов.

Единственным союзником национально-революционных войск были тогда народные армии Фэн Юйсяна, но мы уже видели, что они собой представляли и в какой мере следовало на них полагаться.

Главнокомандующим Северным походом был назначен Чан Кайши.

Северный поход был начат НРА в исключительно трудных условиях: стояла жестокая жара, свирепствовала хо-

[1] Сын Чжан Цзолиня — главаря клики милитаристов в Маньчжурии.

лера. К этому присоединялось невероятное китайское бездорожье — узкие тропки, бегущие среди залитых водой рисовых полей.

Официально поход начался 9 июля.

Уже на второй день соединения 4-го корпуса в районе Лилин, Чжучжоу (южная часть провинции Хунань) при активной поддержке местного населения разгромили крупные силы противника.

Огромную роль в боях сыграл коммунистический полк Е Тина. Именно он взял ночным штурмом Чжучжоу и вслед за тем внезапным ударом с запада захватил Лилин.

Первоначально была предпринята попытка задержать наступление на столицу провинции — город Чанша. Многие из руководителей НРА опасались, что, захватив Чаншу, Тан Шэнчжи станет полновластным хозяином Хунани. Обстановка благоприятствовала, и через два дня Тан Шэнчжи, захватив столицу провинции, продвинулся без задержки еще на 30 км и... послал делегата в Ханькоу к У Пэйфу с сообщением о том, что в Хубэй он идти не намерен.

Тан почувствовал, что теперь можно проявить характер. Хотя он организовал в Чанша хунаньское провинциальное правительство по типу гуанчжоуского, однако на все посты распределил своих сторонников.

Тан Шэнчжи считался в ту пору «твердым «левым» гоминьдановцем», и политика гуанчжоуского правительства, в общем, была направлена на то, чтобы укрепить его положение.

Между тем Тан Шэнчжи стал набивать себе цену и показывать истинное лицо. Щеголяя «левой» фразой, заигрывая с нашими советниками, он в глубине души вынашивал далеко не революционные, карьеристские планы, стараясь отодвинуть на второй план других, и прежде всего Чан Кайши.

Завязались бои за Учан. Несколько попыток взять город с ходу, без должной подготовки, успеха не имели.

НРА предприняла еще два штурма, 5 и 9 сентября, но они были плохо организованы и удачи не принесли.

Командование под Учаном рассчитывало более не на военный успех, а на традиционную милитаристскую дипломатию, основанную на всеобщей продажности войск реакции. Усилия растрачивались, так сказать, в ином направлении.

Сильнейшая из крепостей Центрального Китая была все-таки взята, и известную роль в этом сыграло «взаимо-

понимание», достигнутое с командиром одного из полков 3-й хунаньской дивизии, который за определенную мзду согласился не оказывать сопротивления наступающим.

Казалось, Чан Кайши находился на гребне волны, а с другой стороны, ко времени падения Учана он был развенчан как военный деятель. Войска Чана не взяли в течение похода ни одного города. Нуждаясь в моральном укреплении непосредственно подчиненных ему дивизий, он скрепя сердце восстановил должность комиссаров в ротах.

Северный поход открыл перед КПК новые возможности. Китайские коммунисты благодаря их самоотверженности и героизму завоевали в армии огромный авторитет, но их все больше оттирали от политической работы в частях. В полной мере КПК контролировала лишь знаменитый полк Е Тина. Именно он и выступил на Север в авангарде основных сил НРА, ему и принадлежала слава многих побед.

Я хорошо знал Е Тина с 1924 г., когда он, не без помощи советских советников, был назначен командиром роты. Своим военным талантом Е Тин быстро обратил на себя внимание, и в декабре 1925 г. стал командиром полка.

КПК между тем приложила значительные усилия, чтобы влиять на политическую работу во время Северного похода. Была создана комиссия (в нее вошли два коммуниста), которая организовала трехмесячные курсы для подготовки агитаторов. По отдельным полкам распределялись агитационно-пропагандистские группы, центральной организацией которых руководил по совместительству начальник политического управления НРА гоминьдановец Дэн Яньда; советником при нем состоял Таиров (Теруни).

Не случайно наиболее надежными в боевом отношении были именно те корпуса, где особенно интенсивно велась политическая работа, — 4-й и 6-й. В 6-м корпусе комиссаром был один из старейших революционеров, член КПК Линь Цзухань (Линь Боцюй), его заместителем — коммунист Ли.

Политическая работа, при всех ее недостатках, обеспечивала успешные действия НРА.

Под Учаном значительную помощь НРА оказали наши советники. О личном их участии в бою говорилось, но они осуществляли и существенную долю оперативного руководства, преодолевали безволие и инертность многих начальников. Так, во время второго штурма Учана при 10-й дивизии состоял Теруни, при 12-й — Палло, при 2-й — П. Силин (В. М. Аимов).

Когда наши товарищи получали назначения в связи с Северным походом, В. К. Блюхер определил меня на должность советника восточного направления. Каюсь, я не сразу осознал, какое исключительное доверие мне оказано. Полное понимание сложности поручения пришло значительно позже. В самом деле, в то время восточная часть провинции Гуандун давала не менее одной трети всего бюджета национально-революционного правительства. А главное, мы прикрывали не только революционную базу в Гуанчжоу, но и тыл НРА, продвигавшейся на Север.

Наиболее вероятной угрозой на нашем фронте было выдвижение врага из провинции Фуцзянь. С двумя дивизиями и отдельным полком нам предстояло сдерживать значительно превосходившие силы. Действовать приходилось самостоятельно. Главный советник и другие наиболее опытные товарищи находились от меня за тысячу километров.

Но, повторяю, поначалу я всего этого не понимал и назойливо просил направить меня вместе со всеми на Север в качестве советника какого-либо из корпусов.

Некоторое время оставались еще в Гуанчжоу наши герои-летчики. Они были озабочены тяжелейшими условиями, в которых предстояло им включаться в военные действия. Метеорологических данных не было, не имели они и сведений о компасном отклонении, не располагали временем, чтобы натренироваться в полетах по наземным ориентирам. Между тем командование прислало несколько категоричных телеграмм с требованием немедленного вылета. Когда я уже уехал на Восточный фронт, находившиеся в Гуанчжоу советники сообщили мне о вынужденной посадке летчиков при их первой попытке прибыть к месту назначения.

А с востока на Гуанчжоу надвигалась угроза: в Фуцзяни были сформированы две новые дивизии, происходило передвижение войск на юг провинции. В августе началась перегруппировка сил противника на границе с Гуандуном. Получив ряд тревожных телеграмм от Хэ Инциня, я доложил о них Бородину. Михаил Маркович сказал мне:

— Приходит, по-видимому, и ваше время вступить в войну.

И я отправился морем в 1-й корпус. Сопровождали меня коммунисты: кунанец Фу Тачэн (Федоров) в качестве переводчика и кореец из СССР Пак, который вел документацию. Фу был моим старым, испытанным другом, вместе мы громили юньнаньских и гуансийских мятежников, вместе участвовали во Втором восточном походе. Фу побывал на учебе в Москве.

Хэ Инцинь явно торопился услышать мое мнение о положении дел на фронте. Я прекрасно знал, что меня ожидает. Хэ возложит на мои плечи целиком оперативную и учебную работу, а сам, по существу, займется снабжением (тут он был мастак!).

По приезде я с головой ушел в изучение обстановки.

Мы располагали двумя дивизиями — 14-й и 3-й, а также отдельным полком. Артиллерию представляли две японские горные пушки с кустарно переделанными снарядами от полевой пушки «Арисака», да еще годная для музея горная пушка Круппа с клиновым затвором, из тех, с которыми немцы громили французов в 1870 г. Имелось небольшое количество станковых пулеметов (не все исправные) с ограниченным количеством патронов. Правда, войска наши были укреплены окончившими Вампу командирами и политработниками. В полках еще держался боевой дух, оставленный коммунистами.

Перевес врага, следовательно, был весьма ощутимым. Он располагал тремя дивизиями (1, 12 и 3-й фуцзяньской) и двумя бригадами. 22 тыс. войск противника при 18 орудиях и 25 пулеметах против 9 тыс. наших войск при 7 орудиях и 34 пулеметах. Вывод, по-моему, мог быть лишь один — бить противника по частям, одновременно обеими дивизиями при самой высокой маневренности. Но с кого начинать, для меня еще не было ясно.

И тут мы обратили внимание на то, что противник сгруппировал свои силы точно так, как это сделал в 1922 г. при наступлении на Гуандун генерал Чэнь Цзюнмин. Операция была тогда удачной, и ее, по-видимому, хотели повторить. Отчего же, подумалось мне, не наказать противника за приверженность к шаблону?

Приказ главкома Чан Кайши запрещал НРА открывать военные действия первыми. Мы же рвались в бой. Переходя в наступление на Фуцзянь, мы начинали военные действия с Сунь Чуаньфаном, что было крайне невыгодно: У Пэйфу еще не был разбит, под Учаном затянулась блокада, к тому же существовали большие трения между Чан Кайши и Тан Шэнчжи. Обо всем этом мы не знали.

Постепенно вырисовывался довольно дерзкий план: обрушиться сначала на группу дубаня, прикрытую с фронта смешанной бригадой, разбить его группу, потом, уже с тыла, навалиться на смешанную бригаду противника и, разгромив ее, на лодках по рекам совершить рывок к 1-й вражеской дивизии, которая намеревалась захватить богатый район Чаочжоу, Шаньтоу. Враг, казалось нам, вряд ли поверит

и в то, что мы как бы сами идем к нему в ловушку, в окружение.

Для выполнения плана необходимо было так расположить силы, чтобы можно было за один переход собрать обе дивизии в один кулак. Генерал Хэ Инцинь согласился со мной. Мы снова обратились к командованию с просьбой санкционировать удар по фуцзяньцам первыми.

Пришел ответ: «Наступать первыми не разрешаем по политическим соображениям». Мысленно я разносил Блюхера за его отказ, не зная всего того, что сдерживало его.

Между тем противник спокойно занимал позиции для перехода в наступление в желательной для нас группировке. 8 октября разведка смешанной бригады пересекла границу, нарушив хрупкое состояние мира. Немного спустя враг перешел в наступление.

10 октября главные силы НРА — пять полков, сосредоточенные в Саньхэба, начав наступление, заняли Дапу, а на другой день были в Тайпине. 12 октября 3-я дивизия, идущая в авангарде к северо-востоку, загнала наступающие войска дубаня в Юндин. К утру город был взят. Дубань с охраной сумел удрать. Через сутки мы были в Фанши. 14 октября части НРА с тыла нанесли неожиданный удар по смешанной бригаде, которая готовилась к переправе через реку, прижали ее подковой к воде и разгромили. Командир бригады прорвался с небольшим отрядом, однако вскоре был пленен.

Победа была полной, было взято много пленных, 4 тыс. винтовок, 8 тыс. револьверов, 22 пулемета, 9 орудий и т. д. Не было конца ликованию победителей!

Командиры дивизий и полков, осознав, как прошла операция, пришли в изумление. Командир 14-й дивизии Фын Юйпэй сказал переводчику: «Скажи советнику, что, может быть, по-русски и хорошо проводить такую рискованную операцию, но по-нашему, по-китайски, это опасно».

В адрес Хэ Инциня стали поступать сотни приветственных телеграмм, и я охотно предоставил ему возможность купаться в лучах славы. Мне же доставило огромное удовольствие признание успеха со стороны Василия Константиновича.

«Искренне, сердечно рад одержанной Вами победе», — телеграфировал Блюхер.

Дивизии были посажены на лодки и спустились вниз по реке для разгрома 1-й дивизии врага.

Части НРА быстро двинулись на север и прижали 1-ю фуцзяньскую дивизию к морю. Враг выслал было делегатов

для «торговли» об условиях перехода на сторону НРА, однако, прикинув все «за» и «против», мы предпочли его разоружить. После этого командир одной из фуцзяньских бригад, находившейся в Фучжоу, прислал к нам делегатов с заявлением, что он переходит в НРА.

Тем временем на Севере военные действия развертывались во все более широких масштабах. НРА освобождала огромную территорию, это сопровождалось приливом в революционный лагерь миллионов людей.

После разгрома У Пэйфу и с выходом НРА на Янцзы единственным серьезным противником революционных вооруженных сил в Центральном Китае остался Сунь Чуаньфан. К этому времени он сумел в полной мере оценить ту опасность, которую представляли для него победоносные силы южан. Но и командование НРА понимало, что Сунь обладает гораздо более мощной армией, чем У, и справиться с ним будет очень непросто.

В сентябре предпринимались попытки достичь временного соглашения с Сунь Чуаньфаном. Надо сказать, что и в войсках Суня имелись генералы, пытавшиеся помирить его с НРА ради действий против мукденцев. Однако вскоре выяснилось, что переговоры нереальны, они служат лишь прикрытием подготовки широких наступательных операций.

Сунь принял решение выступить первым. Он подбросил на железную дорогу Наньчан-Цзюцзян три дивизии и восемь отдельных бригад (60 тыс. солдат). В Восточный Хубэй были направлены дивизия и несколько смешанных бригад (20—25 тыс.), в Западную Цзянси — две передовые группы.

Чан Кайши так не терпелось укрепить свое пошатнувшееся в Хунани положение, что он без ведома Блюхера решил опередить Сунь Чуаньфана и затеял совершенно неподготовленные акции. 2 сентября 1926 г. он отдал приказ о наступлении через три дня.

6-й корпус и 1-я дивизия Чан Кайши начали операции успешно, захватив 16 сентября Гаоань. И тогда командир 6-го корпуса Чэн Цянь принял чрезвычайно опрометчивое решение. Он задумал взять Наньчан до подхода 3-го корпуса.

Чэн Цянь по приказу Чан Кайши был подчинен Чжу Пэйдэ и жестоко этим обижен. Советник Чэн Цяня И. И. Кончиц тщетно советовал своему подопечному воздержаться от непродуманных действий. «Тогда хоть не

спешите, увяжите свои действия с Чжу», — настаивал он. Одновременно Кончиц направил донесение Блюхеру, наконец, сам поехал к нему, но было уже поздно: 6-й корпус перешел в наступление и 19 сентября занял Наньчан. Корпус не смог удержать город и был отброшен, понеся большие потери.

3-й корпус, находившийся в это время в переходе от Наньчана, не оказал никакой помощи: Чжу, что называется, спокойно стоял и смотрел, как противник бьет Чэн Цяня.

Снова, в который уже раз, ожесточенные распри вчерашних милитаристов оказались более сильным фактором, чем общие интересы всей Национально-революционной армии.

В. К. Блюхер поспешил на Восточный фронт и 30 сентября прибыл в Гаоань. Он моментально оценил ситуацию. По принципу «нет худа без добра» В. К. Блюхер констатировал, что единственной пользой от сражения явилось освобождение двух наших советских летчиков, томившихся в наньчанской тюрьме, и гибель Ван Болиня — реакционера и прихвостня Чан Кайши.

Приезд В. К. Блюхера совпал с наступлением Сунь Чуаньфана на Гаоань. 1 и 2 октября в районе Саньшоугуна происходили ожесточенные бои, в итоге которых милитаристы потеряли тысячу солдат убитыми, 6 орудий, 2 тыс. винтовок, бомбометы и пулеметы. Было взято много пленных.

Участвуя в разработке плана операции по захвату провинции Цзянси, В. К. Блюхер трезво оценил трудности, стоявшие перед НРА. Он констатировал, что оснащение НРА вооружением серьезно уступает милитаристскому. В Цзянси было сосредоточено такое количество войск из других провинций, что В. К. Блюхер был вправе сделать вывод: борьба за Цзянси переросла в борьбу за разгром всех сил Сунь Чуаньфана.

В. К. Блюхер подготовил общую директиву о переходе в наступление на железную дорогу Наньчан — Цзюцзян, однако он подчеркивал, что нужна серьезная перегруппировка войск НРА. Но Чан Кайши еще раз своим вмешательством испортил дело. 4 октября он, не посоветовавшись, выехал в Фэнсинь и там отдал приказ об общем наступлении на следующий день.

Блюхер подверг замысел Чан Кайши обоснованной критике, сказав: «Это очередная глупость главкома».

НРА откатилась от железной дороги с большими потерями и при полном разрыве между отдельными корпусами.

Проигрыш операции НРА заставил подумать о подтягивании свежих сил.

Некоторые части в октябрьских боях потеряли до 70—80 процентов командиров взводов и рот и до 50 процентов комбатов. Начинались дожди и холода, а запасов продовольствия, боеприпасов не было. Вереницы кули несли их по трудным тропам через горные районы из Хунани.

В. К. Блюхер тем временем вел огромную работу по организационному сплочению НРА. С помощью телеграфа и крестьян-ходоков, охотно помогавших революционным войскам, удалось установить связь между корпусами. Весьма ободрили НРА известия о падении Учана 10 октября и о том, что остатки сил У Пэйфу (три дивизии) отброшены от Ичана.

После тщательнейшей разработки всех деталей В. К. Блюхер 28 октября 1926 г. подготовил проект приказа о наступлении в Цзянси. В основе приказа были самые подробные сведения о войсках Сунь Чуаньфана, добытые разведкой.

В отличие от октябрьских действий с кондачка теперь было сделано все возможное для обеспечения всесторонней подготовки операции. Приказ был переведен на китайский язык и подписан Чан Кайши. Русский его текст разослали всем советским советникам. Блюхер был абсолютно уверен в успехе.

В ходе Наньчанской операции противнику было нанесено решительное поражение, основные группировки его в Туцзяпу и Наньчане окружены и разгромлены. Проблема Сунь Чуаньфана перестала существовать.

Из провинции Цзянси успели уйти жалкие остатки некогда многочисленной армии Сунь Чуаньфана.

В Цзюцзян-Наньчанском районе Национально-революционная армия взяла более 40 тыс. пленных. Правда, эта победа, которая, по существу, обеспечила господство НРА на большей части территории Китая, досталась очень высокой ценой. В Цзянси было убито и ранено около 15 тыс. солдат, а за все время похода — более 25 тыс. Во время боев в Цзянси НРА испытывала острую нехватку патронов, вызванную невероятнейшим многосистемьем оружия. Приходилось делать упор на штыковые атаки и ночные операции, а это, конечно, было сопряжено с увеличением потерь.

Советские военные советники делили в Северном походе со своими китайскими братьями и радость побед, и горечь поражений. Еще до начала широких военных действий к

Тан Шэнчжи был отправлен Нефедов (Павлов). Он действовал, правда, не как военный специалист, а как уполномоченный по установлению связей с этим генералом. Позже в дело вступили наши командиры. Советники имелись во всех основных корпусах. Лишь в 7-м, гуансийском, находился И. Мамаев — политический, а не военный работник. Однако пребывание его у вчерашних милитаристов также было очень полезным, он весьма энергично подталкивал подопечных к выполнению приказов главного командования. На плечи советников ложилась огромная доля руководства операциями.

Увлеченная, самоотверженная работа наших товарищей была оценена в полной мере простыми людьми Китая. Один из друзей рассказывал мне об участии советников в торжествах в Ханькоу по случаю падения Учана. Автомобиль с русскими был встречен демонстрантами громом аплодисментов. Раздавались приветственные возгласы: «Суляпь жэнь хао» («Советские люди хорошие»). Языковый барьер не мешал понимать друг друга: выручали искренние, сердечные улыбки.

Особенные симпатии вызывали у населения героические действия наших соколов. Я писал уже об огромных трудностях, с которыми им пришлось столкнуться. 20 августа три самолета вылетели спешно на фронт. Железная дорога была единственным надежным ориентиром, поэтому они шли над нею на высоте 150 м. Однако за Шаогуанем пришлось подняться на 3 км, преодолевая горы. Утлые машины скрылись в кучевых облаках. Компас без карт мало чем мог помочь. В итоге вместо Хэнчжоу попали в Баоцинь. Там один из самолетов сел на речную отмель, и его ремонт занял неделю, а другой, приземлившийся на рисовое поле, пришлось отправлять вместе с пилотом Костюченко в Гуанчжоу.

Под Учан прибыла единственная машина — Кравцова и Тальберга. 10 сентября к ним присоединился и Сергеев. В боях за Учан летчики себя не щадили. При взлете и посадке они подвергались регулярному артиллерийскому обстрелу. В непрочных, примитивных деталях машин зияли пулевые пробоины. Неспроста в донесении 4-го корпуса о победе говорилось: «Авиацией и 4-м корпусом захвачен был Учан». Огромную пользу принесли наши летчики и под Наньчаном.

После освобождения Наньчана, как я уже писал, из плена были вызволены советские летчики Козюра (Верп) и Кобяков.

В докладе о действиях авиации Василий Сергеев убедительно показал, сколь напряженным был воинский труд наших дорогих друзей. Он писал, что на цзянсийском фронте «самолет сеял буквально панику во всех местах фронта, где бы он ни появлялся. Например, бронепоезд не выдерживал и 15 минут боя с самолетом, в панике покидая свою позицию и тем самым оголяя боевой участок. Самолет связал армии, произвел много ценных разведывательных полетов и полетов по бомбометанию... Действия авиации на фронте проходили в самое жаркое время. Летный состав абсолютно выматывался, не имея отдыха ни днем ни ночью... Не было никаких метеорологических данных. Аэродромы строились на рисовых полях, грунт которых очень восприимчив к влаге. Размеры аэродромов в большинстве столь малы, что посадка и взлет были всегда рискованными. Лишь высокие летные качества авиаторов сберегали самолеты от поломок... Представление летчиков к награждению орденом Красного Знамени в числе первых (в том числе и механиков) говорит о том, что боевая летная работа выполнена с честью».

Не менее героически вели себя на фронтах и другие представители нашей страны.

Об исключительно сложной и многотрудной работе военных советников, как и всего дружного советского коллектива интернационалистов, активно участвовавшего в революционных битвах китайского народа 1925—1927 гг., ярко рассказал в своих воспоминаниях мой старый друг, прекрасный человек и высокообразованный специалист по Китаю Марк Исаакович Казанин [1].

Революционные силы сумели в течение менее чем полугода захватить контроль над четырьмя важнейшими провинциями и вырваться на Янцзы. Как и следовало ожидать, столь быстрое расширение революционной территории вызвало обострение противоречий внутри национально-революционного фронта. В рядах политического и военного руководства борьба развернулась вокруг вопроса о новой столице революционного Китая, о том, где теперь должно обосноваться гуанчжоуское (кантонское) правительство.

Новым центром со всех точек зрения естественно было сделать освобожденный Ухань. Однако Чан Кайши категорически воспротивился этому.

[1] См.: Казанин М. И. В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925—1927 годов. М., 1966.

Спор о том, где быть столице, был, можно сказать, лишь внешним проявлением скрытого до поры до времени вероломства и предательства Чан Кайши. Он искал (и находил!) уже других союзников, стал громить революционные силы, упорно рвался на восток, в сторону Шанхая, рассчитывая на сговор с международным империализмом, на поддержку с его стороны.

А то, что империалистические страны наращивали военные силы в Китае и вокруг него, не составляло секрета. Войска милитаристов получали оружие из Англии, Японии, США. В Китай, особенно в Шанхай, перебрасывались войска западных держав. Когда Национально-революционная армия вышла к Янцзы, там крейсировали военные корабли США и Англии. В Нанкине они открыли огонь по местному населению. Контакта с этими силами и искал Чан Кайши.

Для участия в походе на Нанкин и Шанхай были брошены и войска восточного направления под командованием Хэ Инциня, при котором я был советником.

Это, скажу откровенно, не радовало меня, а огорчало. И вот почему. 3-я и 14-я дивизии Хэ Инциня перестали быть тем, чем были раньше. Резкая перемена произошла в самом Хэ Инцине, в нем взяли верх карьеризм и реакционность. Он и прежде еле выдавливал сквозь зубы слова о том, что «мы против империализма и северных милитаристов», а затем и вовсе свернул всю политическую работу как в армии, так и среди населения.

Будучи оторванным от своего руководства, я решил отправиться в Учан, чтобы получить ориентировку.

Последующие события показали, что я покинул Нанкин накануне грязного предательства правыми дела революции. Войска центрального направления вошли в Шанхай, уже освобожденный от милитаристов в результате нескольких кровопролитных восстаний шанхайского пролетариата. И тут произошло то, чего следовало ожидать, чего опасались многие. Придя в соприкосновение с форпостом империализма в Китае, окруженный мощной прослойкой компрадорской буржуазии, Чан Кайши 12 апреля 1927 г. переметнулся в лагерь реакции.

На занятой им территории разгонялись профсоюзы, чинилась расправа над активистами крестьянских союзов. Силой оружия подавлялись рабочие и их организации не только в Шанхае, но и в ряде других городов. 18 апреля Чан Кайши сформировал в Нанкине правительство.

Революция 1925—1927 гг. не принесла китайскому народу желаемой победы. Однако старый, дореволюционный Китай и новый Китай, прошедший через очищающее революционное пламя, были несравнимы. Революция открыла глаза миллионам, вручила им в руки коммунистическое знамя, и историю уже невозможно было повернуть вспять.

Революция научила многих и многому. В горниле борьбы самыми стойкими, самоотверженными и бескорыстными борцами за интересы трудового народа оказались коммунисты. Они вписали тогда немеркнущие страницы в историю освободительной борьбы своего великого народа. В ходе революции Коммунистическая партия Китая из немногочисленной организации в несколько сот членов превратилась во влиятельную силу. Массы увидели в коммунистах подлинных выразителей своих интересов.

Были ли ошибки и просчеты у коммунистов? Разумеется были. Могли ли они предусмотреть активизацию контрреволюции по мере роста освободительной борьбы, организовать заблаговременно должный отпор ей? Могли ли эффективно использовать силу народных масс, создать надежную и более широкую опору в самой армии? Конечно могли. Многое из упущенного китайские коммунисты увидели потом сами и постарались преодолеть свои слабости.

Однако нельзя не учитывать того, что партия росла и крепла в бурных водоворотах национальной революции, когда не хватало опыта, зрелости, классовой закалки, когда, по словам В. И. Ленина, опыт дня равен опыту года мирного развития.

Подробнее об уроках того этапа революции, ее сильных и слабых сторонах, как они мне представлялись, я высказал свои суждения в книге «Записки военного советника в Китае» [1], переведенной и изданной также и в Китае. Тех, кто хотел бы более детально познакомиться с описываемыми событиями, я хотел бы отослать к этой книге.

Итак, революция временно потерпела поражение. Разными путями через лагерь врага наши товарищи пробирались к себе на Родину. Многим из них пришлось вынести издевательства гоминьдановских реакционеров и даже попасть за решетку, но в сердцах своих все мы уносили гордое сознание выполненного до конца долга.

---

[1] См.: Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае. М., 1976.

В те далекие годы Советская страна, лишь собиравшая силы для широкого социалистического строительства, сделала все, что было в ее силах, чтобы поддержать трудовой народ Китая в его освободительной борьбе. Это была помощь не только советниками, оружием, но и огромная моральная поддержка, о многочисленных проявлениях которой можно написать еще не одну книгу.

Успешное продвижение Национально-революционной армии на Север, освобождение большой территории Китая, героическая борьба пролетариев Шанхая встречались с огромным интересом и подъемом в СССР. Повсюду в нашей стране проходили митинги и собрания в поддержку китайской революции. Советские люди радовались победам своих братьев по классу и гневно осуждали и предостерегали империалистов Запада, как только они замахивались на революционный Китай.

Интернационализм, классовая солидарность советского народа были могучей, неоценимой поддержкой для китайских трудящихся в те трудные годы. И мы, военные советники, гордились, что внесли в это благородное дело и свой посильный вклад.

По возвращении из Китая мне пришлось послужить некоторое время в Киеве.

Не обошла меня стороной и борьба с остатками басмаческих банд, которые в зависимости от обстановки продолжали тогда разбойничать с территории Афганистана, Китая, Ирана, в приграничных районах наших среднеазиатских республик. В боях с басмачами я сошелся и подружился с И. Е. Петровым, И. В. Панфиловым, В. Д. Цветаевым и другими советскими командирами. Тогда все мы были сравнительно молодыми людьми, и кто думал, что тот же Иван Ефимович Петров станет в годы Великой Отечественной войны одним из героев обороны Одессы и Севастополя, командующим армией и фронтом, что с именем генерала Панфилова будут связаны самые героические страницы обороны Москвы, а генерал Цветаев будет командовать армиями на важнейших участках борьбы с гитлеровским нашествием.

В Москве, куда я вернулся с боевого задания, меня ждало новое назначение — в Среднюю Азию, в Термез.

Прежде чем отправиться в Термез, я должен был заехать в Киев, к месту своей прежней службы, чтобы забрать жену и нехитрый наш скарб.

За несколько часов до отъезда зашел в Наркомат обороны оформить кое-какие документы и в коридоре второго этажа встретился с выходившими из кабинета Наркома начальником оперативного отдела Штаба РККА, своим однокурсником по Академии Генерального штаба В. К. Триандафилловым, Я. К. Берзиным и начальником канцелярии В. Н. Литуновским.

— Очень кстати! — воскликнул, увидев меня, Триандафиллов. — Разгорается конфликт на КВЖД [1]. Чан Кайши решил захватить ее, к нашей границе стягиваются китайские войска. Ты как старый китаец что посоветуешь?

— На Дальнем Востоке не хватает своей особой армии. Самое время создать ее, выделив войска из состава Сибирского военного округа, а командующим назначить Блюхера, который в глазах китайцев — гроза, бог войны. Чан Кайши вряд ли отважится скрестить оружие со своим бывшим главным военным советником.

— Вот и мы примерно так думаем, возьмем и твое мнение на заметку, — сказал Владимир Кириакович, и мы, поговорив еще немного, разошлись.

В гостинице, куда я заехал за чемоданом, меня позвали к телефону. Начальник Разведывательного управления РККА Я. К. Берзин сказал, чтобы я отложил свой отъезд и был у него завтра в 10 часов утра.

Поездку в Киев, как скоро выяснилось, пришлось не только отложить, но и вовсе отменить.

Утром у Берзина собрались несколько бывших военных советников в Китае: Зильберт, Рогачев, Поляк и еще кто-то, теперь уже всех и не припомню.

— В одиннадцать часов будем у Наркома, — сказал Павел Иванович, так мы называли Берзина. — Ворошилов решил послушать ваше мнение по вопросу о конфликте на КВЖД. Продумайте, что можете предложить.

В кабинете в конце длинного стола, предназначенного для небольших заседаний, сидел в обычной своей гимнастерке с кавалерийскими петличками Народный комиссар обороны председатель РВС СССР. Справа от него — заместитель председателя РВС СССР И. С. Уншлихт, слева — начальник Политического управления РККА А. С. Бубнов. Чуть привстав, Климент Ефремович жестом пригласил нас садиться за стол. Первым рядом с Уншлихтом сел Я. К. Берзин, а следом за ним и мы.

— Я слышал, — сказал Нарком, — что бывшие военные

[1] Китайско-Восточная железная дорога.

советники в Китае подбирают ключ к разрешению конфликта на КВЖД. Кто желает высказаться?

— У товарища Черепанова, — сказал Берзин, — имеется сформулированное предложение.

— Прошу.

Я повторил то же самое, что говорил накануне при встрече с работниками Наркомата.

Потом встал Берзин и доложил военно-политическую обстановку в Маньчжурии, ни слова не сказав о моем предложении.

— Мнение товарища Черепанова заслуживает внимания, — заговорил после Берзина Бубнов. — Но нет надобности назначать Блюхера командующим. Николай Владимирович Куйбышев тоже работал в Китае. В Забайкалье командиром стрелкового корпуса Альберт Янович Лапин, также из бывших работников в Китае. Можно и товарища Черепанова направить командовать дивизией не в Среднюю Азию, а на Дальний Восток.

— В отношении Черепанова уже есть решение: направить его не в Термез, а во Владивосток командиром Первой Тихоокеанской дивизии, — объявил Ворошилов. — А что касается Блюхера, то у него легкая рука: отлично справляется с любым делом.

Выслушав всех, кто пожелал высказаться, К. Е. Ворошилов поблагодарил за предложения и сказал:

— Решать, что делать, будет правительство. А пока наш разговор держать в секрете.

В заключение он сказал, что по решению Центрального Комитета партии А. С. Бубнов направляется на Дальний Восток, чтобы проверить готовность наших войск.

На следующий день после совещания вместе с Бубновым отбыл в дальнюю дорогу и я.

Жене моей, Маргарите Борисовне, пришлось одной складывать домашнюю утварь и с маленькой дочкой Леной отправляться во Владивосток.

На примере с заслушиванием моего предложения о необходимости создания Особой Дальневосточной армии (ОДВА), а она была вскоре образована приказом Реввоенсовета СССР от 6 августа 1929 г., видно, как К. Е. Ворошилов внимательно прислушивался к мнению низовых работников. В своих выступлениях перед руководящим составом он постоянно призывал, чтобы каждый думал и вносил предложения по улучшению дела. Добиваясь оперативности в работе, он одновременно требовал, чтобы быстрота не влияла на качество: «Сначала вы должны подумать, а

потом делать, а не так, чтобы сначала делать, а потом думать».

Приведу еще один пример, характеризующий реакцию К. Е. Ворошилова на предложения, исходящие снизу. В 1931 г. Япония начала оккупировать Маньчжурию. Будучи в то время командиром 1-й Тихоокеанской стрелковой дивизии, я написал свои соображения Берзину о нашей тактике на случай, если японцы развяжут войну и против нас. В своем письме я развивал мысль о том, как небольшими силами держать оборону до подхода подкреплений из глубины страны.

Каково же было мое удивление, когда спустя две-три недели после отправления письма приехал нарочный от К. Е. Ворошилова с письмом, в котором он сообщал, что ознакомился с моим материалом, адресованным Я. К. Берзину, и что мои соображения заслуживают внимания и будут изучены. Нарком обороны писал в конце, что «прежде всего Вы сами должны быть начеку».

1-я Тихоокеанская стрелковая дивизия, в командование которой я вступил, не была, так сказать, новичком, новобранцем в защите наших дальневосточных рубежей, в борьбе с внутренними и внешними врагами революции. В ее состав входили прославленные в боях 1-й Читинский, 2-й Нерчинский и 3-й Верхнеудинский стрелковые полки. Знакомство со штабом, располагавшимся во Владивостоке, и частями дивизии было коротким и приятным: люди усердно учились искусству воевать, настроены были по-боевому. Обстановка на Дальнем Востоке накалялась все более и более, и времени на вхождение в курс дела было в обрез. Пришлось сразу подналечь на слаживание подразделений и частей, втягивать их в походно-боевую жизнь, заняться совершенствованием командирской подготовки, особенно умения командиров различных степеней грамотно и инициативно руководить подразделениями на марше и в бою. Повторяю, время нас торопило.

Из предыдущего рассказа читатель уже знает, что контрреволюционный переворот, совершенный Чан Кайши и его кликой, вылился в расправу над революционными рабочими и крестьянами Китая. Это было, так сказать, внутренним проявлением вероломства отступников от великих принципов и заветов Сунь Ятсена. А внешним выражением контрреволюционного переворота явился их сговор с империалистическими государствами, прежде всего с США и

Англией, курс на разжигание вражды и ненависти к Советскому Союзу, провоцирование войны с ним. Налет на советское торговое судно, грубые провокации против дипломатических учреждений СССР, разбойническое нападение на советское консульство в Кантоне, а затем в Шанхае и Харбине, наконец, бесцеремонный захват Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), построенной Русским государством еще в конце XIX — начале XX в. и являвшейся совместным советско-китайским коммерческим предприятием, — все это и многое другое было открытым вызовом нашей стране. Стране, которая первой пришла на помощь революционным массам Китая по призыву их вождя доктора Сунь Ятсена. Дело дошло до фактического разрыва дипломатических отношений. И только исключительная выдержка Советского правительства, его стремление разрешить острые конфликты мирным путем отодвигали вооруженное столкновение.

Но провокаторы войны, поощряемые империалистами Запада, делали ставку именно на самое худшее. Китайская сторона двинула к советско-китайской границе маньчжурские войска, развязала руки многочисленному белогвардейскому сброду, нашедшему убежище в Маньчжурии, перешла к открытым вылазкам и нападениям на нашу территорию.

Протесты и предостережения советской стороны не возымели действия. Жертвами произвола становились наши пограничники, мирное население прилегающих к границе районов Забайкалья и Приморья.

«К октябрю 1929 г. в распоряжении маньчжурского правительства находились Мукденская армия (около 300 тыс. человек), белогвардейские отряды (около 70 тыс. человек) и Сунгарийская речная военная флотилия (11 боевых кораблей). Основные силы были сосредоточены на четырех направлениях: вдоль железной дороги Хайлар — Маньчжурия, южнее Благовещенска, в устье реки Сунгари, районе Турьего Рога в Приморье. По своей численности китайско-маньчжурские войска превосходили советские в три—пять раз, однако техническое превосходство было на стороне ОДВА» [1].

Бойцы, командиры и политработники нашей дивизии, выдвинутой в район Мишаньфу (25 км северо-западнее Турьего Рога), были исполнены решимости проучить белокитайских милитаристов, отбить у них охоту обстреливать

[1] Краснознаменный Дальневосточный, М., 1971, с. 115.

советскую территорию, совершать на нее разбойничьи набеги. Моральный дух в полках был необычайно высок, и захватчики встречали все более решительный отпор. Но, откатившись за линию границы, налетчики готовили и устраивали новые провокации.

«Сколько можно испытывать наше терпение?» — законно спрашивали бойцы. И действительно, враг готовил набеги на глубинные районы нашей территории, угрожал единственной железнодорожной магистрали, связывающей Дальний Восток со страной. Чтобы положить конец наглости милитаристов, надо было не просто отбиваться от них. Волчья стая, сколько ее ни отпугивай, не угомонится, пока ее не обложишь и не перебьешь.

Командование ОДВА решило разгромить осиные гнезда милитаристов, преследовать и громить их и за пределами государственной границы. Это делалось для профилактики, на чужую землю мы не зарились.

В Приморье к участию в операции, получившей наименование Мишаньфуской, помимо нашей дивизии были привлечены 9-я отдельная кавалерийская бригада (командир Д. А. Вайнерх) и авиационная группа в составе 5-й истребительной и 40-й бомбардировочной эскадрилий под командованием Э. П. Карклина. Командование этими войсками было возложено на начальника штаба ОДВА А. Я. Лапина и военного комиссара — заместителя начальника политуправления армии А. А. Гусева. Общее руководство осуществлял В. К. Блюхер.

План операции предусматривал охват вражеских войск в Мишаньфу. С одной стороны действовали два полка 1-й Тихоокеанской дивизии, с другой — 9-я кавалерийская бригада. Наступавший со стороны поселка Крайний 1-й Читинский стрелковый полк должен был овладеть районом Тайпинчжин, Пумитайза и воспретить подход противника к Мишаньфу с юго-запада.

Удар наших частей был стремительным. Все попытки китайских милитаристов остановить наступающих, а затем прорваться из Мишаньфу и переправиться по льду реки Мурень окончились провалом. 17 ноября к 16 часам город был взят.

Тем временем 1-й Читинский полк под командованием И. Ф. Куницкого после короткого боя прорвался в район Тайпинчжин, Пумитайза и закрепился там. Противнику теперь не так просто было маневрировать резервами. И все же рано утром 18 ноября три вражеских полка, в том числе два кавалерийских, предприняли отчаянную попытку от-

бросить наш полк. Но читинцы показали и свой характер, и то, что не зря завоевывали в ходе мирной учебы призовые места в соревновании по огневой подготовке. Сосредоточенным и точным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем они вызвали панику в рядах атакующих, а затем обратили их в бегство. С воздуха пехотинцев хорошо поддержали наши летчики.

В результате Мишаньфуской операции противник потерял только убитыми около 1500 человек. Трофеями советских воинов стали вся боевая техника и боевые знамена белокитайцев [1].

Одновременно с операцией под Мишаньфу была проведена операция Забайкальской группы войск под командованием командира 18-го стрелкового корпуса С. С. Вострецова. Она также завершилась полным разгромом врага и пленением командующего Северо-Западным фронтом генерала Лян Чжоцаяна. А несколько раньше, в октябре, была разгромлена Сунгарийская речная флотилия.

Провокация в районе КВЖД закончилась полным поражением тех, кто ее организовал. Получив предметный урок, китайские власти стали искать пути к примирению и восстановлению нормальной обстановки на КВЖД. Вскоре это было достигнуто.

Все мы, участники событий на КВЖД, испытывали законную гордость оттого, что наша социалистическая Родина, продемонстрировав свою высокую обороноспособность, заставила считаться с собой не только гоминьдановскую клику в Китае, но и стоящих за ее спиной империалистов. Чан Кайши еще больше разоблачил себя в глазах собственного народа как слуга китайских помещиков и капиталистов, как марионетка в руках империалистических сил, пытавшихся столкнуть между собой китайский и советский народы.

Победа советского оружия на Дальнем Востоке объективно подрывала позиции гоминьдановской реакции, усиливала освободительную борьбу трудящихся масс. Антисоветская провокация на КВЖД не восстановила рабочих и крестьян Китая против их русских братьев, на что рассчитывали чанкайшисты, а лишь открыла людям глаза, сделала их еще более проницательными.

Наша армия стала называться теперь Особой Краснознаменной Дальневосточной армией (ОКДВА). За успешное выполнение боевых заданий, доблесть и мужество, про-

[1] ЦГАСА, ф. 33879, оп. 6, д. 2, л. 665—666.

явленные бойцами, командирами и политработниками при защите дальневосточных границ, ЦИК СССР наградил ее орденом Красного Знамени. Для наших Вооруженных Сил с момента окончания иностранной военной интервенции и гражданской войны это была самая серьезная проверка на боевую зрелость и готовность. Сознание того, что экзамен выдержан с честью, наполняло наши сердца радостью и гордостью.

В дружной семье воинов-дальневосточников, командуя возмужавшей, еще более закалившейся в боях 1-й Тихоокеанской стрелковой дивизией, я пробыл еще три года. И время это вспоминаю с великим удовольствием.

НАПУТСТВИЕ НАРКОМА ОБОРОНЫ. ОЧАГ ВОЙНЫ В АЗИИ. СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ. БОИ ЗА УХАНЬ И ЧАНШУ. В ВОЗДУХЕ — СОВЕТСКИЕ ЛЕТЧИКИ-ДОБРОВОЛЬЦЫ. АГРЕССОР ПРОСЧИТАЛСЯ.

В разгаре лета 1938 г. я был вызван к Народному комиссару обороны Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову.

Было самое начало рабочего дня. Товарищ Ворошилов, в те годы убежденный спортсмен, коренастый, крепко сбитый, стоял посреди кабинета. Сразу подумалось, что Нарком только что проделал весь комплекс утренней гимнастики. Климент Ефремович энергично протянул мне руку и, указав на сидящего в кресле человека в штатском, сказал:

— Знакомьтесь, наш посол в Китае Луганец-Орельский.

Поднявшийся навстречу человек богатырского телосложения с любопытством вглядывался в меня.

Нарком сразу же перешел к делу:

— Решили спросить вас, не согласитесь ли вы поехать главным военным советником в китайскую армию. Сейчас у нас в Китае товарищ Дратвин, ваш соратник по работе в двадцатые годы в этой стране, занимает посты военного атташе и главного советника. Мы же решили, — выразительно кивнув в сторону Кремля, продолжал Нарком, — назначить на должность военного атташе Иванова, недавно прибывшего из Испании, а главным военным советником, если вы согласитесь, назначить вас. Как вы сами на это смотрите?

— Согласен,— ответил я.

— Имейте в виду, — повернулся Климент Ефремович к Луганцу-Орельскому, — Черепанов человек принципиальный. Надеюсь, что конфликтов между вами не будет. Работайте дружно. Дело вы делаете общее, очень важное, помогая китайцам в борьбе с японскими империалистическими захватчиками. У каждого из вас своя большая работа. Вы, как посол, по положению своему являетесь представителем Советского правительства, и все наши граждане в Китае вам подведомственны, в том числе и товарищ Черепа-

нов. Черепанов обязан вас как посла постоянно информировать о военной обстановке, но за свою работу и работу военных советников он сам отвечает перед нами.

Империалистические державы США, Англия, Франция, — продолжал Нарком, — весьма активно проводят политику «умиротворения агрессора», а японцы, пользуясь этим, продолжают захватывать одну провинцию Китая за другой. Только одна наша страна, свято памятуя заветы Владимира Ильича об интернационализме, не жалея сил и средств, помогает китайскому народу в его справедливой борьбе. Идите же и готовьтесь к отъезду, — отпуская меня, сказал Ворошилов. — Но о поездке пока никому ни слова!

Все решилось быстро. Через день или два И. Т. Луганец-Орельский, Н. П. Иванов, назначенный военным атташе, и я выехали поездом в Алма-Ату.

По дороге мы вели оживленный разговор о положении в Китае, куда я возвращался после более чем десятилетнего перерыва.

Что же произошло в Китае за это время?

Как и следовало ожидать, революция 1925—1927 гг. оставила глубокий след в сознании людей и социально-политической жизни китайского общества. Гоминьдановской реакции не удалось подавить освободительное движение народа, ослабить влияние Коммунистической партии, вокруг которой сплачивались все более широкие слои трудящихся города и деревни. Революционные силы страны, возглавляемые коммунистами, сумели создать свои опорные базы на северо-западе страны и свою Красную армию.

Чан Кайши не останавливался ни перед чем, чтобы подавить освободительную борьбу народа. Для него это было важнее, чем антиимпериалистическая борьба, чем борьба с японской агрессией, которая приобретала все более широкие и наглые формы.

Японский империализм, давно вынашивавший планы установления своего господства в Азии, перешел к активным действиям.

Напомню читателю, что еще в начале 30-х годов Япония захватила Маньчжурию и некоторые другие провинции Северного Китая, совершила разбойническое нападение на Шанхай. В руках агрессора оказалась наиболее развитая в промышленном отношении и богатая сырьем часть Китая. Он создал здесь обширный плацдарм для агрессии против Советского Союза, Китая, Монгольской Народной Республики, опасный очаг войны на Дальнем Востоке. И сделал это,

не встретив, по сути дела, никакого сопротивления со стороны китайского правительства, во главе которого стоял Чан Кайши. Добавим, как и со стороны крупнейших капиталистических держав, тешивших себя надеждой, что теперь-то японская военщина, обосновавшись у границ Советского Союза, набросится на большевиков.

Однако милитаристы Японии решили, что подходящий момент для нападения на Советскую Россию еще не наступил: действовать против нее в одиночку, без надежных союзников, они не отваживались и в июле 1937 г. начали широкомасштабную агрессию против Китая.

Тяжелое чувство национального унижения охватило широкие слои населения Китая уже после захвата Японией Маньчжурии и других районов страны. Уже тогда в народе росло стремление оказать отпор захватчикам и объединить для этого все силы китайской нации. Уже тогда на оккупированной территории стали возникать очаги сопротивления захватчикам. Теперь же, когда агрессор прибирал к рукам все новые и новые города и провинции, уже никто не мог игнорировать волю народа к организации сопротивления, к объединению всех сил на отпор врагу.

В сентябре 1937 г., то есть примерно за год до нашего приезда в Китай, Чан Кайши официально согласился сотрудничать с КПК, признав легальное положение компартии, существование Особого пограничного района и революционных вооруженных формирований. Главные силы Красной армии, располагавшиеся на северо-западе страны, были переименованы по соглашению между гоминьданом и КПК в 8-ю Народно-революционную армию. Вскоре было достигнуто еще одно важное соглашение — о преобразовании партизанских отрядов Центрального и Южного Китая, действовавших под руководством Компартии, в Новую 4-ю Народно-революционную армию. Во главе ее был поставлен уже хорошо известный читателю видный военный деятель КПК Е Тин, который блистательно проявил себя во время Северного похода, командуя полком, а затем дивизией. Теперь и 8-я, и Новая 4-я армии вместе сражались с агрессором в составе общенациональной армии Китая. Гоминьдановское правительство под давлением общественного мнения вынуждено было наладить отношения и с СССР. В августе 1937 г. советско-китайские переговоры завершились подписанием договора о ненападении.

Образование единого антияпонского национального фронта в Китае, заключение договора между Китаем и СССР не могли остаться незамеченными в нашей стране.

Симпатии советских людей с самого начала японской агрессии были на стороне китайского народа. Сейчас они проявились с новой силой. Советский Союз, как только увидел и почувствовал, что в Китае возобладал здравый смысл и все силы нации направляются на борьбу с империалистическим нашествием, пришел на помощь китайскому народу, оказал ему могучую моральную и материальную поддержку.

Наши люди не могли не сделать этого, так как совсем недавно, сразу после победы Великого Октября, сами испытали интервенцию 14 капиталистических государств, среди которых не последнее место занимала и Япония. Наша страна протягивала руку помощи китайскому народу еще и потому, что видела в нем естественного союзника в борьбе с агрессором на Дальнем Востоке, который лишь приступал к осуществлению своих далеко идущих захватнических планов и в своем разбое вовсе не думал ограничиться одним Китаем. Надо было связать руки империалистическому хищнику, которого в ту пору с пониманием поддерживал и поощрял почти весь капиталистический мир.

О широкой помощи китайскому народу совсем недавно рассказывал нам К. Е. Ворошилов. И то, о чем он говорил, мы начинали видеть теперь собственными глазами.

...В Алма-Ате мы пересели на самолет. Предстояло пролететь многие сотни километров над пустынными районами Синьцзяна, населенными главным образом некитайским населением, родственным народам наших среднеазиатских республик. Трасса, как мы скоро заметили, проходила над оживленной магистралью, по которой двигалось огромное количество груженых автомашин. Наша страна предоставила Китаю, не располагавшему запасами валюты, льготные кредиты на 250 млн. долларов. И вот кредиты еще не были даже оформлены, а в Китай потоком пошло через пустыни Синьцзяна наше вооружение.

Героическим трудом тысяч людей, в том числе и советских дорожников, через Синьцзян в исключительно короткие сроки была проложена автотрасса протяженностью около 2700 км. Большая ее часть проходила по нашей территории. Затем трасса продолжалась по территории Китая. Специально для работы на ней было выделено 5 тыс. советских автомобилей ЗИС-5. К лету 1938 г. по этой дороге было переброшено в Китай около 6 тыс. тонн грузов, в том числе автомашины, самолеты, вооружение, бензин и т. п. В одном только 1939 г. в Китае работало до 5 тыс. советских людей, значительная часть которых была занята на автотрассе.

До сих пор, кажется, в исторической литературе нет описания подвига строителей Синьцзянской дороги, связавшей наши страны, подвига шоферов, работавших на ней, обслуживающего персонала. Впрочем, мне приходилось видеть перевод стихотворения одного из китайских поэтов, тепло и искренне воспевавшего советского друга, доставлявшего вооружение по этой трассе.

Следует отметить, что последний участок трассы проходил в относительной близости от района, контролируемого китайскими коммунистами, и это позволило оказывать значительную помощь в первую очередь им. В различных пунктах трассы было организовано обучение китайских офицеров русскими военными советниками.

Итак, по видневшемуся внизу под нашим самолетом шоссе множество грузовиков перевозило жизненно важные для Китая грузы. С октября 1937 г. по сентябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, много другого военного имущества[1].

Я думал достичь Ханя инкогнито, но из этого ничего не получилось. Уже в Ланьчжоу на приеме, устроенном в нашу честь местными властями, меня узнали бывшие слушатели школы Вампу, участники боевых походов в годы китайской революции 1925—1927 гг., и среди них генерал Ху Цаннань, который за прошедшие десять лет стал крупным военачальником, доверенным лицом Чан Кайши на северо-западе.

На Ханьском аэродроме меня встретил командующий военно-воздушными силами Китая генерал Ван, который в 1925 г., во время Первого восточного похода, был командиром 2-го стрелкового полка, а до этого — преподавателем в школе Вампу. Он объяснил, что военного министра Хэ Инциня сейчас нет в городе, но по возвращении министр немедленно нанесет мне визит. Примерно через час я был приглашен самим Чан Кайши в здание Военного совета.

В вестибюле я встретил Чжоу Эньлая, который в то время был представителем Коммунистической партии Китая в Военном совете. Он радостно приветствовал меня. Мы знакомы были по военной школе Вампу, а позже часто встречались в соединениях НРА.

---

[1] См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1974, т. 2, с. 72.

Чан Кайши принял меня весьма радушно и пригласил на заседание Военного совета, назначенное на этот день. Как некогда в школе Вампу, место для меня на совете было определено справа от Чан Кайши, слева от него было место Хэ Инциня.

Военный совет был органом чисто декоративным. Хэ Инцинь числился одновременно и военным министром, и начальником Генерального штаба, но фактически никакого отношения к вопросам руководства операциями и даже к обучению войск (кроме снабжения) не имел. На должности начальника штаба главкома состоял старенький генерал, который сидел на совете тихонько, не произнося ни слова. Заметно было, что он испытывает постоянное волнение: как бы Чан Кайши не задал ему какой-либо вопрос. Старикан абсолютно ничего не знал о том, что творится на фронте. Докладывал начальник оперативного отдела — молодой, энергичный, самовлюбленный генерал Лю. Принято было считать, что он был достаточно подготовлен в оперативных вопросах.

Позже я узнал, что находившийся под влиянием германской военной школы Лю при разработке операций любил где попало рисовать «шлиффенские» Канны, но без какого-либо реального их обеспечения. Не удивительно, что выгнутые стрелки, сходящиеся где-то в середине карты и обозначавшие окружение противника, оставались на бумаге, а китайские войска — на своих прежних местах.

Чан Кайши соглашался с предложениями Лю или вносил лишь некоторые изменения. Потом он обращался к членам совета с вопросом, каково их мнение, на что одни тихо произносили: «Согласны», а другие выражали то же самое молча, кивком головы.

Итак, совет был откровенной показухой. Члены его назначались Чан Кайши не за военные доблести, а за «особые заслуги» перед государством. Известные в стране военные деятели (такие, как знакомый уже нам Фэн Юйсян) или авторитетные представители политического мира редко приглашались на Военный совет.

Представитель при Чан Кайши от КПК и 8-й армии Чжоу Эньлай для проформы числился заместителем начальника политического управления армии, не ведя фактически никакой работы. Он присутствовал на Военном совете, кажется, только один раз — в день моего приезда.

Сторонник активного сопротивления Японии — маршал Фэн Юйсян, находившийся «под боком», не был приглашен на совет ни разу. С именем генерала Чжан Сюэляна связа-

ны хорошо известные в политической истории Китая сианьские события в декабре 1936 г. Чан Кайши прибыл тогда в столицу провинции Шэньси, где стояли войска этого генерала, для того, чтобы организовать новое (шестое, кажется, по счету!) решительное наступление на остатки вооруженных сил коммунистов. Однако генерал Чжан командовал войсками, выведенными из Маньчжурии, уже оккупированной японцами, и он все более укреплял связи с китайскими коммунистами, видя в них надежных союзников для организации сопротивления агрессивным планам Японии. Чан Кайши, как только прояснилась цель его приезда, был арестован и вскоре, находясь в заточении, вынужден был «пересмотреть» свои внутриполитические позиции, склонясь к линии единого фронта. Однако он не простил сыну бывшего китайского сатрапа в Маньчжурии Чжан Цзолиня своего унижения и подверг его многолетнему фактическому аресту, вплоть до того, что при отступлении с материка вывез Чжан Сюэляна на Тайвань...

Описанная на Военном совете обстановка в значительной степени и определила порядок моей повседневной работы в Китае.

Свои основные предложения я излагал Чан Кайши устно или письменно до совета. Что касается менее существенных, непринципиальных, то я обычно просто просил генерала Лю включать их в доклады на Военном совете, оговаривая, что с этим «согласен и главный военный советник».

По окончании заседания Военного совета, на котором я присутствовал, Чан Кайши пригласил меня поужинать. Представляя меня своей новой жене, Сун Мэйлин, он сказал: «Вот человек, с которым мне в свое время много довелось увидеть и сладкого, и горького». Принял меня хорошо. На мой вопрос о боеспособности армии ответил, что армия сейчас хуже, чем была в 1923—1927 гг. Много высказал похвал в адрес Советского Союза и советников. В частности, Чан заявил, что с приездом советских советников войска стали лучше драться, и просил подумать, нельзя ли назначить русских советников на должности начальников штабов районов и армейских групп.

Не сомневаюсь, что слова Чан Кайши о советских советниках были сказаны не из соображений этикета. Действительно, наши предшественники — советники из капиталистических стран — сохранили, как очень точно пишет мой коллега А. Я. Калягин, «подготовку гоминьдановской армии на уровне начала нашего века» и были путами на ногах армии, от которых нелегко было избавиться. Другое

дело — советский советник-интернационалист, который, приехав в Китай по зову сердца, брал на себя долю ответственности за все, что происходило на фронтах китайско-японской войны. Он обучал китайских офицеров и солдат владению советской техникой, готовил их к активным боевым действиям, ездил по фронтам и штабам, доказывал необходимость проведения тех или иных мероприятий, активно включался в работу по их осуществлению [1].

Итак, можно было считать, что внешнее расположение главкома завоевано. Это был позитивный фактор в будущей сложной работе.

Прежде чем приступать к практической деятельности, мне следовало познакомиться подробно с обстановкой на фронтах и состоянием армии, а также изучить опыт, уже приобретенный ею в боях с империалистической Японией.

В этом отношении гораздо более эффективную помощь, чем главнокомандующий и его штаб, оказали мне наши советники, прибывшие раньше меня. Китайская армия испытывала острую нужду в высококвалифицированных военных специалистах, способных организовать сопротивление японской армии, несравненно более передовой в ту пору с точки зрения боевой техники, оперативной подготовки и воинских традиций. Китайские генералы, даже прошедшие некогда школу Вампу, в силу общей отсталости страны и армии не справлялись со сравнительно простыми задачами, в то время как противник навязывал им крупномасштабные операции. Без помощи наших советников сопротивление захватчикам было бы гораздо менее эффективным. Надо сказать, что советники были подобраны хорошо: все они обладали богатым боевым, практическим и военно-теоретическим опытом. Об этом свидетельствует и обращение китайского правительства к правительству СССР, опубликованное в то время. В этом документе говорилось: «Китайское правительство доводит до сведения Советского правительства, что, после того как оно прислало советников, отмечаются большие успехи в деле вооруженного сопротивления Китая агрессии. Причем все советники, приехавшие на помощь, проявляют огромное рвение в своей работе».

И действительно, под руководством моего предшественника комдива М. И. Дратвина, который и в 1925—1927 гг. был военным советником в Национально-революционной армии, советские специалисты проделали большую работу. В центральном аппарате китайской армии в это время на-

[1] См.: Калягин А. Я. По незнакомым дорогам. М., 1979, с. 234.

ходились следующие наши советники: по оперативным вопросам — Чижов, Ильяшов; старшие советники по родам войск: Г. И. Тхор — по авиации, И. А. Шилов — по артиллерии, А. Я. Калягин—по инженерным войскам, Русских— по ПВО, С. П. Константинов и его помощник М. С. Шмелев — по разведке, П. Д. Белов — по танковым делам, Бурков — по связи, Р. И. Панин — советник юго-западного направления и А. В. Васильев—советник северо-западного направления.

Особенно трудная задача выпала на долю старшего инженера А. Я. Калягина. В наследство от немецких советников, работавших до него, он получил не оборонительные сооружения, а нечто вроде макетов, какие делают для артиллерийских полигонов. К тому же китайские офицеры, как пишет в своих воспоминаниях Александр Яковлевич, совершенно не были знакомы с общими принципами инженерного оборудования местности для боя и, самое главное, не умели выбирать передний край главной полосы обороны. Потребовался год, чтобы научить китайских генералов выбирать рубежи и правильно располагать на местности окопы полосы обороны[1].

Именно эти товарищи и помогли мне быстро разобраться в обстановке.

Нужно было срочно приступать к непосредственной работе. Для того чтобы спокойно проанализировать ход операций и, главное, объективно оценить состояние войск, просто-напросто не было времени. Наступающий агрессор вовсе не собирался предоставить главному советнику необходимые для всего этого дни и часы. На те данные, которыми снабдило меня китайское командование, не очень-то можно было положиться.

Возможности китайской армии надо было определять самому. В 20-х годах я имел дело с Национально-революционной армией в период подъема революции. Теперь я должен был помогать китайскому народу, работая непосредственно с генералитетом и офицерством гоминьдана. Конечно, это были те же милитаристы, с которыми мне уже приходилось встречаться. Трудности общения с ними я испытал на себе.

Первое, что следовало выяснить, — насколько едина эта формально объединенная армия, в какой мере можно рас-

[1] См.: Калягин А. Я. По незнакомым дорогам, с. 156—157.

считывать на добросовестное выполнение решений и приказов командования. Чтобы проверить на месте, как подготовлены в боевом отношении войска, оценить их боевые качества, я проехал по соединениям, частям и подразделениям, находящимся на фронте, побывал во всех инстанциях — от штаба командующего районом до стрелкового отделения. Посмотрел также и учения в резервных частях, военных училищах.

Вот какая примерно вырисовывалась картина.

Внутренние сражения между милитаристами не прекращались в Китае вплоть до 1937 г., то есть до начала широкого развертывания японо-китайской войны. Местные провинциальные войска пользовались почти полной автономией, например, войска мусульманских генералов в провинциях Нинся и Цинхай, провинциальные армии, находившиеся в Сычуани, Юньнани, и т. д. Да и на фронтах, в так называемых войсках центрального правительства, фактически были автономны гуандунские, гуансийские, сычуаньские, юньнаньские соединения и шаньсийские войска Янь Сишаня. Все это сказывалось во время боев: генералы берегли свои армии, не очень-то торопясь прийти соседу на помощь.

Свои собственные войска Чан Кайши вооружал и снабжал в первую очередь, они с точки зрения технического оснащения были значительно сильнее других.

Чтобы крепче держать в своих руках всю армию, Чан Кайши, где это было возможно, дробил бывшие милитаристские соединения, избегая их сосредоточения в одном месте. И все же благодаря всеобщему национальному подъему во время войны централизация армии была более ощутимой, чем в предыдущие годы.

Как же было организовано управление армией в военное время? Верховным руководителем армии считался Военный совет во главе с маршалом Чан Кайши. Военный совет имел отделения на юго-западе и на северо-западе. Отделения эти — ряд фронтов, но с меньшей, чем у фронта, властью, потому что зачастую задачи районам ставил Военный совет в лице главнокомандующего.

Следующей ступенью иерархии являлись так называемые группы армий (как правило, в состав группы в зависимости от направления входило от двух до семи армий).

На второстепенных направлениях таких групп не было, отдельные армии подчинялись командующему районом.

Следующей ступенью по нисходящей считалась армия,

состоявшая из двух-трех дивизий. Корпусов в китайских войсках не было.

Перед началом войны Национальная армия (не считая Красной армии — вооруженных сил КПК, имевших примерно 100 тыс. бойцов) состояла из 166 пехотных дивизий, 47 отдельных пехотных бригад, 8 кавалерийских дивизий, 13 отдельных кавалерийских бригад, 19 отдельных артиллерийских полков. Общая их численность составляла около 2 млн. солдат.

Из этой общей цифры войска нанкинского правительства насчитывали 71 пехотную дивизию, 10 отдельных пехотных бригад, 1 кавалерийскую дивизию, 4 отдельные кавалерийские бригады, 5 артиллерийских полков—всего около 1 млн. солдат и офицеров. «Собственные войска» Чан Кайши составляли не более 300 тыс. человек.

С точки зрения организации в армии царил полнейший разнобой; например, численный состав пехотных дивизий разных типов колебался между 7 и 11 тыс. человек. Были дивизии четырехполковые (две бригады), были трехполковые. К трехполковой системе армия постепенно и переходила.

Помимо пехотных дивизий имелись отдельные пехотные бригады. Разнобой происходил, конечно, не потому, что руководители не понимали вреда, проистекающего от этого, а объяснялся историческими пережитками. Приходилось «по одежке протягивать ножки».

Организация артиллерии была такова: бригады (РГК) трех- и двухполкового состава, отдельные полки (в полках — по два-три артдивизиона; в артдивизионе — по две-три батареи; в батарее — по два — четыре орудия). В старых войсках бывших милитаристов имелась еще так называемая «собственная артиллерия» разной организации, в большинстве состоявшая из легких орудий устаревших систем с весьма ограниченным запасом снарядов.

Противотанковая и легкая артиллерия, а также минометы были сведены в полки и розданы по дивизиям. Имелось несколько полков тяжелой артиллерии на механической тяге.

По калибрам артиллерия делилась так: 75-мм горные, 65-мм полевые, 77-мм полевые, 88-мм полевые, 105-мм горные, 105-мм полевые гаубицы, 150-мм гаубицы.

Зенитная артиллерия, состоявшая из отдельных полков (полки — из трех дивизионов и прожекторного отряда; дивизионы — из трех батарей; в батарее — по четыре орудия),

подчинялась начальнику зенитной артиллерии китайской армии.

Военно-воздушные силы подчинялись Военному совету китайской армии через авиакомитет. Вся территория Китая была разделена на пять воздушных округов.

Служба тыла была очень слабой. Как правило, полковые и дивизионные обозы китайской армии основывались на использовании носильщиков (транспортные батальоны). Выше дивизий снабжение в основном было переведено на автотранспорт.

Остается выяснить, что представляли собой те силы, которые контролировались Коммунистической партией Китая.

8-я Народно-революционная армия была сформирована из частей китайской Красной армии, вошедших в гоминьдановские войска на основании соглашения о едином фронте. Численность армии была определена в 45 тыс. человек. Однако боевые задачи, поставленные перед ней, потребовали увеличения состава, и она значительно возросла против первоначально установленной цифры за счет добровольцев как из местного населения, так и из прибывавших на северо-запад жителей других провинций.

Основные дивизии 8-й Народно-революционной армии состояли из двух бригад каждая. Количество полков в бригаде и их численность часто менялись.

Главные очаги партизанского движения, руководимого 8-й армией, в ту пору находились на стыке провинций Хэбэй, Шаньси и Чахар, на территории провинции Шаньси и в восточной части провинции Шаньдун.

4-я Народно-революционная армия под командованием генерала Е Тина была создана после падения Нанкина (декабрь 1937 г.), в итоге переговоров между Коммунистической партией Китая и гоминьданом. В ее состав вошли бойцы и командиры бывшей Красной армии, а также партизанские отряды центральных и юго-восточных провинций. В основном действия 4-й НРА развертывались к северо-западу и западу от озера Тайху.

Как же комплектовалась китайская армия?

Особенность Китая состояла в отсутствии общей или даже частичной воинской обязанности. Армия была наемной, отчасти поэтому война и застала Китай без подготовленного в военном отношении людского резерва. В первые полтора года войны хотя и имелись запасные части, но укомплектование действующих войск было налажено совершенно неудовлетворительно.

Типичный порядок пополнения был таков. Части, понесшие большие потери на фронте, преобразовывались: например, полк — в батальон, дивизия — в полк, и оставлялись на фронте. Освободившиеся офицерские и унтер-офицерские кадры отводились в глубокий тыл на комплектование новых частей.

Запасные части, организационно включенные в то или иное соединение, уходили на пополнение в полном составе, не оставляя на месте кадров для приема вновь навербованных солдат. Запасный полк каждый раз создавался заново.

Все это затягивало процесс восстановления сил, не давало возможности во время операции эвакуировать на короткий срок в тыл части на пополнение, с тем чтобы через 10—20 дней вновь вводить в бой. Кроме того, при такой системе в бой вступали части, состоявшие полностью из молодых, необстрелянных солдат. Боевые навыки им приходилось приобретать заново, непосредственно в условиях военных действий, почти без учета предыдущего опыта.

Это же давало повод некоторым командирам дивизий преувеличивать в отчетах потери своих частей, чтобы возможно скорее получить разрешение отойти на пополнение.

Порядок пополнения армии был усовершенствован с нашей помощью в 1938 г., во время операции под Ханькоу, где некоторые дивизии по одному разу, а другие и по два успели отойти в тыл, пополниться и снова принять участие в боях. Однако это далеко еще не стало системой.

В конце 1938 г. был принят Закон о всеобщей воинской повинности.

Армия снабжалась крайне скудно. Министерство снабжения отпускало командирам запасных частей деньги, получив которые они закупали все необходимое на местном рынке. Каждому солдату выдавалось, например, одно одеяло и один патронташ. Солдат получал в месяц по восемь китайских долларов, после вычетов за двухразовое питание и обмундирование на руки приходилось около двух долларов.

Боеприпасы запасным частям далеко не всегда выделялись по действительной потребности. На обучение стрелка отпускалось 20 патронов, ручного пулеметчика — 30, станкового пулеметчика — 50 патронов.

Большое внимание уделялось политической работе в армии и среди населения. Вопросами пропаганды ведали сразу три специальных ведомства: политуправление китайской армии при Военном совете, возглавлявшееся генералом Чэнь Чэном, отдел пропаганды при ЦК гоминьдана и министер-

ство пропаганды и агитации среди населения, в том числе и оккупированных районов.

В политуправлении китайской армии имелось несколько отделов: печатной пропаганды, политобучения, политработы среди партизанских отрядов, подготовки кадров и другие. Политотделы и политработники имелись во всех соединениях и частях, сверху донизу, подчиняясь соответствующему командиру, а по своей линии — вышестоящему политоргану. Цель политработы, как было официально объявлено, заключалась в разъяснении «трех народных принципов» доктора Сунь Ятсена, а также в воспитании солдат в духе ненависти к захватчикам, в духе национального патриотизма. Политработники по нескольку раз в день проводили с солдатами беседы, конкретное содержание которых было разнообразно, но круг тем почти не выходил за рамки задач борьбы с японскими агрессорами.

Вот пример. «Диалог вооруженного сопротивления из 10 вопросов и ответов», написанный в стихотворной форме маршалом Фэн Юйсяном:

«Кто убийцы наших родителей и наших братьев?
Японцы.
Кто насильники над нашими женами и сестрами?
Японцы.
Кто поджигатели наших домов, фабрик и заводов?
Японцы.
Кто отнимает у нас золото, серебро и драгоценности?
Японцы.
Кто захватил наши четыре северо-восточные провинции, а также Бэйпин, Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин, Ухань и Гуанчжоу?
Японцы.
Если так, то японцы наши враги или нет?
Враги.
Какова эта вражда?
Такова, что не можем существовать с японцами под одним небом!
Как глубока эта вражда?
Глубже моря!
Если мы не отомстим врагу, то останемся мы людьми или нет?
Нет, если не отомстим врагу, то не только не останемся людьми, но будем хуже свиней и собак.
Можешь ли ты сегодня же решиться на отмщение?
Обязательно отомщу врагу!»

Или другой диалог из ряда вопросов и ответов, предназначенный для воспитания солдат в патриотическом духе, в духе уважения к народу и укрепления с ним связи:

«Кто наши родители?
Они из народа.
Кто наши братья?
Они из народа.
Кто наши соседи?
Они из народа.
Кто наши родственники?
Они из народа.
Откуда я сам?
Я из народа.
Куда пойдем после того, как выгоним японцев с нашей земли?
Вернемся к народу.
Откуда наша пища?
Мы имеем пищу, потому что народ платит налоги.
Сыт ли народ?
Народ живет экономно и питается самым плохим, чтобы у нас были рис и мука.
Одет ли народ?
Народ ходит в заплатах, чтобы хорошо одеть армию...
Коли так, то как мы должны относиться к народу?
Народ — наш хозяин, и мы должны его любить и уважать.
Хорошо ли бесчинствовать по отношению к народу?
Кто бесчинствует по отношению к народу, тот не человек. Бесчинство по отношению к народу — это бесчинство по отношению к своим родителям, братьям и сестрам; бесчинствующих надо расстреливать.
Как мы должны обращаться с народом?
Мы должны обращаться с народом вежливо, искренне и не допускать грубости.
На что мы должны обращать внимание в обращении с народом?
Ничего у народа даром не брать, в его жилища не входить и по возможности помогать народу».

Диалоги эти были рассчитаны на солдата абсолютно неграмотного не только политически, но и в буквальном смысле слова, на типичного жителя закосневшей в невежестве полуфеодальной китайской деревни.

Помимо чтения и разъяснения диалогов политработники

пересказывали солдатам газетные материалы, информировали их о положении на фронтах. Издавались стенные газеты, была организована самодеятельность, политработники разучивали и пели с солдатами песни, обучали их грамоте, помогали читать, писать письма родным. Рядовые сотрудники политотделов все время находились среди солдат, вместе с ними переносили тяготы фронтовой жизни и походов.

Политработники не имели административных, командирских прав, на этой почве происходило много инцидентов. Командиры зачастую ревниво относились к авторитету политработников и, пользуясь своими правами, в некоторых случаях чинили им препятствия.

Политический аппарат вел также постоянную работу по изживанию кастовости — оторванности офицерского состава от солдат. С этой целью широко распространялись принципы китайских полководцев древних времен, например: «Полководец не смеет есть, пока пища солдатам не роздана»; «Полководец не смеет входить в дом, пока солдаты еще не обеспечены жильем»; «Офицеры должны относиться к солдатам, как к своим детям, заботиться о них, как о своих родителях».

Разумеется, отмечая все это, надо делать поправку на антинародный характер гоминьдановской армии в довоенные годы, на то, что офицерство происходило в основном из среды помещиков, буржуазной интеллигенции. Однако задачи национального сопротивления требовали воспитания солдат и офицеров в патриотическом духе, проводившегося, конечно, под строгим контролем гоминьдановских политиканов.

Со всем этим мне и моим товарищам пришлось столкнуться: армия с реакционно настроенным офицерством, но в лице лучших своих представителей охваченная патриотическим порывом, понимавшая общенародный характер стоявшей перед ней задачи. Гоминьдановские заправили морщились, но отдавали себе отчет в том, что без политической работы сейчас не обойтись. О ее эффективности они могли судить по деятельности левогоминьдановских и коммунистических политработников НРА 20-х годов, когда относительно малочисленная армия успешно громила сотни тысяч милитаристов.

При политотделах имелись разъездные агитбригады, клубы и передвижные театры. В основном агитбригады состояли из учащейся молодежи, в том числе девушек. На импровизированных сценах в частях ставились коротенькие пьесы агитационного содержания. Политработники читали, пе-

ли, проводили игры, даже... показывали фокусы. Все это имело целью мобилизовать солдат на борьбу с захватчиками. В работе, поездках агитбригад принимали участие многие актеры-профессионалы.

Политработники вербовались главным образом из студенчества, а также из офицерского состава. Они проходили подготовку на краткосрочных курсах, созданных и руководимых политуправлением. Имелись и специальные курсы подготовки политработников для партизанских отрядов.

Кроме того, в провинции Гуандун существовал корпус из 5 тыс. студентов (девушек и юношей), разделенный на три полка, где также готовили политработников-пропагандистов. Наряду с устной пропагандой большое место занимала печатная. В армии издавались свои газеты, журналы, брошюры, множество плакатов. Все это расклеивалось на улицах городов, в деревнях, казармах.

Каждый раз после вражеской бомбежки того или иного населенного пункта чуть ли не возле всех воронок развертывались лозунги, разбрасывались листовки.

Политработники, в общем, достигали своей цели: народ, понимая патриотические задачи армии, стал ей сочувствовать, помогать. Та ненависть, которую он испытывал к гоминьдановским карателям, конечно, не забылась, но на какое-то время отошла на задний план. Сейчас речь шла о защите родины.

Важную роль в отражении японской агрессии играло развернувшееся в тылу врага партизанское движение. Его размах, безусловно, сказался и на ходе боев за Ухань осенью 1938 г.

«Организуйте антияпонские волонтерские группы, развивайте партизанскую войну, мы никогда не будем рабами!», «Народ Северного Китая вооружается и будет сопротивляться до конца!», «Те, кто имеет силу, отдают свою силу; те, кто имеет оружие, отдают оружие!» — под такого рода лозунгами, отражавшими ненависть масс к интервентам, стали возникать партизанские отряды.

В первую очередь организовывались группы местной самообороны. Они действовали только в районе своей деревни, но одновременно оказывали помощь регулярным частям и партизанам, сообщая о местонахождении и передвижении японских войск, проверяя проезжающих через деревню, задерживая шпионов, бандитов и дезертиров.

Затем появились антияпонские народные армии, как, например, Антияпонская добровольческая армия или Штаб

партизанских отрядов. Такие отряды численностью от 7 до 18 тыс. состояли из бывших солдат регулярной армии, оказавшихся в тылу японцев, либо из крестьян, бежавших от репрессий захватчиков. Они не были привязаны, подобно отрядам местной самообороны, к одному селению и, имея в горах организованные базы, могли действовать более активно на широкой территории. Отрицательная их черта заключалась в слабой дисциплине, политической неустойчивости. Иногда они грабили население, а порой и переходили на сторону марионеточных властей.

Еще одной формой партизанского движения стали действия регулярных частей китайской армии, оставленных в тылу японцев. Они подготавливали для себя необходимые базы, опираясь на которые совершали нападения на оккупантов и умело уходили от преследования. Эти армии могли бы служить основой для развертывания широкого партизанского движения. К сожалению, боязнь развязать инициативу масс, присущая политике гоминьдана, не давала возможности развернуть в полной мере партизанское движение.

Наконец, важную роль играли действовавшие в тылу японцев части 8-й и 4-й Народно-революционных армий. В ходе жестокой схватки с захватчиками тысячи китайских коммунистов сыграли подлинно героическую роль, поднимая население на борьбу за свободу родины.

Значительная партизанская база возникла в пограничном районе Шаньси, Хэбэй, Чахар: части 8-й армии под командованием Хэ Луна создали опорный район на северо-западе провинции Шаньси, объединявший 30 уездов с населением около 2 млн. человек; другие части 8-й армии, действовавшие в Шаньси-Хэнаньском районе под непосредственным руководством Чжу Дэ, контролировали 60—76 уездов. В районе Нанкина, Шанхая и Ханчжоу столь же успешно сражались части 4-й Народно-революционной армии под командованием Е Тина.

В конце 1938—начале 1939 г. при Военном совете было организовано центральное управление под командованием Ли Цзишэня для руководства партизанским движением. Новому центру поручили совместно с политуправлением разработать мероприятия по организации партизанских действий. Управлению было предложено «руководствоваться учением Сунь Ятсена о сопротивлении агрессии и централизации государства и подготовить все население к переходу от обороны к стратегическому наступлению».

Вооружение партизанских отрядов было отнюдь не современным: ножи, пики, старые ружья всех систем. В иных отрядах имелось по одной винтовке на трех человек, в других — по одной на двоих. В своих кустарных арсеналах партизаны готовили порох, делали ручные гранаты, чинили оружие.

Обычно действия партизан сводились к неожиданным нападениям на наиболее уязвимые места в лагере противника: железные дороги, шоссейные и грунтовые пути, склады, аэродромы, небольшие гарнизоны. Численность отряда могла быть любой — от 50 до 800 человек. Более крупные операции партизаны, как правило, проводили во взаимодействии с регулярными войсками.

Продолжительность боев партизанских отрядов колебалась от 2 до 12 часов, крупные операции, увязанные с действиями войск, длились по 3—8 суток.

По китайским данным, в июле 1938 г. из 84 нападений партизан на японцев в нижнем течении Янцзы 78 были совершены на воинские эшелоны, 2 — на морские транспорты, 1 — на базу речных судов, 1 — на склад боеприпасов, 2— на войсковые колонны.

В качестве примера борьбы народных армий с большими соединениями противника приведу действия партизан в 1938 г. на севере Чахар-Хэбэйского района.

В треугольнике Баодин—Пекин—Тяньцзинь японские войска сосредоточили крупные контингенты и повели наступление на партизан. Узнав об этом, партизаны отступили в горные кряжи к северу от Пекина. Думая, что партизаны собираются занять там оборону, японцы начали быстро продвигаться в направлении горного района. Партизаны же, пользуясь знанием местности, начали обратное движение на юг, и, когда японцы подошли к горным кряжам, там партизан не оказалось: они успели вновь сосредоточиться в тех же районах, в которых были до начала операции. В треугольнике Баодин—Пекин—Тяньцзинь, по китайским данным, находилось до 70 тыс. партизан, впрочем, по крайней мере одна треть из них была вооружена чем попало.

О масштабах партизанской борьбы говорит следующий факт: из 33 дивизий японцев, действовавших в Китае, почти половина была занята борьбой с партизанами и охраной тыла.

Силу партизан признавали и сами японцы.

Японское командование наметило детальную систему мер для борьбы с партизанами. И все же они продолжали

наносить оккупантам значительный ущерб, сказавшийся, как я уже отмечал, и в ходе Уханьской операции.

Вернувшись из командировки, генерал Хэ Инцинь зашел ко мне. За десять лет, миновавших со дня последней встречи, Хэ Инцинь внешне не особенно изменился, но показался мне каким-то вялым. Чувствовалось в нем неверие в силы народа, в возможность успешно выйти из тяжелого военного положения. Очевидно, в душе его жила затаенная мысль: воевать бесполезно, надо искать пути сговора с Японией. Кстати, и опыт по этой части уже был: ведь именно им было подписано соглашение Хэ—Умэдзу, которое расширяло контроль Японии над Северным Китаем [1]. Короче говоря, если бы все зависело от него, Хэ Инцинь пошел бы на любую сделку с Японией.

Чан Кайши и Хэ Инцинь не доверяли друг другу. Каждый из них, где мог, расставлял своих людей. Но, сталкиваясь и перед войной, и в военную пору со скрытой, но сильной оппозицией со стороны командиров местных войск Гуандуна, Гуанси и ряда других провинций, а также офицеров бывших войск Фэн Юйсяна, Чжан Сюэляна и других, они вынуждены были поневоле держаться вместе.

Хэ Инцинь не любил выезжать на фронт. Лишь единственный раз попал он на передовую. Уже после Уханьской операции, проведя совещание высшего командного состава, Чан Кайши несколько нерешительно предложил Хэ Инциню проехать вдоль фронта от Янцзы до Хуанхэ. Политически это было тогда необходимо. С большой неохотой Хэ Инцинь вынужден был согласиться.

Уханьская операция началась еще до моего приезда. 21 июля японцы взяли Цзюцзян. От предложения главного советника М. И. Дратвина организовать контрнаступление китайское командование формально не отказывалось, но ничего не сделало, чтобы провести его в жизнь.

Время не ждало. Нужно было спешно продумать оборону Уханя. Все говорило о том, что японцы со дня на день начнут новое наступление.

Имея войска сравнительно небольшие по численности для такой территории, как Китай, но обладая огромным количе-

[1] Соглашение Хэ—Умэдзу — секретное соглашение, подписанное в июне 1935 г. представителем гоминьдановского правительства Хэ Инцинем и командующим японскими войсками в Северном Китае Умэдзу. Это соглашение лишало Китай значительной части суверенных прав в провинции Хэбэй.

ственным превосходством в вооружении и технике, а также крупными силами флота, японские империалисты придерживались тактики своеобразного тарана. В ходе наступления на Ухань они, сосредоточив артиллерию, танки, авиацию на главном оперативном направлении, то есть на сравнительно узком фронте, пробили оборону китайцев и глубоко врезались в глубь территории, которую они занимали.

Китайцы отвечали тем, что создавали оборонительные пробки на узком фронте вероятного наступления японцев. Выбьют одну такую пробку японцы, обороняющиеся тут же создадут другую. Чтобы задержать продвижение наступающего противника в горной местности, китайские солдаты разрушали дороги на протяжении нескольких десятков километров, а на местности малогористой — до ста километров. Этим задерживался темп продвижения японских танков, затруднялась доставка боепитания. Снабжению обороняющихся китайских войск разрушенные дороги не препятствовали, так как им из-за нехватки техники приходилось рассчитывать на единственное транспортное средство — людей-носильщиков. Надо сказать, что патроны для винтовок и пулеметов доставлялись ими своевременно.

В целом вся оборона китайцев строилась на пассивном сопротивлении: войска в пробках дрались, а остальные, как правило, дожидались своей очереди.

А нужно было не стоять, а активно действовать.

В беседе с Чан Кайши один на один я высказал свои соображения по организации обороны примерно в такой форме. Поскольку японские ударные группы, проткнув оборону на узком фронте, напоминают паучка, спускающегося на паутине с ветки дерева вниз, и по мере продвижения вглубь в конце концов повисают на «ниточке», появляется возможность их отрезать. Для этого наряду с организацией на пути продвижения противника оборонительных пробок мы должны с одной и другой стороны сосредоточить резервы, которые, как снежные обвалы с гор, свалятся на фланги и тылы ударной группировки, отрежут ее от баз снабжения и заставят сражаться в невыгодных условиях. Войск у японцев не так уж много. На огромном фронте, который они занимают, есть слабые пункты и даже совсем не занятые участки. Поэтому там, где не наступают японцы, китайские войска должны не стоять пассивно, а переходить в наступление, прорываться к ним в тыл и действовать на их флангах. Там же, где противник сравнительно плотно занял позиции, следует лишь демонстрировать подготовку к наступлению и беспрерывно тревожить его разведывательными операциями.

Оставленные при отходе в тылу японцев для партизанских действий соединения китайских войск также должны действовать решительно и прерывать железнодорожные и грунтовые пути японцев, создавая угрозу административным центрам. Всеми этими решительными мероприятиями мы распылим силы японцев и вынудим их приостановить наступление.

Чан Кайши не возражал против моих предложений и приказал Хэ Инциню собрать узкий круг лиц (начальника политуправления Чэнь Чэна, начальника оперативного управления генерала Лю Фэя, начальника разведывательного управления Сун Чэнсэна), чтобы выслушать еще раз мои соображения и внести дополнения и поправки в уже разработанный план обороны Уханя.

На этом совещании, как вскоре выяснилось, я допустил психологический просчет. Прежде чем высказать свое собственное мнение по организации обороны, я попросил генерала Лю доложить о существовавшем уже плане. Разумеется, следовало поступить наоборот. Надо было мне, как новому человеку, рассказать о желательных в данных условиях принципах организации обороны и спросить других об их точке зрения. Теперь же мне, высказывая свои соображения после доклада Лю, пришлось тактично заявить, что план хорош, но надо бы внести такие-то и такие-то дополнения (их набралось очень много). Присутствовавшие недолюбливали генерала Лю, твердо и ревниво державшего оперативные вопросы в своих руках, и распространили после совещания слух о том, что, дескать, главный советник разделал Лю под орех. И вот генерал Лю затаил на меня обиду, которую мне с большим трудом и не так скоро удалось погасить.

Мои предложения были вполне выполнимы. На главном направлении было уже сосредоточено до 80 дивизий. Нужно было, чтобы они не стояли в затылок друг другу. Не менее половины из них следовало сгруппировать к северу и югу от Янцзы, чтобы они могли воздействовать на фланги и тыл противника. Требовалось передвинуть эти силы на сравнительно небольшое расстояние: при отсутствии колесного обоза в частях и дивизиях китайской армии могла быть использована каждая тропа.

Времени для осуществления указанных мероприятий хватало, несмотря на то что 24 августа японцы на оперативной шахматной доске сделали свой следующий ход — взяли Жуйчан. Теперь уже требовалась известная быстрота, которой китайское командование никогда не отличалось. Да

и привыкнув к шаблону, к уже составленному плану, оно не смогло сразу осознать суть новой тактики. Кое-что к югу от Янцзы было сделано вовремя, но основную идею пришлось проводить в жизнь уже в ходе самой операции. Это, конечно, было нелегко.

После совещания мы с советниками Калягиным, Чижовым и Бурковым выехали на фронт в 9-й район, размещавшийся к югу от Янцзы. Возглавлял район генерал Чэнь Чэн. С Чэнь Чэном мы были старыми знакомыми: в 1924 г. он командовал батареей в школе Вампу. За прошедшие годы Чэнь Чэн вырос до начальника политуправления армии, командующего 9-м районом, губернатора провинции Хубэй и стал одним из самых близких к Чан Кайши генералов. Впрочем, внешне он мало изменился, но приобрел деловитость и уверенность. По дороге к нам присоединился советник при генерале Тань Эньбо Панин, которого я решил перевести из резервной группировки в войска Чжан Факуя, находившиеся на фронте. Панин был очень авторитетным советником. После его перевода Тань Эньбо много раз обращался с просьбой вернуть Панина обратно, и я это сделал...

На передовой солдаты, заняв оборону, не собирались укреплять ее окопами, а просто применялись к существующей местности.

— Окапываться нужно! — сказал я.

А. Я. Калягин тут же начал объяснять командирам, как именно окапываться. Но в частях почти не было шанцевого инструмента.

Не помню точно: или перед нашей поездкой, или как раз во время нее японцы захватили Жуйчан.

На мой вопрос «Что думаете теперь делать?» генерал Чэнь Чэн, не задумываясь, выпалил:

— Контратаковать!

— Чем же?

— Резервной бригадой, в которой мы сейчас находимся.

— Очень хорошо, — сказал я и тут же попросил собрать командный состав.

Был уже поздний вечер, но я подробно рассказал, как нужно активно бороться с противником. Говорил примерно то же, что и на совещании, где вносил дополнения в план обороны Уханя, но, разумеется, в ином масштабе.

Контратака, однако, не достигла цели, хотя и надолго задержала противника.

В процессе наступления японцев на Ухань рекомендованные мной активные контратакующие действия вначале проводились как-то робко, но постепенно решительность и

уверенность их возрастали, и перед заключительным этапом операции один из организованных генералом Тань Эньбо и советником Паниным контрударов (уже после падения Ухания) был довольно успешным. Наступающим с ходу на Чанша силам противника был нанесен значительный урон. Японцы были не только остановлены, но и далеко отброшены от Чанша. Фактически перед Чанша враг уже выдохся. Правда, и у китайцев растаяли резервы.

Хотя нерешительность и медлительность китайских военачальников сказывались на каждом шагу, постепенно их вера в успех предложенной тактики возрастала.

После потери Гуанчжоу и Ухания[1] в одном из поселков к югу от Чанша Чан Кайши созвал совещание высшего командного состава юго-западных войск. Незадолго до назначенного дня прошел слух, что Чан Кайши, подавленный неудачами, выехал из поселка, в котором должно было проводиться совещание, в Чанша якобы для свидания с английским послом — возможным посредником в переговорах между ним и японцами о мире. По этой ли причине уехал Чан Кайши или нет, не знаю. Во всяком случае, я быстро составил доклад об итогах обороны Ухания с ободряющими выводами и отвез ему в Чанша. Подъезжая из Чанша обратно к поселку, я увидел, как налетевшая эскадрилья японских бомбардировщиков упорно бомбит холмик неподалеку от поселка и как известный наш кинооператор Роман Лазаревич Кармен бесстрашно подбегает поближе к разрывам, чтобы лучше заснять происходящее на кинопленку.

Совещание командного состава открыл Хэ Инцинь. Он зачитал вступительное слово Чан Кайши. Сам Чан Кайши зашел на совещание позже, послушать выступления высшего командного состава. Я сразу же понял, что вступительное слово есть не что иное, как моя собственная записка к Чан Кайши об итогах Уханьской операции.

Вскоре после совещания китайцы, ободренные успехом контрудара Тань Эньбо в заключительном бою под Ухань, решительно контратаковали наступающих на Чанша японцев. Они не только остановили их продвижение, но сумели разбить врага и отбросить его далеко назад.

Как же это произошло?

Для захвата Чанша японцами были созданы две группировки: главная, наступавшая на город вдоль железной дороги силами до трех дивизий (6 пд и по бригаде от 3 и

---

[1] Гуанчжоу был захвачен японскими войсками 21 октября, Ухань — 27 октября 1938 г.

13 пд, в районе Тунчэна 33 пд), и вспомогательная — со стороны Наньчана (она включала части 106 и 101 пд).

Китайцы давно ожидали наступления и были к нему готовы. Против главной группировки противника они решили обороняться на заранее подготовленных трех оборонительных позициях, изматывая наступающих японцев. В дальнейшем расчет делался на то, что противник из-за гористой местности и разрушенных дорог оторвется от своей артиллерии, лишится поддержки с ее стороны, а в это время ударная группа китайских войск, сосредоточенная в районе Люяна, перейдет в контрнаступление.

Вспомогательная ударная группа была создана к юго-востоку от Тунчэна с задачей по обстановке атаковывать тылы главной группировки противника или задерживать его наступление со стороны Унина. Против наньчанской группировки противника в случае перехода ее в наступление на Чанша к юго-западу от Иочжоу были подготовлены резервы.

18 ноября около двух пехотных дивизий японцев перешли в наступление на Иочжоу и после упорного боя захватили город. Однако к исходу 19 ноября организовавшие контрнаступление китайские войска восстановили прежнее положение и заставили противника перейти к обороне. После перегруппировки японцы вновь ударили из района Унина на Иочжоу, где вначале имели некоторый успех, но вскоре были остановлены. В результате на этом участке в начале декабря агрессоры вынуждены были перейти к обороне, а к 8 декабря под давлением китайцев они отошли на исходные позиции.

Наступление главной японской группировки на Чанша началось высадкой десанта на берег озера Дунтинху за левым флангом китайцев. Контратакой десант в тот же день был сброшен в озеро.

24 ноября при поддержке 300 самолетов, артиллерии и танков японцы перешли в наступление вдоль железной дороги и под прикрытием судовой артиллерии снова высадили десант силою в два пехотных полка. Усилиями наступающих частей с фронта и десанта с фланга и тыла китайцы были сбиты со своих позиций. Японцы стали развивать преследование, преодолевая в среднем около 11 км в сутки.

К исходу 26 ноября противник подошел к северному берегу реки Мишуй, попытавшись форсировать ее с ходу. После упорного боя 28 ноября японцы все же форсировали реку и в течение 28 ноября — 1 декабря медленно теснили китайские части, делая по 2—3 км в сутки.

Однако с утра 2 декабря китайцы перешли двумя дивизиями с востока в решительное контрнаступление и к 8 декабря не только отбросили противника за реку Мишуй, но и овладели ее северным берегом, восстановив положение.

Так бесславно для японских империалистов закончилась операция под Чанша.

Во время самых жарких боев мы с Чан Кайши находились на Южном фронте у Чжан Факуя. В эту пору и произошла «чаншаская трагедия». Оказалось, что китайским военачальникам была хорошо известна история с пожаром в Москве в 1812 г. Им хотелось в китайских условиях ее повторить. Для этой цели, не ставя в известность советников, они выбрали Чанша, где не было иностранных концессий, и на случай захвата города подготовили в ряде мест горючее, чтобы по сигналу зажечь кварталы. Когда неподалеку от Чанша разыгралось сражение, начальник гарнизона, не дождавшись исхода боя, подал условный сигнал. К несчастью, первой была взорвана и зажжена городская телефонная станция и, когда стало уже ясно, что в сражении побеждают китайцы, приостановить пожар не было возможности. Миллионный город сгорел. Только впоследствии стало известно, что строго засекреченный план поджога Чанша был одобрен самим Чан Кайши.

Ожесточенные бои происходили не только на суше, но и в воздухе. Редко какой день обходился без бомбежек и воздушных боев. По сравнению с тем, что было десяток лет назад, авиация изменилась неузнаваемо.

Я и тогда, в 20-е годы, близко знал наших летчиков-добровольцев и даже летал с ними. Но их были тогда единицы, а что касается самолетов, то они производили впечатление убожества и несовершенства. Теперь же в небе Китая сражались сотни советских летчиков-добровольцев, управлявших самыми лучшими по тому времени истребителями и бомбардировщиками. Да, молодая советская индустрия заявляла о себе в международном масштабе, а дела наших летчиков, выращенных и обученных в советских военных училищах и академиях, воспитанных на идеях марксизма-ленинизма, вызывали восторг и восхищение друзей.

Здесь надо сказать, что к исходу 1937 г. китайские военно-воздушные силы под ударами японской авиации фактически утратили значение боевого фактора. Поэтому прибытие в Китай в конце 1937 г. советских летчиков-добровольцев положило конец безнаказанным налетам на китайскую территорию японской авиации и способствовало резкому

изменению не только воздушной, но и общей военной обстановки.

Уже осенью 1937 г. начал действовать воздушный мост Алма-Ата —Ланьчжоу—Ханькоу. По настоятельной просьбе китайского правительства Советский Союз стал поставлять первоклассную авиационную технику: истребители И-15, И-16, скоростные бомбардировщики СБ, тяжелые бомбардировщики ТБ-3, бомбардировщики дальнего действия ДБ-3. На помощь китайскому народу направлялись наши воздушные асы, преимущественно коммунисты, война для многих из которых началась раньше, в Испании. В Китай они приезжали удостоенными высоких правительственных наград за их интернациональные подвиги в небе Мадрида и Гвадалахары. Отбором и отправкой в Китай советских летчиков лично занимались руководители Военно-воздушных сил нашей страны. В самом Китае советниками по авиации были известные советские военачальники П. Н. Анисимов, Ф. П. Полынин, А. Г. Рытов, П. В. Рычагов, Г. И. Тхор, Т. Т. Хрюкин. Много сделал для организации боевых действий в небе Китая старший советник по авиации Павел Федорович Жигарев, будущий главный маршал авиации.

Сотни замечательных советских авиаторов воевали в Китае, выполняя свой интернациональный долг, среди них А. С. Благовещенский, А. А. Губенко, Г. Н. Захаров, Н. Г. Козлов, К. К. Коккинаки, Г. П. Кравченко, Г. А. Кулишенко, С. П. Супрун и многие другие. Четырнадцать советских летчиков, пришедших на помощь китайскому народу, удостоились звания Героя Советского Союза. Десятки и сотни наших асов были отмечены боевыми орденами. Продолжая славные традиции своих товарищей, летчиков-интернационалистов, пришедших на помощь китайскому народу в его революционной борьбе еще в 20-х годах, они прилагали максимум того, что в человеческих силах, для отражения японской агрессии. Глядя на них, набирались опыта и уверенности китайские летчики.

Неувядаемой славой наши соколы покрыли себя и в период Уханьской операции. Штурмовые удары по колоннам японских войск и военно-морскому флоту дорого обошлись врагу. По официальным данным, с декабря 1937 г. по декабрь 1939 г. японцы потеряли на земле и в воздухе 900 самолетов, из них 200 — в боях за Ухань. Авиацией было потоплено и повреждено около 120 японских кораблей различных классов, из них около 50 — в боях за Ухань.

Видный китайский общественный деятель Го Можо, свидетель одного из воздушных боев над Уханем, вспоминал:

«...У англичан есть специальный термин для определения жаркого воздушного боя — «дог файтинг», что означает «собачья схватка». Нет, я бы назвал этот бой «игл файтинг» — «орлиной схваткой». Одни самолеты, внезапно объятые пламенем, врезались в землю, другие взрывались в воздухе. Небо стало полотном живой картины «Плач чертей и рев богов». Тридцать напряженных минут — и снова все стихло. Очень жаркий бой! Блестящие результаты: сбит 21 вражеский самолет, наших — 5» [1].

Как главный военный советник, я хочу подтвердить слова генерал-майора авиации в отставке Я. П. Прокофьева о том, что кучка летчиков-волонтеров из капиталистических стран, прибывших в Китай в надежде разбогатеть, не оправдала своего назначения. Получая высокое вознаграждение, эти люди предпочитали вообще не подниматься в воздух и отсиживались на тыловых аэродромах. Поэтому китайское правительство, видя самоотверженность наших летчиков, полностью отказалось от услуг «бизнесменов» от авиации [2].

В Китае с благодарностью говорили и писали об интернациональном подвиге наших воздушных богатырей, более 200 из которых погибли за правое дело китайского народа.

Воздушный бой над Уханем, о котором так взволнованно писал Го Можо и в ходе которого был сбит 21 вражеский самолет и 5 наших (по другим данным — 2 наших), произошел 29 апреля 1938 г. Только через месяц японская авиация, которую спешно перебазировали подальше в тыл, решилась провести повторный массированный налет на Ухань, и снова потеряла 15 самолетов.

В том бою 31 мая особенно отличился советский летчик Антон Алексеевич Губенко, сбивший в Китае 5 японских самолетов и впоследствии награжденный китайским Золотым орденом. Я, когда приехал, еще застал в Китае этого удивительно храброго и исключительно скромного человека. О нем ходили легенды. Губенко всегда рвался в бой, но и всегда ретировался, когда его расспрашивали о подробностях воздушных схваток, особенно о случае, происшедшем с ним в воздухе 31 мая 1938 г. И все-таки одному человеку, С. С. Белолипецкому, удалось уговорить его.

«В тот день,— рассказывал Губенко,— я участвовал в ряде схваток, провел несколько атак, много стрелял... В конце боя я повстречался с одиночным И-96. Зашел ему в

---

[1] Го Можо. Песнь о бушующей волне. М., 1962, с. 145—146.
[2] См.: В небе Китая 1937—1940. М., 1980, с. 203, 214.

хвост, прицелился и нажал гашетку... пулеметы молчали, кончились патроны...

Было досадно упускать противника. Решил заставить его сесть на наш аэродром. Прибавив газу, пристроился рядом с И-96. Пилот, увидев меня так близко, испугался, лицо его побледнело, глаза забегали. Я погрозил ему кулаком и несколько раз ткнул рукой вниз, в направлении аэродрома. Мой противник понял, согласно закивал головой и спиральными витками пошел на крутое снижение. Я своим самолетом как бы нажимал на него сверху.

У самой земли И-96 вдруг рванулся в сторону с намерением уйти от преследования. Патронов у него, вероятно, тоже не было. Я, пользуясь превосходством в высоте, снова настиг врага, теперь уже решившись идти на таран.

Сначала хотел рубить противнику хвост, но передумал и подвел пропеллер под элерон левого крыла. «Чиж» содрогнулся от удара. И-96 посыпался вниз, а мою машину забило, затрясло, как в лихорадке. Я понял: деформирован винт. Уменьшил обороты мотора и на этом режиме дотянул и сел».

Крепкая боевая дружба связывала А. А. Губенко с другим отважным советским летчиком — Григорием Пантелеевичем Кравченко. Очень часто они отправлялись на боевые задания вместе, крыло к крылу, и не раз выручали друг друга. В одном из боев Кравченко сбил 2 вражеских бомбардировщика, но и сам оказался в трудном положении. Его поврежденную машину пытался добить японский истребитель И-96. Он бросился в атаку, но тут же ушел, завидев, что на помощь советскому летчику пришла подмога. Друга выручил Антон Губенко, прикрывавший его до тех пор, пока тот не посадил раненую машину.

Вскоре в критическое положение попал Губенко, и на помощь ему поспешил Кравченко.

Друзья воевали вместе и вместе получали из рук М. И. Калинина в Кремле Золотые Звезды Героя Советского Союза. Кравченко стал дважды Героем...

Я всегда восхищался мужеством, стойкостью наших летчиков-добровольцев, воспитанных ленинской партией коммунистов, радовался их успехам, горько переживал потери. С новой силой ожили в моей памяти немеркнущие подвиги советских воздушных богатырей, когда прочитал изданные у нас в стране в 1980 г. воспоминания летчиков-добровольцев, собранные в книге «В небе Китая».

Стратегический план японского империализма в войне с Китаем определялся четырьмя словами: «молниеносная война, молниеносная победа» — в неделю захватить Шанхай, в месяц — Северный Китай, в три месяца — весь Китай.

«Для покорения Китая достаточно направить туда армию в 200—300 тыс. человек, и через 2—3 месяца вопрос будет решен»,— заявляла тогда японская военщина.

Графически это им представлялось так: движением с севера на юг и от Шанхая на запад где-то в районе Ханя окружить и уничтожить главные силы китайской армии.

Стратегический план китайского командования строился с расчетом на затяжную войну, войну на изнурение, истощение физических и моральных сил противника. Предполагалось также, что международная обстановка рано или поздно сложится для Японии неблагоприятно.

Первый этап войны можно разделить на три периода: первый — июль—декабрь 1937 г., от начала войны до падения Нанкина и захвата Северного Китая; второй — декабрь 1937 г.— май 1938 г., от падения Нанкина до оставления Сюйчжоу; третий — май—октябрь 1938 г., от оставления Сюйчжоу до падения Ханя.

В первый период еще не произошло действительной мобилизации народных масс, еще не был создан прочный единый национальный фронт, единое командование армией. Ряд военных ошибок, неверие в собственные силы, предательство некоторых генералов не могли не сказаться пагубно на действиях китайской армии, и она за полгода оставила важнейшие центры страны.

Второй период характеризуется прежде всего провалом плана Японии. Не оправдалась надежда на то, что после потери Нанкина Китай капитулирует. Япония втянулась в затяжную войну, вынуждена была начать частичную мобилизацию. В этих условиях японское военное командование поставило задачу объединенными силами с трех сторон перейти в наступление на Ухань.

В успешной обороне китайской армии в этот период огромную роль сыграла помощь Советского Союза, позволившая восстановить и усилить боеспособность армии. Национальный фронт рос и укреплялся, налаживалось единое командование китайской армией, учитывались допускавшиеся прежде ошибки. Капитулянты и предатели, такие, как генералы Ли Фулинь и Хань Фуцюй, были расстреляны.

В тылу японцев развертывалось широкое партизанское движение. В этот период китайская армия нанесла оккупантам поражение под Тайэружуаном. Сюйчжоу достался

им цепой огромных потерь, после пяти месяцев осады, а попытки переправиться на южный берег реки Хуанхэ не удались.

В ходе третьего периода стратегический план агрессора сводился к следующему: захватить Ухань, Гуанчжоу, Сиань, еще раз попытаться разгромить основные силы противника, поставить Китай на колени. План снова не удался.

После падения Уханя и Гуанчжоу (октябрь 1938 г.) начался второй этап национально-освободительной войны.

На первом этапе японцы стремились разгромить китайскую армию, отрезать ее от внешнего мира. Задачу эту они не сумели выполнить: армия продолжала существовать, связь с внешним миром не была прервана. Последней попыткой целиком и полностью разбить китайскую армию была Уханьская операция. Но сила отпора агрессору возрастала. Для обороны Уханя было сосредоточено до 80 лучших китайских дивизий. Они стремились измотать, обескровить противника, приостановить его наступление. Несмотря на то что Ухань был сдан, китайская армия выполнила эту задачу.

Пользуясь превосходством в технике, в первый год войны японская армия продвинулась на 1 тыс. км. За второй год войны темп продвижения уменьшился в 3—4 раза. Если в 1937—1938 гг. продвижение японцев во время операции в среднем доходило до 18 км в сутки, то в ходе Уханьской операции темпы упали до 3—5 км в сутки, а под Чанша — еще ниже.

Какие же причины заставили японских империалистов от «молниеносной прогулки» по Китаю перейти к «войне на сто лет» за счет использования ресурсов захваченных районов?

Первая причина заключалась в том, что возросла мощь китайской армии и истощились силы захватчиков.

Противник истратил огромные людские и материальные ресурсы, линия фронта расширялась с каждым днем, коммуникации растягивались, сказывалась нехватка живой силы, возрастало сопротивление китайского народа, развивалось партизанское движение в тылу. Все это вынудило японское командование ограничить наступательные операции и перебросить значительную часть войск для борьбы с партизанским движением.

Китайцы, сохранив свои основные вооруженные силы, создали фронт на тысячи километров, разрушили в тылу врага дороги на значительную глубину, чтобы не дать японцам использовать преимущество в технике.

В начале 1939 г. японцы намеревались в центр внимания поставить борьбу в тылу против партизан. Чтобы сорвать мероприятия оккупантов, китайское командование в апреле 1939 г. в свою очередь решило перейти в наступление. И это дало свои результаты. Японцам пришлось перебросить 80 процентов войск, предназначенных для борьбы с партизанами, на фронт. Стремясь сорвать наступление китайской армии, противник почти прекратил борьбу с народными мстителями и перешел в частичное наступление на фронте.

На первом этапе войны соотношение потерь было 3:1 в пользу Японии. Позже оно уравнялось, а в партизанских районах составило даже 1:3 в пользу Китая.

Большую ставку делал агрессор на Уханьскую операцию. Однако основную задачу он не решил и здесь. И вот почему. Упоенные предыдущими, сравнительно легкими победами в Маньчжурии, во Внутренней Монголии, надеясь на внутреннюю междоусобицу в Китае, захватчики торопились к своей цели, стремились побыстрее захватить все и вся. Для этого, не ожидая полного сосредоточения сил, вводили их по частям и по различным направлениям. В итоге враг нигде не имел достаточных сил для нанесения непоправимого ущерба китайской армии. В дальнейшем, когда японцы поняли свою ошибку, они уже не смогли ее исправить.

В ходе Уханьской операции японцы рассчитывали сковать основные силы китайцев в долине Янцзы и ударом с севера вдоль железной дороги Пекин—Ханькоу и из Гуанчжоу на Ухань окружить и уничтожить главные силы Китая.

Однако японские «канны» и под Уханем не дали результата. Стрелы окружения грозно выглядели лишь на картах, на местности же они не сошлись на сотни километров. Пользуясь преимуществом в технике, противник клиньями протыкал китайскую оборону, а окружить обороняющихся не мог. Это было похоже на рыбака с дырявой сетью.

Надежда японцев на использование внутренних противоречий в Китае не оправдалась. Китайский народ сплотился для борьбы с захватчиками. В этом огромную роль сыграла Коммунистическая партия Китая, сумевшая с помощью Коминтерна выработать правильную стратегию.

Части марионеточных войск, которые удалось сформировать агрессору, при удобном случае переходили на сторону центрального правительства, и японцы боялись вооружать новые отряды.

В результате война затянулась, перспективы становились для Японии все более туманными.

У меня вызывает чувство удовлетворения то обстоятельство, что Уханьская операция разрабатывалась и частично проводилась в жизнь при нашем непосредственном участии. Оценивая ее ход и итоги, следует, конечно, иметь в виду конкретные обстоятельства, при которых происходила оборона трехградия (рядом с Уханем расположены еще два города — Учан и Ханькоу).

Многие крупнейшие чины гоминьдановской армии были по-прежнему заражены капитулянтством и, во всяком случае, не способны были организовать действительно активное сопротивление. С другой стороны, самые широкие круги китайского народа были охвачены патриотическим подъемом, что отражалось и на настроении армии, но она представляла собой организационно расплывчатый и заскорузлый механизм. Военные советники отлично понимали ограниченность своих возможностей, но и в тех конкретных условиях делали все для организации отпора врагу.

Множество простых людей Китая отчетливо представляли себе фактическое положение дел, понимали, что после тяжелых и, казалось, невосполнимых потерь начального периода войны китайская армия возродилась, налилась новыми жизненными силами благодаря помощи Советского Союза. Это проявлялось в том исключительно теплом отношении, с которым мы неизменно сталкивались в общении с китайским населением.

Иное дело — отношение к нам гоминьдановского командования. Картина здесь была другой: зачастую приходилось сталкиваться со скрытым недоверием, безосновательными опасениями, как бы советники не насадили в армии коммунистических очагов. Эта подозрительность заставляла гоминьдановцев неотлучно держать при нас китайских переводчиков. Реакция, как покажет время, еще проявит свое истинное лицо.

Если учесть все, что сказано выше, можно прийти к заключению, что весь наш коллектив военных советников имел право рассматривать положение на фронтах, итоги Уханьской операции и как свое определенное достижение.

То, что происходило в Китае, а перед тем в Эфиопии и Испании, можно назвать прелюдией второй мировой войны. Блок агрессивных государств — гитлеровская Германия, фашистская Италия, милитаристская Япония — бросил вызов миролюбивым народам, решил испытать их волю и решимость. Советский народ не остался в то предгрозовое время безучастным созерцателем произвола фашистских захватчи-

ков. Он был первым, кто пришел на помощь жертвам агрессии, кто действенно помог им в трудный час.

Военная гроза приближалась к границам нашей Родины, и это мы ощущали в далеком Китае. Собираясь в своем кругу, обсуждали вопросы международной обстановки, обострявшейся с каждым месяцем. Вскоре пришло время и мне возвращаться в Советский Союз. Уезжая, я уносил в своем сердце любовь к великому китайскому народу.

НА ЗАЩИТЕ ЛЕНИНГРАДА

С К. Е. ВОРОШИЛОВЫМ — НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. ПЛАНЫ ВРАГА РУШАТСЯ. ВО ГЛАВЕ 23-й АРМИИ. БЛОКАДА. ВЫСТОЯЛИ И ПОБЕДИЛИ. УДАР НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ.

Начало Великой Отечественной войны застало меня в Москве на должности старшего преподавателя оперативного искусства Академии Генерального штаба. Вскоре все наши слушатели и более половины преподавателей получили назначения в действующую армию.

10 июля я задержался по общественным делам в академии. В комнату неожиданно вошел исполнявший обязанности начальника академии генерал-лейтенант Василий Константинович Мордвинов.

— Вас вызывает Борис Михайлович Шапошников, — услышал я от него. — Не задерживайтесь, машина уже у подъезда.

В коридоре я снова увидел возбужденного Мордвинова, спешившего мне навстречу:

— Не в Генеральный штаб, а в Кремль к маршалу Ворошилову приказано вам явиться.

В бюро пропусков Кремля повстречался с Михаилом Григорьевичем Ефремовым, героем гражданской войны. Его тоже вызывали к К. Е. Ворошилову.

Через несколько минут оба мы предстали перед Климентом Ефремовичем. Он тепло поздоровался с нами и сказал, что сегодня назначен главнокомандующим войсками Северо-Западного направления.

— Воевать хотите? — вдруг спросил он и, улыбнувшись, добавил: — Сейчас двадцать часов. Поезд, в котором мы поедем в Ленинград, отправляется с Ленинградского вокзала в двадцать два часа. Надеюсь, двух часов на сборы хватит. Итак, в двадцать два ноль-ноль, — повторил Климент Ефремович, отпуская нас.

Ровно в 22 часа 10 июля 1941 г. Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов в сопровождении группы генералов и командиров отбыл из Москвы в Ленинград. Кроме

М. Г. Ефремова я встретил в вагоне поезда хорошо знакомых мне генералов М. В. Захарова и В. Д. Цветаева.

Много передумал я в ту короткую летнюю ночь в вагоне поезда. Мысленно готовил себя к встрече с теми местами, где проходила боевая юность, где в рядах молодой, только-только становившейся на ноги Рабоче-Крестьянской Красной Армии защищал колыбель Великой Октябрьской социалистической революции — Петроград. Да и враг был, в сущности, тот самый, что и в феврале 1918 г. под Псковом, — германский империализм, только в новом, фашистском, обличье, еще более оголтелый, самоуверенный и жестокий, замахивавшийся на мировое господство, на закабаление целых стран и народов.

Враг тот самый и в то же время другой. Созданная им военная машина уже подмяла под себя почти всю Западную Европу, а теперь подвергала огню и мечу нашу советскую землю, пробивалась, несмотря на большие потери, в сторону Ленинграда, Смоленска, Киева.

Сделав ставку на танковые войска и авиацию, немецкое командование в кампаниях нынешней войны заметно усилило ударную мощь войск, их маневренность. Излюбленный прием гитлеровских стратегов — сосредоточение сил и нанесение глубоких рассекающих ударов на важнейших операционных направлениях в целях окружения и разгрома своего противника. Такая тактика нередко приносила им успех, особенно на Западе, нарушала стабильность и устойчивость обороны.

Нечто подобное происходило сейчас и на дальних подступах к Ленинграду, где танковые и моторизованные колонны группы армий «Север» развивали свой успех, пытаясь окончательно расшатать нашу оборону, лишить ее устойчивости и организованности.

Одним словом, К. Е. Ворошилову, призванному возглавить войска Северо-Западного направления, предстояло решить не одно уравнение со многими неизвестными: надо было сбить спесь с врага, противопоставить ему свою эффективную стратегию и тактику, надежно прикрыть Ленинград.

В душе я радовался тому, что еду наконец на фронт, что работать и воевать придется под руководством видного военного и государственного деятеля и замечательного человека, каким был Ворошилов.

Климента Ефремовича я знал уже давно.

...Красная площадь Москвы. Парад по случаю 10-й годовщины Великого Октября. Колонны войск, застывшие по команде «Смирно». Нарядная площадь, празднично одетые, взволнованные люди на трибунах. Многоголосая медь оркестра. И выезжающий на площадь командующий парадом Народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов. Лошадь под ним летит легким галопом. Перед строем Военной академии имени М. В. Фрунзе Ворошилов спешился, передал лошадь коноводу. Под звуки оркестра четким строевым шагом пошел навстречу принимающему парад Михаилу Ивановичу Калинину.

Так впервые я увидел К. Е. Ворошилова, не подозревая того, что пройдет время и мне выпадет честь работать под его руководством.

Ворошилов внимательно следил за деятельностью советских военных советников в Китае. Мне было известно, что летом 1927 г., во время больших маневров под Одессой, Ворошилов узнал от начальника Разведывательного управления РККА Я. К. Берзина, что я вернулся из Китая и нахожусь на отдыхе в Ессентуках.

— Зря не взяли его с собой на маневры, — заметил Нарком, — пускай бы после долгой разлуки со своей армией окунулся в ее кипучую и разнообразную жизнь. А отдохнуть смог бы и после маневров.

В памяти хорошо сохранились личные встречи с К. Е. Ворошиловым после возвращения в начале 1929 г. из экспедиции по борьбе с басмачеством, перед советско-китайским конфликтом на КВЖД. Но наиболее частое общение с ним пришлось на 1935—1938 гг., когда в аппарате Народного комиссариата обороны мне пришлось возглавлять группу контроля. Эта группа состояла из 12 человек, но, если вопрос, требовавший проверки, нуждался в участии тех или иных специалистов, которыми мы не располагали, нам разрешалось привлекать их из числа работников центрального аппарата Наркомата обороны.

Можно привести множество примеров того, с каким вниманием относился Нарком обороны к результатам наших проверок, какую нетерпимость проявлял к недостаткам, равнодушию, а тем более к бездеятельности или халатности.

Нередко нам приходилось по заданию К. Е. Ворошилова вникать в деятельность весьма высоких военных инстанций и должностных лиц. Так было, например, при расследовании случая утери секретного документа в одном из учреждений. Помню, с какой резкостью осудил К. Е. Ворошилов выявлен-

ные пами излишества при ремонте и переоборудовании квартир для некоторых лиц начсостава.

У Климента Ефремовича Ворошилова была широкая русская натура. Он был требовательным и внимательным к людям. Серьезное выражение лица часто сменялось добродушной улыбкой. Он целиком отдавался делу, но, когда выпадала свободная минута, любил повеселиться, умел увлечь своим задором и расшевелить других.

Осенью 1936 г. после большого совещания, на котором подводились итоги боевой и политической подготовки, в Краснознаменном зале ЦДКА был устроен товарищеский ужин и концерт с участием Краснознаменного ансамбля красноармейской песни Союза ССР под руководством Александра Васильевича Александрова, джаз-оркестра под управлением Л. О. Утесова и духового оркестра. На вечере были почти все руководители партии и правительства.

Ужин проходил в теплой, оживленной атмосфере. Произносились речи, гремел оркестр. Когда встали из-за стола, К. Е. Ворошилов подозвал к себе А. В. Александрова и сказал, что маршевая музыка хороша, но хороши и широкие, берущие за сердце народные песни.

— Илья Иванович, — обратился он к комкору Гарькавому, — вы из украинцев, заводите «Реве та стогне Дніпр широкий», а я буду дирижировать.

Гарькавый уверенно начал, его поддержали артисты ансамбля, утесовцы, а потом и все, кто находился в зале. Второй куплет песни подхватил и духовой оркестр, и раздольная мелодия заполнила пространство всего зала.

Одна песня сменяла другую, дирижировал многоголосым хором уже А. В. Александров.

— А теперь плясовую! — воскликнул Климент Ефремович и пошел с Семеном Михайловичем Буденным в пляс. С топотом и присвистом в круг выходили все новые и новые лица, пока весь зал не превратился в огромную танцевальную площадку.

...В вагон поезда уже пробивались лучи непривычно раннего в эту пору солнца, а я все еще находился в плену воспоминаний.

Утром 11 июля нас встретил по-фронтовому строгий, подтянутый Ленинград — место пребывания главнокомандующего Северо-Западным направлением. На следующий день, 12 июля, Климент Ефремович вместе с членом Военного совета Андреем Александровичем Ждановым был уже

в Новгороде, на подступах к которому создалась весьма сложная обстановка: моторизованные соединения врага быстро продвигались к старинному русскому городу.

Разобравшись в обстановке, маршал Ворошилов приказал члену Военного совета Северного фронта бригадному комиссару Т. Ф. Штыкову и мне выехать в Сольцы, в пути собрать что можно из отходящих частей и соединений, задержать противника, приковать к себе, «пока мы (Климент Ефремович никогда в подобных случаях не говорил «я») с товарищем Ждановым и командованием фронта не подготовим контрудар во фланг и тыл врагу». «Помните, что позади нас Великий Новгород»,—сказал на прощание маршал.

Мы выехали. За Сольцами остановили какую-то отходящую, изрядно поредевшую моторизованную часть, повернули ее обратно, по дороге собрали другие подразделения. Вскоре завязался бой. Удалось остановить продвижение противника. Мы выехали в Сольцы, чтобы там собрать еще кое-какие силы и подкрепить ими оборону.

Организовав сбор в Сольцах, направились обратно к линии фронта. Километра за два до рубежа обороны увидели наши отходящие подразделения. Оказалось, противник, подведя подкрепления, сбил оборонявшихся с занимаемых позиций.

Мы с Терентием Фомичом Штыковым и некоторыми наиболее смелыми и энергичными командирами задержали отходящих и вновь наспех организовали оборону. Я остался командовать ею, а Т. Ф. Штыков поехал создавать вторую линию в полутора-двух километрах позади. И когда подошедший противник, пользуясь численным превосходством, сбил возглавленные мною подразделения, мы перекатились через организованную Штыковым вторую линию обороны и в свою очередь создали позади нее новые очаги сопротивления. Только на седьмом рубеже удалось задержать гитлеровцев.

В это время по приказу Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова войска 11-й армии Северо-Западного фронта нанесли контрудар по противнику. Враг в панике бежал, а мы из отступающих превратились в преследующих и окружающих, так как удар наносился с двух сторон по сходящимся направлениям.

В помощь командирам дивизий, нанесшим контрудар, К. Е. Ворошиловым были посланы генералы Цветаев и Ефремов.

Враг получил хороший урок и надолго прекратил наступление в сторону Новгорода.

Пользуясь превосходством в технике, гитлеровские войска наступали, как правило, не на широком фронте, а клиньями на главных направлениях. Помню, мы, советские военные советники, рекомендовали китайскому командованию во время Уханьской операции сдерживать наступление с фронта, а удары наносить во фланг и в тыл вытянутой колонны противника. И это давало ощутимые результаты. Такая тактика особенно оправдала себя под Чанша, где японцы не только были остановлены, но и отброшены назад.

Нечто подобное произошло и сейчас под Сольцами, где во фланг и в тыл растянутой колонне гитлеровцев был нанесен неожиданный и мощный удар. Со временем немецкий генерал Манштейн, возглавлявший здесь гитлеровские войска, публично признает, что его корпус попал под Сольцами в критическое положение.

Мне пришлось в те дни выступать перед большой группой политработников, прибывших в распоряжение А. А. Жданова, и я развивал перед ними мысль об опыте боев во время Уханьской операции и под Сольцами. Во время беседы в зал вошли К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов.

— Правильно говорите, — сказал мне маршал и приказал во всех соединениях, где предоставится возможность, собирать начальствующий состав и проводить с ними подобные беседы.

Ознакомившись с обстановкой под Новгородом и дав указания по организации контрудара по врагу в районе Сольцов, маршал Ворошилов уже 14 июля прибыл под Кингисепп, где врагу удалось форсировать реку Луга. Вместе с командующим Северным фронтом генералом М. М. Поповым он оказался в тот день в 500 м от окраины села Ивановское, занятого противником. Маршал отчитывал то одного, то другого начальника за то, что позволили гитлеровцам не только создать плацдарм, но и закрепиться на нем, за то, что контратаки ведутся вяло, без надлежащего артиллерийского обеспечения.

Генерал М. М. Попов, которому тоже досталось от главкома, направился к танкистам, сел в танк и решил лично разведать силы врага на плацдарме. Однако танк был подбит, и командующий фронтом выслушал от маршала еще одно строгое внушение, теперь уже за безрассудную удаль

Да, маршал застал под Ленинградом чрезвычайно сложную обстановку и до тех пор, пока не удалось стабилизировать положение, появлялся то на одном, то на другом участке фронта.

Вспоминается еще один, более поздний, случай, когда угроза нависла уже над Красногвардейским укрепленным районом. К. Е. Ворошилов приказал мне отправиться на место событий и принять все меры, чтобы удержать позиции, на которые срочно перебрасывались дополнительные силы и вооружение с Карельского укрепленного района. Не успел я разобраться в сильно усложнившейся обстановке и поставить задачи коменданту УР и командиру оборонявшейся здесь дивизии, которые руководили боем с наседавшим противником, как появилась знакомая мне машина маршала Ворошилова. Вышедший из нее Климент Ефремович оказался буквально на линии огня. Впереди шла перестрелка, неподалеку стоял наш подбитый танк, под защиту которого мы с трудом увлекли маршала.

Ворошилов выслушал доклады, дал указания об организации обороны на рубеже Красногвардейского укрепрайона, об использовании поступающего вооружения. В это время со стороны переднего края, где кипел бой, подошла группа раненых красноармейцев. Ворошилов приказал немедленно отправить их в тыл. А раненые, узнав в прибывшем военачальнике Маршала Советского Союза Ворошилова, пришли в радостное возбуждение. «Ворошилов с нами!» — послышались голоса. Казалось, люди забыли и про свои беды.

Когда раненых увезли, Ворошилов спросил, когда эвакуируют подбитый танк. От его внимания, конечно, не ускользнуло, что то был танк КВ («Клим Ворошилов»). Ему сказали, что вот-вот подойдет тягач.

Затем главнокомандующий Северо-Западным направлением решил осмотреть расположение переднего края укрепленного района. Мы отъехали назад и взобрались на насыпь дороги, откуда открывался хороший обзор. Пули здесь уже не свистели над головой, зато, как назло, в небе появилась девятка вражеских самолетов. Я предложил Ворошилову спуститься в окоп, но он сказал, что еще хорошо не рассмотрел расположение переднего края обороны. Самолеты были уже над нами, но, на счастье, ушли дальше, не обстреляв нас.

— Вы думаете, они дураки и станут палить по каждому встречному? — спокойно заметил Ворошилов. — Нет, они полетели туда, куда им приказано.

Как видим, Климента Ефремовича Ворошилова в труднейшие дни гитлеровского наступления на Ленинград не раз

встречали на самых жарких участках фронта. И по этому поводу ходило, да и сейчас ходит, немало легенд и различных толков — и устно, и печатно. Особенно, когда пытаются сравнить Ворошилова с заменившим его в сентябре 1941 г. на посту руководителя Ленинградской обороны Г. К. Жуковым.

Чей, спрашивают, стиль руководства был предпочтительнее? Стоило ли маршалу Ворошилову расходовать энергию на частые выезды в войска, не лучше ли было руководить с какого-то центра, куда стекалась информация об обстановке, где всегда были необходимые средства связи, — ведь под его началом находились войска всего Северо-Западного направления, а затем — всего Ленинградского фронта [1].

Что можно сказать по этому поводу?

Те, кто был в те дни рядом с К. Е. Ворошиловым, тоже считали, что его слишком тянет на горячие участки фронта, и, как могли, удерживали его от того, чтобы забираться в пекло сражений.

Это так. Но надо учитывать и другое, не менее важное, — взгляды самого Ворошилова на то, как обязан вести себя крупный военный руководитель в сложной, критической обстановке, что должен он сделать, чтобы повлиять на войска, поднять их боевой дух, восстановить веру в победу, какой пример должен он подать другим командирам и начальникам — и большим, и малым. Вспомним, ведь Ворошилов был не просто крупным военным руководителем, а «первым красным офицером», как поется в песне, человеком, много лет подряд занимавшим пост Наркома обороны, личностью легендарной еще со времен революции и гражданской войны.

Мог ли такой человек уединиться, находиться на КП и лишь оттуда влиять на ход грозных событий? Нет, поступить так он не мог. Это был бы уже не Ворошилов, а кто-то другой. А он, как и в свои молодые годы, жаждал вырваться на простор, почувствовать горячее дыхание боя, увидеть порыв войск, а еще — прислушаться к ритму современных сражений, в которых угадывалось что-то новое, еще не до конца познанное, — надо же было докопаться до причин неблагоприятно складывавшегося для нас первого периода войны!

---

[1] 5 сентября 1941 г. К. Е. Ворошилов был назначен командующим Ленинградским фронтом.

Не будем забывать и того, что Климент Ефремович ощущал на своих плечах груз не только огромной ответственности, но и груз славы. Он понимал, что его появление в рядах войск не останется незамеченным — люди воспримут это с пониманием и энтузиазмом, их боевой дух станет выше, вера в победу — тверже.

И он не ошибся в своем предположении: те, кто сражался в те дни за Ленинград, почувствовали себя рядом с ним смелее и увереннее.

А потом, мог ли Ворошилов, вступая на новый для него пост, не познакомиться лично с теми командирами и начальниками, которым надлежало воплощать в жизнь его замыслы и приказы, мог ли обойтись без того, чтобы не посмотреть на них и не проверить их в деле, при решении сложных боевых задач?

И последнее. На стиль деятельности Ворошилова конечно же влияли привязанности и представления периода гражданской войны, в ходе которой он сформировался как зрелый и крупный советский военачальник. Он и тогда, мы знаем это, не отсиживался в штабах и не кланялся пулям. Но тогда и природа боя была иной. А его и теперь, в новых условиях, влекло в войска, на поле боя, хотя, конечно, увидеть, схватить здесь можно было не всю широкомасштабную картину происходящего, а только небольшую ее часть.

Как бы там ни было, Климент Ефремович, оставаясь самим собой, целиком отдавался порученному партией делу. Выезды в войска отнимали, конечно, и время, и силы, но, покидая Смольный, он не забывал следить за тем, как развиваются события в целом. Он то и дело связывался с А. А. Ждановым — одним из организаторов и руководителей обороны Ленинграда, со своим штабом, во главе которого стоял генерал М. В. Захаров, перед войной и в начале ее прекрасно зарекомендовавший себя на посту начальника штаба Одесского военного округа. На такого помощника, который станет в будущем Маршалом Советского Союза, начальником Генерального штаба, можно было положиться.

Еще совсем недавно Гитлер со дня на день ждал известий о падении Ленинграда. Но во второй половине июля наступление фашистских войск на ленинградском направлении временно застопорилось, и тогда фюрер решил лично отправиться в штаб командующего группой армий «Север» Лееба, чтобы устроить ему головомойку. Заметим, это произошло через каких-нибудь десять дней после вступления Ворошилова в командование Северо-Западным направлением.

Как справедливо отмечается в «Истории второй мировой войны 1939—1945», «возросшее сопротивление Советской Армии во второй половине июля сорвало планы немецко-фашистского командования завершить захват Прибалтики и с ходу овладеть Ленинградом» [1].

Называясь главным инспектором Северо-Западного направления, я, если можно так выразиться, был «генералом на большой дороге». По заданиям К. Е. Ворошилова выезжал то в одно, то в другое соединение и объединение. В одном случае, чтобы уточнить обстановку, в другом — помочь организовать оборону или контрудар по врагу, в третьем — оценить состояние той или иной дивизии или армии и уровень руководства ею.

Как-то мне пришлось докладывать К. Е. Ворошилову и А. А. Жданову о состоянии 48-й армии, оборонявшей Новгород. После доклада Климент Ефремович сказал, что он советовался с Андреем Александровичем, а сейчас хочет спросить и меня, не следует ли заменить командующего 48-й армией кем-то другим, ну, скажем, тем же А. И. Черепановым.

Я ответил, что винить командующего не за что. Обстановка на фронте этой армии очень тяжелая, и командарм делает все, что в его силах.

— Хорошо. — Климент Ефремович с хитрецой взглянул на А. А. Жданова. — Вас не будем трогать. Вы нужны и здесь. И все же, не кажется ли вам, что командующего надо заменить?

— Нет в том надобности: командующий на месте, — стоял я на своем.

К. Е. Ворошилов принял решение не заменять командующего. А меня снова послали к нему с очередным заданием...

Генерал-лейтенант инженерных войск Б. В. Бычевский в книге «Город-фронт» пишет: «День 28 августа (1941 г. — *А. Ч.*) мне запомнился на всю жизнь» [2]. Я со своей стороны могу лишь полностью присоединиться к уважаемому автору.

В тот день я был вызван главнокомандующим Северо-Западным направлением Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Он сказал, что поступают неясные, но тревожные сведения о том, будто за Колпином немцы вы-

---

[1] История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975, т. 4, с. 66.
[2] Бычевский Б. В. Город-фронт. Л., 1967, с. 78.

шли на Московское шоссе. «Вряд ли это так, но все же поезжайте туда и проверьте».

Выполняя задание, я пересек небольшую речушку Ижора, за которой остался Колпинский укрепленный район, только что занятый ополченцами Ижорского рабочего артиллерийско-пулеметного батальона.

Проехав еще несколько километров, я услышал впереди в лесу ружейную перестрелку. По обеим сторонам шоссе стали попадаться группки бойцов. Остановился. Оказалось, что это маршевая рота. Подошел командир.

— Мы здесь заготовляем лес для Колпинского района, — доложил он. — Недавно мимо нас проехали минеры. Они направлялись в Тосно, но не проехали и полкилометра, как послышалась стрельба. Я послал своих людей узнать, в чем дело.

Однако в это время вернулись пустые машины, выбросившие вперед минеров. В одной из них сидел командир. Он сообщил, что на Московском шоссе — немецкие танки. Минеры завязали перестрелку и стали минировать дорогу. А командир отправлялся в штаб фронта с донесением. Я назвал себя и приказал командиру доложить от моего имени обстановку маршалу Ворошилову и передать просьбу срочно выслать сюда танки и все, что смогут, а я тем временем организую здесь оборону.

— У нас только по пятнадцати патронов на винтовку и три ручных пулемета, — доложил слушавший нас командир маршевой роты.

— Зато леса много, — возразил ему я и приказал делать завалы на шоссе.

Вскоре подъехал помощник командующего фронтом генерал-майор П. А. Зайцев, а вслед за ним и упомянутый мною начальник инженерного управления фронта подполковник Б. В. Бычевский с комиссаром этого управления Н. А. Мухой, следовавшие вслед за своими минерами в Тосно. Узнав, в чем дело, Бычевский разволновался — за тоненькой ниткой колпинского рубежа открывались широкие и никем не защищенные юго-восточные ворота в Ленинград. Что будет, если враг туда прорвется?

— Пантелеймон Александрович, — сказал я генералу Зайцеву, — поезжайте к командующему фронтом, закрывайте поскорее эти ворота да и нам что-нибудь подбросьте, чтобы мы смогли задержать немцев. Заодно проверьте, готовы ли на колпинском рубеже встретить врага.

Бой разгорался. Через завалы и мины танки врага не прошли. Видим, среди деревьев стали перебегать пехотин-

цы, с танков их поддерживали пушки и пулеметы. Учитывая скудные запасы патронов, прицельный огонь открыли лишь лучшие стрелки, а остальные солдаты укрепляли завалы, спиливая вековые сосны.

После полудня подошли четыре наших танка, а с темнотой нам подбросили четыре станковых пулемета, и мы зацепились крепко.

Пошел дождь. Я указал каждому пулеметному расчету его место в нашем боевом порядке и приказал по занятии позиции выслать ко мне связных на командный пункт, то есть в легковую машину. Вскоре явились красноармейцы с докладами. Один из них отрапортовал: «Не знаю, как вас звать... прибыл в ваше распоряжение, связной от такого-то пулемета».

После полуночи вернулся генерал П. А. Зайцев и сообщил, что войска по приказанию К. Е. Ворошилова подбрасываются и что мне приказано отбыть к главнокомандующему.

В конце августа я вернулся из очередной поездки. После доклада К. Е. Ворошилов в присутствии А. А. Жданова объявил, что 23-я армия под напором финнов отходит и что я назначаюсь командующим этой армией. Ее задача — остановить противника, не пустить его до переднего края укрепленного района на Карельском перешейке, надежно прикрыть Ленинград с севера.

Я открыл было рот, чтобы сказать «Слушаюсь!», но Ворошилов предупредил: «Одно прошу — не заверяйте, что только через ваш труп пройдут. Живите себе на здоровье, но не пропустите противника».

В начале августа 1941 г. гитлеровское командование под Ленинградом, перегруппировав силы и получив солидные подкрепления, снова перешло к решительным и, как ему казалось, завершающим действиям по захвату города.

Особенность нового наступления состояла в том, что на этот раз оно велось комбинированно, удар гитлеровских полчищ с южных направлений дополнялся ударом финских войск с севера. Еще в июле 100-тысячная карельская армия финнов, достигнув побережья Ладожского озера, развернула наступление на петрозаводском, олонецком и сортавальском направлениях. Значительно уступая противнику в силах, оборонявшаяся здесь 7-я армия вынуждена была отходить.

На Карельском перешейке после прорыва финнов с сортавальского направления к Вуоксинской водной системе пе-

ред ними открылась возможность удара по флангу и тылу выборгской группировки 23-й армии.

Следует отметить, что, пока на Карельском перешейке было относительно спокойно, наше командование время от времени перебрасывало оттуда силы на горячие участки обороны Ленинграда. Зато ослаблялась 23-я армия. Ее дивизии были вытянуты тонкой цепочкой. Каждая из них обороняла фронт протяженностью в 50—60 км. Не было резервов.

Прорвав оборону 23-й армии, противник стал развивать достигнутый успех, вынудив некоторые наши полки и дивизии драться в условиях окружения. С тяжелыми боями войска армии отходили к государственной границе с Финляндией 1939 г., с тем чтобы опереться на старый Карельский укрепленный район. Но Карельский УР передал немало своих сил и вооружения на другие участки Ленинградского фронта, поэтому обстановка была сложной.

Вступив в командование 23-й армией, я почувствовал, как велика опасность прорыва вражеских сил к Ленинграду с севера. Яснее стало и то, почему Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов в такой категорической форме потребовал от меня во что бы то ни стало удержать Карельский укрепленный район.

Надо было иметь собственное представление о состоянии оборонительных сооружений и войск, спешно занимавших новый оборонительный рубеж, и я приказал начальнику штаба армии генерал-майору С. П. Микульскому отправить на важнейшие участки фронта ответственных работников штаба. Им вменялось в обязанность не только определить степень боеготовности на том или ином рубеже, но и принять необходимые меры к устранению выявленных недостатков, оказать помощь командирам и политработникам в расстановке и наиболее целесообразном использовании имеющихся сил и средств, создании эффективной системы огня.

Делегаты штаба армии вернулись с малоутешительными вестями.

Вот строки из донесения капитана Куриста, проверявшего состояние 245-го Краснознаменного стрелкового полка 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии:

«...Траншеи отсутствуют, так как в полевом заполнении на 3 км — 100 человек. Поэтому сделаны только одиночные ячейки полного профиля.

Лемболовский и Елизаветинский УРы обеспечены станковыми пулеметами на 50%, Агалатовский — совсем не имеет пулеметов.

Между дотами слабое заполнение, не обеспечивающее в ночных условиях, а также на случай наступления противника.

Некомплект личного состава и оружия снижает боеспособность дотов. Например, дот № 675 имеет 4 амбразуры и на них всего 1 станковый пулемет и один ручной и всего 5 чел. команды, из числа которой выделяется полевой караул — 3 чел.

Итак, в почных условиях и при наступлении противника в 4-амбразурном доте будет действовать только одна амбразура.

Станковых и ручных пулеметов в полку нет, поэтому в полевом заполнении может вестись только ружейный огонь.

В штарме-23 от 245 сп имеется одна стрелковая рота с пульвзводом. Командиры полка и дивизии просят возвратить ее для полевого заполнения и установки пулеметов в дотах».

Поставив свою подпись, капитан Курист, надо полагать, мучительно думал над тем, все ли он сказал. И решив, что не все, сделал многозначительную приписку: «Возникают опасения за сегодняшнюю ночь.

5.9.41» [1].

А вот что в тот же день сообщал начальник отдела боевой подготовки штаба армии майор А. И. Семенов с левого фланга оборонительного рубежа:

«Вооружения в дотах недостает, обеспеченность составляет не более 50 процентов.

Сегодня с вечера противник вновь все свои усилия направил на овладение Белоостровом и выход на шоссе в целях, очевидно, обхода и окружения УР с юго-запада.

Считал бы целесообразным организацию контратаки с целью отбросить противника за Белоостров и Александровку с последующим созданием мощного и надежного огневого заслона» [2].

Безрадостную картину рисовали в своих донесениях и представители штаба армии подполковник Денисов, капитаны Пугач, Бастрыкин и другие.

Противник пока не предпринимал серьезных попыток пробиться через новый рубеж обороны. Силы его во время ожесточенных месячных боев были основательно подорваны, да и укрепленный район, к которому он вышел и о существовании которого конечно же знал, тоже внушал ему известные — и немалые! — опасения.

[1] ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 16, л. 7—9.
[2] Там же, л. 16, 17.

Исключение составлял лишь район Нового Белоострова, где враг форсировал реку Сестра и после нескольких дней упорных боев, которые стоили ему немалых жертв, овладел им.

Как только это произошло, мне позвонил А. А. Жданов.

— Товарищ Черепанов, — услышал я его усталый, но твердый голос, — ленинградцы болезненно переживают потерю Белоострова. Постарайтесь вернуть его.

Судьба Белоострова не давала нам покоя. С захватом его финны, как правильно заметил майор Семенов в своем донесении, создавали угрозу флангу и тылу нашего оборонительного рубежа. Этот важный пункт и узел дорог становился объектом острого противоборства. Здесь происходила проба сил, проверялась воля и решимость как одной, так и другой стороны.

Звонок А. А. Жданова лишний раз подчеркнул важность Белоострова и крайнюю необходимость отбить его.

Бои за Белоостров развернулись в наиболее тяжелое и критическое для Ленинграда время. Стояли унылые, хмурые дни середины сентября. Серьезность положения подчеркнула еще одна весть: произошла смена командования фронта. К. Е. Ворошилов отзывался в Москву, его место занял генерал армии Г. К. Жуков.

Мы на Карельском перешейке делали все для того, чтобы в Ленинграде были спокойны за северные подступы к городу. И конечно же готовились отбить у врага Белоостров. Первая попытка была предпринята 13 сентября. После 30-минутной артиллерийской подготовки батальон морских пехотинцев под командованием полковника Голубятникова и стрелковая рота 291-й стрелковой дивизии атаковали противника и вскоре прорвались в район железнодорожной станции. Но противник контратаковал раз, другой и третий и восстановил прежнее положение. Оказалось, что Белоостров оборонял не батальон финнов, как докладывал накануне командир 291-й стрелковой дивизии полковник Н. А. Трушкин, ссылаясь на свои разведданные, а целый полк.

Надо было все начинать сначала. Никакими резервами мы тогда не располагали, и собирать силы для нового удара приходилось с великим трудом — где экономить, а где и рисковать. Командиру 291-й стрелковой дивизии пришлось вывести из обороны и отрядить для участия в операции весь 181-й стрелковый полк, заменив его другими подразделениями. Привлекли к делу и отряд пограничников.

Но главная ставка была сделана на 48-й отдельный танковый батальон, который, получив часть танков из 106-го от-

дельного танкового батальона, выставил для удара по Белоострову 2 танка КВ, 5 — Т-34 и 15 — Т-26.

В ночь на 20 сентября все эти силы вышли на исходный рубеж. Акцент был сделан на быстроту действий. Обеспечить ее должна была танковая группа, которой были приданы рота пограничников, одна батарея 838-го артиллерийского полка и взвод саперов. Наступая вдоль железной и шоссейной дорог с Каменки на Белоостров, танкисты должны были стремительно вырваться вперед и совместно со 181-м стрелковым полком и 5-м отрядом пограничников разгромить противника, овладеть переправами на реке Сестра и надежно закрепиться на берегу реки.

Колонну танков возглавлял командир танковой роты старший лейтенант Левин. После короткой артиллерийской подготовки наступающие, едва-едва рассвело, двинулись вперед. Но что такое? Танки, пройдя несколько сот метров, вдруг остановились и повели огонь по противнику с места.

— Те, кто изобрел танки, возмутились бы при виде такой картины! — вырвалось у меня. — Пока мы стоим да постреливаем, враг придет в себя и не только пушки подтянет, но и дорогу заминирует.

Эта реплика была обращена прежде всего к начальнику автобронетанковых войск армии генерал-майору Б. В. Лавриновичу, который стоял на наблюдательном пункте рядом со мной.

Этот немолодой уже генерал, коммунист с 1930 г., на груди которого блестел орден Красного Знамени — свидетельство боевых заслуг в годы гражданской войны, переживал не меньше моего:

— Разрешите, товарищ командующий, выскочить вперед, дело еще можно поправить.

Возбужденный Лавринович тут же бросился к стоявшему неподалеку танку, забрался в него и помчался туда, где в нерешительности остановились его стальные кони. Обгоняя колонну танков, он, высунувшись из открытого люка, что-то кричал и сильно жестикулировал. Наконец генерал оказался в голове колонны, обернулся назад, призывно махнул рукой и только тогда закрыл за собой крышку люка.

Колонна танков, повинуясь воле старшего начальника, тронулась с места и с каждой секундой увеличивала скорость движения. Танки вели огонь с ходу. Заметно веселее пошла вперед и пехота. К 8 часам Белоостров был освобожден.

Многие воины отличились в том бою. Вслед за танками ворвалась в Белоостров стрелковая рота под командованием

младшего лейтенанта Ф. П. Андреева. Умело руководил своими людьми командир отделения красноармеец Михаил Смирнов. Бойцы захватили орудие и 4 ручных пулемета.

В другом месте самоотверженно действовал командир отделения сержант Илларион Афанасьевич Руднев. Он заменил выбывшего из строя командира взвода, а когда вторично был ранен младший политрук Моисей Иванович Денисов, возглавлявший роту, сержант Руднев принял на себя командование ротой.

Много добрых слов заслужили ротные политработники Н. М. Ефимов и К. И. Клинковский. И тот и другой всегда находились в первых рядах атакующих.

Но главная заслуга в успехе принадлежала, бесспорно, танкистам. Отлично показал себя и оплошавший поначалу старший лейтенант Левин, и комсомолец младший лейтенант Садиков, сумевший под сильным огнем врага вывести с поля боя подбитый танк, и танковое подразделение под командованием старшего политрука Егорова, уничтожившее 9 противотанковых орудий и много живой силы врага, и командир танка Лепсура, и механик-водитель Родионов, и многие другие.

Особо хочется сказать о генерале Вацлаве Брониславовиче Лавриновиче. В его воинском звании не отражена принадлежность к танковым войскам, он был просто генерал-майором, но в том бою он проявил истинно танкистский характер, наглядно показав всем своим подчиненным, на что способны танки, если умело используется не только их огневая мощь, но и подвижность, маневренность. Не прошло и 30 минут после начала наступления, как танки достигли реки, вышли к переправам через нее и не позволили врагу маневрировать резервами, подбрасывать подкрепления. Тем временем наша пехота уверенно выбивала остатки вражеского гарнизона из домов и укрытий и тоже выходила к берегу реки.

Тут бы генералу Лавриновичу отвести танки назад, предоставив пехоте ее законное право закрепиться на отбитом рубеже. Но он, упоенный боем и достигнутым успехом, продолжал совершать рейды вдоль берега реки. Танки вели огонь, выслеживали новые цели, но и сами все чаще попадали под огонь противотанковых средств врага и несли потери. Наш успех был омрачен гибелью генерала В. Б. Лавриновича, сыгравшего в освобождении Белоострова важнейшую роль.

Мы похоронили боевого друга, с которым только-только начали вместе работать и воевать, в Ленинграде. Посмертно

генерал-майор В. Б. Лавринович был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Уже позже я узнал, что генерал Лавринович был влюблен в танки. До войны, работая преподавателем в академии, он читал лекции о танках, прививал слушателям почтительное отношение к этому роду войск...

На примере Белоострова противник увидел и почувствовал, что все его попытки на нашем направлении пробиться к Ленинграду будут пресечены самым решительным образом.

Тут надо сказать, что в известной степени сдерживали врага и настроения широкой солдатской массы. В Финляндии очень немногие разделяли близорукий и крайне опасный политический курс тогдашних правящих кругов, которые с необыкновенной легкостью ввергли страну в развязанную Гитлером войну против Советского Союза.

Об умонастроениях простых финнов знали и мы. В первых числах сентября на нашу сторону перебежал финский капрал. Пленный рассказал, что солдаты высказывают недовольство войной. По этой причине десять человек в батальоне арестованы.

Другой военнопленный из 2-го батальона 57-го пехотного полка рассказал: «Когда полк подошел к старой государственной границе, солдаты нашего батальона отказались переходить ее. С группой солдат я пришел к командиру полка. Нас отправили к командиру дивизии. Там мы встретили группу солдат из легкого самокатного батальона, пришедших по этому же вопросу».

Разумеется, ни у командира полка, ни у командира дивизии солдаты не могли получить вразумительного ответа на волновавшие их вопросы. А ответ лежал на поверхности, он напрашивался сам собой. Только решительный разрыв с фашистской Германией мог обеспечить Финляндии выход из войны. Но те, кто определял тогда политику Финляндии, настолько связали себя с главарями фашистской Германии, что не могли, да и не хотели, пойти на такой шаг. Час отрезвления был впереди. Они все еще надеялись погреть руки на войне, а потому безжалостно подавляли всякий протест и в армии, и в стране.

Рассчитывать на благоразумие противника мы никак не могли и, получив передышку, не теряли зря времени. Все делалось для совершенствования обороны, бдительного несения службы, укрепления дисциплины и боеспособности.

Была разработана инструкция по организации обороны и ведению оборонительного боя полевыми войсками во взаи-

модействии с 22-м укрепленным районом. В этом документе, своеобразном своде законов для защитников северных подступов к Ленинграду, определялись ответственность командиров всех степеней за неприступность обороны, вопросы взаимодействия, порядок создания батальонных районов или ротных опорных пунктов, деблокировочных групп для борьбы с прорвавшимися танками и пехотой противника, меры по инженерному оборудованию местности и маскировке, организации наблюдения.

Каждое подразделение знало, что ему делать, как бороться с прорвавшимися танками, как окружать и уничтожать блокировочные группы противника.

«Гарнизоны дотов и дзотов не оставляют свои сооружения без разрешения. Разрешение на оставление этих сооружений дает только командующий армией» [1], — подчеркивалось в инструкции.

21 сентября мною и членами Военного совета армии бригадным комиссаром С. И. Мельниковым и полковым комиссаром П. А. Тюркиным инструкция была утверждена. Этот документ дополнялся, некоторые его положения уточнялись и развивались. Пришлось, в частности, более детально разработать тактику действий в ночных условиях, вопросы материального и санитарного обеспечения в различных боевых ситуациях.

Оборона создавалась при острой нехватке людей, оружия и боеприпасов. То, что было потеряно в ходе отступления, что пришлось уничтожить при выходе из окружений, восстановить и восполнить было не просто.

В частях и подразделениях устанавливался жесткий лимит на расходование боеприпасов. В ряде случаев вызвать огонь артиллерии можно было не иначе, как с санкции командующего артиллерией армии. Это вело, конечно, к потере времени, к затяжке с принятием решений при внезапно усложнившейся обстановке. Пока один начальник звонил другому, а другой — третьему, противнику иногда удавалось безнаказанно уходить после внезапных налетов или разведывательных вылазок против наших передовых подразделений.

На крайние меры по экономии боеприпасов шли не от хорошей жизни. Ленинград и оборонявшие его войска все в большей и большей степени испытывали тяготы и лишения блокады.

---

[1] ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 16, л. 108.

В один из последних дней сентября меня вызвал командующий фронтом генерал армии Г. К. Жуков. В кабинете у него находился и А. А. Жданов. Георгий Константинович предложил мне доложить обстановку перед фронтом 23-й армии. Потом, кивнув в сторону Андрея Александровича, как бы передал эстафету разговора в его руки.

Я подумал, что первая часть разговора не главная и что о главном, ради чего меня вызвали в Смольный, еще предстоит услышать.

Жданов, лицо которого после последней встречи с ним показалось мне еще более болезненным и осунувшимся, сказал, что, судя по всему, на Карельском перешейке стало поспокойнее и что 23-й армии следовало бы поделиться боеприпасами с теми, кто по-прежнему отбивается от врага.

Что я мог ответить? Член Военного совета фронта задел за самое больное место и буквально выбил у меня почву из-под ног. Дело в том, что, направляясь в Смольный, я намеревался высказать ряд просьб, среди которых был и вопрос о боеприпасах.

Подумав немного, я сказал:

— Решайте сами, Андрей Александрович. Вы знаете, что 23-я армия вытянута в нитку и что она прикрывает не только город с севера, но и все богатства фронта, его склады и базы...

Авторитет А. А. Жданова был исключительно высок, и, поскольку именно от него исходила просьба, мы приняли ее как суровую необходимость. Боеприпасами пришлось поделиться и установить еще более строгий контроль за расходованием снарядов, мин, патронов. Скажу откровенно, боеприпасов у нас оставалось теперь на 15 минут хорошего боя.

Если судить по лаконичным и однообразным боевым донесениям, которые четыре раза в сутки наш штаб отправлял в штаб Ленинградского фронта, то может показаться, что и жизнь войск была монотонной и однообразной. Но это не так. Части и соединения жили полнокровно, все время находились в боевом напряжении.

Ни днем ни ночью не прекращались работы по совершенствованию оборонительного рубежа, отражались неоднократные попытки врага прощупать прочность нашей обороны. Да и сами мы постоянно вели разведку, и не только путем наблюдения, но и посредством действий различных по численности разведгрупп.

В канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции к нам в армию прибыл второй секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, член Военных советов Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота генерал Алексей Александрович Кузнецов — человек неистощимой энергии и работоспособности. В свое время он немало потрудился на ниве комсомольской работы в Новгородской и Ленинградской областях и, казалось, сохранил с той поры комсомольскую подвижность и задор. Алексей Александрович посетил некоторые подразделения на передовой и поздравил с наступающим праздником бойцов и командиров, вручил им подарки, присланные трудящимися с Большой земли.

Всякое увидел наш гость при посещении подразделений. В землянке одного взвода на глаза ему попались самодельные весы, гири в которых заменяли различные камешки, винтовочные гильзы и другие предметы. На этих весах люди буквально перевешивали каждую крошку хлеба, чтобы никого не обидеть, не обделить.

А. А. Кузнецов тепло беседовал с бойцами, рассказал о Ледовой дороге, которая должна вот-вот заработать, о том, что вся страна помогает ленинградцам.

— Но необходимые запасы еще не сделаны, и увеличить паек сейчас нельзя. Придется потерпеть.

— Терпели много, потерпим еще, — говорили красноармейцы. — Страна не оставит нас без внимания.

О самодельных весах Алексей Александрович ничего не сказал, как будто было это в порядке вещей. И он был прав: понимал состояние людей, психологическую подоплеку явления.

На кухне повар предложил отведать приготовленного им из сосновой хвои кваса для питья бойцам. Потом показал мелко нарубленную кору от березы.

— Кладу в котел для навара, — пояснил он. — Жду не дождусь весны, тогда в лесу появится заячья капуста, она, как щавель, будет улучшать вкусовые качества пищи.

Алексей Александрович поблагодарил заботливого повара и наградил его часами.

Потом пошли по окопам. Они поддерживались в надлежащем порядке. Но наш гость заметил, что стрелковые взводы чрезмерно отдалены друг от друга.

— Не хватает людей, — поясняю я. — Мы с членом Военного совета Мельниковым, командующим артиллерией Пядусовым и армейским инженером Кияшко несколько раз прошли от Финского залива до Ладоги, определяя место

чуть ли не каждой огневой точки, чтобы как-то прикрыть Карельский УР. И все-таки оборона жидковата.

— Пока что рассчитывайте только на себя: пополнения с Большой земли скоро не ждите, — предупредил Кузнецов.

— Почему обязательно с Большой земли? Пополнение есть и в Ленинграде. — И я стал рассказывать о том, что начал было через районные военные комиссариаты города вербовать в армию добровольцев из числа женщин и заменять ими бойцов в тыловых учреждениях, чтобы таким путем пополнить поредевшие ряды строевых частей и подразделений. Около тысячи женщин набрали, а потом все свернули, так как одному из начальников наша затея показалась сомнительной.

На обратном пути я попросил Алексея Александровича заехать на склад, где вместо мужчин работают женщины.

— Заедем, — пообещал Кузнецов.

С передовой возвращались ночью на подводе, в которую была впряжена на удивление резвая лошадь. Это сразу обратило на себя внимание, так как положение с конским составом было тогда повсеместно тяжелое: запасы сена и фуража давно вышли. За первую декаду ноября в нашей армии пала или была прирезана 201 лошадь, во второй декаде — уже 383 лошади [1].

Сохранить боеспособность конского состава, используя лишь веточные корма и мох, трудно, как показал опыт, почти невозможно. А тут такая замечательная лошадка.

— Как это вы ее так сохранили? Чем кормите? — спросил ездового А. А. Кузнецов.

— Нарубленные на корм прутья сдабриваю оленьим мхом, — ответил тот.

Алексей Александрович успел раздать все подарки, даже свои ручные часы повару вручил. Но и тут нашелся: снял с рук перчатки и, передавая их ездовому, сказал:

— Это вам за любовь к лошади.

На склад мы приехали удачно: с подошедших автомашин женщины сгружали ящики и мешки с продовольствием. Работа спорилась. Алексей Александрович остался доволен. Он похвалил женщин и собирался отъезжать в Ленинград, но уступил моей просьбе, и мы заехали еще в одну из хлебопекарен, где всеми делами ворочали студентки Ленинградского института иностранных языков, заменившие мужчин.

---

[1] ЦАМО, ф. 377, оп. 10873, д. 13, л. 623.

Когда приехали на хлебопекарню, было уже светло. И здесь работа кипела вовсю. Девушки заменили не только красноармейцев, но и некоторых командиров, которые теперь переучивались, чтобы перейти на строевую работу.

Прошло несколько дней, и командующие армиями получили от Военного совета фронта разрешение набирать добровольцев из числа женщин и заменять ими красноармейцев тыловых учреждений. Так были заменены многие мужчины не только в тылах, но и в зенитно-артиллерийских полках, в полках связи, в тыловых точках УР. В результате строевые части заметно пополнились людьми.

Из месяца в месяц в армии развивалось снайперское движение. Поначалу в нем участвовали отдельные бойцы и командиры, потом оно стало приобретать широкий размах, вовлекая в свои ряды не только стрелков, но и пулеметчиков, артиллеристов, минометчиков.

Большим событием явился первый армейский слет снайперов и истребителей, состоявшийся 17—18 января 1942 г. В его работе участвовали 299 человек, в том числе 85 коммунистов и 40 комсомольцев. К этому времени на всю армию гремела слава о снайпере младшем сержанте С. В. Немове, командире орудия ефрейторе И. Н. Жилине, командире минометного расчета сержанте И. И. Яковлеве, пулеметчике С. А. Шостко и многих других. На счету каждого из них были десятки уничтоженных врагов.

Росла боевая активность целых подразделений. В 1-й стрелковой роте 272-го стрелкового полка 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии открыли счет мести врагу 33 бойца и командира. Старшему лейтенанту М. И. Кулибабе — командиру этой роты — я вручил на слете переходящее Красное знамя Военного совета армии. Были отмечены также 4-я батарея 495-го артиллерийского полка той же дивизии (командир батареи старший лейтенант Сбродов) и некоторые другие подразделения.

Участники слета с интересом слушали выступления лучших снайперов, делившихся своим опытом и «секретами» удачных снайперских вахт. Красноармеец Скобочкин из 946-го стрелкового полка 142-й стрелковой дивизии рассказал о том, как ему удалось за день уничтожить четырех фашистов. Озлобленный противник выпустил тогда по участку обороны роты около 300 мин, но никакого вреда не причинил. Этот снайпер, как правило, выдвигался за линию переднего края, поближе к противнику, и из засады выслеживал вражеских солдат.

— Что требуется снайперу? — спросил Скобочкин, вглядываясь в зал. И сам ответил: — Ему нужны выдержка, настойчивость и хладнокровие.

Лучшим снайперам армии были вручены снайперские винтовки, памятные подарки, некоторым товарищам досрочно присвоены очередные воинские звания. Первый слет снайперов-истребителей принял обращение ко всему личному составу армии.

Движение снайперов стало развиваться еще сильнее. С его помощью мы держали врага в напряжении, наносили ему ощутимый урон в живой силе и технике. Работа со снайперами была в те дни одним из важнейших критериев в оценке деятельности командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций.

Особенно хорошо было поставлено дело с развитием движения снайперов-истребителей в 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии. У дивизии — богатые боевые традиции, ее полки во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг. первыми прорвали линию Маннергейма. Она и сейчас во многом задавала тон, служила примером высокой боевой активности. Именно в этой дивизии родилось соревнование снайперов за беспощадное истребление захватчиков. Инициатором его стало отделение 5-й роты 255-го стрелкового полка, которым командовал кандидат в члены партии сержант Ф. И. Михайлов.

Пройдет какое-то время, и новый командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров спросит меня, какие соединения выставит 23-я армия для участия в предстоящей очень важной операции. Не задумываясь, я первой назвал 123-ю ордена Ленина стрелковую дивизию. И не ошибся. И при прорыве блокады — именно эту операцию имел в виду в том разговоре скупой на слово, не любивший преждевременно раскрывать карты командующий фронтом, — и в боях под Красным Бором, и при снятии блокады Ленинграда дивизия показала себя с самой лучшей стороны, а за особые отличия при освобождении города Луга ей было присвоено почетное наименование Лужской.

В бытность мою командующим 23-й армией дивизией командовал полковник Б. А. Паничкин, которого сменил потом полковник А. П. Иванов (оба вскоре стали генералами); партийно-политическую работу умело направляли бригадный комиссар А. М. Ушаков, член партии с 1918 года, и хороший знаток военного, особенно артиллерийского,

дела старший батальонный комиссар Б. В. Втюрин, оставивший дивизию в 1943 г. после тяжелого ранения.

Не могу не подчеркнуть, что у ветеранов 123-й и поныне живет огромная любовь к боевому прошлому. Они ведут большую военно-патриотическую работу с молодежью, посещают места былых боев, могилы павших товарищей, создали летопись боевой славы дивизии и продолжают расширять ее. Завидную активность проявляет совет ветеранов дивизии, инициатива и организаторская роль которого проявляется во многих полезных делах и начинаниях.

Много добрых слов можно сказать о всех частях и соединениях, входивших в 23-ю армию. В каждом полку, в каждой дивизии служили пламенные патриоты своей Родины, люди большого мужества и отваги, и эти свои качества они демонстрировали и в борьбе с врагом, и в преодолении неимоверных трудностей блокады.

А трудности нарастали с каждым днем. Все беднее и однообразнее становился рацион питания. Повара, готовя пищу, стали обходиться без лука, чеснока, а потом и без картофеля, капусты и других овощных продуктов. 20 ноября приказом по войскам Ленинградского фронта было объявлено о новом временном снижении норм довольствия. Это была чрезвычайно серьезная мера, вызывавшаяся исключительно тяжелым положением с продовольствием.

Перед нами стояли два противника: с одной стороны — враг, с другой — голодная и холодная блокадная зима.

Огромный город и защищавшие его войска целого фронта и Краснознаменного Балтийского флота были лишены всякой связи с Большой землей по суше. Ладожское озеро только в ноябре стало покрываться надежным ледовым панцирем, а то, что перебрасывалось по воде Ладоги, пока ее не сковало льдом, и по воздуху, лишь в малой степени обеспечивало потребности города и войск.

О Ленинградской эпопее написано и сказано немало. Наши люди знают, какие бедствия выпали на долю жителей непокорившегося города, сколько прекрасных жизней унесла вражеская блокада.

А как чувствовали себя те, кто находился в окопах, лицом к лицу с озверелым врагом? Коснулись ли и их бедствия и невзгоды блокады? Или, как это показывается в некоторых фильмах, фронтовик мог при случае раскрыть вещмешок и извлечь из него консервы с тушенкой, ароматное сало, сахар?

Как участник и свидетель тех событий, скажу, что вражеская блокада основательно ударила и по войскам. Фронтовикам тоже приходилось оберегать и отхаживать своих истощенных и обессилевших товарищей. Им тоже приходилось хоронить боевых друзей, погибших не от вражеских пуль и осколков, а от голода и холода, или, как говорили тогда на языке медицины, от крайней дистрофии.

Помню, с какой настойчивостью ставили мы вопрос о том, чтобы для личного состава армейского полка связи хотя бы на неделю-другую повысили хлебную норму с 300 до 500 г, так как значительная часть связистов из-за истощения не могла выполнять своих обязанностей, многие специалисты, без которых нельзя было обойтись, оказались либо в госпитале, либо в санитарной части полка.

По второй категории снабжались не только связисты, но и саперные батальоны стрелковых дивизий, выполнявшие под огнем врага, на морозе большой объем работ, главным образом ночью, по инженерному оборудованию местности, минированию переднего края обороны, обеспечению действий разведывательных групп. Довольно часто можно было видеть, как саперы или разведчики, возвращаясь с боевого задания, тянули волоком по снегу выбившихся из сил товарищей. Такую картину нам пришлось наблюдать уже во время приезда к нам А. А. Кузнецова.

Что только не делалось для того, чтобы смягчить удары голодной блокады, помочь людям сохранить побольше сил, выстоять в трудный час необычного испытания! Не только на передовой, но и в штабах, тыловых подразделениях и учреждениях устанавливался обязательный послеобеденный отдых для свободных от боевой вахты красноармейцев и командиров; на пищеблоках вводилось дежурство политработников, призванных следить за полнотой закладки продуктов в котел, правильным распределением пищи, за тем, чтобы она доставлялась в окопы своевременно и в горячем виде; был пересмотрен и обновлен состав лиц, работавших на пищеблоках, в продовольственных складах; резко повышалась ответственность за хищение продуктов питания; для восполнения в организме витаминов и предупреждения заболеваний цингой из веток хвойных пород леса приготовлялись напитки и экстракты; в госпиталях, медсанбатах, других лечебных учреждениях развертывалась дополнительная сеть коек для истощенных людей.

Важным средством для сохранения сил и энергии людей было поддержание и укрепление в них веры в победу и над врагом, и над блокадой. Этой задаче хорошо служила ши-

рокая и целеустремленная партийно-политическая работа, силу влияния которой на широкие красноармейские массы я хорошо узнал еще в первых боях молодой Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Встречаясь в тяжелые дни блокады с командирами, политработниками, я часто рассказывал им о большевиках-агитаторах Калинине, Тылтине, Степанове, Мельнике и других, с которыми повстречался в боях под Псковом в 1918 г. и которые обладали удивительной способностью сплачивать людей, зажигать их сердца революционной страстью, верой в идеалы свободы и социализма.

Политработники Великой Отечественной войны делали свое дело не хуже, если не лучше: в груди у них билось такое же горячее партийное сердце, но уровень общей, политической и военной подготовки был неизмеримо выше.

В трудных условиях блокады эти люди работали с удвоенной, утроенной энергией, доходили до каждого человека, старались побывать на самых отдаленных и опасных участках фронта. Правдивым партийным словом, оптимизмом, личным примером мужества они вносили в ряды защитников Ленинграда решимость преодолеть любые трудности, выстоять и победить.

Надо сказать, и тут тоже несомненная заслуга политработников, что и в то тяжелое время жизнь бойцов и командиров была насыщенной и полнокровной. К нам часто приезжали представители героического рабочего класса Ленинграда, над каждой дивизией шефствовал один из крупных ленинградских заводов. И мы не оставались в долгу — посылали свои делегации в трудовые коллективы города, вели переписку с ними.

О Ленинграде, его защитниках помнила, заботилась вся страна. Могучая моральная поддержка народа находила многочисленные проявления. Одним из них были скромные, но дорогие сердцу каждого фронтовика подарки, сотнями и тысячами поступавшие с различных уголков нашей необъятной Родины. К празднику 24-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота личному составу одной только 291-й стрелковой дивизии было вручено 2800 посылок-подарков от трудящихся страны.

Для бойцов и командиров регулярно демонстрировались кинофильмы, глубокое впечатление оставляли встречи с деятелями литературы и искусства, концерты мастеров сцены, участников художественной самодеятельности.

Время было трудное, но и памятное для всех нас, каждый чувствовал заботу и любовь Родины и стремился оправдать их.

По книгам из военной истории враг знал, какие осажденные города и крепости и по скольку держались, и на этом основании делал прикидки и строил прогнозы в отношении Ленинграда. Не учитывал он лишь одного — нравственного состояния защитников Ленинграда, их боевого патриотического духа, источником которого была преданность своей родной Советской власти, вера в идеи Коммунистической партии. А это как раз и было тем главным и решающим, что определяло неприступность Ленинграда.

В самый голодный и студеный январь 1942 г. в 23-й армии было принято в члены партии 232 человека, в кандидаты партии — 850, в члены ВЛКСМ — 600 человек [1]. Вот ответ защитников Ленинграда на истошные призывы врага капитулировать, сложить оружие, переходить на его сторону.

Случалось, бойцы приходили сменить товарища на посту в боевом охранении, а он, уже мертвый, окоченевший от холода и длительного недоедания, продолжал стоять с оружием в руках и по-прежнему наблюдал за врагом уже погасшими, но открытыми глазами.

Такое трудно вычитать в старых книгах по военной истории. В летописи защиты Ленинграда примеров подобного рода не счесть.

В наши окопы и землянки приходили не только горестные, печальные вести, хотя, конечно, они тогда преобладали. Через тяжелые тучи все чаще пробивался луч солнца и надежды. Многое воодушевляло и обнадеживало. Отбили у врага Тихвин, что означало для Ленинграда и ленинградцев очень и очень многое. На юге гитлеровцев изгнали из Ростова. На Ладоге стала действовать ледовая трасса — Дорога жизни, по которой хлынул поток грузов с продовольствием, боеприпасами. А потом пришла всколыхнувшая всех весть о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Надо было видеть, как светились глаза у людей, как поздравляли они друг друга с первой крупной победой в той войне!

19 февраля в частях 291-й стрелковой дивизии началась демонстрация фильма «Разгром немцев под Москвой». За семь киносеансов его просмотрели 1610 человек. На следующий день фильм показывался уже в 142-й стрелковой дивизии [2]. Показ фильма предварялся подробным рассказом о Московской битве. Армейская и дивизионные газеты печа-

[1] ЦАМО, ф. 377, оп. 10873, д. 64, л. 443.
[2] Там же, л. 314.

тали отклики бойцов и командиров о фильме, о выдающейся победе Красной Армии.

А несколькими днями раньше, 10 февраля 1942 г., было получено телеграфное распоряжение об увеличении норм продовольствия частям Ленинградского фронта. Значит, Дорога жизни на Ладоге работает исправно, значит, самое трудное время блокады осталось позади.

Уже в октябре — ноябре, как только полки и дивизии обжились на новом оборонительном рубеже, в боевых донесениях все чаще упоминалось о том, что войска «проводят плановые занятия по боевой подготовке». Организовать учебу в условиях обороны и нехватки сил не так просто, но и обойтись без нее нельзя, поскольку войска отяжелеют, потеряют подвижность и маневренность. А мы никому не давали зарока вечно сидеть в обороне. Надо было думать о завтрашнем дне, накапливать и силы и умение для решительных действий.

Оборону стали организовывать так, чтобы некоторые подразделения, а то и части, отводить в ближайший тыл и там заниматься с ними боевой и политической подготовкой. Достигалась двоякая цель: во-первых, повышалась обученность и боеготовность войск, во-вторых, создавались резервные силы на случай непредвиденных обстоятельств.

Учеба принимала все более сложные формы. Стали практиковать ротные и батальонные учения с боевой стрельбой. Во второй половине ноября штаб армии провел на местности с обозначенными войсками тактическое учение на тему «Управление усиленным стрелковым полком при наступлении на сильно укрепленного противника». В учении приняли участие заместители командиров полков по строевой части.

У штаба армии, штабов дивизий появилась новая забота — проверять и контролировать ход боевой подготовки в частях.

Прошло не так много времени, и мы стали выводить из обороны целые дивизии и основательно отрабатывать с ними вопросы современного наступательного боя.

В войсках появилось много прекрасных методистов, отличных организаторов учебного процесса. Одним из них был командир дивизии полковник Паничкин, о котором я уже упоминал. Этот человек досконально знал требования уставов и наставлений и терпеть не мог всяких вольностей и отступлений от них. Услышит, бывало, неуставную или

вялую, неуверенную команду — и не удержится, чтобы не подойти к обучаемым, пусть это рота или отделение, и не показать, как надо действовать по уставу. Оплошавшим иногда и попадало от горячего Паничкина.

Однажды в дивизию прибыл ответственный работник штаба армии и направился к группе командиров, с которой Паничкин проводил занятие. Прибывший позволил себе вольность: шинель на нем была распахнута, поверх нее не было ни ремня, ни портупеи. Полковник Паничкин вышел навстречу командиру, удостоверился, кто он, и сказал:

— Товарищ полковник! В таком виде я не могу допустить вас на занятие. Сначала приведите себя в надлежащий вид.

Сказано это было так внушительно и безапелляционно, а внешний вид самого Паничкина, худого и стройного, затянутого в ремни, с противогазом на боку, был настолько безупречным, что гостю не оставалось ничего другого, как вернуться к оставленной неподалеку автомашине и заняться своей экипировкой.

Через несколько минут представитель вышестоящего штаба, застегнутый на все пуговицы и крючки, перетянутый портупеей, снова приближался к месту занятий. Полковник Паничкин скомандовал «Смирно!», безукоризненным строевым шагом пошел навстречу полковнику и, не дойдя до него пяти шагов, громко доложил:

— Товарищ полковник! Группа командиров дивизии занимается тактико-строевой подготовкой.

Последовало рукопожатие, и два полковника как ни в чем не бывало вступили в деловой разговор.

Рассказывали, что в дивизии был лишь один человек, на которого строгая требовательность командира дивизии не распространялась. Им был начальник дивизионного клуба старший лейтенант Гурвич — человек уже довольно пожилой и сугубо штатский. Гурвич носил револьвер системы «Наган», но никогда не извлекал его из кобуры, и не только не стрелял из него, но и не знал, сколько в барабане патронов. Ремень на его шинели всегда отвисал, к тому же он имел привычку закладывать за него руку и еще больше оттягивать вниз. Во рту редко когда не дымилась самокрутка, удивительнейшим образом прилипавшая к нижней губе. Паничкин быстро раскусил этого чудаковатого, но добрейшего по натуре человека и пришел к заключению, что сделать из него строевика — дело совершенно безнадежное. Завидев Гурвича, Паничкин дружелюбно посмеивался и снисходительно здоровался с ним за руку...

Войска учились и воевали. Учились, чтобы лучше воевать, увереннее бить врага.

А на фронте дело не ограничивалось ружейно-пулеметной перестрелкой да действиями снайперских засад. Время от времени противник проявлял повышенную активность, как бы прощупывая и прочность обороны, и бдительность нашу.

Так было, например, 31 марта 1942 г. Рано утром враг произвел сильные артиллерийско-минометные налеты по расположению наших войск. Но этим дело не кончилось. В 7 часов 30 минут на участке 272-го стрелкового полка 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии усиленная рота противника под прикрытием артиллерийского и минометного огня и дымовой завесы, поставленной перед фронтом всего полка, атаковала боевое охранение 9-й стрелковой роты, которым командовал техник-интендант 1 ранга Петров (воинское звание Петрова не должно смущать: он лишь недавно добился перевода на передовую, а до этого работал в тылу).

Тринадцать наших бойцов и командиров вступили в неравный бой со 150 вражескими солдатами и офицерами. Сразу оборвалась проводная связь с ротой, и Петров направил на КП посыльного с донесением, а сам стал уверенно руководить людьми.

Схватка длилась 30 минут. Сначала отбивались огнем из ручного пулемета и винтовок. Потом, когда пулемет вышел из строя и враг приблизился вплотную, по команде Петрова пошли в ход гранаты. К этому времени командир был уже дважды ранен. Но отважный воин сражался до конца, до последнего дыхания.

Когда подошла подмога и жалкие остатки вражеской роты были отброшены, наши бойцы обнаружили на месте недавнего боя 9 трупов своих товарищей, среди которых опознали изуродованные врагом тела командиров Петрова и Сумрякова. В том бою геройски сражались также пулеметчик младший сержант Худяков, сержант Цветков, красноармейцы Чугунов, Головиченко и другие. Они погибли, но не отступили.

Почти одновременно был атакован левый фланг 2-й роты 255-го стрелкового полка той же дивизии. Решительной контратакой 2-го взвода, которым командовал лейтенант Шадрин, противник был отброшен.

В тот день приняла на себя удар и 7-я стрелковая рота 255-го полка. Здесь серьезное испытание выдержал поле-

вой караул во главе с сержантом Потаповым. Враг потерял около 20 человек убитыми и откатился назад.

В нескольких случаях противник пытался под покровом ночи исподтишка направлять блокировочные группы к нашим дотам. Там, где служба неслась бдительно и четко, эти попытки пресекались в самом зародыше.

Что стояло за вылазками врага, какие вынашивал он планы? Предположения могли быть разные, а нам нужна была ясная картина, и дать ее могла лишь хорошо налаженная разведка.

Знающий читатель подумает: легко сказать, да не просто сделать. Да, разведка — вещь серьезная и трудоемкая. От неудач и срывов здесь никто не застрахован. Но чтобы их было меньше, разведкой надо заниматься основательно и постоянно. Подчеркиваю — постоянно.

А у нас нередко случалось такое: проходит месяц, другой — и ни одного «языка». И тогда из штаба армии следует строгое указание всем-всем — во что бы то ни стало захватить контрольного пленного. В дивизиях все приходит в движение, срочно снаряжаются разведгруппы, устраиваются ночные вылазки, разведывательные поиски. А результат? Результат, как правило, тот же — пленных нет.

Объяснение здесь простое — разведывательные задачи нельзя решать кампанейски, наскоком. Каждый поиск, каждая разведка боем должны быть плодом тщательной и вдумчивой подготовки. Если этого нет, рассчитывать на успех бесполезно, тем более что у финнов служба на переднем крае отличалась и четкостью, и зоркостью, а что касается одиночной подготовки финских солдат, то она нисколько не уступала, если не превосходила, одиночной подготовке немцев.

Жизнь заставила нас отводить разведке столько сил и внимания, сколько она заслуживала. В разведывательные подразделения подбирались люди морально стойкие и отважные, предприимчивые и ловкие, влюбленные в свою нелегкую и опасную профессию. Оправдало себя введение во всех разведывательных взводах стрелковых полков должности политрука. Назначались на нее лучшие политработники. В разведподразделениях была усилена партийно-комсомольская прослойка.

И что же? Бдительности у противника не убавилось, подступы к переднему краю прикрывались им еще надежнее — проволокой и минами, а удачных разведывательных операций становилось у нас не меньше, а больше. Некото-

рые из них отличались и смелостью замысла, и мастерством исполнения.

В конце мая 1942 г. тщательно разработанная операция по захвату пленного была проведена в 272-м стрелковом полку 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

Решено было действовать не ночью, как обычно, а днем. В ночное время трудились лишь саперы, проделывавшие проходы в проволочных заграждениях и минных полях, а главные события разыгрались в 9—10 часов утра, когда пригрело солнышко и противника, притомившегося на ночных вахтах и окопных работах, разморило и потянуло ко сну.

Расчет оказался верным. Удачно выбрали и место для поиска — ложбинка, протянувшаяся в сторону противника, и мелкий кустарник обеспечивали необходимую скрытность.

Операция проводилась силами разведывательного взвода, которым командовал лейтенант И. И. Голиков — опытный разведчик, не раз попадавший в серьезные переплеты. Группу захвата повел не менее опытный в таких делах лейтенант С. Г. Пугач — помощник начальника штаба полка по разведке, а Голиков возглавил группу прикрытия.

Разведчики шли на рискованную вылазку не наобум, а после тщательной подготовки, многодневного наблюдения за местом предстоящих действий. И все-таки операция чуть было не сорвалась. Вот что рассказывал потом лейтенант Сергей Пугач, первым подползший к проволочному заграждению и затаившийся под взглядом вынырнувшего вдруг из траншеи финского часового.

«Смотрю на него, — вспоминал Пугач, — а финн, бросавший перед этим землю из траншеи, тоже смотрит пристально и долго в мою сторону. Ну, думаю, заметил, подлец, теперь все пропало. Лежу, не шевелюсь, замер на месте, но глаз с него не свожу. Вот он поднимает винтовку, начинает целиться, и, как мне показалось, прямо в меня. Я даже глаза закрыл, решив, чему быть, того не миновать. Проходят томительные секунды, а выстрела все нет и нет. Гляжу, солдат убирает винтовку, а потом и сам исчезает в траншее. Наружу снова полетели комья земли. Вот тут-то я и почувствовал какую-то легкость в теле и уверенность. Легким взмахом пистолета дал сигнал Магомету Дотдуеву и Косте Опарину — «Пора!». Подползли вплотную к проволоке, приподняли ее на колышке и мигом оказались у траншеи со свежевыброшенным грунтом. Прыгнули в траншею, набросились на вражеского солдата. Тот от неожиданности сначала оробел, а потом попытался обороняться

лопатой. Магомет ловко перехватил ее, и борьба завязалась на дне траншеи.

Финн выхватил из-за голенища нож и занес его над Дотдуевым, но Константин Опарин выбил финку, а подоспевший Иван Рожков помог усмирить захваченного солдата.

Пленный оказался рослым и сильным. Потребовались время, сила и предосторожность, чтобы избежать тревоги в стане врага и доставить «языка» в расположение нашей обороны».

Во время захвата пленного разведчики из группы прикрытия Павел Котлов, Иван Рожков, Николай Архипов, во главе с лейтенантом Иваном Голиковым забросали гранатами две землянки противника, в которых находилось до трех десятков спящих солдат и офицеров, и надежно прикрыли отход группы захвата.

Дневная вылазка увенчалась полным успехом и без всяких потерь с нашей стороны. Все участники поиска были отмечены орденами и медалями, а старший сержант Магомет Азарятович Дотдуев и красноармеец Константин Васильевич Опарин стали кавалерами ордена Красного Знамени.

К вопросам разведки, изучения сил и намерений противника мы приковывали внимание всех командиров и политработников. И для этого были веские основания.

Теперь уже все знают, что в конце лета 1942 г. гитлеровское командование планировало провести новую крупную операцию по захвату Ленинграда и что для участия в ней привлекалась 11-я армия фельдмаршала Манштейна, специально переброшенная из Крыма. Теперь, повторяю, все это известно в деталях. А тогда, во время войны, сведения о намерениях противника приходилось собирать буквально по крупицам.

И только потому, что такая работа велась, что разведкой занимались и в верхах, и в низах, планы врага были не только разгаданы, но и сорваны в результате проведенной Синявинской операции войск Ленинградского и Волховского фронтов. Для участия в ней пришлось и нашей армии отрядить часть своей артиллерии, и не только артиллерии.

Конечно, нас очень интересовало тогда, а как поведут себя в этой обстановке финны? Ведь немцы, надо полагать, жмут и на них, стремясь заручиться солидной поддержкой с севера. Вот почему всеми видами разведки, стараясь видеть как можно дальше, мы внимательно следили за тем, что происходит перед 23-й армией.

Потеряв в навязанных нами боях в ходе Синявинской

наступательной операции советских войск значительную часть живой силы и техники, предназначавшихся для удара по Ленинграду, враг так и не сумел осуществить своих замыслов. Зато наши войска накапливали силы, чтобы прорвать наконец блокаду города, дать Ленинграду вздохнуть свободнее.

И это историческое событие свершилось. Совместными усилиями войск Ленинградского и Волховского фронтов блокада города в январе 1943 г. была прорвана. Наша 23-я армия не упоминалась в военных сводках, относящихся к той славной победе. Но и ее вклад в ней есть. Мы выставили для участия в этом святом деле целые части и даже соединения, и в их числе 123-ю ордена Ленина стрелковую дивизию, 136-ю стрелковую дивизию, танковую бригаду. В состав штаба, политотдела и других органов управления вновь созданной 67-й армии, осуществлявшей прорыв со стороны Ленинградского фронта, мы направили многих лучших своих генералов и офицеров, в том числе командующего артиллерией генерала И. М. Пядусова.

Бои по прорыву блокады Ленинграда начались 12 января 1943 г., а ровно через год, 14 января 1944 г., войска Ленинградского и Волховского фронтов начали новую, еще более крупную операцию по разгрому гитлеровцев под Ленинградом и Новгородом и полному снятию блокады.

Мощными ударами наших войск оборона врага была взломана, противник стал отступать по всей линии фронта и к 27 января был отброшен на 65—100 км.

Ленинград перестал быть фронтовым городом. 900-дневная блокада была окончательно снята. Вечером 27 января небо над Ленинградом озарилось ярким светом, в вышине перекрещивались лучи прожекторов, вспыхивали разноцветные огни. Нет, то была не очередная бомбежка города, что мы не раз наблюдали раньше со стороны Карельского перешейка. На этот раз сияние над Ленинградом было совсем иного происхождения. На берегах Невы очистительной грозой прогремели 24 залпа артиллерийского салюта из 324 орудий в честь исторической победы по снятию блокады.

Те, кто в сентябре 1941 г. планировал в ставке Гитлера блокировать Ленинград и разрушить его, а весной проникнуть в мертвый город, сровнять его с землей и передать район севернее Невы Финляндии, теперь спасали остатки своих войск, отступавших из-под Ленинграда. Новый командующий группой армий «Север» генерал-полковник Модель, назначенный вместо смещенного за поражение под Ленинградом фельдмаршала Кюхлера, опасаясь полной катастро-

фы, отводил армии на заранее подготовленный псковско-островский рубеж обороны.

Все армии Ленинградского фронта вот уже много времени находились в движении, громили и гнали врага. Все, за исключением нашей 23-й армии, которая по-прежнему занимала оборону на северных подступах к Ленинграду. Теперь это было единственное место, где враг продолжал стоять совсем близко от города, в каких-нибудь 30 км от него.

Однако и мы почувствовали скорую перемену. Прежде не очень баловали нас своими визитами представители фронтового командования, а тут вдруг зачастили. Одним из первых пожаловал мой старый знакомый — начальник инженерных войск фронта генерал-майор Б. В. Бычевский. Чем только не интересовался он — и емкостью оборонительного района в тылу нашей армии, и глубиной и прочностью обороны противника, и даже характеристикой отдельных долговременных сооружений финнов, в частности одного из дотов, который остался в их руках со времени боев за Ново-Белоостров. Побывал у нас фронтовой интендант полковник Б. Н. Соколов, в начале войны командовавший одним из полков 291-й стрелковой дивизии, а потом возглавлявший тыл 23-й армии, чтобы многое уточнить и выяснить. Стали у нас дневать и ночевать люди главного разведчика фронта генерал-майора П. П. Евстигнеева, специалисты по аэрофотосъемкам и многие другие.

Молчал лишь генерал армии Л. А. Говоров, но это был тот случай, когда молчание сдержанного командующего было красноречивее всяких слов. Приближались, одним словом, важные события.

Разгром немцев под Ленинградом обострил и без того сложную внутриполитическую обстановку в Финляндии. Не только трудящиеся, но и многие видные политические деятели страны все решительнее высказывались за выход из войны, за разрыв с фашистской Германией. Антивоенные настроения нарастали и в армии.

Под давлением общественности правящие круги Финляндии попытались в феврале 1944 г. выяснить у Советского Союза условия, на которых Финляндия могла бы выйти из войны. Но это, как оказалось, был просто маневр. Тогдашние реакционные правители Финляндии всерьез и не помышляли о мире, они хотели сохранить за собой оккупированные территории Советского Союза и даже верность союзу с Германией.

Финны отвергли наши условия, переговоры были прерваны, и в советской печати появились статьи и другие материалы, показывавшие, что война ничему не научила финских реакционеров, готовых бросить свою страну и народ в новые кровавые авантюры.

Помню, с какой заинтересованностью в наших частях обсуждались советско-финляндские отношения, сколько эрудиции и зрелости было в суждениях бойцов и командиров. В одном из подразделений меня буквально засыпали вопросами: «Не есть ли это коварный ход со стороны Финляндии?», «Выйдя из войны, повернет ли Финляндия оружие против Германии?», «Не воспользуется ли Германия создавшимся положением для полной оккупации Финляндии?».

Красноармеец Кусков слушал-слушал да и заключил по-солдатски просто и верно: «Надо бить их еще больше. Тогда скорее выйдут из войны».

Да, как пространно ни отвечай на волновавшие людей вопросы, какие аргументы ни приводи, соль проблемы выражена солдатом предельно сжато и метко.

И это перекликалось с тем, как поступила, учитывая нежелание финской стороны пойти на перемирие, Ставка советского Верховного Главнокомандования. Для разгрома финской армии, восстановления на данном участке фронта Государственной границы Советского Союза и вывода Финляндии из войны на стороне Германии было решено провести Выборгско-Петрозаводскую операцию с участием Ленинградского и Карельского фронтов. 1 мая командующие фронтами получили директиву о подготовке наступления.

Впервые за время войны появилась на Карельском перешейке еще одна общевойсковая армия — 21-я, переданная Ленинградскому фронту из резерва Ставки Верховного Главнокомандования. Она была усилена за счет резервов фронта и состояла из трех корпусов — 30-го гвардейского, 97-го и 109-го. В ходе наступления для наращивания удара армия была усилена еще двумя стрелковыми корпусами — 108-м и 110-м. Что и говорить, сила внушительная!

Усилен был и командно-политический состав армии. Во главе ее встал генерал Дмитрий Николаевич Гусев, являвшийся до этого начальником штаба Ленинградского фронта. По замыслу командования 21-я армия должна была действовать на главном, выборгском, направлении. Ей нарезалась узкая полоса прорыва, зато она располагала 60—80 процентами всех сил и средств, сосредоточенных для удара по врагу.

Генерал Бычевский не зря интересовался емкостью тылового района обороны нашей армии — теперь в нем накапливались полки и дивизии 21-й армии.

Подготовка к наступлению велась (и это в условиях белых ночей!) полным ходом, шла переброска войск, техники, материальных средств, но внешне все выглядело как обычно — буднично и спокойно. Сказывались высокая обученность и дисциплинированность войск.

Наша 23-я армия состояла из двух корпусов — 115-го и 98-го. Нам не ставилась задача участвовать в прорыве обороны. Для экономии сил армия вступала в бой не сразу, а после прорыва обороны. Используя успех 21-й армии, она должна была сматывать оборону противника в сторону Ладожского озера, выйти к Вуоксинской водной системе и в дальнейшем наступать в направлении Кексгольма.

Войска правого крыла Ленинградского фронта, собранные для удара, располагали достаточным превосходством над противником: в людях — в 2 раза, орудиях и минометах — в 6, танках и САУ — в 6, в самолетах — в 3 раза. Превосходство на направлениях главных ударов было еще более внушительным.

Такой заметный перевес в силах создавался не случайно. Нам было известно, что и противник, находясь длительное время в обороне, не сидел сложа руки. Он создал трехполосную систему обороны, глубина которой местами доходила до 100 км. Первая полоса обороны простиралась по линии фронта, установившейся в сентябре 1941 г.; вторая, главная, проходила в 20—30 км от первой, третья — в 30—40 км южнее и юго-западнее Выборга и далее по Вуоксинской водной системе. Это была частично восстановленная линия Маннергейма, дополненная новыми опорными пунктами. Выборг имел еще и собственный внешний обвод укреплений. Козырем в руках противника были и весьма благоприятные для обороны условия местности. Нельзя было сбрасывать со счетов и обученность финских войск, их стойкость в обороне.

Во всяком случае, противник оценивал свои шансы довольно высоко. Во-первых, потому, что его нынешняя оборона была заметно сильнее той, которую он имел здесь зимой 1939/40 г., а во-вторых, он надеялся превзойти самого себя по сравнению с той же кампанией 1939/40 г. Кроме того, в Финляндии кое-кто уповал на солидную поддержку со стороны гитлеровской Германии.

Самым уязвимым местом в прогнозах противника являлось то, что он рассматривал другую сторону, то есть совет-

ские войска, как бы в застывшем, окостенелом виде, тогда как они развивались и совершенствовались, извлекали уроки из своих побед и поражений.

И это очень скоро выявилось со всей очевидностью. В творческом отношении операция 1944 г. на Карельском перешейке заслуживает самой высокой похвалы. Над ее разработкой и осуществлением трудился коллектив высококвалифицированных военных работников командного и политического звена, который умело направляли Л. А. Говоров, А. А. Жданов, новый начальник штаба фронта генерал-полковник М. М. Попов.

Я всегда поражался удивительной способности Андрея Александровича Жданова сходиться с разными по складу характера и жизненной судьбы командующими. Я видел его рядом с К. Е. Ворошиловым. Оба — представители старой гвардии революционеров, известнейшие деятели партии, понимавшие, казалось, друг друга с полуслова. Потом совместная работа с Г. К. Жуковым, короткая, меньше одного месяца, но в самый трудный, самый опасный для Ленинграда момент. С Жуковым было посложнее: характер крутой, взрывной, требовательность высочайшая, цену себе знает, суд вершит короткий и строгий. Но Жданов сработался и с Жуковым. Незаметно, тактично, собственной выдержкой и уравновешенностью гасил, где надо, его пыл. И вот новый командующий — Говоров. Одним годом моложе Жданова, отличный знаток военного дела, особенно артиллерии, человек, прошедший через несколько войн. По натуре строгий, немногословный, замкнутый. Хорошо знавший его по совместной работе в Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант Г. Ф. Одинцов говорил: «Улыбки на его лице, кажется, никто никогда не видел». Но, что больше всего удивляло, Говоров был беспартийный. Заявление о приеме в партию — не без деликатного влияния А. А. Жданова — он подал лишь 1 июля 1942 г., и парторганизация штаба фронта удовлетворила его просьбу, а Центральный Комитет ВКП(б), сделав исключение из общего правила, вынес решение о принятии Л. А. Говорова в члены партии без прохождения кандидатского стажа.

Как много значат сработанность командующего и члена Военного совета, взаимопонимание и взаимоуважение между ними! На этой мысли я часто ловил себя, наблюдая за дружной, согласованной работой Л. А. Говорова и А. А. Жданова при подготовке операции на Карельском перешейке, хотя Жданов на некоторых важных мероприятиях и не появ-

лялся: отвлекали важные общепартийные дела, давало о себе знать и ухудшавшееся здоровье.

Наступление началось 10 июня, но уже с 8 часов утра 9 июня на Карельском перешейке бушевал огненный смерч. Проводилась предварительная артиллерийская и авиационная подготовка. В ней участвовал не только 3-й артиллерийский корпус прорыва (командир генерал-майор Н. Н. Жданов), усиленный еще несколькими крупными артиллерийскими и минометными соединениями и частями, но и орудия кораблей Краснознаменного Балтийского флота, кронштадтских фортов. Огневому воздействию были подвергнуты укрепления, командные пункты, узлы связи по всей линии обороны, что затрудняло противнику определить главное направление предстоящего наступления.

За короткое время канонада прекращалась, противник настораживался, занимал окопы и огневые позиции, полагая, что вот-вот появятся наступающие пехота и танки, но на его голову снова и снова обрушивался шквал огня и металла, и не только с земли, но и с воздуха. Одна волна самолетов сменяла другую.

В 18 часов 9 июня противника атаковали передовые батальоны некоторых дивизий. Это была разведка боем, которую финны приняли за начало наступления. Они стали спешно и, как потом окажется, раньше времени стягивать на передний край тактические резервы.

В нашей армии отлично показал себя в тот день 1-й стрелковый батальон 22-го стрелкового полка 92-й стрелковой дивизии. Батальон ворвался в расположение врага, захватил 19 пленных, вскрыл на своем участке систему огня и укреплений противника.

Но главные события были впереди. 10 июня, после более чем двухчасовой артиллерийской и авиационной подготовки, войска 21-й армии перешли в наступление. Развивалось оно успешно. В первый день армия продвинулась вперед от 5 до 15 км, на следующий день вышла ко второй оборонительной полосе финнов.

11 июня, как и предусматривалось планом, перешла в наступление и наша 23-я армия. Нам трудно было угнаться за своим левым соседом, который был посильнее нас, на которого работали основные силы артиллерии и авиации. Но мы знали и другое: 23-я армия должна не только приковать к себе как можно больше вражеских сил, но и надежно обеспечить правый фланг 21-й армии, действовавшей на главном направлении.

Не могу сказать, что все у нас пошло сразу как по маслу. Проверено, и не раз, что долгое пребывание в обороне не идет войскам на пользу. Как говорят философы, бытие определяет сознание, определенный уклад жизни накладывает отпечаток на умонастроения, взгляды, приверженности людей.

Сумеют ли наши командиры, политработники, особенно те, кто годами находился в обороне, быстро перестроиться на новый лад, приобрести подвижность, динамичность в мышлении и действиях, решительность? Этот вопрос волновал нас, мы понимали, что процесс психологической перестройки будет неизбежно болезненным, и все делали для того, чтобы издержки свести к минимуму, чтобы болезнь не затянулась, не приняла тяжелых форм.

Армия дружно пошла вперед, люди действовали самоотверженно, ломали отчаянное сопротивление врага. Но обращало на себя внимание и другое: слишком уж крепко держались полки и дивизии друг за друга, редко кто вырывался вперед, мало было желающих прогуляться по тылам противника, проверить прочность его флангов.

Связываюсь с командиром 10-й Краснознаменной стрелковой дивизии, спрашиваю, почему замедлился темп наступления.

— Противник все время контратакует, — слышится в ответ.

Уточняю, какими силами ведутся контратаки.

— Силы небольшие, но одна контратака следует за другой.

— Неужели вам не ясно, что противник просто выигрывает время, чтобы отвести основные силы на вторую полосу обороны?

В первые дни наступления поводов для таких разговоров, и очных, и заочных, было достаточно. В одном из полков 177-й стрелковой дивизии прозевали отход противника и спохватились лишь через 3—4 часа после того, как он ушел. В 92-й стрелковой дивизии слабо использовался маневр силами и средствами, противника просто вытесняли, вместо того чтобы окружать и уничтожать. Дело не ограничивалось внушениями. Одному из командиров дивизий (не стану называть его фамилии) пришлось испытать себя на командовании полком.

Помочь командирам побыстрее преодолеть оборонческую психологию, обрести уверенность в себе, привить им вкус к ведению высокоманевренных действий, всячески поощрять инициативу и решительность — в этом мы видели тогда

главную свою задачу. И решалась оно сообща: тут немало делали и член Военного совета генерал-майор Ф. А. Шаманин, и штаб, возглавляемый генерал-майором Д. М. Большаковым, и политотдел, начальником которого был в то время полковник Ф. П. Степченко.

С каждым днем темп наступления возрастал. Войска как будто сбросили с себя какой-то сковывавший их груз, в действиях командиров стало больше изобретательности, импровизации. 17 июня 98-й и 115-й стрелковые корпуса, которыми командовали соответственно генералы Г. И. Анисимов и С. Б. Козачек, прорвали вторую полосу обороны противника и, не задерживаясь на промежуточных рубежах, вышли к Вуоксинской водной системе — третьей полосе финской обороны.

У командующего фронтом Л. А. Говорова, ставшего в эти дни, к нашей общей радости, Маршалом Советского Союза, уже не было оснований упрекать нас в отставании: с ходу прорвав бывшую линию Маннергейма, 23-я армия вышла примерно на одну линию с войсками 21-й армии, приближавшимся к Выборгу.

Может быть, противник бросил все, чем располагал, на выборгское направление и тем облегчил задачу нашей армии? С таким предположением можно согласиться лишь отчасти. Без ожесточенных боев не обходилось ни в первые дни нашего наступления, ни в последующие, ни во время штурма первой полосы обороны, ни при штурме второй и третьей полос. Финны с особым ожесточением отстаивали свой плацдарм на правом берегу реки Вуокса, и бои по его ликвидации захватили и первую декаду июля. Оберегая свой плацдарм, враг всеми силами набросился на подразделения 142-й Краснознаменной стрелковой дивизии, зацепившиеся за левый берег реки Вуоксы. За день боев он выпускал по нашему плацдарму 10—12 тыс. снарядов и мин.

Следовательно, враг связывал с удержанием обороны по Вуоксинской водной системе и плацдарма за ней какие-то далеко идущие планы. Отсюда он угрожал флангу наших войск, наступавших на Выборг, отсюда он надеялся, получив подмогу со стороны гитлеровских войск, переломить ход событий в свою пользу.

О том, насколько упорными и ожесточенными были бои, свидетельствуют подвиги, совершенные многими сотнями и тысячами наших бойцов и командиров.

Уже на третий день наступления вся армия узнала о геройском подвиге комсорга 2-й стрелковой роты 98-го стрел-

кового полка 10-й стрелковой дивизии кандидата в члены партии ефрейтора Дмитрия Константиновича Ушкова. «В районе Мустоловских высот, которые были очень сильно укреплены, ефрейтор Ушков бросился на амбразуру вражеского дзота. Благодаря этому подвигу ключевой рубеж неприятельской обороны вскоре был взят. Д. К. Ушкова похоронили с воинскими почестями под Ленинградом, в поселке Парголово. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Дмитрию Константиновичу Ушкову звание Героя Советского Союза. Чтя память героя, советские люди назвали его именем поселок Тюресевя на Карельском перешейке, деревню Пантелеево в Костромской области, где родился воин, и одну из улиц Ленинграда в Выборгском районе»[1].

Что можно добавить к сказанному? Дмитрию Ушкову было всего 20 лет, но он уже достаточно повоевал и пришел в роту с пятью ранениями. Это был лучший комсорг в полку, душа роты. Перед тем как совершить свой подвиг, Дмитрий вызвался помочь саперам проделать проход в проволочном заграждении противника. То, что не удавалось сделать другим, сумел сделать он.

В Государственном ордена Ленина историческом музее среди фронтовых рисунков художников можно увидеть портрет Героя Советского Союза В. Т. Рубченкова. Этот портрет, сделанный карандашом художником Л. И. Коростышевским, был помещен в нашей армейской газете «Знамя победы» 24 июня 1944 г., через несколько дней после того, как Рубченков совершил свой подвиг.

А отличился он, комсорг 2-го стрелкового батальона 1263-го стрелкового полка 281-й стрелковой дивизии, при прорыве второй полосы обороны врага. В течение дня батальону не удавалось взять опорный пункт противника — дружной и одновременной атаки никак не получалось. Перед очередной атакой Рубченков обошел все роты, переговорил с комсомольцами о предстоящем бое и тем, кто взялся задать тон атаке, сказал: «Как только кончится артиллерийская подготовка, смотрите на меня. Я буду во 2-й стрелковой роте и первым пойду на врага, а вы все за мной. Один хороший рывок, огонь на ходу — и враг не выдержит, побежит». Инициативу комсорга горячо поддержал командир батальона.

Атака получилась действительно дружной. Но на пути взвода, с которым наступал комсорг, оказался дот. Рубчен-

[1] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974, с. 386.

ков изловчился и бросил в амбразуру две противотанковые гранаты. Еще не осела пыль от мощного взрыва, а он уже подбежал к двери, ведущей в дот, распахнул ее и стал поливать врагов огнем из автомата. 12 трупов было найдено в доте после лихого налета комсорга. К прежним трем наградам младшего лейтенанта Владимира Рубченкова добавилась новая, самая высокая, — ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Добрых слов заслуживают действия танкистов. Только за первые два дня наступления 45 человек из 266-го отдельного танкового полка удостоились правительственных наград. Полк умело взаимодействовал со стрелковыми подразделениями. Только в боях за сильно укрепленный опорный пункт Хартанен он уничтожил 2 противотанковые батареи врага, 8 дзотов, 4 станковых пулемета, подавил 12 огневых точек и уничтожил до 250 солдат и офицеров противника. Особенно выделялась танковая рота старшего лейтенанта Струченкова. Во время прорыва обороны офицер огнем из своего танка уничтожил 2 дзота и 4 огневые точки противника [1].

В боях за Хартанен участвовали и танкисты 46-го танкового полка, среди которых особенно отличился экипаж под командованием гвардии младшего лейтенанта Романа Петрова. Когда опорный пункт Хартанен был взят, танковый экипаж Петрова тут же устремился вперед и вскоре оказался перед второй полосой обороны. Враг встретил танкистов сосредоточенным огнем. Почувствовав опасность, смельчаки вышли из зоны обстрела и в течение 36 часов находились с глазу на глаз с противником. Это были часы отваги и мужества. Финны попытались подбить машину и захватить экипаж, но не смогли, тогда они подтянули пушки и усилили огонь по танку. Танкисты ответили хитростью: зажгли дымовую шашку, давая понять, что танк горит. Тем временем стали подходить наши стрелковые подразделения, завязался бой за высоту, на которой укрепился противник. Экипаж танка засекал огневые точки врага и по рации передавал данные артиллеристам. Вскоре в 50 м от танка появилась группа солдат противника, спешившая на помощь тем, кто оборонял высоту. «Сожженный» танк вдруг ожил, открыв пушечный и пулеметный огонь по врагу. Наши пехотинцы, воспользовавшись такой поддержкой, штурмом овладели высотой.

В этом бою командир танка гвардии младший лейтенант Петров погиб, а за экипажем утвердилось название Пет-

[1] ЦАМО, ф. 377, оп. 10873, д. 167, л. 192.

ровский. Возглавил его новый командир — лейтенант Кириенко.

Перелистывая фронтовой комплект армейской газеты, я нашел фамилии и других членов Петровского экипажа: водитель гвардии старшина Андрей Борейша, командир орудия гвардии рядовой Василий Никифоров, заряжающий гвардии рядовой Герман Гаврилов.

Через несколько дней отважные танкисты повторили свой подвиг уже в боях за третью полосу вражеской обороны. На этот раз танк первым прорвался к водной преграде, но был подбит. Экипаж не покинул боевую машину и продержался в ней 38 часов. Финны, прячась за гранитными валунами, открыли по лишившемуся хода танку огонь из всех видов оружия. Никифоров отбивался из пушки, а когда она вышла из строя, ударил из пулемета. Финны все ближе подползали к танку, стали забрасывать его гранатами. Радист Соколов, выполняя волю экипажа, вызвал по танку огонь нашей артиллерии. Противник не выдержал и отступил, а вскоре подошла и наша пехота. Экипаж героев-гвардейцев снова вышел победителем.

«Много ли может сделать один танк?» — спросит или подумает кто-нибудь из молодых читателей. На это я отвечу: лучше, конечно, если в тыл противника прорвалась группа танков, да еще с десантом пехоты на борту. Но и один танк способен на многое. Мало того, что он сокрушает все на своем пути, он самим своим появлением в расположении противника вызывает растерянность, а то и панику среди тех, кто держит оборону. Ведь они ждут противника спереди, а стрельбу, пушечную и пулеметную, слышат уже где-то далеко сзади себя. Тут не у одного затрясутся поджилки — кому охота быть окруженным, отрезанным от своих? В этом, если хотите, был главный эффект в действиях героического Петровского экипажа, да и не только одного его.

Перед наступлением танкистам рассказывали о боевых традициях нашей армии, подробно говорили и о генерале Лавриновиче, его смелом танковом рейде при освобождении Белоострова. Не ошибусь, если скажу, что пример этого бесстрашного танкиста стоял и перед глазами тех, кто последовательно, одну за другой, штурмовал оборонительные линии на Карельском перешейке, кто, подобно героическому Петровскому экипажу, смело шел на врага, рвал и расшатывал его оборону.

В дни наступления приходилось подписывать много на-

градных листов. На одном из них вдруг вижу свою фамилию — Черепанов...

Сердце забилось сильнее. Знаю, что не один я на фронте, в 1941 г. мать всех нас, пятерых сынов своих, проводила на фронт. Читаю дальше — волнение улегается. Здесь речь о другом Черепанове, Иване Петровиче, — командире пулеметного расчета 62-го стрелкового полка. При форсировании озера Вуокси он первым высадился на остров Руоко-Саари и огнем своего пулемета поддержал высадку других подразделений. Враг пытался уничтожить пулеметчика. Но отважный коммунист, получив серьезное ранение, остался в строю и еще в течение шести часов помогал удерживать захваченный плацдарм.

Ну а как же воюют мои братья Черепановы — Петр, Павел, Клавдий, Николай? Проводив нас на фронт, мать вскоре умерла, так и не узнав, что не все мы вернулись с войны: Павел и Клавдий, оба пограничники, пали смертью храбрых.

Я уже говорил, что наибольший успех в форсировании реки Вуокса выпал на долю личного состава 142-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Накануне мне пришлось побывать в ней и еще раз убедиться в том, сколь высок патриотический дух и боевой порыв людей. Командир дивизии полковник Г. Л. Сонников доложил, кстати, и о том, что лишь за два дня боев, с 15 по 17 июня, от бойцов и командиров поступило 230 заявлений с просьбой о приеме в ряды партии.

Такая картина наблюдалась повсеместно. С 10 по 20 июня количество заявлений о приеме в партию составило по армии 2256[1]. Это означало, что боевой потенциал полков и дивизий не ослабевал, что на смену выбывавшим из строя коммунистам и комсомольцам приходили новые люди, в груди которых бились горячие партийные и комсомольские сердца.

Вечером 20 июня раздался звонок от командующего фронтом. Голос Маршала Советского Союза Л. А. Говорова показался мне менее строгим и официальным, чем обычно.

— Выборг очищен от врага, — сообщил командующий. — Считайте, что к этому приложила руку и ваша армия.

А через несколько часов мы слушали приказ Верховного Главнокомандующего по случаю освобождения Выборга, в котором отмечались заслуги войск 21-й и 23-й армий, 13-й воздушной армии, 3-го артиллерийского корпуса прорыва,

[1] ЦАМО, ф. 377, оп. 10873, д. 167, л. 195.

танкистов и саперов. Все понимали, что это был крупный успех Красной Армии. Освобождение Выборга послужило как бы сигналом для перехода в наступление войск Карельского фронта под командованием генерала армии К. А. Мерецкова. 21 июня его 7-я и 32-я армии начали освобождать оккупированную финнами территорию между Ладожским и Онежским озерами. Бои носили упорный характер, однако наши части день за днем все ближе приближались к государственной границе.

Финский народ дорого заплатил за безрассудство своей правящей клики, всячески саботировавшей достижение мира с Советским Союзом и не желавшей порвать с гитлеровской Германией. Финские войска оказались отброшенными почти к линии государственной границы. Надежды на немецкую помощь не оправдались. Гитлеровцы не успевали заделывать огромные проломы в собственной обороне, мощные летние удары советских фронтов в Белоруссии и на Украине ознаменовались разгромом наиболее крупных группировок фашистских войск и выходом Красной Армии к границам Восточной Пруссии и к Висле.

Финляндия вынуждена была искать пути к спасению от полной катастрофы. Она снова обратилась к Советскому правительству уже с серьезными намерениями покончить с войной и с союзом с фашистской Германией.

4 сентября правительство Финляндии направило в Москву мирную делегацию, и утром того же дня финские солдаты стали выбрасывать по всему фронту белые флажки.

Так было, но сам я этого уже не видел, так как в конце июня получил указание сдать армию и выехать в Москву для получения нового ответственного задания.

В Ленинграде уже заканчивались белые ночи. Город по сравнению с тем, каким я видел его в блокаду, совершенно преобразился. Как ни в чем не бывало бегали трамваи, по улицам деловито шагали люди, в центральной части города следов разрушений оставалось совсем немного. Кое-где на месте разрушенных зданий стояли макеты домов, сделанные из фанеры; при беглом взгляде они воспринимались как настоящие.

Второй раз в жизни я покидал этот прекрасный город после нескольких лет борьбы за само его существование, за его прошлое, настоящее и будущее.

ВОЕВАТЬ... С ЧАШКОЙ КОФЕ В РУКАХ. ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ. СОЮЗНИКИ, ИХ НРАВЫ И ПРЕТЕНЗИИ. ДРУГ ПОЗНАЕТСЯ В БЕДЕ. ПОКРОВИТЕЛИ РЕАКЦИОНЕРОВ. ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ — СОВЕСТЬ И ГОРДОСТЬ БОЛГАР.

В Москве, куда я прибыл за новым назначением, узнаю, что мне предстоит дорога на Дальний Восток, где надо заменить одного военачальника, который давно просится на фронт, в действующую армию. Но отправился я не на Дальний Восток, а к... заместителю наркома по иностранным делам А. Я. Вышинскому.

Большой мастер говорить образно и остроумно, Александр Януарьевич и на сей раз остался верен себе: «С одного фронта, — сказал он, — вы переходите на другой — дипломатический. Здесь вам придется воевать не с оружием, а с чашкой кофе в руках».

А. Я. Вышинский, в приемной которого ожидало своей очереди много посетителей и безумолчно стучали машинки, уделил мне лишь несколько минут, а перед тем была обстоятельная беседа с другим ответственным работником Наркоминдела. Речь шла о предстоявшей мне работе в Болгарии, о положении в этой стране.

Сегодня Болгария — наш верный друг и брат. А тогда? Тогда положение в стране было крайне сложным и неоднозначным, о чем и велн мы разговор в Наркоминделе. Классовые противоречия и конфликты, годами и десятилетиями нараставшие в недрах болгарского общества, еще больше обострились в годы второй мировой войны. Правившая страной монархо-фашистская клика пошла на сговор и союз с гитлеровской Германией. Болгария оказалась в состоянии войны с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции. Наперекор воле своего народа царь и его окружение превратили страну в сырьевой придаток и плацдарм гитлеровцев

на Балканах. Ее армия осуществляла оккупационный режим на некоторых территориях Югославии и Греции.

Парадокс состоял в том, что тогдашние правители Болгарии, продавшись фашистской Германии, тем не менее не решались включиться в военный поход против СССР, чего настойчиво добивались в Берлине, они даже сохраняли дипломатические отношения с нашей страной. Объяснялось это вовсе не расположением к родине Великого Октября, которую болгарские реакционеры ненавидели и которой вредили на каждом шагу, а боязнью собственного народа, пониманием того, что болгар невозможно восстановить против русских, тем более заставить их воевать против Красной Армии.

Да, болгарский народ в подавляющей своей массе отвергал политику своих окончательно обанкротившихся правителей, и этот протест был отнюдь не пассивным. Уже с лета 1941 г. на болгарской земле развернулось антифашистское партизанское движение, на базе которого партия коммунистов создала вооруженную боевую силу народных масс — Народно-освободительную повстанческую армию (НОПА), в составе которой к сентябрю 1944 г. были 1 дивизия, 9 бригад, 37 отрядов, несколько батальонов и сотни боевых групп. По инициативе коммунистов был образован Отечественный фронт, под знаменами которого сплачивались все здоровые патриотические силы.

К осени 1944 г. в стране сложилась революционная ситуация. Центральный Комитет Болгарской рабочей партии (БРП) и его Заграничное бюро тщательно подготовили антифашистское народное восстание, свершившееся 9 сентября 1944 г. и означавшее исторический поворот в судьбах страны. Решающей предпосылкой победоносного выступления народных масс стали разгром Красной Армией крупных сил врага в Ясско-Кишиневской операции и ее приход на Балканы.

На мировую арену выходила новая Болгария, достаточно зоркая и зрелая для того, чтобы разобраться, кто ее друзья и кто враги, и сорвать маневры внутренней и внешней реакции.

А маневров и манипуляций со стороны врагов революции было немало. Еще до 9 сентября силы старого мира, напуганные близостью развязки, попытались сбить революционную волну путем простой смены декорации: вместо откровенно прогитлеровского правительства был создан кабинет Муравиева с прозападной ориентацией. Для правящих кругов Болгарии не составляло тайны стремление на-

ших западных союзников сделать все, чтобы не допустить появления на Балканском полуострове Красной Армии, помешать слиянию побед советских воинов-освободителей с антифашистской, революционной борьбой народных масс в Балканских странах.

Черчилль упорно добивался открытия второго фронта не там, где можно было нанести гитлеровцам решающий удар, а там, где он намеревался опередить Красную Армию и преградить народам путь к избавлению от капиталистического гнета.

Болгарские монархо-фашисты надеялись сыграть на противоречиях между СССР и его западными союзниками. В Каире они затеяли переговоры с представителями западных держав. Однако все эти планы потерпели крах при столкновении с могучей волной возглавленного коммунистами антифашистского движения и с твердой, последовательной линией советской дипломатии, разгадавшей маневры монархо-фашистов и буржуазных политиков.

Советский Союз в годы войны делал все, чтобы побудить правителей Болгарии порвать с гитлеровской Германией, расторгнуть с ней союз, перейти на сторону антигитлеровской коалиции. Но эти призывы не были услышаны. Ничего не изменилось и с приближением Советской Армии к границам Болгарии. И тогда Советское правительство заявило, что оно не считает дальше возможным сохранять какие-либо отношения с Болгарией, рвет всякие отношения с ней и заявляет, что не только Болгария находится в состоянии войны с СССР, поскольку на деле она и раньше находилась в состоянии войны с СССР, но и что Советский Союз отныне будет находиться в состоянии войны с Болгарией.

Все встало на свои места. Решительный шаг Советского Союза окончательно разоблачил монархо-фашистскую клику Болгарии, явился стимулом для усиления борьбы болгарского народа за перемену курса страны, за установление власти Отечественного фронта. Наши войска вошли в Болгарию, народ встретил их с энтузиазмом.

В результате восстания 9 сентября 1944 г. победила народная власть. И как только это произошло, правительство Отечественного фронта заявило о своем желании заключить перемирие с антигитлеровской коалицией.

В конце беседы сотрудник Наркоминдела ознакомил меня с письмом заместителя командующего 3-м Украинским фронтом генерал-полковника С. С. Бирюзова от 11 октября 1944 г. премьер-министру нового правительства Болгарии Кимону Георгиеву о предварительных условиях перемирия

с Болгарией. Союзные правительства, говорилось в нем, «рассмотрев просьбу болгарского правительства о перемирии, решили, что необходимой предпосылкой начала переговоров о перемирии является дача болгарским правительством обязательства эвакуировать все болгарские войска и всех болгарских чиновников с греческой и югославской территории», кроме болгарских войск, которые «в направлении города Ниш и южнее ведут операции, согласованные с маршалом Тито и советским командованием». Эвакуация должна была начаться немедленно и закончиться в течение 15 дней. Для контроля за эвакуацией союзные правительства направляли в Болгарию своих представителей, которые должны были действовать в качестве Объединенной союзной военной миссии под председательством советского представителя. Председателем миссии назначался командующий 3-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин, его заместителем — генерал-полковник С. С. Бирюзов [1].

— Вы направляетесь в Софию нашим представителем. Проследите вместе с англо-американскими представителями за выполнением правительством Болгарии предварительных условий перемирия, оформите это составлением соответствующего документа, после чего останетесь в Софии на работе в Союзной контрольной комиссии... Ее задача будет состоять в проверке выполнения правительством Болгарии соглашения о перемирии, которое вскоре будет подписано, — сказал мне на прощание А. Я. Вышинский.

Вот мы и в Софии. Первое, что мне нужно было сделать, — это встретиться с болгарским премьер-министром, чтобы обсудить вопрос о выводе болгарских войск из Фракии и Южной Македонии. Но предварительно необходимо было встретиться с уполномоченным премьер-министра. Я ожидал его в помещении советской миссии. Вошедший болгарин на минуту оторопел, а потом, к изумлению собравшихся, отбросив протокольные условности, кинулся меня обнимать. Уполномоченным болгарского правительства оказался коммунист Иван Винаров, с которым мы познакомились в 20-х годах в период совместной работы в Китае. Наше знакомство переросло в дружбу, которая длилась десятилетия.

— Да, — сказал С. С. Бирюзов, — знаменательная встреча. Сразу видно, что пришла новая эра в дипломатических

[1] См.: Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг. М., 1969, с. 22.

отношениях с Болгарией — эра дружбы. Мы теперь братья не только по славянской крови, но и по идеям!

Первая встреча с Кимоном Георгиевым. В скромно обставленном кабинете из-за письменного стола поднялся и вышел мне навстречу высокий плотный человек с чуть наклоненной влево головой. Сквозь левое стекло очков видно было, что глаз у него поврежден (последствие ранения). К. Георгиев радушно пригласил меня сесть за небольшой круглый стол. Я сообщил о целях визита.

— Все болгарские войска, — сказал премьер, — выведены на старую границу Болгарии к 19 часам 25 октября. — При этом он показал их расположение на карте, висевшей над письменным столом. — 26 октября я уже сообщил об этом маршалу Толбухину, — добавил он. — О действиях наших войск в Югославии по договоренности с маршалом Тито вам подробно доложит главнокомандующий болгарской армией Маринов. При проведении этих операций он подчиняется генералу Бирюзову.

Итак, были все основания признать, что Болгария добросовестно выполняет требования союзных держав.

Создав правительство Отечественного фронта, народно-демократическая Болгария немедленно активно вступила в борьбу с фашистской Германией и ее союзниками на стороне антигитлеровской коалиции. Это была закономерная и мудрая акция, приведшая к коренному изменению международного положения Болгарии. Она открывала для болгарского народа возможность ликвидировать последствия участия Болгарии в войне на стороне гитлеровского блока.

Проводимая болгарскими коммунистами политика тесной дружбы и сотрудничества с Советским Союзом встречала горячее одобрение болгарского народа. Со всей полнотой это проявилось в дни празднования 27-й годовщины Великого Октября в Софии. ЦК БРП(к) направил ЦК ВКП(б) поздравительную телеграмму, в которой, в частности, говорилось:

«После 21 года фашистской диктатуры и после трехлетнего участия страны в разбойничьем гитлеровском блоке болгарский народ, руководимый Отечественным фронтом, впервые встречает день Великой Октябрьской революции в условиях свободного народно-демократического режима.

Весь народ с великой радостью встретил национальный праздник народов Советского Союза во главе с великим русским народом, чья доблестная Красная Армия оказала нам столь неоценимую помощь в изгнании немецких за-

воевателей из нашей страны и в спасении нашей родины от нависшей над ней страшной национальной катастрофы.

Болгарский народ никогда не забудет этой спасительной для Болгарии роли Советского Союза, так же как не забыл и никогда не забудет того, что он получил свое освобождение от пятивекового чужеземного рабства из рук и ценою крови великого русского народа» [1].

На торжественном вечере, организованном болгарским правительством и Болгаро-советским обществом в театре «Балкан» 6 ноября 1944 г., нам особенно радостно было слушать приветственные слова из уст легендарной Цолы Драгойчевой, первого секретаря Национального комитета Отечественного фронта. Вся Болгария знала ее как «подпольщицу Соню». При монархо-фашистском режиме она долгие годы томилась в тюрьме, во время допросов ее пытали. Профессиональная революционерка мужественно выслушала смертный приговор.

Вот она вскинула голову, и полилась страстная, призывная речь:

— Братушка наш, — говорила Драгойчева, — так болгарин и болгарка старшего поколения выражают свою безграничную любовь и признательность к русскому народу... Немецкие агенты делали все, чтобы создать искаженное представление о событиях в СССР. Они массовыми тиражами издавали антисоветскую литературу, устраивали позорные антисоветские выставки, дошли до того, что пытались доказать, что болгары не являются славянами, но мало было тех, кто им поверил. Большинство болгарского народа осталось верным чувству дружбы с СССР. Фашистские агенты не сумели послать против СССР не только регулярную армию, но и добровольцев. Чувство признательности и любви к братскому Советскому Союзу вылилось в неугасающий и неудержимый энтузиазм. Красная Армия своим наступлением дала решительный толчок борющимся силам Отечественного фронта, чтобы они поднялись с оружием в руках против фашистских агентов и путем восстания свергли их власть [2].

Никогда не забуду счастливые лица болгар, приходивших в те дни к нам, чтобы выразить свою признательность советским воинам-освободителям.

Состоялся прием, устроенный командующим советскими войсками в Болгарии в ресторане гостиницы «Славянская

---

[1] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 52—53.
[2] Работническо дело, 1944, 7 ноября.

беседа». На нем выступили С. С. Бирюзов, К. Георгиев, представители Англии и США.

В пункте 18-м соглашения о перемирии, подписанном 28 октября 1944 г. в Москве, говорилось:

«На весь период перемирия будет учреждена Союзная Контрольная Комиссия в Болгарии, которая будет регулировать и следить за выполнением условий перемирия под председательством представителя Союзного (Советского) Главнокомандования с участием представителей Соединенного Королевства и Соединенных Штатов.

В течение периода между вступлением в силу перемирия и окончанием военных действий против Германии Союзная Контрольная Комиссия будет находиться под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования» [1].

28 ноября 1944 г. генерал-полковник Бирюзов направил письмо К. Георгиеву. Не могу не привести его здесь:

«Господин Председатель Совета министров.

Имею честь сообщить Вам, что Союзная контрольная комиссия приступила к выполнению своих обязанностей.

В связи с этим сообщаю Вам, что любая связь между представителями Союзных держав и Болгарским правительством по вопросам, входящим в компетенцию Союзной контрольной комиссии, отныне будет осуществляться только через руководство Союзной контрольной комиссии в лице: Председателя СКК Маршала Советского Союза Толбухина, заместителя председателя СКК генерал-полковника Бирюзова, политического советника Председателя СКК полномочного министра Лаврищева, помощника председателя СКК генерал-лейтенанта Черепанова [2], помощника председателя СКК контр-адмирала Абрамова.

Какие бы то ни было обращения (к Болгарскому правительству) со стороны других лиц Союзной контрольной комиссии, в том числе и представителей Союзных держав, не допускаются.

Всякое рассмотрение и решение вопросов помимо руководства СКК будет рассматриваться как игнорирование руководства Союзной контрольной комиссии» [3].

Председатель СКК Маршал Советского Союза Федор Иванович Толбухин был одним из видных советских

[1] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 40—41.

[2] Распоряжением С. С. Бирюзова я был его заместителем в СКК. — *Прим. авт.*

[3] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 70—71.

военачальников. Во время назначения его председателем СКК он находился далеко от Софии, руководил тяжелыми боями в Венгрии, и повседневную работу в СКК направлял генерал-полковник С. С. Бирюзов, совмещая эту обязанность с командованием находившейся в Болгарии 37-й армией.

В момент нашей встречи 40-летний Бирюзов был уже генерал-полковником, опытнейшим военачальником. Великую Отечественную войну он начал комдивом, был дважды тяжело ранен. С. С. Бирюзов проявил себя как талантливый генерал в должности начальника штаба 2-й гвардейской армии, которая под командованием Р. Я. Малиновского сыграла решающую роль при отражении удара группы войск Манштейна, пытавшейся деблокировать окруженные под Сталинградом немецкие войска. Позже он внес большой вклад в планирование и осуществление операций по освобождению Донбасса, Крыма и, наконец, вошедшей яркой страницей в историю военного искусства Ясско-Кишиневской операции.

С весны 1944 г. Бирюзов возглавлял штаб 3-го Украинского фронта, вместе с Ф. И. Толбухиным руководил войсками, совершившими освободительный поход в Болгарию. Решительный и волевой начальник, требовательный и при необходимости суровый, он хорошо дополнял мягкого и сдержанного Ф. И. Толбухина.

Я был старше С. С. Бирюзова на девять лет, но это не помешало нам сразу же сблизиться в работе. По мнению С. С. Бирюзова, мой разносторонний опыт, военно-дипломатическая работа за границей были полезны для выполнения задач, стоявших перед СКК [1].

В составе советской части СКК было четыре генерала, один контр-адмирал, более 100 офицеров, а всего 270 человек.

Наиболее серьезные вопросы руководители отделов обсуждали непосредственно с С. С. Бирюзовым и со мною, докладывали также свои предложения на заседаниях СКК. Повседневную деятельность отделов направлял начальник штаба генерал-майор А. И. Сучков, он же связывался по тем или иным вопросам с английскими и американскими представителями в СКК.

Политический советник А. А. Лаврищев, а после него С. П. Кирсанов, как работники Министерства иностранных

---

[1] См.: Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. М., 1963, с. 251.

дел СССР, играли очень важную роль в составе СКК. Их заместителями были К. Д. Левычкин и Д. Г. Яковлев, помощниками — А. В. Яковлев и В. И. Васильев. На их плечи легла обязанность контролировать выполнение статей соглашения о перемирии, касающихся роспуска профашистских организаций, освобождения всех заключенных в связи с деятельностью в пользу Объединенных Наций.

Свою разностороннюю работу СКК осуществляла с помощью местных уполномоченных, которые были назначены в девяти областях страны. Имелись также уполномоченные СКК по базам военно-морского флота в Варне, Бургасе, Русе и Видине.

При необходимости мы могли сноситься с любым нужным нам официальным лицом в Болгарии. Но самую тесную и регулярную связь мы имели с комиссариатом по выполнению соглашения о перемирии, созданном 9 ноября 1944 г. при министерстве иностранных дел Болгарии. Значение его подчеркивалось тем, что председателем комиссариата был сам министр П. Стайнов. Этот орган вел всю текущую работу по претворению в жизнь соглашения о перемирии. В совете при комиссариате были представлены все основные министерства: военное, внутренних дел, финансов, земледелия, дирекция гражданской мобилизации и Болгарский народный банк. Словом, это был весьма представительный орган.

События развивались столь стремительно, что легко было отстать от них, потерять ориентировку, перестать чувствовать биение пульса страны. Поэтому неоценимым подспорьем для нас была братская помощь работников ЦК БРП(к), Отечественного фронта и народно-демократического государственного аппарата.

США вначале имели в СКК примерно 60 сотрудников (среди них один генерал и 20 офицеров). Англичане располагали штатом в 110 человек, в том числе одним генералом и 24 офицерами. Главою представительства Великобритании был генерал-майор В. Окслей, политическим представителем — В. Босуэл. Американцев возглавлял генерал-майор Д. Крейн, а политическим представителем был М. Барнс.

На первых порах наиболее активен был английский представитель Окслей. Он был на редкость упрям, шел напролом при обсуждении тех или иных вопросов. Генерал поддерживал спортивную форму, часто выезжал на охоту, нередко с разведывательной целью. В отличие от англичанина генерал Крейн был чужд эмоций, как бы нехотя от-

стаивал свою точку зрения. Не любил выезжать не только на охоту, но без крайней нужды и из дому.

В начале 1946 г. его сменил генерал Робертсон. Вместо болгарских милиционеров он поставил у дома своих солдат. На заседаниях СКК стремился решать вопросы «кавалерийским наскоком».

С. С. Бирюзов был значительно моложе Окслея, Крейна и Робертсона. По служебной должности он был выше этих генералов да и намного превосходил их по своему общему развитию. Поначалу генерал Крейн старался всячески подчеркнуть свою «значимость». В противовес ему Бирюзов держался естественно, просто, солидно. Это и заставило англо-американских представителей внутренне признать, кто глава в СКК.

Вне работы члены СКК, как советские, так и западные, нередко встречались неофициально. Чаще у нас. С. С. Бирюзов любил приглашать всех на концерты армейского ансамбля песни и пляски. Очень часто мы совместно просматривали документальные и художественные фильмы, присылавшиеся из Советского Союза, а также из США и Англии.

Хочу подчеркнуть, что на первых порах советские сотрудники в СКК и их английские и американские коллеги решали вопросы большей частью на деловой основе, возникавшие расхождения преодолевались. И пока американцы и англичане честно и без предвзятости выполняли в СКК свои обязанности, они оставались для нас теми же союзниками по антигитлеровской коалиции и встречали самое дружественное отношение с нашей стороны. Но, как только они становились на путь превратного толкования или нарушения того или иного пункта соглашения о перемирии с Болгарией, им давался решительный отпор. Со временем, особенно в условиях начавшейся «холодной войны», позиция американских и английских представителей в СКК все более ужесточалась. Они стали лихорадочно выискивать любые предлоги, чтобы парализовать деятельность СКК, подорвать международные позиции народно-демократической Болгарии, затормозить и даже повернуть вспять неуклонно развивавшийся в стране процесс революционных преобразований.

Революционные перемены, происходившие в описываемые годы в Болгарии, обусловливались внутренними социально-экономическими и политическими условиями. Они стали возможными прежде всего в результате широко раз-

вернувшейся под руководством БРП(к) борьбы народных масс за социальное обновление страны. В ходе ее приходилось преодолевать упорное сопротивление внутренней реакции, которая при подстрекательстве и активной поддержке империалистических сил извне старалась помешать болгарским трудящимся идти по избранному ими пути революционных преобразований. В этих условиях благоприятным для революционной Болгарии обстоятельством было то, что СКК возглавлял советский представитель. «В основе деятельности советской части СКК, — отмечается в воспоминаниях С. С. Бирюзова, — всегда лежали незыблемые ленинские принципы внешней политики СССР: мы не позволяли себе вмешиваться во внутренние дела Болгарии, а тем более оказывать какое бы то ни было давление на ее правительство. Но когда реакция наглела и ее враждебные действия шли вразрез с соглашением о перемирии, наш долг состоял в том, чтобы безотлагательно оказать всяческую помощь болгарскому трудовому народу» [1].

Выше уже цитировалась 18-я статья соглашения о перемирии, в которой было записано: «...Союзная Контрольная Комиссия будет находиться под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования». Для западных стран она означала трезвое признание того факта, что наша страна несет особую ответственность за положение в Болгарии, поскольку именно освободительный поход Советской Армии на Балканы способствовал освобождению Болгарии от монархо-фашизма. Точное толкование 18-й статьи, скрепленной, как и все перемирие, подписью западных союзников, ставило преграду действиям реакционных сил.

И американские, и английские представители прибегали к различным уловкам, чтобы как-то обойти положения 18-й статьи. Так, например, английский представитель безуспешно попытался добиться того, чтобы в официальной переписке их именовали «Британская секция СКК», или «Канцелярия представителей Соединенного Королевства».

Приходилось внимательно следить и за соблюдением установленного количественного состава представительства. Англичане и американцы стремились всячески раздуть свои штаты, организовать слежку за нашими войсками, находившимися в стране. В апреле 1945 г. С. С. Бирюзов вынужден был напомнить генералу Окслею о его обещании в кратчайший срок довести состав своих сотрудников до установленной нормы.

---

[1] Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах, с. 267.

Зимой 1944/45 г. и весной 1945 г. генерал Окслей и другие офицеры союзников зачастили в различные районы страны — «на охоту», «на рыбалку», «на лыжные прогулки». Маршруты этих «увеселительных поездок» подозрительно совпадали с близостью советских и болгарских военных объектов. Использовались и другие предлоги. Так, у союзников была служба по регистрации их соотечественников — летчиков, сбитых над территорией Болгарии. И вот в феврале 1945 г. один американский офицер, допущенный СКК в город Видин с группой сотрудников, попытался собрать сведения о наших войсках. Председатель СКК сделал соответствующее представление генералу Крейну.

Немало затруднений вызывал и вопрос о снабжении. Представители западных держав в СКК старались заполучить побольше продуктов для «подкармливания» своих агентов. Используя обязательство болгарского правительства содержать СКК, они представляли болгарам крайне завышенные заявки на получение различных материальных благ. На фоне больших хозяйственных затруднений в стране это выглядело более чем странно.

Генералу Бирюзову пришлось отдать распоряжение, чтобы все такого рода требования шли не непосредственно в болгарские органы, снабжающие СКК, а через ее экономический отдел, который будет проверять обоснованность заявок. Они стали удовлетворяться лишь с визой С. С. Бирюзова, моей или А. И. Сучкова.

На заседании СКК 13 июля 1946 г. советская сторона предложила строго определить нормы питания для сотрудников СКК. По заданию С. С. Бирюзова я подготовил обстоятельное сообщение.

Мне пришлось воспользоваться сведениями, незадолго до того опубликованными во французской прессе, которые иллюстрировали бедственное послевоенное положение с продовольствием в Европе, где почти повсеместно существовала карточная система. По данным Европейского хозяйственного комитета в Лондоне, на душу населения зимой 1946/47 г. должно было прийтись в день менее 2 тыс. калорий во Франции, в Чехословакии, Греции, Югославии. Между тем на каждого представителя союзников в Болгарии приходилось в день от 1 кг и более хлеба, 1,5—2 кг мяса, 0,5 кг сахара и т. д. По количеству калорий это составляло 17,5—23 тыс. в день. А показатели в снабжении продуктами советских и западных сотрудников СКК выглядели так: офицер СССР — 1, США — 6,5, Англии — 5.

После моего выступления С. С. Бирюзов заявил:

— Согласно статье 15-й соглашения о перемирии болгарское правительство обязалось обеспечить СКК всем необходимым для выполнения ее функций. Но мне хочется спросить, как понимать статью 15-ю об обеспечении СКК? Некоторые полагают, что посуда должна быть только хрустальной, а сервизы серебряными. Квартира вся в коврах. Например, американские представители получили уже 825 ковров и все еще испытывают в них недостаток. Я так трактовать статью соглашения не могу.

Представители западных держав ничего не могли возразить. Но они не оставили своих домогательств. Как-то к Бирюзову явился Крейн с требованием выделять 10 млн. левов по 20-м числам каждого месяца без предоставления предварительного расчета в СКК. Бирюзов ответил:

— Согласно положению о перемирии Болгария обязана нас содержать, но это вовсе не значит, что можно кому-то нажить здесь капитал.

Представителям Англии и США так и не удалось добиться удовлетворения своих непомерных требований.

Работа СКК протекала в условиях невиданного подъема, охватившего народные массы после победы, одержанной 9 сентября 1944 г. Их борьбу за социальные и политические преобразования в стране направляла БРП(к). Ей принадлежала руководящая роль в правительстве Отечественного фронта, в массовых организациях. Авторитет коммунистов зиждется прежде всего на их политическом влиянии среди большинства болгарского народа.

Мы могли полностью рассчитывать на то, что представители БРП(к) в органах власти окажут все возможное содействие СКК в выполнении возложенной на нее миссии, в частности в ликвидации последствий хозяйничанья профашистов и в выполнении страной своих обязательств, вытекающих из международных соглашений. Но реакционные элементы лишь временно притаились, они не отказались от намерения восстановить свою власть, опираясь на поддержку с Запада.

После 9 сентября 1944 г. коммунисты в военном министерстве по указанию ЦК БРП(к) укрепляли офицерский состав армии надежными товарищами из числа партизан и политэмигрантов, вернувшихся из СССР. Их назначению на командные посты противились реакционно настроенные офицеры. При этом они встречали активную поддержку со стороны военного министра Д. Велчева, который либо старался поставить коммунистов на второстепенные должно-

сти, либо неоправданно затягивал их назначение в войска, как, например, было с прибывшим из СССР болгарским политэмигрантом И. Михайловым. Вместе с тем Велчев потакал реакционным офицерам старой царской армии. По его инициативе была предпринята следующая акция.

В конце ноября 1944 г., когда мы с А. А. Лаврищевым обсуждали планы работы СКК, к нам прибыли встревоженные руководители БРП(к) и сообщили, что 24 ноября Совет министров в отсутствие министров-коммунистов принял постановление № 4, которое фактически освобождало офицеров, сотрудничавших с фашистами, от ответственности перед народным судом. Руководители БРП(к) заявили: «Мы поднимем народ на митинги против постановления № 4 и просим СКК содействовать отмене этого постановления как противоречащего соглашению о перемирии».

Я связался по телефону с С. С. Бирюзовым, находившимся в наших войсках, и доложил об обстановке.

— Заготовь документ на имя Георгиева с требованием отменить постановление, — услышал я в трубке. — Попроси его приехать в СКК и вручи бумагу с устным предупреждением о том, чтобы дело не затягивалось.

Пока готовили документ, я попросил связать меня с К. Георгиевым.

— Он где-то в провинции, — ответили мне.

— Передайте ему просьбу приехать в Софию и по важному делу посетить СКК.

С. С. Бирюзов и премьер-министр вернулись почти одновременно. Их встреча произошла на квартире С. С. Бирюзова, находившейся рядом со штабом армии. К. Георгиев попал по дороге в аварию, голова его была забинтована.

— Сильно пострадали? — сочувственно спросил Бирюзов.

— Главное сейчас не физическое, а политическое увечье, — ответил премьер-министр. — Его-то и надо лечить!

После столь красноречивого заявления С. С. Бирюзов посчитал излишним передавать К. Георгиеву заготовленный мною документ.

Между тем волна народного гнева нарастала. Трудящиеся на митингах поддерживали требование БРП(к) об отмене реакционного постановления № 4, из областей шли телеграммы в адрес правительства и ЦК БРП(к). Министры, сначала поддержавшие постановление, теперь сами выступали за его отмену. Большинство из них попались на удочку Велчева, который демагогически заявил, что нельзя во время войны ослаблять офицерский корпус, и этим пытался аргументировать свое предложение.

Растерянный стоял Велчев возле трибуны на митинге, не решаясь разъяснить свою позицию.

— Тебе необходимо выступить, — сказала ему Цола Драгойчева. — Ты провел это постановление, тебе же его и хоронить!

Велчев робко взошел на трибуну. Постановление № 4 он думал протащить незаметно, а переходить в оппозицию и лишаться высокого поста пока не собирался. Поэтому ему пришлось маневрировать.

Революция в Болгарии оказалась тогда перед лицом серьезной опасности. Указывая на нее, газета «Работническо дело» 4 декабря 1944 г. опубликовала сообщение за подписью десяти членов Политбюро ЦК БРП(к), в котором, в частности, говорилось: «Постановление предусматривает, что каждый из привлеченных народным судом к ответственности, если изъявит такое желание, может быть освобожден из тюрьмы и послан на фронт... Постановление дает возможность каждому преступнику вырваться из рук правосудия».

Тогда же была напечатана и декларация ЦК БРП(к) «Рабочая партия (коммунистов) и офицеры». В ней подчеркивалось: «Рабочая партия не считает, что очищение армии закончено. Без очищения армии от фашистских элементов нет настоящей демократической национальной армии, она не сможет существовать».

7 декабря 1944 г. газета «Работническо дело» сообщила об отмене постановления № 4. Так плачевно закончилась первая вылазка реакции внутри страны.

Сложность внутриполитического положения в стране дополнялась и усугублялась трудностями в сфере экономики. Антинародная политика болгарской фашиствующей буржуазии привела, в частности, к тому, что огромная часть национального дохода ушла на снабжение оккупантов, на поставки в гитлеровскую Германию. А по окончании войны страна должна была в соответствии с уроном, причиненным Объединенным Нациям, понести определенные расходы. В особенно тяжелом состоянии оказалась и без того слаборазвитая промышленность. И в городе, и в деревне не хватало элементарных предметов потребления. В этих условиях правительство Отечественного фронта обратилось за помощью к СССР.

Бедственное положение болгарской промышленности было объективно охарактеризовано в записке торгового со-

ветника политического представителя Болгарии в СССР, переданной наркому внешней торговли СССР в конце декабря 1944 г. В этом документе говорилось:

«Наша страна находится в полном экономическом разорении. Болгарское хозяйство переживает очень тяжелый кризис. Отсутствие импорта, отсутствие материалов и сырья наносит смертельный удар нашей промышленности, нашему транспорту... Широкие народные массы в Болгарии остались без одежды и без обуви. Инвентарь сельского хозяйства неисправен, а скот находится в плачевном состоянии. Транспорт переживает чрезвычайно большие затруднения из-за отсутствия горючего, смазочных материалов, резервных частей и пр.

При данном положении единственный путь спасения для Болгарии в том, чтобы немедленно начать ввозить необходимые ей сырье и товары.

Взоры всего болгарского народа обращены к братскому Советскому Союзу» [1].

Затем перечислялись товары, особенно остро необходимые Болгарии. Это в первую очередь хлопок и шерсть, нефтепродукты и металлоизделия, каучук и кожа, химические продукты, сельхозмашины и писчебумажные товары.

«Убежденные в Ваших добрых желаниях, — писал торговый советник, — надеемся, что торговые связи между Болгарией и СССР будут развиваться до максимальных размеров на базе двусторонних интересов. Мы просим Вас протянуть вашу могучую руку нашей слабой и ограбленной немцами стране...» [2]

Всем известно, какого колоссального напряжения сил, каких тяжких жертв потребовала от советских людей борьба с гитлеровским нашествием. Советские люди недоедали, недосыпали, экономили каждую кроху хлеба, чтобы армия не испытывала никаких недостатков. По наиболее развитым в экономическом отношении районам страны жестоким пожаром прошла война, целые города лежали в руинах, у станков стояли женщины и дети. И в этих условиях Советское государство, еще продолжавшее вести кровопролитные сражения, неизменно придерживалось принципа: сделать все возможное для облегчения положения братского болгарского народа. Советские люди понимали, что истинные представители болгарского народа — это партизаны, спустившиеся с гор с автоматами на груди, солдаты, сра-

[1] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 82.
[2] Там же, с. 84.

жающиеся бок о бок с советскими братьями за победу над гитлеровским рейхом, простые крестьяне, с раскрытыми объятиями встретившие советских воинов, короче говоря, все те, кто шел под антифашистским освободительным знаменем Отечественного фронта.

Быстро осуществленные Советским Союзом поставки сырья вдохнули жизнь в замиравшую болгарскую промышленность. Уже 6 января 1945 г. С. С. Бирюзов получил телеграмму из Москвы о том, что еще до окончательного решения вопроса о количестве хлопка, которое может быть поставлено, Наркомвнешторг принял срочные меры к отгрузке в течение января 1945 г. 800 т хлопка в один из болгарских портов на Черном море.

Незадолго до этого я побывал в центре болгарской текстильной промышленности — городе Габрово. Фабрики из-за ничтожного количества сырья работали с малой нагрузкой. Машинное оборудование было изношено до предела, а рабочие пребывали в таком же удрученном состоянии, какое наблюдал я у крестьян родного своего села Кислянского во время страшного голода в 1921 г.

Не могу в этой связи не вспомнить о том, как в июле 1971 г., будучи членом советской делегации на 3-м всенародном конгрессе болгаро-советской дружбы, я посетил разросшийся за годы народной власти Габрово. Секретарь окружного комитета Отечественного фронта М. Стойнова вспоминала, как прибыл к ним в 1945 г. советский хлопок. Рабочие буквально целовали белоснежные груды хлопка, избавлявшие их от безработицы.

Важное значение для экономического развития Болгарии имело торговое соглашение с СССР, подписанное 14 марта 1945 г. В Софии ждали его с надеждой и нетерпением. Помню, с каким пафосом огласил К. Георгиев участникам конгресса Отечественного фронта телеграмму, полученную от находившегося в Москве министра торговли Д. Нейкова. В ней говорилось:

«Вчера вечером в 20 часов состоялась встреча между болгарской торговой делегацией и тов. Микояном, во время которой благополучно и окончательно урегулированы все вопросы, связанные со взаимными поставками. Установлено окончательное количество наиболее необходимых товаров, которое СССР поставит болгарскому народу, чтобы удовлетворить его наиболее насущные нужды. Соглашение показало особое расположение братского Союза ССР к трудовому народу Болгарии и власти Отечественного фронта

и его огромную готовность облегчить процесс экономического восстановления страны».

Торговое соглашение благотворно отразилось на судьбе болгарских рабочих, уменьшило безработицу.

Немедленная помощь была оказана и болгарской деревне. Уже в октябре 1944 г. по распоряжению командования 3-го Украинского фронта было отпущено для проведения пахоты 300 т керосина, 200 т газолина, 80 т бензина, 15 т машинного масла [1].

В мае 1945 г. С. С. Бирюзов сообщал К. Георгиеву: «Части советских войск, находящиеся в Болгарии, не остались безучастными к стремлениям болгарских крестьян увеличить посевную площадь и выразили желание помочь обработать землю семьям болгарских солдат, находящихся на фронте. Только в Бургасе, Банкя, Горной Бане, Радомире, Сливене и Ямболе частями Красной Армии, по предварительным данным, в помощь крестьянам вспахано более 13 тыс. декаров земли и засеяно 4640 декаров» (1 декар = = 0,1 га. — *Прим. авт.*).

Болгарский железнодорожный транспорт безвозмездно получил от Советского Союза около 2,5 тыс. вагонов. В августе 1946 г. Советское правительство предоставило Болгарскому народному банку кредит в сумме 0,5 миллиона долларов для приобретения в Швеции пароходов.

В первой половине декабря 1944 г. Исполком Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца отправил для болгарских детей девять вагонов витаминных препаратов, а в июле 1945 г. министерству здравоохранения было отпущено большое количество противодизентерийного бактериофага, а также передана методика его изготовления.

В 1945 г. Болгарию постигла жестокая засуха. Сельское хозяйство страны не могло удовлетворить даже самые минимальные потребности населения в продовольствии, не говоря уже о регулярном выполнении обязательств по соглашению о перемирии. До войны нормальная дневная норма на человека в Болгарии исчислялась в 740 г всех видов зерна и в 250 г кукурузы. Теперь же надо было соблюдать голодную норму в 300 г. Но и в этом случае недоставало более чем 380 тыс. т зерна.

Советский Союз сделал все возможное, чтобы облегчить положение болгарского народа. Уже в сентябре 1945 г. было принято решение об отгрузке в Болгарию овса и сена для

---

[1] См.: Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 23.

прокорма скота. В декабре того же года подписывается соглашение о поставке из СССР в Болгарию зерна.

Все мы, находившиеся тогда на болгарской земле, видели, какие трудности и лишения испытывал народ этой страны и с какой благодарностью болгары встречали каждое проявление помощи и поддержки со стороны своих русских братьев, у которых, как они знали, было немало своих забот: засуха и неурожай задели тогда не только Болгарию, но и обширные территории Советского Союза.

Пришла нелегкая для болгарского крестьянина весна 1946 г. Нужно было обработать, засеять землю, а сил и возможностей не хватало. И как часто видели мы на полях рядом с болгарами наших советских воинов, вызвавшихся помочь им в трудный час весенней страды! Проворно бегали по полям наши тракторы, покинувшие на время артиллерийские парки, впрягались в плуги, бороны и сеялки армейские лошадки.

Советские люди в солдатских гимнастерках быстро нашли общий язык с болгарами, безошибочно разобрались в их политических умонастроениях, симпатиях и антипатиях.

«Нет, не болгарин-труженик, не рабочий и не крестьянин сделали страну пособником гитлеровской Германии — такую участь уготовила ей пробравшаяся к власти монархо-фашистская клика, которую трудовой народ презирал и ненавидел» — так рассуждали советские воины, протягивая руку помощи болгарским крестьянам.

То было волнующее проявление интернациональных чувств нашего народа. То были первые кирпичики в фундамент поднявшегося с годами величественного здания советско-болгарской дружбы.

Болгарские крестьяне и в дальнейшем ощущали бескорыстную помощь наших войск. В июле — августе 1946 г. советские воины перевезли для населения Русенской, Варненской и Бургасской областей более 2,4 тыс. т воды и более 9,15 тыс. т зерна.

В декабре 1946 г. Советское правительство дало согласие на постройку в Болгарии азотно-тукового завода, столь необходимого для болгарского земледелия.

Советский Союз выделял большие средства и на снабжение болгарской армии, вступившей в борьбу с фашистами. Так, уже в ноябре 1944 г. по просьбе главнокомандующего болгарской армией войскам было отпущено 8 тыс. т бензина [1].

---

[1] См.: Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 85.

17 января 1945 г. начальник штаба 1-й болгарской армии полковник Хаджииванов сообщил в военное министерство, что по достигнутому соглашению продовольствие, горючие и смазочные материалы предоставляются советским командованием безвозмездно. А ведь надо было снабдить 100-тысячную армию и обеспечить фуражом 30 тыс. лошадей![1] Кроме того, в сентябре 1945 г. Советское правительство сочло возможным снизить размер поставок продовольствия и фуража для советских войск, находившихся на территории Болгарии, и соответственно уменьшить размер выплаты денежных сумм.

Неурожай 1945 г. настолько подкосил болгарскую экономику, что правительство Отечественного фронта вынуждено было обратиться к советским представителям с просьбой о передаче Болгарии права располагать имуществом немецких подданных и их капиталовложениями, которые были по Потсдамскому соглашению переданы Советскому Союзу. Эта просьба была в ноябре 1945 г. изложена министром иностранных дел Болгарии П. Стайновым в памятной записке на имя С. С. Бирюзова. В ней отмечалось, что национальный доход страны за год снизился почти на 30 процентов, внутренний долг государства вырос вдвое и превысил 100 млрд. левов. Между тем предстояли экстраординарные расходы: выплата пенсий инвалидам войны, восстановление разрушенных бомбежками зданий и т. п. Советское правительство согласилось удовлетворить просьбу Болгарии, и имущество, принадлежащее подданным гитлеровской Германии, было передано болгарскому народу.

Работая в Союзной контрольной комиссии, мы видели, как советская дипломатия вопреки чрезвычайно упорному сопротивлению правящих кругов Англии и США последовательно выступала за упрочение международного положения народно-демократической Болгарии. Многое делала в этом отношении и советская часть СКК, которая была тогда важным связующим звеном между нашими странами, поскольку дипломатические отношения между ними не были еще восстановлены.

Еще в ноябре 1944 г. П. Стайнов вручил С. С. Бирюзову памятную записку, в которой говорилось:

«У болгарской стороны есть все основания требовать признания сегодняшней Болгарии союзным государством... Нынешнее правительство Отечественного фронта никоим

[1] См.: Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 89.

образом не следует рассматривать как преемника правительств, которые объявили и вели войну против союзных держав».

Далее отмечалось, что в движении Сопротивления болгары понесли значительные потери. Упоминалось и об участии болгарских войск в составе 3-го Украинского фронта в боях против гитлеровцев. Ставился вопрос об официальном признании этих войск «совоюющими» [1].

Мы хорошо понимали болгарских товарищей и, находясь у них в стране, прекрасно видели обоснованность их позиции. Но решить этот вопрос, признать Болгарию «совоюющей страной» мы конечно же не могли, это была прерогатива всех государств антигитлеровской коалиции. Письмо министра иностранных дел Болгарии было передано Советскому правительству как веский аргумент в переговорах с союзниками.

Однако признать «за Болгарией качества совоюющего государства», на чем в январе и марте 1945 г. опять настаивала болгарская сторона, упорно противились правящие круги западных держав.

В марте 1945 г. политическому представителю Болгарии в СССР было сказано: «Мы не раз оказывали вам моральную поддержку, но нельзя забывать, что мы не одни. Нельзя не учитывать сложившегося отрицательного отношения наших союзников к Болгарии» [2].

Это понимали и болгарские государственные деятели. Министр иностранных дел Болгарии в письме С. С. Бирюзову в апреле 1945 г. писал: «...серьезным препятствием является то обстоятельство, что Болгария продолжает фигурировать в составленном представительствами Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки черном списке, вследствие чего нейтральные государства все еще воздерживаются возобновлять свои экономические отношения с ней.

Так, 6 апреля с. г. торговые атташе Великобритании и Соединенных Штатов в Швейцарии официально заявили болгарской миссии, что они все еще считают Болгарию вражеской страной и что они, по крайней мере, до сего момента, не получали иных инструкций от своих правительств...» [3].

П. Стайнов просил принять меры, чтобы снять ограничения, наложенные союзниками на находившуюся в тяже-

[1] См.: Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 76—78.
[2] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 108.
[3] Там же, с. 131.

лом экономическом положении страну. Однако западные союзники в отличие от СССР, уже заключившего соглашение с Болгарией, серьезно облегчившее ее положение, не хотели решать торговые вопросы до общеполитического урегулирования. А оно связывалось с победой над германским фашизмом.

И вот великий День Победы настал.

Я был тогда во Врачанской области, на родине генерала Ивана Кинова, эмигрировавшего в свое время в СССР, бывшего профессора Военной академии имени М. В. Фрунзе, первого начальника генштаба болгарской Народной армии. Отмечалось его 50-летие. На торжестве были несколько министров во главе с К. Георгиевым и другие видные деятели. От СКК присутствовали С. С. Бирюзов и я.

На домике, стоявшем на крутом косогоре, где родился Кинов, была открыта мемориальная доска с надписью: «Здесь жил и был убит 23 октября 1923 г. Атанас Кинов. Член партии (тесняков)».

Полиция пришла в тот день к дому Атанаса, чтобы арестовать его сына. Атанас не торопился открывать, чтобы Иван успел спуститься в погреб, из которого был ход наружу. Иван через огород перебежал на кладбище и там спрятался. Ворвавшиеся в дом полицейские приставили револьверы к груди отца, крича:

— Где сын?

— Не знаю, — твердо ответил Атанас.

И тогда грянули выстрелы...

На обратном пути мы узнали, что по радио передано сообщение о капитуляции гитлеровской Германии.

Какой радостью и гордостью наполнились наши сердца! Мысленно я перенесся на Ленинградский фронт, на Карельский перешеек, перед моими глазами встали многие боевые друзья и соратники — живые и погибшие.

Торжественно отмечалась победа и в Болгарии. В обращении правительства Отечественного фронта к народу была выражена глубокая признательность Красной Армии. В нем были и такие слова: «Мы можем также в этот час выразить и нашу безграничную радость в связи с тем, что смогли найти правильный путь и стать впервые в нашей новой истории на сторону борцов за правое дело и свободу...» [1]

Новой ситуацией, сложившейся после победы, было вызвано и письмо министра иностранных дел Болгарии С. С. Бирюзову, в котором выражалась надежда, что СКК до-

[1] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 134.

ведет содержание этого документа до союзных держав и что они не будут откладывать вопрос об установлении нормальных дипломатических отношений и о заключении мирного договора с Болгарией. В письме отмечалось, что СКК «не имела до сих пор случая констатировать, что не было выполнено какое-либо из обязательств соглашения» [1]. Сообщалось о вкладе болгарских войск в победу: они с боями прошли через Венгрию, участвовали в ожесточенных сражениях с гитлеровцами в районе озера Балатон, вышли к австрийской границе. Потери болгарской армии превысили 40 тыс. убитыми и ранеными [2].

Письмо было направлено нами в соответствующие инстанции.

А тут началась Потсдамская конференция. Западные державы на ней не проявили никакой инициативы в рассмотрении вопроса о Болгарии и других странах Восточной Европы. Они добивались лишь, чтобы Италия, где находились англо-американские войска, была принята в ООН. Советская дипломатия выступала за комплексное решение проблемы.

И. В. Сталин на одном из заседаний заявил: «У нас нет оснований выделять вопрос об Италии из вопросов, касающихся других стран» [3]. Он подчеркнул, что Италия нанесла союзникам большой ущерб, а помогала им лишь 3 дивизиями, в то время как Болгария выставила против Германии 8—10 дивизий. По предложению советской стороны следовало начать с восстановления дипломатических отношений с Болгарией и другими странами, ибо с Италией такие отношения уже были установлены.

Трумэн раздраженно ответил: «Я уже несколько раз говорил, что мы не можем восстановить дипломатических отношений с этими правительствами (включая правительство Отечественного фронта в Болгарии.—*Прим. авт.)* до тех пор, пока они не будут организованы так, как мы считаем нужным» [4].

«Организовывать правительства» на свой вкус и на свой манер — вот циничная тактика, к которой и на сей раз прибегли представители Запада. Но их карты были биты. Советской дипломатии удалось существенно облегчить междуна-

---

[1] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 145.

[2] См. там же.

[3] Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов. М., 1970, с. 248.

[4] Там же, с. 308.

родное положение Болгарии, обеспечив принятие в Потсдаме следующих формулировок:

«Три Правительства считают желательным, чтобы теперешнее аномальное положение Италии, Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии было прекращено заключением мирных договоров... Заключение мирных договоров с признанными демократическими правительствами в этих государствах позволит также трем Правительствам поддержать их просьбу о принятии в члены Организации Объединенных Наций. Три Правительства, каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами» [1].

Тем самым Советское правительство получило возможность еще до заключения мирного договора с Болгарией подписать соглашение об установлении дипломатических отношений с этой страной.

Болгарская революция шла вперед, и реакционные политики Запада вынуждены были в бессильной ярости наблюдать, как у них уходит почва из-под ног, как они лишаются классовой опоры в стране. Традиционные экономические и иные связи западных дельцов с болгарской буржуазией были нарушены 9 сентября 1944 г., и поэтому застрельщики «холодной войны» лихорадочно искали новых контактов. С другой стороны, все недовольные, все явные и скрытые противники социалистической революции внутри Болгарии тянулись к своим покровителям на Западе. Болгарская буржуазная оппозиция тех лет строила свои расчеты прежде всего на поддержку извне, со стороны реакционных империалистических сил.

Ввиду отсутствия в ту пору дипломатического корпуса в Болгарии американские и английские политики пытались использовать в своих целях СКК, стремясь навязать ей функции, которыми она вовсе не была наделена, а именно: побудить СКК вмешиваться во внутренние дела болгарского народа. И от нас, работников советской части СКК, потребовалась настойчивость, чтобы не допустить использования западными дипломатами прерогатив СКК для поддержки оппозиционеров. Необходимы были последовательность и твердость, чтобы разрушить политические хитросплетения реакционных буржуазных политиков.

---

[1] Тегеран — Ялта — Потсдам, с. 397—398.

Широкую антинародную кампанию они развернули в канун выборов в Народное собрание, которые, как показывала расстановка политических сил, должны были обеспечить закрепление преобразований, происшедших в стране после 9 сентября 1944 г. Выборы были назначены на 25 августа 1945 г. Народно-демократические силы во главе с БРП(к) шли навстречу им с большими успехами. Завоевав доверие масс в беззаветной борьбе с фашизмом, БРП(к) стала притягательным центром для всех искренних сторонников народовластия, руководящей силой всей политической и общественной жизни. В экономике все большую роль играл общественный сектор.

Партия предвидела, что по мере развертывания революции неизбежен отход от Отечественного фронта неустойчивых буржуазных и мелкобуржуазных элементов. Однако Отечественный фронт в целом играл положительную роль в политическом обновлении страны, и большинство в нем составляли искренние союзники рабочего класса. Поэтому на VIII пленуме ЦК БРП(к) (27 февраля — 1 марта 1945 г.) особое внимание обращалось на задачи партии по укреплению единства Отечественного фронта. Пленум рекомендовал «прилагать все усилия для еще более тесного сплочения партий, входящих в Отечественный фронт, одновременно ведя решительную борьбу против вражеских элементов, проникших в них, чтобы посеять смуту и внести раскол в ряды Отечественного фронта» [1].

Буржуазия же в канун выборов стремилась мобилизовать на борьбу против народно-демократического строя все оппозиционные силы. Особые надежды она тогда возлагала на правое крыло Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) во главе с Н. Петковым, а также на правых социал-демократов во главе с К. Лулчевым и Г. Чешмеджиевым и «демократическую партию» Мушанова—Гиргинова, вокруг которой объединились самые реакционные элементы. Перешел в оппозицию кое-кто из союза «Звено» и из числа «независимых».

Связь оппозиционеров всех оттенков с их зарубежными покровителями на Западе была для нас очевидной. Этого не скрывали и западные представители СКК. Вспоминаю одну из бесед, которую мы с С. С. Бирюзовым вели с политическим представителем США Барнсом. Разоткровенничавшись, он назвал оппозиционеров «политическими проститутками». «Они,— говорил Барнс,— судьбой Болгарии совершенно

[1] История Болгарской коммунистической партии. М., 1971, с. 480.

не интересуются и смотрят на нас как уличные девки с немым вопросом: «Сколько дадите?»

Что ж, метко сказано!

Однако не все оппозиционеры из числа представителей сельской и городской мелкой буржуазии были отпетыми политиканами, многие из них лишь на время дали себя одурачить крикунам из оппозиции. Вникнув поглубже в политические проблемы, они впоследствии осознали, на чьей стороне истина.

Подготовка к выборам шла под знаком политического наступления БРП(к) и основных сил Отечественного фронта. В июне 1945 г. Национальный комитет Отечественного фронта обратился к народу с манифестом, в котором предупредил, что реакционеры поднимают голову, готовят атаки против народной власти, призвал к бдительности. Призыв был своевременным.

По внушению представителей западных держав 26 июля 1945 г. Н. Петков отправил К. Георгиеву письмо за своей подписью и подписями еще двух оппозиционеров. Копии письма были вручены заместителю председателя СКК, английскому и американскому представителям в СКК, а также регентам Болгарии. Оппозиционеры требовали, чтобы СКК согласилась на проведение выборов под межсоюзническим контролем. Ставился вопрос о переносе выборов, чтобы организовать такой контроль. Практически это означало бы вмешательство во внутренние дела страны. Предложение Петкова противоречило той части соглашения о перемирии, которая касалась функций СКК.

Вокруг вопроса о выборах разгорелась ожесточенная внутриполитическая борьба, которую всячески подогревали американцы и англичане, пытавшиеся втянуть в нее Союзную контрольную комиссию. Цель их была ясна — взять Петкова и его компанию под свое покровительство, возвысить этих отступников и реакционеров в глазах общественности и в то же время ошельмовать, скомпрометировать Отечественный фронт и его ведущую силу — коммунистов.

С нападками на прогрессивные силы страны обрушился и государственный секретарь США, направивший болгарским властям нечто вроде ультиматума.

В этой обстановке, когда западные державы угрожали, что они не признают болгарское правительство, если выборы пройдут не «по-петковски», Советский Союз принял решение о восстановлении дипломатических отношений с Болгарией. Генерал С. С. Бирюзов 14 августа 1945 г. уведомил об этом болгарское правительство. Весть, пришедшая из Москвы, вы-

звала в народе огромное воодушевление. По планам реакции был нанесен сокрушительный удар.

Но наши политические противники не думали складывать оружие. Они все еще надеялись использовать механизм Союзной контрольной комиссии для давления на болгарское правительство Отечественного фронта. Генералы Окслей и Крейн зачастили к С. С. Бирюзову, требуя срочного заседания комиссии. Обычно ни тот ни другой на заседаниях не присутствовали, а тут напросились оба.

Разгорелась бурная дискуссия, каких мне еще не приходилось видеть на заседаниях СКК. В нее включились английский и американский политические представители, которые и не входили в состав СКК. Распаляя друг друга, они пытались доказать, что соглашение о перемирии позволяет отнести вопрос о выборах к компетенции СКК.

— Вы, генерал, должны считаться с письмом нашего правительства! — напирал политический представитель американцев Барнс.

— Но ведь оно адресовано не в СКК, а болгарскому правительству,— возражал председательствующий Бирюзов.

— Я же послал вам копию, как вы на нее реагировали? — горячился Барнс.

— Наложил резолюцию «к сведению»,— спокойно ответил Бирюзов.

В отличие от Барнса Хаустон-Босуэл вел себя сдержанней. Но и он упорно пытался доказать, что на основании соглашения о перемирии можно перенести выборы. При этом он вытаскивал из папки и клал перед нами одну за другой газеты со статейками оппозиционеров, стремившихся опорочить народно-демократический строй, создать превратное впечатление о ходе подготовки к выборам.

Мы в ответ приводили еще большее количество конкретных материалов, опровергавших Хаустон-Босуэла, показывавших, что подготовка к выборам проходит при свободном выражении политических взглядов, права избирателей полностью гарантированы. В то же время, говорили мы, оппозиционеры в своих выступлениях допускают выпады против СССР, что идет вразрез с соглашением о перемирии.

С. С. Бирюзов не ограничивал никого из ораторов во времени, и заседание закончилось на рассвете. Было решено возобновить дискуссию на следующий день.

Но продолжать дискуссию не пришлось. Болгарское правительство, оценив обстановку, приняло решение о переносе срока выборов на 18 ноября 1945 г.

Западные представители и внутренняя оппозиция поспешили преподнести это решение как свой успех. Но они выдавали желаемое за действительное. Хозяином положения оставалось правительство Отечественного фронта. Его смелый, самостоятельный шаг, равно как и бесцеремонное вмешательство Англии и США во внутренние дела Болгарии, раскрыли глаза многим искренне заблуждавшимся болгарским деятелям, и они стали покидать ряды оппозиции.

БРП(к) и все партии, разделявшие программу Отечественного фронта, были уверены в своей победе. Они не видели причин, почему бы не перенести срок выборов, если это обстоятельство отнимает у реакционных политиков Запада один из основных козырей в борьбе против полного восстановления равноправного положения Болгарии на международной арене.

Такой же точки зрения придерживалось и Советское правительство. «...Отсрочка выборов полностью себя оправдала, — говорил 4 ноября 1945 г. заместитель наркома иностранных дел СССР в беседе с болгарским посланником. — Отложив выборы, Болгарское правительство доказало свое желание сотрудничать с союзниками. Была проведена дальнейшая демократизация избирательной системы. Оппозиция получила свою печать. Англичане и американцы не имеют больше оснований говорить об отсутствии демократии в Болгарии. Таким образом, внешнеполитические позиции Болгарии за это время заметно укрепились. Кроме того, Отечественный фронт значительно окреп в борьбе, и даже если оппозиция несколько выросла количественно, выигрыш все же на стороне фронта» [1].

Это, конечно, не означало ослабления борьбы с оппозицией, действия которой значительно активизировались. Ее представители проводили яростную агитацию против народной власти, пускали в ход различные политические угрозы. Имели место даже террористические акты. В некоторых районах страны реакционные офицеры создавали нелегальные вооруженные группы. Но трудовой народ Болгарии твердо и уверенно поддерживал народную власть и сплачивался вокруг БРП(к).

Мы были свидетелями бурных массовых выступлений в Софии в защиту народного строя. По-боевому действовала Софийская парторганизация, видную роль в которой играл Тодор Живков, смелый и решительный революционер-коммунист, активный организатор нелегальной борьбы в Со-

[1] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 187.

фии и партизанского движения в Софийском округе в 1941—1944 гг., руководитель повстанческих сил, свергавших монархо-фашистскую власть в столице 9 сентября 1944 г.

Ударом по всем врагам народной власти было возвращение в Болгарию Георгия Димитрова. В течение долгих лет он, будучи самым активным руководителем болгарских коммунистов, возглавлял в то же время Коминтерн, постоянно общался с партийными и государственными деятелями Страны Советов, глубоко вникал во все детали социалистического строительства, накопил поистине бесценный опыт решения проблем социалистической революции. Его приезд в Болгарию означал, что весь этот опыт будет использован для укрепления сил социализма в стране.

6 ноября 1945 г. Софийский народный театр был переполнен. Болгарские друзья устроили здесь собрание, посвященное 28-й годовщине Великого Октября. В зале были не только приверженцы Отечественного фронта, но и его противники — скрытые и явные. Все ждали выступления Г. Димитрова. Большая часть присутствовавших — с нескрываемой радостью, меньшая — с затаенной ненавистью и в то же время с боязнью: ведь пламенный ораторский дар выдающегося болгарского революционера заставлял трепетать Геринга и нацистских судей в Лейпциге. И действительно, острое слово Г. Димитрова и на сей раз метко разило противников народно-демократической Болгарии.

«Может быть, не лишним будет напомнить вам... о моменте, — сказал он, — когда закончился известный Лейпцигский процесс. И во время процесса и в особенности после него я официально направил несколько телеграмм тогдашнему премьер-министру Болгарии Николе Мушанову и тогдашнему болгарскому правительству, прося разрешить мне, болгарину, оправданному германским судом, вернуться на родину и посвятить свои силы и способности работе и борьбе в своей стране. Ответ был тоже официальным: «Георгий Димитров не является болгарским подданным!» (Возгласы: «Позор!»)...

Никола Мушанов и его тогдашний министр внутренних дел Гиргинов теперь кричат о демократии, пытаясь предать забвению тот позорный факт, что они закрыли двери родины перед болгарским подданным, перед болгарином, который старался, насколько у него хватало сил, защищать честь болгарского народа. И если бы не Москва, спасительница пора-

бощенных народов... вам сегодня, может быть, пришлось бы служить панихиду по Димитрову...» [1]

Это был сильный удар по демократической партии, которую возглавляли Мушанов и Гиргинов. Насторожились и другие оппозиционеры.

Г. Димитров разъяснил первоочередные задачи болгарского народа, дал четкую перспективу всем искренним патриотам. «И вот что еще должны понять и запомнить крикуны, иностранные подголоски, которые пляшут под чужую дудку, а не под звуки национальной болгарской гайды (с м е х): что, Отечественный фронт является исторической необходимостью для Болгарии — не для того или иного государственного деятеля, не для той или иной партии, а для Болгарии...» [2]

Поистине уничтожающей была критика Г. Димитровым лоскутного характера оппозиции, созданной при поддержке извне из последышей буржуазной Болгарии, соперничавших друг с другом. «Если бы они получили власть — а этого никогда не будет и не может быть, потому что 90 процентов болгарского народа, несмотря на все заблуждения и колебания в прошлом, настолько выросли, что никогда не допустят этого, — но, повторяю, если допустить невозможное, то есть что они получат власть, то на другой же день они вцепятся друг другу в волосы и выцарапают друг другу глаза» [3].

На следующий день Г. Димитров пришел в гостиницу «Славянская беседа» на прием, устроенный нами по случаю годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Здороваясь с ним, я невольно вспомнил 1936 год, первую встречу с Г. Димитровым. Мне пришлось тогда участвовать в инспектировании расположенного вблизи Кисловодска конного завода, который выращивал лошадей для Красной Армии и принадлежал Наркомату обороны. Увлеченные делом, мы не сразу обратили внимание на подъехавшую машину, из которой вышел знакомый всему миру по фотографиям и кинокадрам человек с могучей головой мыслителя.

Мы поспешили к Георгию Михайловичу, представились, пригласили осмотреть коней и пообедать с нами. Димитров, слегка прищурив глаза, улыбнулся, протянул нам пачи-

[1] Димитров Г. Избранные произведения. М., 1957, т. 2, с. 51, 52.

[2] Там же, с. 53.

[3] Там же, с. 54.

росы, взглянул на часы и сказал, что, к сожалению, располагает всего получасом, в течение которого надеется лишь взглянуть «на потомков копей Первой Конной». К тому же и жене подходит время кормить нашего сыночка, добавил он, знакомя нас с Розой Димитровой.

К воротам конезавода мигом собралось все население поселка — словно о приезде героя Лейпцига кто-то сообщил по радио. Георгию Михайловичу показали лучших лошадей. А когда проводили его, я увидел, как один из членов нашей комиссии бережно заворачивает в бумагу папиросу.

— Что это ты? — спросили его.

— Папироса Димитрова. Сохраню ее на память, — ответил товарищ.

И вот новая встреча. Все сотрудники советской части СКК встретили Димитрова восторженно.

— Просчитались господа союзники, — говорил он нам. — Мы лучше подготовились. После выборов наряду с проведением важнейших законов о трудовой земельной собственности, о прогрессивном подоходном налоге, о конфискации богатств, приобретенных спекуляцией и другими незаконными средствами, перед нами будет стоять задача ликвидации монархии.

Прием завершился просмотром фильма «Ленин в Октябре», который Г. Димитров смотрел вместе с нами с огромным увлечением.

Чтобы лишить оппозиционеров возможности утверждать, что на выборах избирателям якобы не гарантирована свобода, правительство Отечественного фронта разрешило иностранным корреспондентам наблюдать за ходом голосования. В Болгарию прибыл представитель президента США Трумэна М. Этридж, которому предоставили право побывать в любых политических организациях, встретиться с любыми деятелями как в Софии, так и в провинции.

Отечественный фронт 18 ноября 1945 г. одержал полную победу на выборах в Народное собрание. В них приняло участие 85,5 процента общего числа избирателей; 88,18 процента проголосовало за Отечественный фронт [1]. 15 декабря состоялось торжественное открытие первой сессии XXIV Народного собрания Болгарии. Председателем его был избран видный деятель болгарского и международного революционного движения, член Политбюро ЦК БРП (к) Васил Коларов.

---

[1] См.: История Болгарской коммунистической партии, с. 492.

В речи 25 декабря Г. Димитров говорил о том, что государственная власть получила новое, народно-демократическое содержание, что крепкий костяк этой демократии составляют рабочие и крестьяне, их неразрывная дружба. Г. Димитров указал, что назрел вопрос о принятии подлинно народной конституции и провозглашении Болгарии народной республикой. В числе ближайших задач Г. Димитров назвал еще более тесное сплочение Отечественного фронта, проведение тщательно подготовленной аграрной реформы.

Сессия Народного собрания продемонстрировала непреклонное желание болгарского народа идти по новому пути под руководством Отечественного фронта, ярко показала бесплодность усилий оппозиции остановить это движение.

На состоявшемся в Москве в декабре 1945 г. совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании обсуждался и вопрос о Болгарии. Разумеется, этот вопрос рассматривался как часть всего комплекса международных послевоенных проблем, и советская дипломатия приложила немало усилий для того, чтобы на пути к обеспечению полного суверенитета народно-демократической Болгарии был сделан следующий шаг. Вынужденная считаться с исторической реальностью, западная дипломатия должна была серьезно пересмотреть свою тактику. Представителям США и Англии пришлось дезавуировать заявление о непризнании правительства, которое придет к власти в Болгарии в результате выборов. Они признали, что выборы в стране были авторитетным волеизъявлением болгарского народа.

Верность болгарских трудящихся провозглашенной БРП (к) политике дружбы с СССР с новой силой проявилась во время приезда в начале 1946 г. в Софию Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина.

От самого вокзала до дома, предназначенного для пребывания советского полководца, стояли по обеим сторонам улицы жители болгарской столицы. Ф. И. Толбухин ехал в открытой машине под нескончаемый гул сердечных приветствий. Его сопровождали генерал-полковник (впоследствии главный маршал артиллерии) М. И. Неделин и генерал-полковник (впоследствии маршал авиации) В. А. Судец.

Все больше расширялись культурные связи между СССР и Болгарией. В страну приезжали советские артисты, писатели, музыканты, ученые, художники.

Вместе с болгарскими товарищами мы радовались тому, что власть народа с каждым днем укреплялась. Сама жизнь поставила на повестку дня вопрос об упразднении монархии и избрании Великого народного собрания. X пленум ЦК БРП (к) решил провести эти мероприятия под знаком решительного политического наступления против остатков реакции. 22 июля 1946 г. Национальный комитет Отечественного фронта обсудил и предложил Народному собранию законопроект о проведении референдума по вопросу о монархии и выборах в Великое народное собрание.

Смысл событий был разъяснен в выступлениях Г. Димитрова. Он подчеркивал, что перед Великим народным собранием стоит задача выработать новую конституцию. В то время как оппозиционеры предлагали взять за основу старую конституцию и лишь внести в нее некоторые изменения, Г. Димитров поставил вопрос о создании конституции народной республики, ибо, как он говорил, «неразумно наливать новое вино в старые, изношенные мехи».

2 августа 1946 г. Народное собрание приняло закон о референдуме и выборах. Референдум был назначен на 8 сентября, а выборы в Великое народное собрание — на 27 октября 1946 г. Перед народом встали три великие национальные задачи: добиться для Болгарии справедливого и достойного мира, всенародно проголосовать за народную республику, избрать представительное Великое народное собрание.

8 сентября 1946 г. болгарский народ решительно высказался против монархии. В референдуме приняло участие около 92 процентов избирателей. Почти 93 процента проголосовало за установление народной республики.

Великое народное собрание должно было окончательно решить вопрос об упразднении монархии и о принятии новой конституции. В отличие от выборов в XXVI Народное собрание теперь бюллетени Отечественного фронта были не одного цвета, а различных цветов, по числу партий, входивших в Отечественный фронт. Вместе с тем Отечественный фронт выступал как единое целое, имея общую политическую платформу, важной составной частью которой был проект конституции Народной Республики Болгарии. В Национальном комитете Отечественного фронта было достигнуто соглашение, что предвыборная агитация не будет направлена против какой-либо из партий Отечественного фронта. Если выборы 18 ноября 1945 г. оппозиция бойкотировала, то теперь она повела энергичную избирательную кампанию, мобилизовав всех своих сторонников.

Большую активность проявил секретарь БЗНС А. Оббов. Еще недавно он громил петковцев, и вот оказалось, что все это было с его стороны лишь лицемерием. Именно по настоянию А. Оббова было принято решение голосовать разноцветными бюллетенями. Ему доказывали, что это вызовет обострение отношений между партиями Отечественного фронта. Но он упорствовал. В результате правые силы в рядах Отечественного фронта смогли расширить свою деятельность, что в какой-то мере снизило активность Отечественного фронта. Главная тяжесть борьбы против оппозиции и реакции пала на БРП (к).

При проведении избирательной кампании представители оппозиции ухватились за избитую версию о «руке Москвы». В речах содержались грубые антисоветские выпады. Особенно усердствовал правый соцпал-демократ К. Лулчев. Нам пришлось направить ему письмо, в котором говорилось, что советские представители возлагают всю ответственность за антисоветские выпады на руководство оппозиции и лично на него.

В поддержку оппозиции выступили и правящие круги западных держав. 24 сентября 1946 г. государственный секретарь США Дж. Бирнс направил Кимону Георгиеву письмо, в котором, в частности, говорилось: «Считаю своим долгом также сообщить Вам, что я дал указание генералу Робертсону просить заместителя председателя СКК о том, чтобы лидеры всех партий Болгарии были заслушаны Союзной контрольной комиссией относительно предстоящих выборов в Великое Народное собрание и общих политических условий в стране. Генерал Робертсон будет просить о созыве специального заседания Союзной контрольной комиссии для обсуждения мер, которые могут быть приняты в дальнейшем... для обеспечения свободных выборов в Великое Народное собрание» [1].

Цель этого демарша была очевидной. Ввиду отсутствия мирного договора СКК была единственным каналом, который западные державы рассчитывали использовать для поддержки оппозиции внутри Болгарии. Они стремились навязать СКК несвойственные ей функции. Признание особых прав СКК механически означало бы принижение существовавшей в Болгарии народной власти, низведение ее до органа временного, находящегося под международной опекой, ограниченного в своих возможностях и отделенного от народа искусственной стеной постороннего контроля.

---

[1] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 247.

Генерал Робертсон не замедлил выполнить указание своего шефа и направил С. С. Бирюзову послание.

С. С. Бирюзов 4 октября 1946 г. дал аргументированный ответ генералу Робертсону:

«Дорогой генерал, я крайне удивлен Вашей просьбой о созыве специального заседания Союзной контрольной комиссии для обсуждения мер, которые должны бы быть приняты, по Вашему мнению, Союзной контрольной комиссией для обеспечения свободных выборов в Великое Народное собрание, назначенных на 27 октября с. г.

Вам должно быть известно, что обеспечение свободных выборов является прерогативой Болгарского правительства, которое в этом отношении сделало все необходимое, о чем свидетельствует, в частности, опубликованное 14 и 19 сентября решение оппозиционных партий, бойкотировавших выборы 18 ноября прошлого года, об участии в выборах в Великое Народное собрание.

Следовательно, обсуждение поставленных Вами вопросов в СКК и тем более принятие каких-либо мер с ее стороны явилось бы нарушением этих прерогатив и грубым вмешательством во внутренние дела Болгарии. С другой стороны, Союзная контрольная комиссия не может обсуждать эти вопросы, поскольку они не входят в ее компетенцию, определяемую Соглашением о перемирии с Болгарией.

На основании вышеизложенного, я не могу поставить поднятые Вами вопросы на обсуждение Союзной контрольной комиссии» [1].

Суть политического нажима Запада была предельно четко сформулирована в речи Г. Димитрова на предвыборном митинге: «Руководители оппозиции лицемерно утверждают, что если бы Болгария капитулировала перед международной реакцией, если бы она стала на колени перед богатыми обладателями долларов и фунтов стерлингов, то она получила бы прекрасный мирный договор» [2].

Однако представителям Запада не удалось заставить СКК вмешаться во внутренние дела болгарского народа, помешать ему свободно выразить свою волю на выборах 27 октября 1946 г. В них приняли участие 93,9 процента избирателей, 70,1 процента голосов получил Отечественный фронт, причем по партиям голоса распределились так: 53,15 процента — за кандидатов БРП(к), 13,23 — за

---

[1] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг., с. 249.

[2] Димитров Г. Избранные произведения, т. 2, с. 293.

БЗНС, 1,87 — за социал-демократов, 1,65 — за союз «Звено», 0,19 процента — за радикалов.

На открытие Великого народного собрания, состоявшегося 7 ноября 1946 г., были приглашены и руководители советской части СКК. В огромном зале царило праздничное оживление. Многие подходили к нам, чтобы пожать руку, мы в свою очередь сердечно поздравляли с победой Отечественного фронта.

Вступительное слово произнес В. Коларов. К. Георгиев в своей речи отметил счастливое совпадение открытия Великого народного собрания с 29-й годовщиной Великого Октября. Нас как представителей советского народа стоя бурно приветствовали делегаты.

Открыл работу Великого народного собрания старейший депутат коммунист Р. Ангелов. Оппозиционеры пытались прервать его речь, но Ангелов твердо сказал: «Перестаньте кричать! Прошу вас соблюдать спокойствие. Моя задача провести выборы постоянного председателя. Когда мы это сделаем, можете хоть хоро́ танцевать!»

Вскоре Ангелов объявил, что из 378 депутатов 304 голосовали за В. Коларова, а за Н. Петкова, противостоявшего ему, был подан лишь 71 голос. Формирование правительства было поручено Г. Димитрову.

Результаты выборов 27 октября 1946 г. показали, что оппозиция и ее западные покровители потерпели еще одно крупное моральное и политическое поражение.

Да, нелегкой и упорной была в 40-х годах борьба советской дипломатии и дипломатии молодых народно-демократических государств Европы за подписание мирных договоров с этими государствами на справедливой демократической основе. Решающее значение при этом имело, разумеется, изменение в послевоенном мире соотношения сил в пользу социализма.

В соответствии с указаниями правительства СССР советская часть СКК в Болгарии кропотливо работала над подготовкой мирного договора с этой страной на основе соглашения о перемирии. Итоги работы СКК, закрепленные в соответствующих документах, сыграли свою роль при окончательном решении вопроса о заключении мирного договора.

Мирный договор с Болгарией был подписан 10 февраля 1947 г. Со стороны правящих кругов западных стран это, несомненно, было проявлением политического реализма. Им пришлось считаться с изменившимся политическим ве-

сом Страны Советов в мире, с фактом возникновения социалистического лагеря.

В преамбуле мирного договора отмечалось, что принимается во внимание активное участие народной Болгарии в войне против гитлеровцев и что договор станет основой дружественных отношений между Болгарией и странами, его подписавшими. И это дает возможность поддержать просьбу Болгарии о принятии ее в члены ООН.

В первом разделе мирного договора констатировался факт выполнения Болгарией соглашения о перемирии, что являлось одной из основных задач в деятельности СКК. Согласно договору все вооруженные силы союзных держав предполагалось вывести из Болгарии в возможно короткий срок и, во всяком случае, не более чем через 90 дней со дня вступления в силу договора. Устанавливалось, что поскольку Болгария на деле вела войну против фашистов, то возмещение убытков, причиненных Югославии и Греции, будет лишь частичным.

Было записано, что в течение не более 18 месяцев со дня вступления договора в силу союзные державы по всем вопросам, связанным с договором, будут представлять главы трех миссий союзных стран. Тем самым значительная часть функций, принадлежавших СКК, переходила к дипломатам трех держав.

Подписанием мирного договора был нанесен удар большой силы по оппозиционерам.

Заключение мирного договора означало, что работа СКК в Болгарии завершена. В связи со сдачей на хранение ратификационных грамот мирного договора в Москве 15 сентября 1947 г. я, как заместитель председателя СКК в Болгарии (в апреле 1947 г. С. С. Бирюзов отбыл к месту нового назначения), официально пригласил представителя Великобритании в СКК генерала Окслея и представителя США полковника Райтера, заменившего генерала Робертсона, и заявил, что деятельность Союзной контрольной комиссии прекращается.

Размышляя над итогами деятельности СКК, я мысленно сопоставлял Болгарию 1944 г. и Болгарию 1947 г. Страна, только что вышедшая из войны, в которую ее вовлекли на стороне держав «оси», страна, жизненные соки которой беспрестанно вытягивались гитлеровцами, а международный престиж был растоптан монархо-фашистскими правителями, страна с отсталой экономикой, переживавшая сильную хозяйственную разруху, — такой была Болгария в канун 9 сентября 1944 г. В совершенно ином положении

находилась страна в 1947 г. Она уверенно пошла по пути социалистического развития в одном строю с СССР и молодыми народно-демократическими государствами. Это была страна с окрепшей экономикой, упрочившая свое международное положение, столкнувшая со своего пути всех, кто мешал ей в историческом взлете, преодолевшая многочисленные происки империалистических недругов.

Заканчивался очень важный этап суровой и ожесточенной борьбы болгарского народа, руководимого БРП (к) и сплоченного под знаменем Отечественного фронта. В напряженных политических сражениях болгарские трудящиеся отстояли исторические завоевания социалистической революции 9 сентября 1944 г. Организатором их борьбы и побед выступала БРП (к). Она проявила высокую политическую бдительность, решительность и гибкость, с честью выполнила свой революционный долг.

Успехи болгарского народа были обусловлены разгромом фашизма, победой СССР в Великой Отечественной войне, принесшей освобождение ряду народов Европы, огромной помощью болгарскому народу со стороны первой страны социализма.

Мне особенно приятно отметить, что заслуги советской части Союзной контрольной комиссии были высоко оценены правительством Отечественного фронта. Вручая нам ордена, В. Коларов в приветственной речи сказал:

— В этот час, когда мы прощаемся с теми, кто нес службу в бывшей СКК, я должен выразить вам огромную благодарность всего болгарского народа... В течение прошедших трех лет болгарский народ видел в советской части СКК своих истинных друзей и доброжелателей.

Моя связь с Болгарией, с замечательными людьми этой страны продолжается и по сей день. Болгарские товарищи, с которыми мне приходилось встречаться, не раз высказывали пожелания, чтобы я написал о деятельности Союзной контрольной комиссии. Я был связан, однако, хлопотливой деятельностью в Управлении высших военно-учебных заведений, литературной работой, результатом которой явился выпуск книг о зарождении Советской Армии, о работе военным советником в Китае.

Главное же, я надеялся, что Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, у которого я по Союзной контрольной комиссии был первым заместителем, выкроит время и возьмет на себя труд рассказать о нашей миссии в Болгарии. При дружеских встречах он не раз высказывал такое намерение. Однако трагическая гибель не позволила ему осу-

ществить замысел. Он оставил нам лишь самый краткий очерк об огромной работе, проделанной в СКК, вошедший в качестве одной из глав в книгу «Советский солдат на Балканах».

Тогда я почувствовал, что обязан выполнить в меру своих скромных сил задуманное Сергеем Семеновичем. К тому же мне выпала честь получить от товарища Тодора Живкова письмо, в котором содержатся следующие дорогие для меня строки: «Болгарские коммунисты и весь наш народ помнят и высоко ценят роль Советской Армии в освобождении Болгарии. Не забыли они о самоотверженной работе советских представителей в Союзной контрольной комиссии и Вашего личного вклада в нее в качестве заместителя председателя СКК. И мы выражаем надежду, что еще придет день, когда Вы порадуете нас книгой воспоминаний о тех бурных годах...»

«В те бурные годы» — так я и назвал книгу, которая в 1981 г. вышла в Болгарии в Военном издательстве. Книга явилась плодом многолетнего труда и у себя на Родине, и в Болгарии, где благодаря помощи и отзывчивости большого числа людей я многое смог освежить в памяти и почерпнуть новые сведения о событиях описываемых лет.

Следовательно, последняя глава настоящей книги и есть краткий пересказ того, что обнародовано на болгарском языке.

Теперь, по-видимому, настала пора сказать последнее. Человеческая жизнь действительно может вместить многое, даже очень многое. И все-таки она не беспредельна. Так цените же время, дорогие друзья, возвышайте славу, умножайте силу родной земли!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Штабс-капитан делает выбор	3
Под Псковом, во главе 2-го красноармейского полка	41
Рабоче-Крестьянская побеждает, учит, закаляет	80
«Назначаетесь военным советником в Китай»	111
Революция и контрреволюция	152
Прелюдия второй мировой...	183
На защите Ленинграда	217
Здравствуй, друг наш Болгария!	264

Александр Иванович Черепанов

ПОЛЕ РАТНОЕ МОЕ

Редактор *А. С. Крюков*
Художник *Т. Е. Болотникова*
Художественный редактор *Н. Б. Попова*
Технический редактор *Е. В. Дмитриева*
Корректор *Н. М. Опрышко*

ИБ № 2459

Сдано в набор 15.08.83. Подписано в печать 27.01.84.
Г-70216. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. об. нов.
Печать высокая. Печ. л. 9⅛. Усл. печ. л. 15,96 + 2 вкл., ⅛ печ. л.,
1,05 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 17,01. Уч.-изд. л. 19,17. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 3/9759. Зак. 389. Цена 1 р. 60 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3